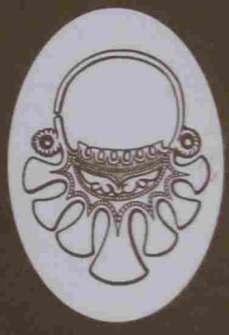
ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2003

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.maik.ru

“НАУКА”
МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2003

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Макаров,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2003

Супонево: общие сведения. Остатки жилища
В. Я. Сергин 5

Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве)
Д. О. Осипов 17

К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме
Ю. Э. Жарнов 31

Археологические исследования и дистанционное зондирование Земли из космоса
Г. П. Гарбузов 45

Археологические исследования памятников Золотой Орды на Северном Кавказе
Э. Д. Зиливинская 56

Дискуссии

Об историографии скифской проблемы в современном освещении (Некоторые замечания к дискуссии)
Д. С. Раевский 64

Орнаментированные "рогатые кирпичи" с дьяковских городищ Москворечья
А. С. Сыроватко 72

История народа: научный поиск и магия этнонима
И. Л. Кызласов 80

Публикации

Изображения плодов и растений на мозаиках Херсонеса
З. В. Янушевич 83

Могильник мариупольского типа в Молдавии
О. В. Ларина, В. А. Дергачев 92

Антропологические материалы из неолитического могильника Сакаровка I
С. И. Круц, А. П. Бужилова, А. М. Варзарь 104

Киммерийские захоронения из Западного Приазовья
Ю. В. Болтрик, С. В. Махортых 119

О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье
А. С. Скрипкин 128

Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода
Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева 135

Китайский селадон из Болгара
М. Д. Полубояринова 155

Критика и библиография

Р.Д. Голдина. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999
Ю. А. Зеленеев, С. В. Кузьминых 165

Новая литература по археологии Узбекистана
В. С. Соловьев 171

Тверской Кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001
А. Р. Артемьев 176

Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль
Я. В. Кузьмин 178

Хроника

"Астрономия древних цивилизаций" (Международная конференция Европейского общества астрономии в культуре – SEAC, Москва, 2000)
Т. М. Потемкина, В. Н. Обридко, А. В. Лушникова, И. Б. Пустыльник, В. М. Чепурова 182

Международный научный конгресс "Актуальные проблемы истории древних кыргызов" (Бишкек, 2000)
Ю. С. Худяков 188

Международная научная конференция "Археология в XXI веке: наследие и перспективы" (Тбилиси, 2002)
Д. Миндорашвили 190

Список сокращений 192

Сдано в набор 10.01.2003 г. Подписано к печати 14.03.2003 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.7 тыс. Уч.-изд. л. 25.5 Бум. л. 12.0
Тираж 1012 экз. Зак. 7150

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2003

Suponevo: General information. Dwelling remains
V. Ya. Sergin 5

Leather footwear: The informational potential of archaeological collections (according to the materials of the excavations in Moscow)
D. O. Osipov 17

On bone-carving in the pre-Mongol Vladimir-on-Klyazma
Yu. E. Zharnov 31

Archaeological investigations and satellite remote sensing
G. P. Garbuzov 45

Archaeological investigations of the Golden Horde sites in the North Caucasus
E. D. Zilivinskaya 56

Discussions

Concerning the historiography of the Scythian problem in modern elucidation (Some remarks on the discussion)
D. S. Raevsky 64

The ornamented "horned bricks" at Dyakovo hillforts in the Moskva basin
A. S. Syrovatko 72

The history of a people: scientific search and magic of the ethnic name
I. L. Kyzlasov 80

Publications

The images of fruit and plants on the Chersonese mosaics
Z. V. Yanushevich 83

The cemetery of Mariupol type in Moldavia
O. V. Larina, V. A. Dergachev 92

The anthropological materials from the Neolithic cemetery Sakarovka I
S. I. Kruts, A. P. Buzhilova, A. M. Varzar' 104

The Cimmerian burials from the West Azov littoral
Yu. V. Boltrik, S. V. Makhortykh 119

Concerning the new variant of the arc fibulae from the Sarmatian burials in the Volga and the Don interfluve
A. S. Skripkin 128

The fibulae with bindings in the barbarian burials of North Pontic area in the late Hellenic period
Yu. P. Zaitsev, V. I. Mordvintseva 135

The Chinese celadon from Bolgar
M. D. Poluboyarinova 155

Critics and bibliography

R. D. Goldina. Ancient and Medieval history of the Udmurt people. Izhevsk. 1999
Yu. A. Zeleneev, S. V. Kuz'minykh 165

New publications on the archaeology of Uzbekistan
V. S. Solov'ev 171

The Tver' Kremlin. Complex investigation of archaeological sources
(according to the material from the excavation area 11, 1993–1997). St.Petersburg, 2001
A. R. Artem'ev 176

Proceedings of the 17th International radiocarbon conference. June, 18–23, 2000. Jerusalem, Israel
Ya. V. Kuz'min 178

Chronicle

Astronomy of ancient civilisations (The International conference
of Society for European Astronomy in Culture. Moscow, 2000)
T. M. Potemkina, V. N. Obridko, A. V. Lushnikova, I. B. Pustyl'nik, V. M. Chepurova 182

International scientific congress "The topical problems of the history of the ancient Kyrghyzs"
Yu. S. Khudyakov 188

International conference "Archaeology in the XXI century: Heritage and prospects".
April, 28–May, 2, 2002. Tbilisi, Georgia
D. Mindorashvili 190

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 5–16

СУПОНЕВО: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ. ОСТАТКИ ЖИЛИЩА

© 2003 г. В. Я. Сергин

Институт археологии РАН, Москва

Супонево относится к поселениям среднеднепровского типа, играющим существенную роль при исследовании ряда частных и общих проблем позднего палеолита. Число памятников этой группы в последние десятилетия не увеличилось, что повышает значение уже имеющихся. Из них Супонево, материалы которого не были обработаны авторами раскопок, в середине XX в. изучалось И.Г. Шовкоплясом (1950; 1951; 1952). Однако в то время раскопки типологически близких поселений еще не возобновились и его понимание памятника давно устарело. Коллекция каменных изделий Супонева теперь обработана вновь (Хайкунова, 1985), а в данной работе намечено выявление структуры памятника.

Памятник находится на правом берегу р. Десна за окраиной г. Брянска в с. Супонево. Он приурочен к длинному мысовидному выступу склона коренного берега, образованному овражными врезами (рис. 1; 2). Края мыса крутые, площадка ровная, понижающаяся к пойме на месте поселения под 4–5°. Она представляет собой древнее балочное днище (вторую балочную террасу), находящееся на 10–15 м ниже коренного склона и на 20–25 м превышающее уровень воды в реке (Величко, 1961. С. 167, 168).

Наличие палеолитических остатков в с. Супонево было установлено в 1925 г. заведующим Брянским краеведческим музеем С.С. Деевым (1926а. С. 30), заложившим шурф площадью 1 м^2 (рис. 3). Тогда же такой же шурф раскопал Г.Ф. Мирчинк, оставивший геоморфологическое описание памятника (Мирчинк, 1929). В 1926 г. П.П. Ефименко произвел первые и наиболее широкие раскопки поселения траншейным и кессонным методом (Ефименко, 1926а), а в следующем году работы были продолжены под руководством Б.С. Жукова. Основной их задачей ставилось прослеживание характера и распространения культурного слоя и выявление бытовых деталей. В качестве метода, как отмечено в отчете, применено вскрытие больших площадей (Жуков, 1927. Л. 104). Раскопы Б.С. Жукова также являлись траншеями, но основной из них соединил две траншеи П.П. Ефименко, и таким образом составилась значительная площадь (рис. 3).

Расчистка культурного слоя производилась по кессонам. При их разборке мелкие предметы снимались по горизонтам, крупные кости оставлялись до полной расчистки участка. Зарисовка и регистрация предметов велись по карточной системе с 1 м^2 в качестве фиксационной единицы.

В 1928 и 1929 гг. по два дня раскопки Супонева проводил с большой группой сотрудников В.А. Городцов. В первый сезон тремя траншеями было вскрыто около 90 м^2 у края дороги, прорезавшей культурный слой. Во второй удалось заполучить небольшую площадь к северу от массива основных раскопок 1926–1927 гг., и здесь двумя траншеями исследовано около 67 м^2. Работы 1928 г. были ознакомительными. В 1929 г. велся поиск землянок. В.А. Городцов считал, что, поскольку они обнаружены им в соседней Тимоновке, стало быть возможны и здесь. Материал фиксировался по участкам, делившим раскопы на 1.5–2-метровые отрезки, и по слоям (штыкам). Применялась промывка концентрированных частей слоя (Городцов, 1928, 1929). Траншеи не были точно привязаны к вскрытиям 1926–1927 гг. Еще менее определенно положение зачистки А.Н. Рогачева в 1955 г., по простиранию совпадавшей с р. II 1928 г. Общая площадь раскопок в Супоневе, не считая зачисток 1955 г., составила около 320 м^2.

В р. VIII (рис. 3) отмечены следующие отложения:

1 – почвенный горизонт – 0.3–0.4 м;

2 – светло-серый подзолистый суглинок – 0.2–0.25 м;

3 – коричневатая супесь с ортзандами – 0.6–1.0 м;

4 – косослоистый плотный песок с мелкими окатанными комочками мергеля.

Культурные остатки связаны со слоем 4 и местами отчасти с низом слоя 3 (Жуков, 1927. Л. 105). А.А. Величко по наблюдениям 1955 г. описывает слои 2 и 3 как супесь тонкую коричневую плотную пористую с линзами мелкозернистого песка и фиксирует культурные остатки в нижней части супеси и в верхней части подстилающего слоя (Величко, 1961. С. 168). Культурный слой сохранился сравнительно хорошо. Применявшаяся методика раскопок скорее всего позволила бы выявить значительные его нарушения, такие как мерзлотные клинья.

Полевая и отчетная документация раскопок в Супоневе для своего времени отличается большой полнотой и, как и археологические коллекции, хо-

Рис. 1. Супонево. Вид с поймы.

рошо сохранилась. От палеозоологических сборов дошли лишь единичные разрозненные остатки, что явилось ощутимой потерей не только для изучения фауны, но и для осмысления археологического контекста.

Открытие поселения освещено в письме С.С. Деева к А.А. Спицыну (Деев, 1925, Л. 1, 2) и в кратком отчете, принадлежащем, по-видимому, также С.С. Дееву (Деев, 1926б). Кремень, собранный С.С. Деевым и Г.Ф. Мирчинком, был осмотрен С.Н. Замятниным, составившим небольшие заметки (Замятнин, 1925. Л. 14; б/г. Л. 15).

По раскопкам 1926 г. имеется отчет П.П. Ефименко в форме дневника, сведения в котором ограничиваются главным образом регистрацией находок (Ефименко, 1926а). Отдельно велись записи календарного хода работ и учет пакетов с находками (Ефименко, 1926б). Однако записями охвачен лишь начальный период работ, а в описи пакетов не указано их содержимое. По исследованию р. I имеется отдельное небольшое дополнение дневника (Супонево. Траншея I, 1926а. Р. Х. Д. 346,6). Отдельным списком отражено небольшое скопление костей в южной части р. II (Супонево. Кости животных в южной части траншеи II, 1926а. Р. Х. Д. 346,12). Наличие соответствующих номеров на изображениях костей приложенного к дневнику плана данного участка помогает уяснить состав костей и характер скопления. Имеются краткие поквадратные заметки о глубине залегания культурных остатков в р. II, дополняющие дневник ценными сведениями по планиграфии и другим особенностям положения остатков (Супонево. Траншея II. Поквадратная стратиграфия, 1926а. Р. Х. Д. 346,6).

Коллекционная опись за 1926 г. (Супонево. Опись предметов. 1926б. Ф. 2. Оп. 1. № 234) послужила нам основой при составлении планов размещения камня и обработанной кости. Некоторые предметы, отмеченные в описи, в коллекции отсутствуют. Данная опись в части, касающейся обработанной кости, не вполне тождественна описи, хранящейся при коллекции в МАЭ (Опись коллекции Супонева, 1926. Д. 5081/3). Но различия касаются определений предметов и в основном дополняют друг друга. Отдельно описана стратиграфия восточной стенки р. II, причем упомянуты и некоторые планиграфические детали (Супонево. Раскоп II. Описание разреза по восточной стене, 1926а. Р. Х. Д. 346,12. Л. 84). Стратиграфические разрезы и планы небольших раскопов и частей более крупных приложены к дневнику, но несколько планов р. II, включая две поквадратные зарисовки, находятся в архиве Музея антропологии Московского университета (Супонево, 1926а. Р. Х. Д. 346,1), где работали Б.С. Жуков и М.В. Воеводский, участвовавшие в раскопках 1926 г.

По раскопкам 1927 г. имеется краткий отчет с описанием методики работ и находок (Жуков, 1927) и ряд других рукописных и иллюстративных материалов. Раскоп VIII в целом отражен графиче-

Рис. 2. Супоневский мыс. Заливкой обозначены раскопы 1928, 1929 гг.

ски лишь на схеме (Супонево, 1927а. Р. Х. Д. 346,6), но детальная планиграфическая информация о нем и р. VII содержится в поквадратных зарисовках (Супонево. Поквадратные зарисовки 1927 г., 1927а. Р. Х. Д. 346,6). Ценны материалы к подбою от р. IV 1926 г., внедрившемуся на кв. 1, 4, 7 р. VIII – заметки, план и профиль (Супонево. Подбой 1926 г. от раскопа IV, 1927а. Р. Х. Д. 346,10). Вместе с поквадратными зарисовками хранятся карточки поквадратной стратиграфии с описанием уровней находок. Имеется несколько продольных и поперечных профилей южного участка р. VIII (Супонево. Профили раскопа VIII, 1927а. Р. Х. Д. 346,6,11). Наряду с карточками поквадратной стратиграфии они дают максимально детальную картину расслоения остатков.

Важные сведения, касающиеся реконструкции бытовой обстановки, содержат описи. Это опись каменного инвентаря и обработанной кости (Супонево. Коллекционная опись предметов из раскопа 1927 г., 1927а. Р. Х. Д. 346,1), а также две описи, посвященные необработанным костям: опись взятых костей (Супонево. Опись коллекции костей 1927 г., 1927а. Р. Х. Д. 346,2) и костей, выделенных для передачи (Супонево. Список пакетов с костями животных 1927 г., 1927а. Р. Х. Д. 346,16). В них отмечены номера пакетов, траншей, квадратов и глубины залегания находок от поверхности. На костях в по-

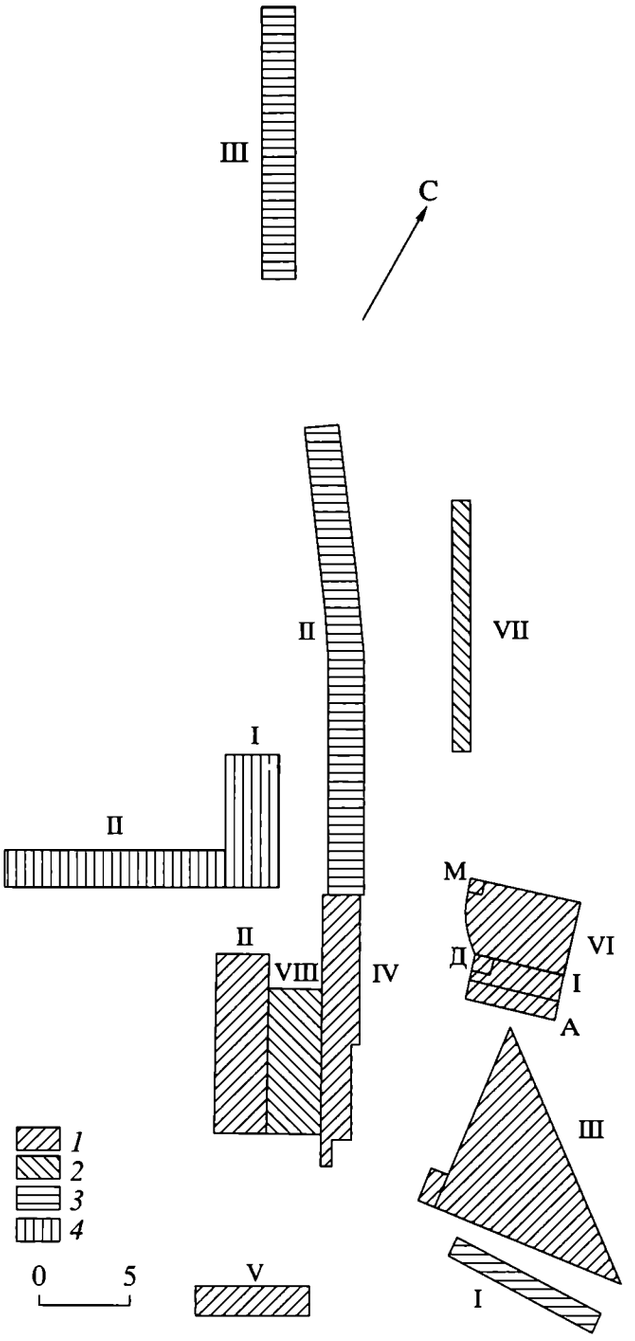


Рис. 3. Схема раскопок. *1* – 1926 г., *2* – 1927 г., *3* – 1928 г., *4* – 1929 г. Д – шурф С.С. Деева; М – шурф Г.Ф. Мирчинка.

квадратных зарисовках указаны номера костей, соответствующие их порядковым номерам по описи (пометки синим карандашом). Благодаря этому в случае нечеткости зарисовок была возможность установить, какая кость изображена. Естественным дополнением этих описей является список костей, которые не могли быть взяты с места раскопок из-за плохой сохранности или величины (Супонево. Список разрушенных и уничтоженных костей, 1927а. Р. Х. Д. 346,7). В нем указаны номера квадратов, на которых располагались кости, и глубины залегания костей, что дает возможность идентифицировать часть костей, присутствующих на планах. Но еще более важной в данном отношении является опись пакетов и упаковок (Супонево. Полевая опись пакетов и упаковок, 1927а. Р. Х. Д. 346,7). Она заключает сведения, служащие не только для понимания и правки фаунистической части планов, но и касающиеся отдельных изделий из кости и всех взятых в лабораторию монолитов культурного слоя с очажными прослойками или скоплениями кремня.

Фотографии раскопок 1926, 1927 гг. (Супонево. Фотонегативы, 1927б. Р. XII. Д. 128) документируют работы очень неравномерно. По 1926 г. имеются лишь общие виды р. I–III, V и VI, т.е. без важнейшего р. IV. Судя по месту хранения негативов, снимки делались сотрудниками Музея антропологии. В материалах фонда П.П. Ефименко (Архив ИИМК) фотографий Супонева нет. Ссылки на фотографии р. IV содержатся в отчете П.П. Ефименко, но и в нем они отсутствуют. Основательно по своему времени отражено на фотографиях скопление костей в р. VIII 1927 г. Однако фотографирование проводилось в момент максимальной общей расчистки костей. Нижележащие кости при этом зафиксированы слабее или не могли попасть на снимки. Не фотографировались находки на древней поверхности, очаги, углубления.

По раскопкам В.А. Городцова в 1928 и 1929 гг. имеются дневники, помещенные в одной общей рукописной тетради и имеющие форму отчетов (Городцов, 1928, 1929). Основу их составляет поштыковая регистрация находок на участках траншей, имеются описания нескольких профилей, зарисовки кострищ и скопления костей. Помещены также топографические планы мысовидного выступа с поселением (рис. 2) и центрального участка мыса с нанесенными на них раскопами 1926–1929 гг. Но топографическая основа этих планов не вполне совпадает, значительно искажены форма и положение раскопов 1926–1927 гг., обозначенные по расспросам местных жителей. Большие расхождения имеются в деталях размещения траншей 1928 г. Все это не позволяет с точностью соотнести раскопы разных лет, чему препятствует и отсутствие общего плана раскопов 1926, 1927 гг., и ориентировка их не от строений, а от углов и линий заборов. Небольшие общие сведения о раскопках В.А. Городцова содержат записи, сделанные С.Н. Замятниным на докладе В.А. Городцова в ГАИМК (Замятнин, 1929).

Переходя к описанию раскопок, остановимся на наиболее важном объекте. В северной части раскопов IV и VIII было обнаружено очень значительное скопление костей мамонта. Еще Б.С. Жуков отметил, что в положении костей на р. VIII (рис. 4) "была видна определенная закономерность – так, на участках 22 и 23 были сложены друг на друга бивни и рядом несколько лопаток мамонта, далее

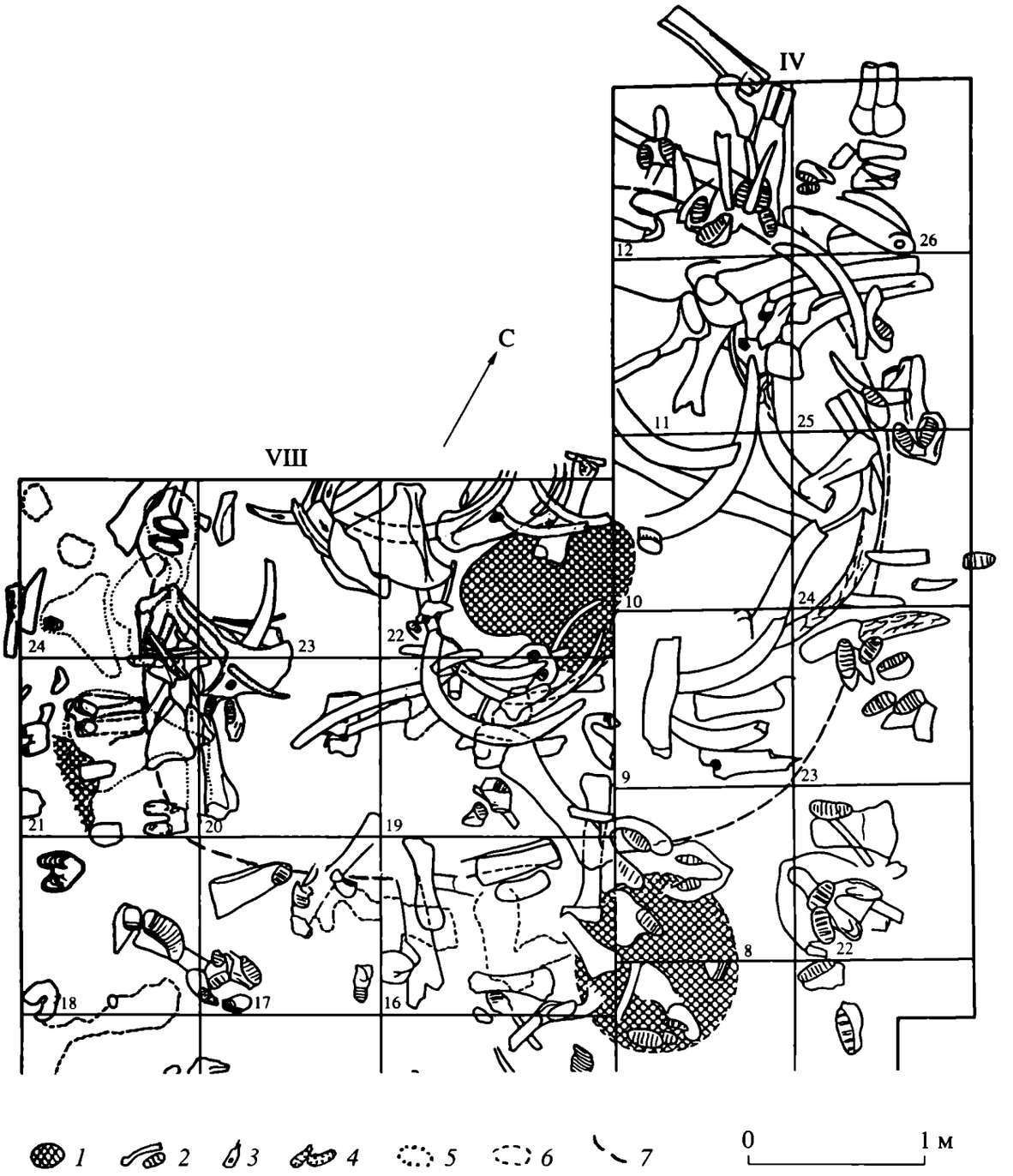


Рис. 4. Скопление костей мамонта на месте жилища. *1* – очаг; *2* – кости мамонта; *3* – кости с отверстием; *4* – обугленные кости; *5* – следы разложившихся костей; *6* – пятна обугленных костей и почвы; *7* – приблизительная внутренняя граница жилища.

на уч. 17, 18, 20, 21 преимущественно зубы мамонта" (Жуков, 1927. Л. 16). И Г. Шовкопляс считал скопление следами зимнего жилища, однако лишь очертил предполагаемые границы, не приведя плана остатков и его анализа (Шовкопляс, 1951. С. 131–135).

Сведение планиграфических данных позволяет увидеть, что скопление имело отчетливо выраженные округлые очертания, диаметр его 5–5.5 м. К середине уровень костей понижался. Северо-западная четверть осталась недокопанной. Во многих местах нагромождение костей мамонта достигало 0.4–0.5 м и состояло из бивней, черепов, нижних челюстей, зубов, лопаток, тазовых костей, костей конечностей, ребер и единичных более мелких костей (рис. 5; 6). Подавляющая их часть повреждена деятельностью человека и эрозией. Немногочисленные кости других животных попадались на уровне низа скопления. Наиболее заметная их концентрация – различные кости лошади в центральной и юго-западной стороне кв. 21 р. VIII.

Расположение черепных костей и челюстей в скоплении подчинено определенному порядку. Они оконтуривают его, образуя окружность. Че-

Рис. 5. Скопление костей. Вид с юго-запада.

Рис. 6. Скопление костей. Вид с северо-востока. На переднем плане разрез очага.

Состав костей мамонта из Супоневского поселения

Местоположение	Черепа	Нижние челюсти	Лопатки	Тазовые	Бивни		Длинные кости конечностей	
					Целые	Крупные обломки	Целые	Крупные обломки
Оградка и завалинка жилища	9–10	11–14	1–2	1–2	–	–	6	5
Край внутренней части	–	1	4–5	4–5	17	3	20	2
Центральная часть	–	4	3	1	13	4	5	4
В целом	9–10	16–19	8–10	5–8	30	7	31	11
Прижилищный участок	–	1	4	–	–	1	4	4
Остальная площадь	1	8	7	2	2	1	9	1
Поселение в целом	10–11	25–28	19–21	7–10	32	9	44	16

репа в большинстве залегают по краю наиболее насыщенной части скопления, а нижние челюсти и местами кости конечностей обрамляют его край на отдалении около 0.5 м. В целом ширина полосы, занятая длинными костями на юго-западном и южном краях, выдержана в пределах около 1 м. Длинные оси черепов и нижних челюстей ориентированы преимущественно к середине скопления. Детали позиции этих костей во многих случаях недостаточно ясны. Но можно отметить, что нижние челюсти чаще всего обращены подбородочным выступом в сторону скопления. Их основание в одних случаях ориентировано вверх, в других – вниз. Судя по несколько лучше документированным челюстям на кв. 17 и 18 р. VIII, какая-то часть челюстей была приподнята с северо-восточной стороны, т.е. имела опору, возможно, земляную насыпь. Две челюсти на кв. 22 р. IV образовывали "лесенку". С восточной стороны скопления 3 челюсти лежали вдоль его края (кв. 8, 24, 26 р. IV). Так же располагались 3 части челюстей с зубами на кв. 23 и 25 р. IV.

По внутреннему краю от черепов, местами заходя на образуемое ими ограждение, встретилось много крупных костей конечностей и бивней, в меньшем числе – лопаток, тазовых и некоторых других костей (см. таблицу). Ширина занятой ими полосы также около 1 м. С внутренней стороны скопления эти кости довольно четко отделяются от костей центральной части. Характерная их особенность – ориентировка длинной оси к середине скопления, хотя в некоторых случаях кости лежали и вдоль его края.

В центральной части скопления пространство диаметром 2–2.5 м, занято крупными костями различной ориентировки. Непосредственно с запада и юго-запада от него крупных костей нет. С юга к центральному участку можно отнести бивень и половину кости конечности в середине кв. 16 р. VIII и крупный обломок кости конечности в западной части кв. 9 р. IV; с востока и северо-востока – 3 бивня, протянувшиеся с западного края кв. 10 и кость конечности и лопатку к северу от них на кв. 11 р. IV.

Больше всего в центральной части отмечалось бивней, но заметно представлены кости конечностей, плоские кости и нижние челюсти (таблица). Четких закономерностей расположения костей по горизонтали и вертикали не прослеживается. Хорды бивней ориентированы по большей части по направлению запад – восток. Благодаря изгибам, почти все бивни пронизывают толщу костей, и залегание их связано со всеми ее уровнями. Плоские кости залегают на среднем уровне, нижние челюсти – на среднем, достигая нижнего. В восточной стороне центрального участка костей меньше. Но, учитывая незаконченность изображений некоторых костей, отчасти это может объясняться неполнотой плана. Над очагом, залегавшим под центральным скоплением, имелось свободное от костей пространство.

Скопление костей мамонта непосредственно налегало на культурные наслоения мощностью до 0.2 м, в значительной мере окрашенные в темный и розоватый тона и включавшие обломки костей мелких и средних животных, заготовки, орудия и украшения из кости, кремневые изделия, угли, комочки охры. Судя по разрезу (рис. 7) и некоторым другим материалам, эти остатки занимали блюдцеобразную западину глубиною 0.2–0.3 м в пределах окружности из черепов мамонтов. Повышение древней поверхности в западной стороне кв. 24 р. VIII за пределами линии черепов (рис. 8) объясняется, возможно, локальной особенностью использованного участка.

Основное внимание при расчистке культурного слоя было сосредоточено на скоплении костей мамонта. Кости более мелких животных, встреченные под ним, не описаны по квадратам. Более систематично они регистрировались вне скопления, где в фаунистическом отношении выступали на передний план. В описях костей с уровня западины частично отмечаются "кости мелких животных", "об-

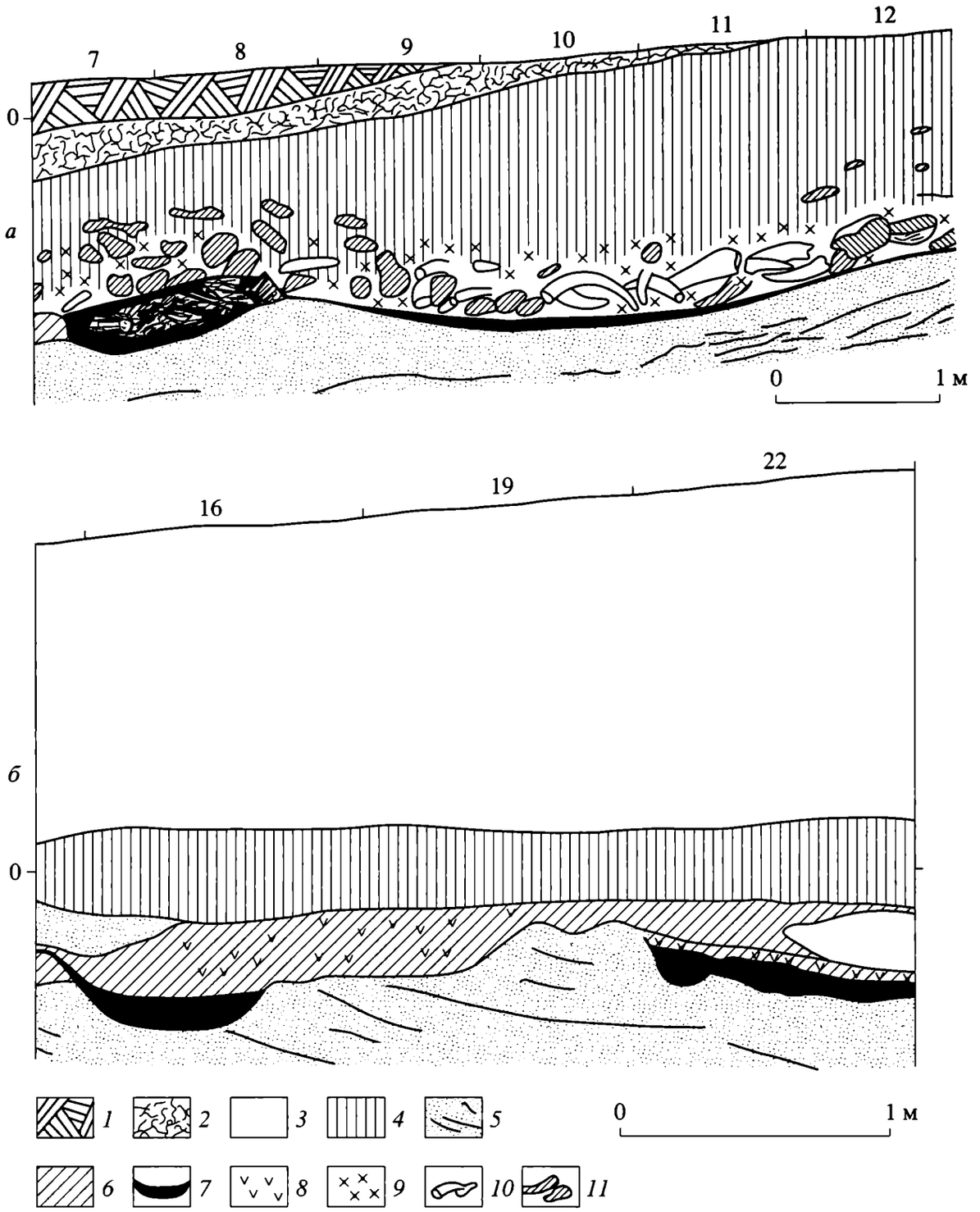


Рис. 7. Разрезы по границе раскопов IV и VIII. *а* – 1926 г., *б* – 1927 г. *1* – почва; *2* – подзол; *3* – предварительно снято; *4* – буро-коричневая супесь; *5* – косослоистый песок; *6* – культурные остатки; *7* – очаг и очажная масса; *8–9* – кремни; *10* – кости мамонта; *11* – то же, но плохой сохранности.

ломки костей", различные кости песца, упоминаются рога оленя. Вероятно, костей средних и мелких животных было все же относительно немного и преобладали кости песца, в том числе анатомические группы лапок. Кости, указанные в поквадратных зарисовках, вынесены нами на план, где отмечены также изделия из кости, точное местоположение которых известно (рис. 9). Костяные изделия связаны с днищем западины, тогда как кремневые предметы начали встречаться с появлением в расчистке крупных костей скопления. Согласно поквадратной стратиграфии р. VIII, на этом уровне они были малочисленны. В большем количестве и неравномерно кремень попадался ниже. Слой на дне западины мощностью 15–20 см, судя по тому же источнику и описи, содержал око-

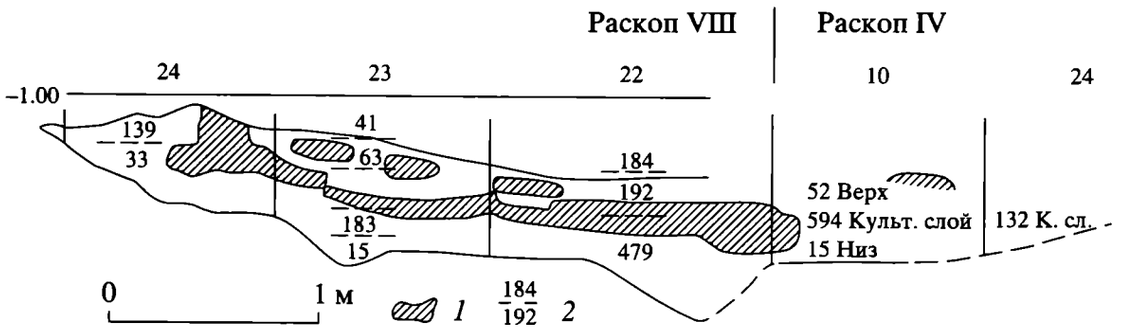


Рис. 8. Условный разрез по средней линии жилища. *1* – кости мамонта; *2* – количество кремня по уровням.

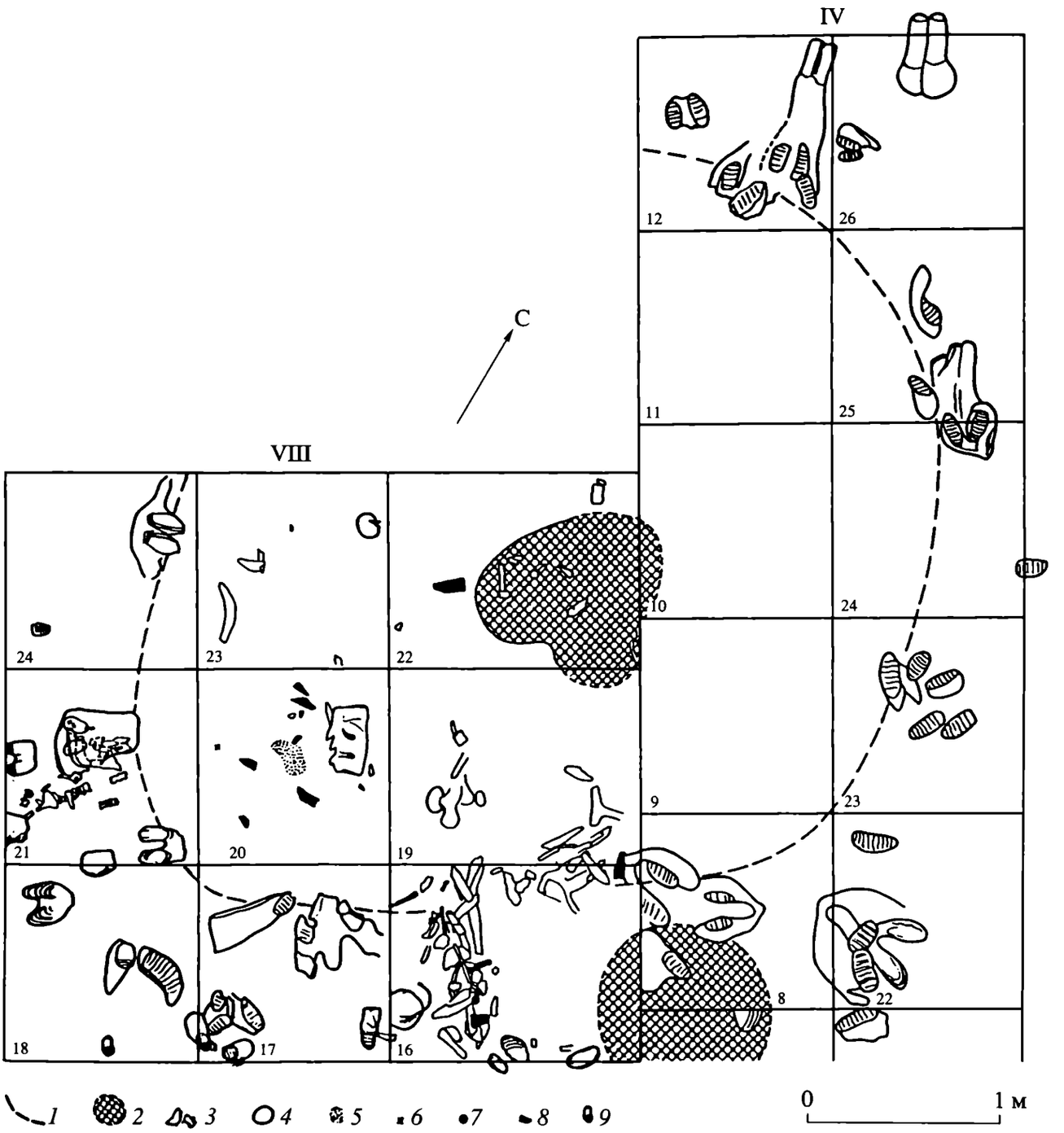


Рис. 9. Ограждение жилища и находки на полу. *1* – граница жилого пространства; *2* – очаг; *3* – кости животных; *4* – ямка; *5* – пятно охры; *6* – желобчатое острие из кости; *7* – бусина из бивня; *8* – отщеп или кусок бивня; *9* – терочник.

ло $^3/_4$ всего кремня. В полосе квадратов, проходящих через середину западины (рис. 8), кремня внизу было относительно меньше.

В центре западины, на кв. 22 р. VIII и отчасти на прилегающих квадратах р. IV, располагался очаг. Положение его края известно лишь с западной стороны (рис. 4; 9). Очаг был углублен на 18 см и на кв. 22 его заполняли продукты горения мощностью до 14 см. Наиболее низкая точка углубления находилась под южным концом заходящей на очаг с севера бедренной кости. Фотография (рис. 6) и продольный разрез (рис. 7*б*) зафиксировали углистую массу у края углубления. Несовпадение этого разреза и разреза на рис. 7*а*, с которым он должен совпадать, в основном кажущееся, связанное с разницей в масштабах изображений.

Толстый слой очажной массы простирался в длину не менее чем на 1 м, в ширину приблизительно на 0.8 м. Но диаметр углубленной части, судя по рис. 8 и отсутствию углубления на только что упоминавшихся разрезах, составлял до 0.7–0.8 м. В среднем толщина очажной массы возле впадины составляла 5–10 см, в отвершке не более 5–7 см. Черноватый очажный слой продолжался к югу на кв. 19 и 16, как отмечено в отчете. На указанной фотографии он там не заметен, вероятно, проходя западнее. Четкая черная прослойка толщиной 1 см имеется в образце культурного слоя с кв. 22 коллекции Музея антропологии (обр. 16440). В р. IV очажная масса, согласно разрезу, постепенно выклиниваясь, простиралась от кв. 10 на значительные участки кв. 11 и 9. В отчете упоминаются и две какие-то прослойки, наметившиеся в западной части границы кв. 9 и 8. Таким образом, от очага продукты горения широко заходили на окружающее пространство.

В пределах р. VIII в полу имелось несколько углублений. "Гнездо кремня" округлой формы диаметром 13 см изображено на пометровой зарисовке в северо-восточном углу кв. 23 (рис. 9). Оно залегало до глубины 1.98 м при максимальной отметке относительно крупных предметов на квадрате до 1.71 м, мелких – до 1.75 м. Глубина ямки тем самым определяется до 25 см. Непосредственно над ямкой или в верхней ее части встретилось несколько обломков рогов оленя. Количество и состав кремня неизвестны. Хотя кремни из подобных гнезд при раскопках запаковывались отдельно, в лаборатории они обычно смешивались с остальным кремнем, найденным на квадрате.

В описи пакетов и упаковок под № 487 отмечена "вырезка кремня из ямки" на кв. 22. На планах ямка не обозначена. По письменному указанию, ее дно доходило до отметки 1.97 м. Отдельные относительно крупные кости залегали своими нижними краями до глубины около 1.66 м в западной и около 1.74 м – в северо-восточной части квадрата. Мелкие кости и кремни не встречались глубже 1.85 м. Принимая во внимание втаптывание и другие причины попадания мелких предметов под уровень пола, а также следствия поштыкового взятия материалов, глубину ямки можно определить в 20–25 см. По описи в ямке значатся 337 единиц кремня, включая 5 орудий. Концентрация кремня в ямке указывает на его преднамеренное помещение в ней.

Овальное "углубление культурного слоя с костями, орудиями" 9 × 14 см, сужавшееся вниз на конус, обозначено на пометровой зарисовке в западной стороне кв. 19. Нижние части крупных костей залегали здесь до глубины 1.6 м, мелкие находки – до 1.8 м. На глубине 15 см в ямке встречена тазовая кость песца. По-видимому, глубина ямки составляла около 20 см. Еще одна ямка неправильной округлой формы, диаметром около 15 см, согласно поквадратной стратиграфии, располагалась в северо-западной стороне кв. 17. Глубина ямки около 25 см. В коллекционной описи к ней отнесены 15 орудий, 646 пластин и отщепов и 621 осколок кремня. В р. IV ямки не отмечены, что скорее является результатом меньшей детальности наблюдений в 1926 г., когда не фиксировались даже индивидуальные находки в западине. Не встречены ямки и в пределах р. VIII вне границ скопления костей.

Характер скопления костей, особенности сочетания скопления с нижележащей и окружающей древней поверхностью вместе с приуроченными к ним культурными остатками, позволяют считать скопление частью исчезнувших конструкций жилища. Оно имеет целесообразные в данном отношении форму и размеры, ему свойственны определенные закономерности подбора, расположения и конструктивного приспособления костей. Скопление перекрывает блюдцеобразное углубление древней поверхности, само происхождение которого и наличие внутри него очага, множества каменных и костяных изделий, ямок и других деталей едва ли можно связать с чем-либо иным, кроме пола жилища. Наконец, и особенности прилежащего участка (о нем речь впереди) найдут удовлетворительное объяснение, если рассматривать участок в связи с наличием жилища, как часть жилищно-хозяйственного комплекса. План остатков жилища уже публиковался, но без необходимых комментариев (Сергин, 1979. Рис. 1).

Полоса из нижних челюстей и черепов служила ограждением жилой камеры, в связи с чем кости, должно быть, сочетались с земляной присыпкой. Если относительно черепов еще можно было бы думать, что они просто прижимали шкуры к остову жилища, то челюсти отстояли далеко и все же определенно входили в систему постройки. Земляная присыпка-завалинка как раз и могла служить посредником, связующим челюсти с постройкой. Прикладыванием челюстей к присып-

ке можно объяснить наклонное положение некоторых челюстей, как бы подпертых со стороны скопления костей.

Остальные кости связываются с конструкцией стен и кровли жилища. Все они, за исключением ребер, в большом количестве указанных для низа северо-восточной части скопления, но не отраженных на планах, играли роль утяжелителей покрытия, не позволявших ему отходить от остова жилища. Кости конечностей и бивни внутренней метровой полосы прикладывались к низу жилища, часть их при этом могли ставить на черепа, как у жилищ некоторых других поселений (Пидопличко, 1969. С. 88; 1976. С. 108, 109). Положение в составе конструкций определило характер развала этих костей, прежде всего ориентировку к середине жилища. Расположение костей нижнего пояса постройки не только с внутренней стороны ограждения из черепов и других костей, возможно, свидетельствует о достаточно выраженном переходе от стен к собственно кровле и о сравнительно покатой кровле. Крестец мамонта, залегавший на полу под другими костями, вероятно, служил сидением или приспособлением для работы.

Не менее десяти костей конечностей и плоских костей имели отверстия в основном овальной формы, с ровными или ломаными краями. Они были пробиты, или же долбление сочеталось с подрезкой. Размеры отверстий от 4 × 2.5 см до 10 × 7 см. Все кости с отверстиями находились внутри ограждения из черепов, в основном по краю. Вероятно, отверстия служили для связывания костей ремнем или веревкой. На перекинутой через верх жилища связи кости подвешивались "на перевес", удерживая связью покрытие остова. Такая надобность могла возникать главным образом сразу же после сооружения жилища, когда костей-утяжелителей могло не хватать. В конструкции супоневского жилища часть костей с отверстиями скорее всего использована повторно, как обычные утяжелители.

В заключительный период бытования жилище обгорело с западной стороны. Крупные кости в смежных частях кв. 20, 21, 23, 24 в той или иной мере обуглены, действию огня подверглись в основном вышележащие кости и кости среднего уровня залегания. Следы обугленности имели нижняя челюсть в северо-западном углу кв. 18 и кости в северо-западном углу кв. 21. Пятна обугленных костей и почвы занимали юго-восточную половину кв. 24 и середину кв. 21 (рис. 4). Судя по состоянию черепа с зубами на кв. 24 и нижней челюсти на кв. 18, перед возгоранием они не были покрыты землей. Это говорит о том, что нижние челюсти, окружавшие жилище, по-видимому, не присыпались землей, а прикладывались к предполагаемой завалинке, высота которой не достигала верха черепов ограждения.

Таким образом, документация раскопок Супонева позволяет установить некоторые особенности остатков жилища. Они связаны с пологой западиной, по всей вероятности, выработанной в процессе обитания. Ограждение жилища состояло из черепов, нижних челюстей, некоторых других костей, в конструкции стен и кровли использованы преимущественно бивни, плоские кости и кости конечностей мамонта. Диаметр внутреннего пространства составлял немного менее 4 м. В полу имелись небольшие ямки с обычными отбросами, в центре – углубленный очаг. Вход направлен к юго-востоку и в месте его пролегания по кв. 16 образовалось удлиненное углубление. Пары крупных костей конечностей мамонта, залегавшие на полу по краям углубления (кв. 16 и р. VIII), могли служить частью конструкции, обрамлявшей вход. Остатки жилища характерны для поселений среднеднепровского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в окрестностях г. Брянска, 1928, 1929 гг. // Личный архив Д.А. Крайнова.

Деев С.С. Письмо к А.А. Спицыну // Архив ИИМК. 1925. Ф. 2. Оп. 1. № 187.

Деев С.С. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов // Брянский край. Брянск, 1926а.

Деев С.С. (?). Об исследовании палеолитической стоянки в окрестностях Супоневки Брянской губернии // Архив ИИМК. 1926б. Ф. 2. Оп. 1. № 199.

Ефименко П.П. Дневник раскопок палеолитической стоянки в с. Супоневе Брянской губ. Бежицкого у. // Архив ИИМК. 1926а. Ф. 2. Оп. 1. № 233.

Ефименко П.П. Раскопки Супоневской палеолитической стоянки // Архив ИИМК. 1926б. Ф. 2. Оп. 1. № 233.

Жуков Б.С. Краткий отчет по раскопкам Супоньевской палеолитической стоянки у с. Супоньева Брянской губ. Бежицкого уезда // Архив ИИМК. 1927. Ф. 2. Оп. 1. № 113.

Замятнин С.Н. Супонево. Сборы С.С. Деева в 1925 г. // Архив ИИМК. 1925. Ф. 69. № 36.

Замятнин С.Н. Конспект доклада В.А. Городцова "Археологические исследования Супоневской и Тимоновской стоянок в 1929 г." // Архив ИИМК. 1929. Ф. 69. № 36.

Замятнин С.Н. Материалы шурфа Г.Ф. Мирчинка // Архив ИИМК. Б/г. Ф. 69. № 73.

Мирчинк Г.Ф. О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейнах рек Десны и Сожа // Бюл. МОИП. 1929. Отдел геологический. Т. 37 (1–2).

Опись коллекции Супонева // МАЭ. 1926. Д. 5081/3.

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта. Киев, 1969.

Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.

Сергин В.Я. Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение // КСИА. 1979, Вып. 157.

Супонево // Научный архив Отд. археологии ГМА МГУ. 1926а. Р. X. Д. 346.

Супонево. Опись предметов. Раскопки 1926 г. // Архив ИИМК. 1926б. Ф. 2. Оп. 1. № 234.

Супонево // Научный архив. Отд. археологии ГМА МГУ. 1927а. Р. X. Д. 346.

Супонево. Фотонегативы. 1926, 1927 гг. // Научный архив. Отд. археологии ГМА МГУ. 1927б. Р. XII. Д. 128.

Хайкунова Н.А. Кремневый инвентарь стоянки Супонево (и ее место в палеолите Десны). М., 1985.

Шовкопляс І.Г. Супоневська палеолітична стоянка // Археологія. 1950. Т. IV.

Шовкопляс І.Г. Житла Супоневської палеолітичної стоянки // Археологія. 1951. Т. V.

Шовкопляс І.Г. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки // Археологія. 1952. Т. VI.

Suponevo: general information. Dwelling remains

V. Ya. Sergin

Summary

The habitation site of Suponevo was excavated in the 20-s of the 20th c. The field records and collections have been well preserved. The data available permit to suggest the layout of a large accumulation of mammoth bones unearthed in the north part of the excavation trenches IV and VIII. The accumulation is attributed as remains of a dwelling, its inner diameter measuring up to 4 m. The dwelling enclosure was constructed of skulls, mandibles, and some other bones, while its central part was built mainly of tusks, flat and extremities' bones. Small pits were cleared up in the floor, in its centre a hearth was located. The dwelling residue is characteristic of the sites of Middle Dnieper type.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 17–30

КОЖАНАЯ ОБУВЬ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В МОСКВЕ)

© 2003 г. Д. О. Осипов

Музей истории города Москвы

Во влажном, гумусированном слое русских средневековых городов северо-западной и центральной России, детали кожаной обуви и обрезки от ее раскроя встречаются достаточно часто. В отдельных случаях их количество превышает объем керамики. Однако анализ и описание обувных коллекций вызывает у археологов серьезные затруднения. Специфика сапожного ремесла, сложные приемы раскроя и сборки обуви (особенно моделей развитого средневековья) существенно затрудняют обработку этого материала. Знакомство с отчетами показывает, что в лучшем случае в них приводится статистика общего количества найденных в пласте (слое) обувных деталей, без указания на их форму и типы швов соединяющих детали.

Однако в последние годы, после длительного перерыва после выхода в свет работ С. А. Изюмовой (1959) и Е.И. Оятевой (1973) средневековая обувь снова стала привлекать внимание археологов. Особую значимость сегодня представляют исследования А.В. Курбатова, сотрудника отдела славяно-финской археологии ИИМКа. В 1997 г. им была защищена кандидатская диссертация по теме "Кожевенное производство в городах Северо-Запада России в XV–XVII вв." (Курбатов, 1997а).

Характеристика отдельных деталей московской кожаной обуви впервые была дана в 1953 г., в статье М. Григорьева[1] (Григорьев, 1953). Эта работа, вошедшая позднее в его книгу "О древней Москве", опирается на результаты исследования группы кожевников-технологов, работавших под руководством Ю.П. Зыбина в Зарядье (Зыбин и др., 1952). В этом отчете профессионально разобраны технологические особенности обработки кожевенного сырья, рассмотрены методы раскроя, пошива и декорировки изделий. Однако после смены руководства московской экспедицией эти исследования не были продолжены. В написанном Ю.П. Зыбиным учебнике по конструированию обуви, была представлена лишь общая схема производства средневековых моделей (Зыбин, 1963).

В дальнейшем, публикации московских обувных коллекций возобновились лишь в 90-е годы, во время крупномасштабных раскопок ЦАИ в историческом центре столицы. Анализ собранного материала дополнила обработка коллекций, хранящихся в запасниках московских музеев (МИГМ[2], ГИМ[3], ФГУИЗК "Московский Кремль"). В результате этих исследований были обнаружены следы сапожной мастерской (Векслер, Осипов, 1999а. С. 142–151), намечены этапы развития сапожно-кожевенного производства (Векслер и др., 1997. С. 114–119), выявлены различные конструктивные схемы раскроя и сборки обуви (Векслер, Осипов, 1997. С. 291–296; 1999б. С. 214–221; 2000. С. 160–165).

Однако мощный информационный потенциал обувных коллекций далеко выходит за узкие рамки профессиональных проблем. Специфика этой категории археологических находок заключается в ее многофункциональности. Как часть костюма, обувь затрагивает многие стороны человеческого существования. С древности она являлась атрибутом магических обрядов, выполняла опознавательную функцию этнического происхождения (Оятева, 1978), подчеркивала принадлежность владельца к определенному сословию. Московские коллекции обуви также дают самый разнообразный материал, представляющий интерес для историков костюма, антропологов, этнографов и т.д.

В данной статье суммированы результаты работ трех последних лет. Здесь намеренно затронуты темы далекие от технологии сапожного ремесла, поэтому ее изложение было бы уместно разделить на три части. В первой части будут рассмотрены антропометрические данные населения средневековой Москвы и примеры диагностики ортопедических заболеваний. Во второй – дано описание признаков ритуальной обуви, встречающейся в погребениях московского некрополя. В третьей приводятся различные типы сапожных клейм, зафиксированных при обработке обувной коллекции Зарядья.

[1] Псевдоним М.Г. Рабиновича.

[2] Коллекции Зарядья. Московские городские наблюдения 1960–1980-х гг.

[3] Раскопки курганных групп в Московской области. Коллекции Зарядья, Васильевский спуск.

I. Антропометрическая характеристика и диагностика ортопедических заболеваний населения средневековой Москвы.

Как показывает практика, анализ разрозненных обувных деталей может способствовать изучению проблем, связанных с изменением метрических характеристик и диагностики ортопедических заболеваний населения средневекового города, содействовать исследованиям палеопатологии и акселерации (от лат. acceleration – ускорение) человеческого развития. Исследования по этой тематике, в нашей стране и в странах Западной Европы, начаты относительно недавно, поэтому многие причины таких изменений еще не установлены (Бужилова, 1995; Алексеева, Бужилова, 1996. С. 63).

В этой связи, существенную помощь в работе антропологов оказывают результаты массового обмера обувных деталей, найденных при археологических раскопках. Особой информативностью отличаются подошвы. Известно, что длина стопы человека находится в высокой корреляционной связи с его ростом, составляя примерно 15–16% его величины[4]. У женщин этот процент равен в среднем 15.5%, а у мужчин ближе к 15.8% (Зыбин, 1982. С. 75). Следовательно, зная корреляцию размеров, по обувным подошвам можно приблизительно определять рост мужского и женского населения, жившего на исследуемом памятнике в тот или иной период.

Согласно данным антропологов, в домонгольское время в разных районах древнерусского государства выявляется существенное различие роста населения. Так, у московских вятичей – самых высоких представителей восточнославянских племен средний рост составлял 172 см[5] (Алексеева, Бужилова, 1996. С. 67. Рис. 4).

Материалы московских коллекций позволяют установить средний рост москвичей в позднесредневековый период (XVI–XVII вв). Процесс обработки всех московских коллекций еще не завершен, пока обмерено лишь 252 целых подошвы. Однако по предварительным данным, которые впоследствии будут уточнены, установлено, что средняя длина мужской обуви, обнаруженной в слое XVI–XVII вв., находится в приделах 270 мм. По штих'массовой системе, это соответствует 42-му размеру[6]. Такой ноге соответствует в среднем рост 171 см. (27:15.8) · 100 = = 170.8.

Подошвы женской обуви обычно не превышают 240 мм, что примерно соответствует 37-му размеру. В таком случае длине стопы 24 см будет соответствовать рост 155 см: (24: 15.5) · 100 = 154.8.

Таким образом, согласно статистике обмеров подошв, средний рост мужского населения в Москве в данный период не опускался ниже 170 см, а женского 155 см. Здесь нужно отметить, что надежно отличить модели женской обуви от мужской (подростковой) довольно сложно. До начала XVIII в. конструкции мужской и женской обуви практически не различались. Однако при обработке коллекций, исследователи неоднократно подчеркивали принадлежность подошв с ярко выраженной профилировкой и узкой переймой[7] к обуви относительно небольшого размера (длиной стопы не более 240 мм). По-видимому, именно такая форма кроя подошв соответствовала женским моделям (Зыбин и др., 1952. С. 16.; Векслер, Осипов, 1999а. С. 214–221).

При обмерах подошв нужно помнить, что при длительном хранении кожа, как правило, усыхает. Процент усыхания кожи зависит от ее видовой принадлежности, толщины кожевенного листа, качества выделки и других причин. Как правило, при высыхании длина подошв уменьшается на 3–5%.

На фоне среднестатистических размеров лучше заметны крайние величины. Так, самыми маленькими моделями среди известного нам материала, являются детские туфельки князя Федора Ивановича Бельского, умершего в 1568 г. в возрасте 2-х лет. Туфельки, найденные в его родовой усыпальнице в Вознесенском соборе Московского Кремля (саркофаг № 6637 соб.)[8] имеют длину подошвы всего 100 мм. Тот же размер подошвы у детской пинетки[9] (рис. 1), найденной при археологических наблюдениях ЦАИ г. Москвы в районе м. Таганская, в 1998 г.[10] (Векслер, 1998. Инд. нах. № 36). Особо хотелось бы отметить необычный крой этой модели, который можно объяснить вторичным использованием предмета. Внимательно рассмотрев характер кроя, можно определить, что пинетка была изготовлена из пальца кожаной рукавицы-голицы, к которой грубо подкроена полоска кожи выполнявшая роль мягкого задника.

К самым крупным моделям обуви, найденным в Москве, принадлежит поршень, обнаруженный при раскопках 1997 г. на ул. Арбат (Векслер, Осипов, в печати, *а*). Длина его подошвы составляла 340 мм. В таком случае рост его владельца мог достигать 215 см (340:15.8) · 100 = 215.10. Даже с учетом меховых чулок (шкарпеток), поверх которых он, возможно, одевался, его владелец должен быть

[4] Имеются ввиду среднестатистические показатели.

[5] Антропологами было обмерено 39 костяков, обнаруженных в курганах (раскопки А.В. Арциховского, М.В. Воеводского, М.Д. Долгорукого и др.).

[6] Французский штих соответствует 0,6 см.

[7] Перейма (геленочная часть) расположена между носочной и пяточной частями подошвы.

[8] Автор благодарит Т.Д. Панову, познакомившую его с материалами музейных коллекций.

[9] В данном случае мы приводим современное название этой модели, которое происходит от имени известного французского обувщика, чье клеймо Pinet стояло на детской обуви.

[10] Пользуясь случаем, выражаю благодарность А.Г. Векслеру за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

Рис. 1. Кожаная пинетка из раскопок на Таганской ул.

значительно выше двух метров! В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с нарушениями эндокринных функций щитовидной железы. В современной медицине результаты таких отклонений называют "гигантизмом". Еще одним примером, свидетельствующим о существовании в средневековье большерослых людей, является белокаменный саркофаг из некрополя Вознесенского женского монастыря, ныне хранящийся в подклете Архангельского собора Московского Кремля. Его длина составляет 236 см! По свидетельству Т.Д. Пановой, он принадлежал одной из удельных княгинь, погребенной здесь в XV в.

Хотелось бы заметить, что все вышесказанное слабо вяжется с расхожими представлениями о малорослости средневекового населения. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить свидетельство Шлезвиг-Голштинского магистра Адама Олеария, дважды побывавшего в Москве в 1630-е годы. В частности, придворный советник герцога Фридерика отмечает: "мужчины у русских большею частью рослые... и крепкие люди" (Олеарий Адам, 1906. С. 173).

Кроме размеров обуви, обнаруженных в заполнении культурного слоя, следует фиксировать и нестандартный характер износа обувных деталей. Прежде всего по неравномерной стертости головок и подошв определяется их принадлежность к модели, носившейся на правой или левой стопе. Эту методику успешно использовал А.В. Курбатов, при работе с материалами Ивангородской коллекции (Курбатов, 1997а. С. 48).

Определенные деформации (вытяжения) кожи, характерный износ отдельных частей, могут свидетельствовать о конкретных патологических отклонениях, связанных с деформацией стопы, поскольку нарушение опорно-двигательного аппарата существенно влияет на характер износа обуви. Причины таких заболеваний могли быть самые различные: врожденные или приобретенные травмы, нарушение обмена веществ, неудобная обувь и пр. При обработке обувных коллекций, нужно диагностировать определенные заболевания, чтобы затем определять частоту их распространения. Полученные данные интересно сравнить с современной статистикой. Нам известны результаты обмеров, производившихся в конце 60-х годов прошлого столетия. Так, по данным обследования 2113 московских женщин, слабая и умеренно выраженная деформация стопы, требующая ношения медицинской обуви с корригирующими элементами, была обнаружена у каждой второй! В 10% случаев, женщины нуждались в ношении специальной ортопедической обуви (Колесникова, Крамаренко, 1968. С. 112).

Ниже мы приведем наиболее распространенные заболевания стопы и характерные признаки, выраженные в нестандартном износе обувных деталей.

1. Подагра[11]. Для этого заболевания характерны наросты (шишки), деформирующие детали

[11]От греч. Podagra – букв. капкан для ног. Хроническое заболевание, обусловленное нарушением обмена веществ. Проявляется острыми приступами артрита и деформации суставов с нарушением их функции.

Рис. 2. Кожаные туфли XVIII в. Некрополь Моисеевского монастыря.

верха при ношении обуви. Четкие следы округлых вытяжек на головке мы наблюдаем у пары туфель, найденных при раскопках Манежной площади (рис. 2).

2. Для варусной деформации (Pes varus), при которой стопа вывернута вовнутрь (Назаров, Виноградов, 1941. С. 123), очевиден неравномерный износ деталей низа. При этом заболевании, сильно стесанной оказывается наружная сторона подошвы и нижняя, боковая часть головок или берцев (берцы – детали верхнего кроя башмаков).

3. При вальгусной деформации (Pes valgus), когда стопа, наоборот, вывернута наружу, наибольшая стертость подошвы и каблука наблюдается, как правило, с наружной стороны подошвы.

Рис. 3. Кожаный сапог XVII в. Крупный план.

4. При такой достаточно распространенной деформации стопы, как косолапость (Pes equino varus), сильный износ подошвы должен быть хорошо заметен с наружной стороны каблука, а также в носочно-пучковой части подошвы. В качестве примера можно рассмотреть подошву и каблук у детского сапожка, обнаруженного при раскопках на Кадашевской набережной в слое XVII в. (Векслер, Осипов, 2000. С. 164). В данном случае отчетливо виден сильно стертый каблук и сбитый носок (рис. 3). Учитывая тот факт, что ребенок, в силу возраста, не мог носить такой сапог долго, можно предположить, что заболевание было сильно выраженным.

5. Еще одним из достаточно распространенных заболеваний является плоскостопие. Оно создается при ослаблении мышечно-связочного аппарата и чрезмерной нагрузке на конечности, что приводит к нарушению их физиологических возможностей, вследствие чего возникает деформация стопы (Зыбин, 1982. С. 63). Болезнь вызывает быструю утомляемость ног и отечность мышечных тканей. В настоящее время для профилактики и лечения плоскостопия используется обувь специального проектирования (Зыбин, 1982. С. 64). В зависимости от степени плоскостопия врачи рекомендуют профилактическую или ортопедическую конструкцию, устраняющую болезненные ощущения и корректирующую дефекты стопы. На наш взгляд, подобие профилактической обуви могло существовать и в средневековье.

В этой связи нам следует обратить внимание на обувные модели ярко выраженного асимметричного кроя (рис. 4). В коллекциях XIV–XVII вв. присутствует небольшой, но устойчивый процент такой обуви. Нам известно, что вплоть до начала XIX в. обувь обычно шилась "на одну ногу" (Зыбин и др., 1952. С. 17), следовательно, эта обувь

Рис. 4. Сапожная подошва асимметричного кроя.

изготовлена по индивидуальному заказу. Если бы обувь "по ноге" шилась лишь для богатого заказчика, то в таком случае асимметричный крой должен встречаться только у дорогой, богато орнаментированной обуви. Однако материалы коллекций свидетельствуют, что дорогие, богато украшенные сапоги зачастую имеют симметричный крой (Векслер, Осипов, 2000. С. 163). С другой стороны, встречаются самые простые модели, скроенные с ярко выраженной асимметрией, причем процент асимметричной обуви на протяжении длительного времени не возрастает. Возможно, для изготовления таких моделей существовала какая-то другая причина.

На наш взгляд, асимметричная обувь могла изготавливаться для людей с плоской стопой. Ортопеды различают два вида плоскостопия: продольное и поперечное. Если при продольном плоскостопии нужно было расширять геленочную часть подошвы, то при поперечном плоскостопии, наоборот, рекомендуется стягивать стопу (Зыбин, 1982. С. 65), для чего используют "асимметричную выборку с внутренней стороны, в совокупности с жесткими берцами" (Назаров, Виноградов, 1941. С. 122). Именно это мы в данном случае и наблюдаем. Все подошвы ярко выраженного асимметричного кроя имеют довольно узкую геленочную часть. Такой крой обеспечивает лучшую фиксацию мягких тканей в перейме и устраняет болезненные ощущения, способствуя приведению стопы в правильное положение[12]. Характерно, что еще в начале XX в., когда асимметричный крой обуви еще не достаточно утвердился, для изготовления специальной обуви на "плоскую" ногу предписывались именно разносторонние колодки (Сапожно-башмачное ремесло, 1911. С. 100. Рис. 95).

Таким образом, визуальный осмотр найденных в слое обувных деталей, способствует сбору ценной информации для антропологов и специалистов по истории медицины.

II. Ритуальная обувь из раскопок московского некрополя.

При раскопках погребений находят фрагменты кожаной обуви, принадлежащей к самым различным конструкциям: сапогам, башмакам, туфлям, кожаным лаптям и т.д. В археологической литературе они подразделяются на бытовую – носимую при жизни, и специальную, так называемую "покойницкую". Впервые на нее обратил внимание А.В. Арциховский. Анализируя известные ему курганные погребения с остатками обуви, он выделяет отдельные модели с очень тонкой подошвой и высказывает предположение, что такая обувь шилась специально для покойников (Арциховский, 1930. С. 102). По-видимому, она действительно чем-то отличалась от других моделей, найденных им в курганных погребениях, но установить это уже невозможно. Фотографий или рисунков кроя этих моделей в отчете не представлено. Что же касается толщины подошв, то такой признак вряд-ли следует считать надежным, поскольку толстую кожу для подошвенного товара в России начали выделывать лишь с конца XIII–начала XIV в. До этого времени вся кожаная обувь имела тонкие подошвы, изготовленные из козлины, овчины или молодых особей крупного рогатого скота (Курбатов, 1997а. С. 16).

Найденные в курганных погребениях модели бытовой обуви сохранились в музейных коллекциях (МИГМ, оф 20000/30; ГИМ, инв. № 42436, 56112). Кроме того, мы имеем подробное описание кожаной обуви, зафиксированной в 1953 г. в курганной группе Матвеевское II (Латышева, 1954. С. 48, 52). Здесь, в мужском захоронении сохрани-

[12]Автор благодарит за консультацию зав. техническим отделом московской ортопедической фабрики И.А. Волкову.

лись остатки кожаного башмака. Крой этой модели был восстановлен специалистами МТИЛПа (Зыбин, 1960. С. 84, 85). По их заключению башмак имел следы износа и, следовательно, использовался при жизни покойного. Нужно отметить широко распространенный крой этой модели, характерный для городской обуви X–XIII вв центральной и северо-западной Руси.

Специфический тип обуви, не встречающийся при раскопках культурного слоя, был выявлен при анализе форм обувных моделей, найденных в погребениях московского некрополя. Вся эта обувь скроена по одному принципу и имеет четкие признаки позволяющие отнести ее к обуви, изготовлявшейся специально для погребения. На наш взгляд, такую обувь нужно относить к ритуальной, поскольку она является атрибутом погребального обряда "как совокупности ритуально-практических действий, совершаемых с целью захоронения умершего" (Ольховский, 1995. С. 88).

Нужно отметить, что в археологической литературе какие-либо внятные критерии для определения ритуальной обуви отсутствуют. По причине фрагментарности обуви и плохой сохранности кожи, определить конструктивный тип моделей бывает довольно сложно, поэтому статистическая обработка этой информации существенно затруднена. Чаще всего сведения о погребальной обуви можно отыскать лишь в отчетах, однако раскопки на территории церковных и монастырских кладбищ, нередко проводятся без открытых листов и соответственно без отчета (Станюкович, 2001. С. 50). Именно поэтому публикация этого материала представляется мне довольно интересной, тем более что ритуальная обувь встречается в различных регионах. В московских коллекциях нам удалось обнаружить двенадцать неполных пар такой обуви.

Первая пара "покойницких" туфель была обнаружена при охранных раскопках на ул. Ильинка, на участке, примыкающем к церкви Ильи Пророка в женском погребении XVI в (Векслер, Осипов, в печати, *б*). С этого же участка происходит фрагмент еще одной туфли, попавшей в слой из разрушенного погребения (рис. 5, *а*, *б*; 6, *а*). Третья пара туфель (рис. 5, *в*; 6, *б*.) была зафиксирована при охранных раскопках в Третьяковском проезде, на месте некрополя церкви Троицы в "Старых Полях" в одном из погребений, датированных не позднее середины XVI в. (Векслер, 1999). Еще четыре пары происходит из раскопок погребений, выявленных на территории Московского Кремля[13] (ФГУИКЗ "Московский Кремль", арх. № 662, 663, саркофаги 905, 906. Ил. 5 *г*). Восьмая пара "покойницких" туфель, найдена в коллекции из раскопок Зарядья (МИГМ, оф 27081/1885). Туфли обнаружены в погребении "взрослого человека" на территории некрополя XIV–XVI вв. у церкви жен Мироносиц в районе Елецкого переулка. Хотелось бы отметить, что в отчете упоминаются еще две пары "покойницких" туфель, которые "взяты не были" (Дубынин, 1955. С. 129, 136). Можно лишь предполагать, что все они имели сходную форму кроя.

Кроме вышеописанного материала, нам известны еще четыре пары покойницких туфель, обнаруженных при раскопках Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря[14] (Раскопки О.Г. Ульянова. Отчета нет).

Как было отмечено выше, покойницкая обувь зафиксирована и в других русских городах. В Новгороде, на площади Троицкого XI раскопа, были выявлены два комплекса погребений из перезахоронения погребений с кладбища у ц. Василия Парийского (Пежемский, 1998. С. 152). В Старой Рязани в 1832 г. зафиксировано погребение с кожаной обувью (ФГУИКЗ "Московский Кремль". Отдел рукописных графических и печатных материалов. Фонд акад. Ф.Г. Солнцева. Рис. 48198). Хорошее качество рисунка по характеру кроя позволяет уверенно атрибутировать туфли как покойницкие. В Рождественском соборе города Суздаля у северной стены жертвенника, под полом XIII в. в белокаменном саркофаге было обнаружено погребение церковного иерарха или монаха. На костяке зафиксированы остатки "могильной обуви", скроенной из одного куска кожи (Глазов, 1995). В Серпухове, на территории женского Введенского монастыря были найдены еще несколько пар близких по форме цельнокроеных туфель[15] и др. Единые принципы раскроя и сборки такой обуви дают нам возможность установить признаки, отличающие ее от бытовых моделей, также встречающихся в погребениях.

Прежде всего, *материал*. Все туфли изготовлены из достаточно тонкой (1–1.5 мм) кожи крупного рогатого скота. Так, пара туфель, найденная в Третьяковском проезде, изготовлена, по-видимому, из кожи опойка (шкура теленка с первичным нелинялым волосяным покровом). Для изготовления туфель из Зарядья использовалась кожа выростка (шкура телят с переходным при линьке волосом, в возрасте менее одного года)[16]. Все имеющиеся в нашем распоряжении туфли не имеют следов износа.

Во-вторых, *конструкция* моделей. Вся обувь принадлежит к типу низкой мягкой конструкции. У этой обуви отсутствуют дополнительные дета-

[13] По предположению автора отчета Т.Д. Пановой, погребения имеют отношение к некрополю Чудова монастыря.

[14] Автор благодарит А.К. Станюковича за возможность ознакомиться с материалами раскопок.

[15] Сведения любезно предоставлены М.И. Гоняным.

[16] Видовое определение кожи сделано зав. лабораторией "Технологии кожевенного производства" ЦНИИКП, доктором технических наук В. И. Чурсиным.

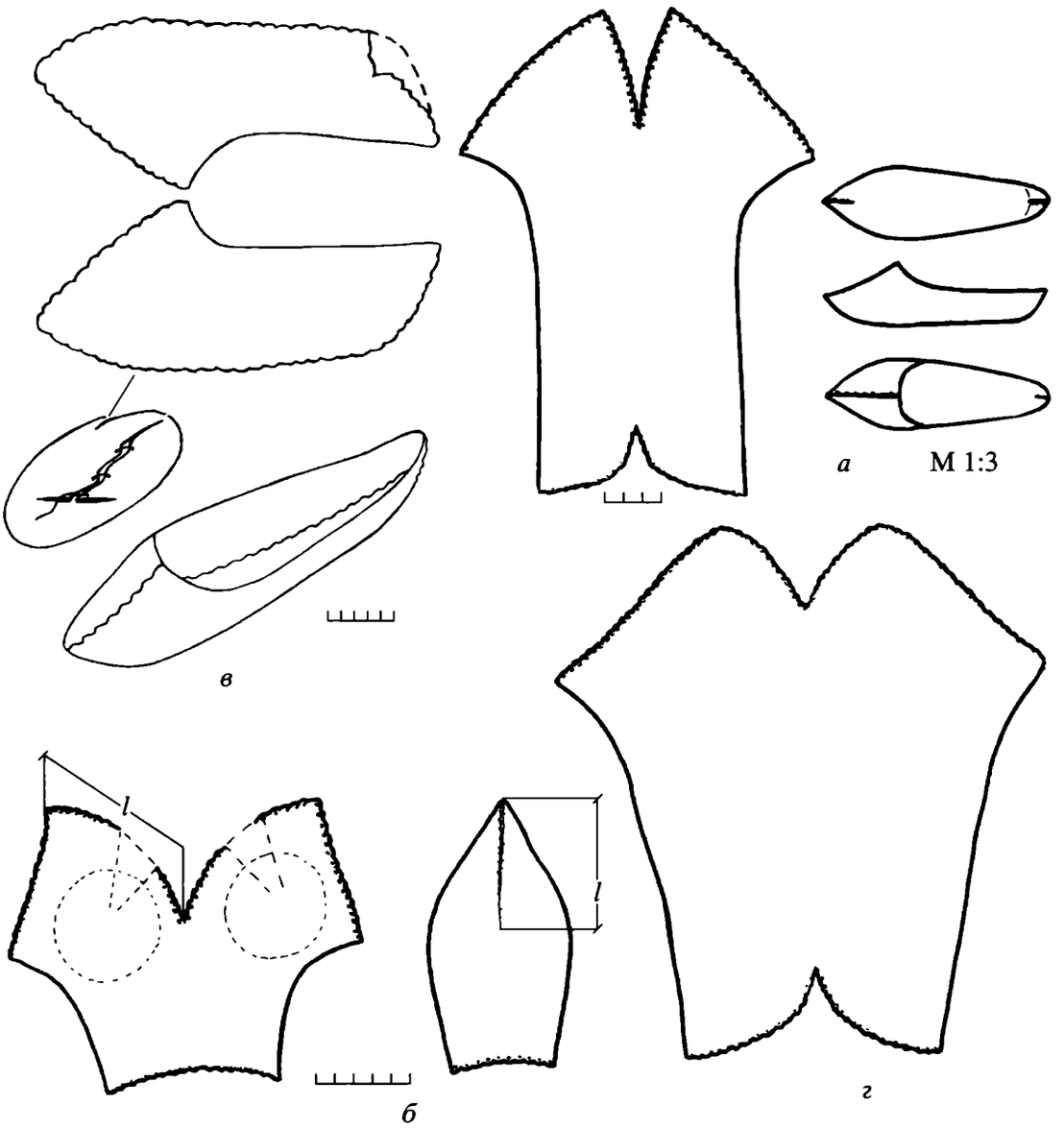


Рис. 5. *а* – кожаные туфли из раскопок на ул. Ильинка. Рисунок кроя; *б* –кожаные туфли из раскопок на ул. Ильинка (фрагмент передней части). Рисунок кроя; *в* – кожаные туфли. Третьяковский проезд. Условная графическая реконструкция; *г* – кожаные туфли из раскопок в Кремле. Рисунок кроя.

ли (поднаряд, каблук, стелька). Туфли выкроены из одной или двухчастной заготовок и не имеют крепления для фиксации на ноге.

В-третьих, *техника* сборки. Описанные нами туфли сшиты тонкой нитью, переметочным швом. Причем шов зачастую заходит на подошву, проходя вдоль или поперек стопы (рис. 5, *б*, *в*).

В данном случае очевидно, что принцип конструирования "покойницкой" обуви заключается в ее абсолютной непригодности для повседневного ношения (тонкая кожа, швы на подошве, отсутствие крепления). В этой связи следует пересмотреть атрибуцию отдельных моделей обуви, также найденной при раскопках погребений. К примеру, представленные в отчете Н.С. Шеляпиной (Н.С. Владимирской), "покойницкие" туфли, найденные в некрополе Успенского собора московского Кремля в женском погребении первой половины XIII в., по-видимому, нельзя считать таковыми. Сложный крой туфель и наличие поднаряда[17], хорошо видимого на фотографии, более характерен для бытовой обуви (Шеляпина, 1965. С. 37. Илл. 76, 77).

С целью установления времени бытования ритуальной обуви попробуем выстроить имеющийся у нас материал в хронологической последовательности:

1. Достоверных находок "покойницкой" обуви в курганах пока не обнаружено. Вся курганная обувь, хранящаяся в музейных коллекциях относится к бытовым конструкциям.

[17] Внутренняя деталь (подкладка), закрывающая пальцы и тыльную часть стопы.

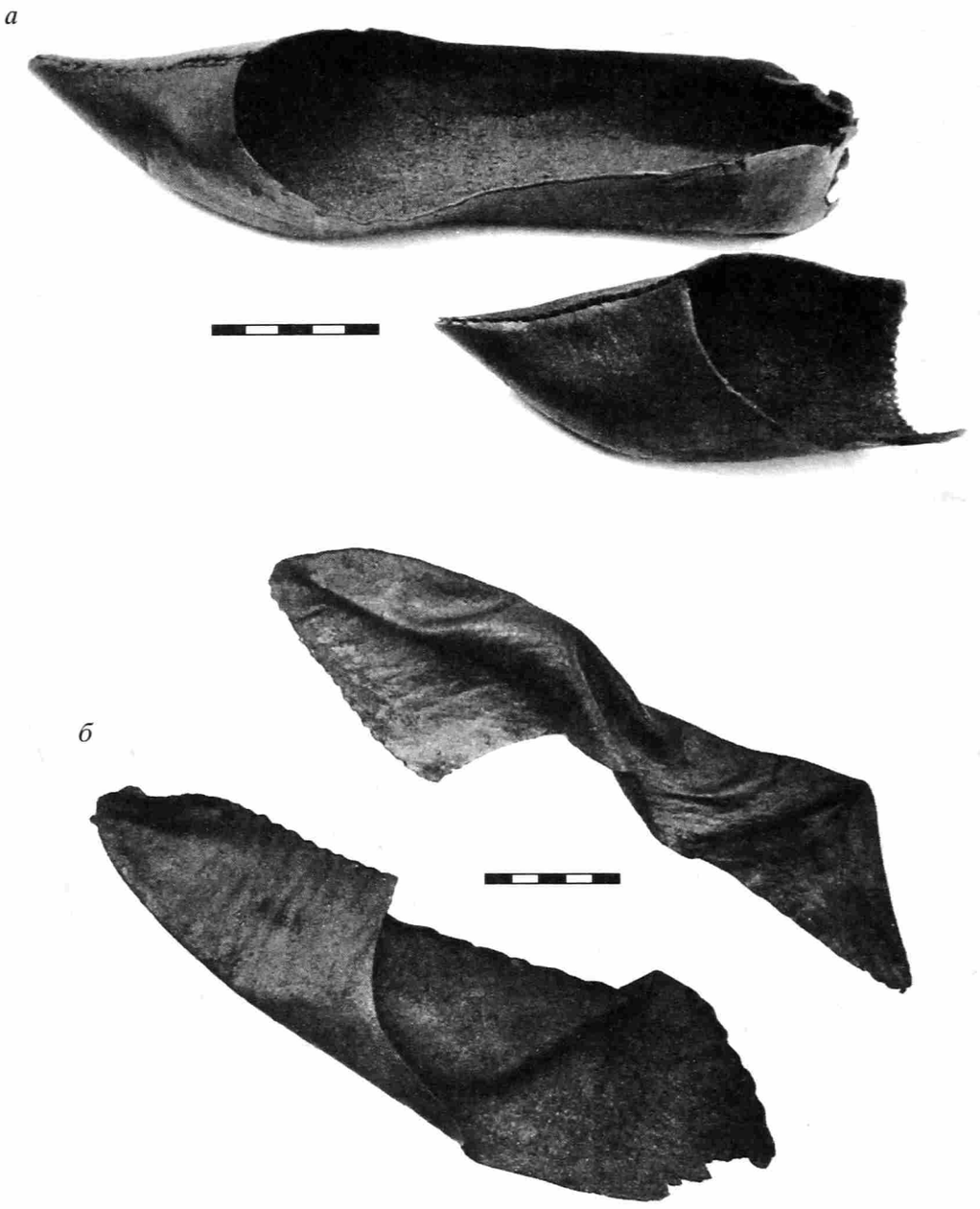


Рис. 6. *а* – кожаные туфли из раскопок на ул. Ильинка. *б* – кожаные туфли. Третьяковский проезд.

2. Самые ранние из известных нам моделей покойницкой обуви обнаружены в погребении Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря и датируются автором раскопок рубежом XIV–XVвв[18].

3.Описанные выше покойницкие туфли, происходящие из московского некрополя (рис. 5, 6), датируются авторами отчетов концом XV–XVI в.

4. Самые поздние из известных нам моделей ритуальных туфель были найдены в Новгороде на территории кладбища у ц. Василия Парийского. По мнению Д.В. Пежемского, их следует датировать рубежом XVI–XVII вв. (Пежемский, 1998. С. 152).

[18] Погребение перекрыто фундаментом храма.

При раскопках некрополя Моисеевского женского монастыря в погребениях первой половины XVIII в. были найдены лишь бытовые туфли рантовой конструкции со следами износа (Векслер, Осипов, 1999а. С. 217. Рис. 3).

Очевидно, что причины особого кроя погребальной обуви лежат в основе самого погребального обряда, отражавшего определенные представления людей о смерти и потустороннем мире. По мнению ряда исследователей, принятие внешних форм православного обряда не обязательно сопровождается отказом от прежних языческих обычаев (Макаров, 1997). Поэтому в христианском погребальном обряде так отчетливо проявляются языческие истоки, выраженные в сакрализованном антиповедéнии. Различие же состоит

в том, что сакрализованное антиповедение в средневековье постепенно вырождается в собственно ритуальное, когда функция действий сохраняется, но теряется их семантика (Успенский, 1985. С. 329).

Смыкаясь с потусторонним миром, имеющим зеркальные (по отношению к этому миру) связи, погребальный обряд приобретает тем самым сакральный смысл (Успенский, 1985. С. 29), подразумевающий определенную последовательность магических действий. Начинались они с того, что покойному закрывали глаза, в соответствии с представлениями о слепоте умерших. Затем свершалось омовение, и лишь после этого покойника переодевали в специальную "одежду мертвых". Одежда при этом должна быть новой, не соприкасавшейся с живым телом (Карский, 1916. С. 301). Такую одежду нужно было шить без узлов, на живую нитку. При шитье иголку держали левой рукой, в направлении "от себя", т.е. к покойнику (Зеленин, 1916. С.1246). В данном случае, абсолютная непригодность погребальной одежды для повседневного ношения всячески подчеркивала "инакость" загробного мира.

Причины конструктивной особенности ритуальной обуви могут быть подсказаны результатами исследований погребального обряда населения северо-запада России (Конькова, 1999. С. 29, 30). Кроме традиционных представлений о чистоте погребальной одежды, также доминирующих в среде финноугорских народов, автор прослеживает стремление к ее архаичности. В погребальной обуви, сшитой из тонкой кожи, не должны присутствовать железные гвозди или шипы. Если покойника обували в сапоги или башмаки, то из них выдергивали железные гвозди, а северные корелы порой отрывали каблуки. По мнению автора, эти обычаи свидетельствуют о необходимости соответствия погребальной одежды (и обуви) одежде его ранее умерших родственников, с которыми он соединяется в потустороннем мире.

Действительно, описанные выше ритуальные туфли, имеют крой, характерный для раннесредневековых моделей, который, возможно, сохранился в силу консервативности погребального обряда (Макаров, 1997; Ольховский, 1997).

Однако, как было отмечено выше, далеко не вся найденная в погребении обувь является ритуальной. Причины, по которым в погребениях наряду с "покойницкой" обувью встречается бытовая обувь объяснить довольно сложно. Связывать этот факт только с материальным положением неверно, поскольку неравенство погребального инвентаря не имеет прямой зависимости от прижизненного статуса покойника. Трудно объяснить ее наличие и принадлежностью погребенных к священнослужителям, поскольку среди их атрибутов также не прослеживается какой-либо устойчивой закономерности.

Факты нарушения погребальных обрядов широко известны в различных культурах, тем более что рациональная компонента, если не считать изоляцию трупа, в этом обряде отсутствует. Именно в силу иррациональности представлений, лежащих в его основе, очень сложно восстановить смысл тех или иных действий (Каменецкий, 1999. С. 139).

Возможно, присутствие ритуальной обуви фиксирует развитие определенных изменений в массовом сознании населения. Так, по мнению Т.Д. Пановой, на рубеже XIII–XIV вв. происходит унификация городского погребального обряда, вызванная социальной стратификацией общества и усилением позиции церкви на эту сторону средневекового быта (Панова, 1990. С. 14). Это явление отмечает и А.В. Курбатов (Курбатов, в печати). Ссылаясь на записки иностранцев (Стрейс, 1935), он также предлагает рассматривать погребальный обряд XV–XVI вв., как показатель внедрения в широкие народные массы норм православного религиозного сознания.

По сведениям этнографических источников XIX–XX вв., многие различия в наборе погребального инвентаря (украшений, головных уборов, одежде и обуви) определялись возрастом погребенного, его социальным и семейным положением (Сабурова, 1988). У русского населения Европейской части России существовали несколько видов одежды, в которой хоронили, в том числе и одежда, специально приготовленная для похорон. Так, в Курской губернии молодых женщин, в соответствии с их семейным положением, хоронили в головных уборах (платках и кичках) и надевали шубку, подпоясывая ее шнурками. При этом требовалось, чтобы одежда была мало ношеной. Незамужних девушек зачастую хоронили в наряде невесты. Это делалось с целью обретения незамужними и неженатыми "на том свете" супруга. С этой же целью на похоронах игралась "свадьба". Известно, что покойницкая обувь в разных местностях России также имела большие различия. От специальных, сплетенных особым способом "смертных лаптей" до валенок даже, если хоронили летом (Кремлева, 1997. С. 520, 521).

Представленный здесь материал, может служить интересным дополнением для исследователей погребального обряда. В мои планы не входят поиски корней древних верований, уходящих в области мифологии. Эта тема для специального исследования. В данном случае, я лишь пытался сопоставить полученный материал с уже существующей культорологической схемой.

III. К вопросу о клеймении обуви.

В словаре русского языка Владимира Даля клеймом называется знак, налагаемый на предметы, метка, печать (Даль, 1999. С. 116). Нужно от-

метить, что в отечественной археологической литературе какая-либо информация по клеймению обуви отсутствует. Не содержится таких сведений и в работе группы кожевников-технологов, специально приглашенных для обрабатотки кожаной обуви в составе московской археологической экспедиции (Зыбин и др., 1952). Опыт работы с археологическими коллекциями кожаной обуви указывает на необходимость тщательной фиксации всего массива находок, включая разрозненные детали и обрезки от их раскроя (Курбатов, 1997б. С. 127). Кожаные изделия и отходы производства существенно дополняют выводы, сделанные на основе остальных находок. Визуальное исследование массовых деталей кожаной обуви из раскопок в Зарядье[19], позволило нам выявить различные виды клейм размещенных на сапожных подошвах.

Клейменая обувь XVIII–XIX вв. представлена в собраниях Российских музеев в количестве 87 образцов. Самые ранние клейма датируются серединой XVIII в (Алешина, 1997. Прил. 1). Они выполнены в виде тисненого орнамента: треугольников, прямых линий, трилистников (ГИМ, № 22548, Ж–109) и звездочек (ГИМ, № 23667, Ж–56), образующих различные комбинации. Все клейма расположены на плантарной части подошв.

В дальнейшм эволюция клейма приводит к появлению так называемых именников – инициалов мастера, оттиснутых в прямоугольной рамке (ГИМ, Ж–327). Самые ранние "именники" появляются на моделях 30–40-х годов XIX в. (Алешина, 1997. С. 42. Прил. 1.). Привычное же для нас клеймо с товарным знаком фирмы-производителя, окончательно оформляется лишь к началу XX в. (Алешина, 1995. С. 98. Рис. 3).

При обработке коллекции из раскопок в Зарядье, хранящейся сегодня в фондах МИГМ и ГИМ, из 331 подошвы было обнаружено 16 экземпляров с различными клеймами, расположенными на плантарной части подошвы.

На толстую, жесткую кожу подошвы клеймо нанесено методом тиснения, при помощи заостренного, нагретого стержня (шила?). На наш взгляд, тисненые линии на подошве могли выполнять лишь роль клейма (метки).

Линии на плантарной части подошв не могут служить в качестве декора. Во-первых, его просто не будет видно, а во-вторых, рисунок в этом месте будет интенсивно стираться.

В отличие от линования головки неглубокие линии никак не могли использоваться и в качестве технологического приема, поскольку на физических свойствах подошвы это никак не отражается.

На рисунках видно, что тисненые линии ровно вписаны в контур детали, что не оставляет сомнений и в том, что орнамент наносился уже на готовую подошву и поэтому не может быть чем-то вроде клейма на выделанной шкуре.

Следовательно, обнаруженные нами знаки могут быть лишь метками (клеймами), нанесенными на готовую продукцию.

В коллекции Зарядья нам удалось обнаружить клейма пяти различных групп:

1. Чаще других встречается метка в виде трех продольных линий, расположенных в перейме (рис. 7, *а*). В коллекции Зарядья насчитывается девять таких клейм. Подошвы с этими знаками встречались и при обработке коллекций Манежной площади.

2. В единственном экземпляре присутствует копьевидное клеймо (рис. 7, *б*). В отличие от остальных меток оно занимает всю площадь подошвы[20].

3. Подошва с клеймом в виде семи продольных полос имеется в нашей коллекции на двух экземплярах (рис. 7, *в*). Обувь с этими метками известна по раскопкам некрополя Моисеевского женского монастыря на дамских туфлях первой половины XVIII в. (Векслер, Осипов, 1999а. С. 217. Рис. 3). Аналогичные метки присутствуют на обуви середины XVIII в., хранящейся в коллекциии ГИМа (Алешина, 1997. Прил. 1. С. 1, 2).

4. Еще одну разновидность представляет знак в виде двух линий образующих острый угол (рис. 7, *г*). Такое клеймо уже встречалось на подошвах из слоя отходов сапожной мастерской на ул. Пречистенке (Векслер, Осипов, 1999б. С. 145. Рис. 2, *2*).

5. Наиболее сложную композицию имеет клеймо в виде четырехконечного креста с четырьмя отростками, вписанного в двойную трапециевидную рамку (рис. 7, *д*; 8). В нашей коллекции подошва с таким клеймом присутствует в единственном экземпляре.

6. Последняя группа клейм образована сочетанием продольных и поперечных линий (рис. 7, *е*). В коллекции Зарядья это клеймо присутствует в двух экземплярах на различных типах подошв.

Форма кроя подошв позволяет решить вопрос и об их датировке. Все клейменные подошвы относятся к конструкциям, распространенным в середине – второй половине XVII в. Такие подошвы зафиксированы нами при раскопках на ул. Арбат (Осипов, 1998), Кадашевской набережной (Осипов, 1996) и ул. Пречистенка (Векслер, Осипов, 1999б. С. 145. Рис. 2).

По результатам выборки, процент клейменых подошв в коллекции Зарядья составил 4.8% (16 из 331). Все клейменные подошвы принадлежат к

[19] Коллекции собраны Московской археологической экспедицией института археологии, при крупномасштабных раскопках в Зарядье в 1949–1957 гг.

[20] Возможно, клейма этого типа присутствовали и на подошвах первой группы, но частично стерлись в результате ношения обуви.

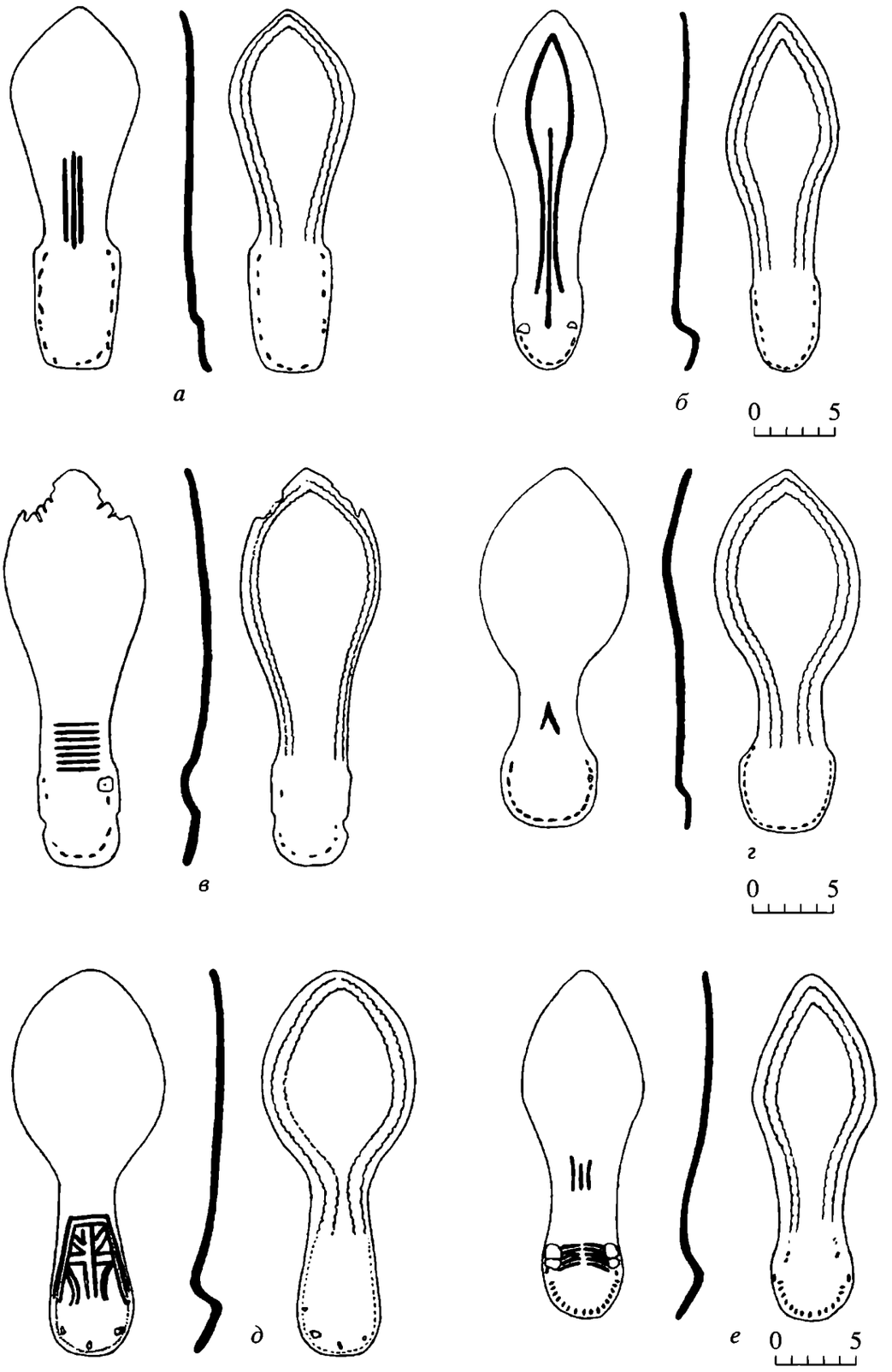


Рис. 7. *а* – клеймо в виде трех продольных линий; *б* – копьевидное клеймо; *в* – клеймо в виде семи продольных полос; *г* – клеймо в виде двух линий, образующих острый угол; *д* – клеймо в виде четырехконечного креста с четырьмя отростками, вписанного в двойную трапециевидную рамку; *е* – клеймо в виде сочетания продольных и поперечных линий.

сапогам. Форма подошв, облегающих каблук и являющихся одновременно набойкой в пяточной части, характерны для моделей с наборным каблуком. Небольшая длина клейменых подошв, не превышающая 240 мм, позволяет относить их к моделям женской обуви[21]. Нужно отметить, что при сравнение меток подошв третьей четверти

[21] До XVIII в. не существовало конструктивного различия женской и мужской обуви.

Рис. 8. Клеймо в виде четырехконечного креста с четырьмя отростками, вписанного в двойную трапециевидную рамку.

XVII в. из коллекции Зарядья с клейменными туфлями середины XVIII в., хранящимися в ГИМе[22], четко прослеживается преемственность их орнаментальной композиции.

В отличие от рельефных знаков на днищах раннесредневековых сосудов, считающихся у некоторых исследователей магическими знаками (Толочко, 1981. С. 298; Buko, 1999. С. 170–176), сапожные клейма на подошвах третьей четверти XVII в. являются знаками мастеров, стремившихся выделить свою продукцию на общем фоне. Известно, что в это время продолжается процесс разделения труда уже внутри сапожного производства. Его иллюстрирует появление таких специальностей как подошвенники, каблучники, голенищники и т.д., известные нам по писменным источникам. Так, по переписи дворов 1638 г. среди московских ремесленников упоминаются 125 сапожников, 7 из которых специализировались на раскрое подошв (Росписной список ..., 1911). Такие изменения в организации ремесленного производства, были вызваны увеличением объема продукции и усилением конкуренции на рынках сбыта. Все это, по-видимому, способствовало сложению цеховых корпораций, впервые упомянутых лишь в документах Петровского времени (История Москвы, 1953. С. 7, 8).

Очевидно, что сапожные клейма будут найдены не только на московской обуви, поэтому дальнейшая разработка данной темы представляется достаточно перспективной. Ведь клеймо превращает безликую деталь стандартного кроя в гораздо более информативную вещь. Отслеживание клейменой обуви в археологических коллекциях различных регионов, может способствовать решению таких вопросов, как сроки формирования цеховых организаций, определение рынков сбыта ремесленной продукции, миграция населения и т.д.

Информационные возможности этой категории археологических находок не исчерпываются представленным здесь материалом. Обращаясь к опыту западных коллег, можно отметить использование обувных коллекций для изучения таких проблем как динамика половозрастного состава населения, или вопросы санитарии города и гигиены его жителей (Groenmanvan Waateringe, Herschel, 1982. P. 335–340).

В данном случае представлены предварительные результаты, которые пока ставят больше вопросов, чем дают ответы на них. Дальнейшее развитие этих тем требует комплексных исследований с привлечением антропологов, этнографов и т.д. Однако для этого следует более тщательно относится к обработке коллекций "археологической кожи". В настоящее время для создания базы данных нами разработана специальная методика описания и систематизации обувных коллекций (Лихтер, Осипов, 2001. С. 32–34), которая будет опубликована в ближайшее время.

[22] Пользуясь случаем, выражаю благодарность Т.С. Алешиной за любезно предоставленный материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // РА. 1996. № 3.

Алешина Т.С. Непромокаемая обувь в России // Народное искусство в России. Традиции и стиль. Тр. ГИМ. Вып. 86. М., 1995.

Алешина Т.С. Историко-культурный потенциал обуви городского типа в России XVIII – начала XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Бужилова А.П. Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. М., 1995.

Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях на ул. Таганская д. 9/11 в 1998 г. // Архив ИА РАН. 1998.

Векслер А.Г. Отчет об охранных раскопках в Третьяковском проезде в 1999 г. // Архив ИА РАН. 1999.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1994 г). // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999а.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // РА. 1999б. № 1.

Векслер А.Г. Осипов Д.О. Кожаные сапоги из раскопок в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Коллекции кожаной обуви из раскопок на ул. Арбат в 1995–1997 гг. // Археологичечские памятники Москвы и Подмосковья (в печати, *а*).

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Коллекции кожаной обуви из раскопок на ул. Ильинка в 1996–1997 гг. // Археологичечские памятники Москвы и Подмосковья (в печати, *б*).

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. 1997. № 3.

Глазов В.П. Отчет об археологических исследованиях собора Рождества Богородицы г. Суздаля в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р–1. № 18441.

Григорьев М. Древняя Москва // По следам древних культур. М., 1953.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1999.

Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции за 1955 год // Архив МИГМ. 1955. НВФ. № 15371/155.

Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1916.

Зыбин Ю.П. Древнерусская обувь // Изв. ВУЗов. Технология легкой промышленности. Киев, 1960. № 5.

Зыбин Ю.П. Конструирование изделий из кожи // Учебник для ВУЗов. М., 1963.

Зыбин Ю.П. Конструирование изделий из кожи // Учебник для ВУЗов. М., 1982.

Зыбин Ю.П., Шестакова И.С., Богданов И.А. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи. Рукопись // Архив ИА РАН. 1952. Ф. 1. № 555.

Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

История Москвы. Т. 1. М., 1953.

Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.

Карский Е.Ф. Белорусы: Очерки словесности белорусского племени. Т. 3. Варшава, 1916.

Колесникова Н.А., Крамаренко Н.Г. Характеристика стоп женского населения Москвы // Стопа и вопросы построения рациональной обуви. М., 1968.

Конькова О.И. Мужчина и женщина в жизни и после смерти (археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Т. LVII. СПб., 1999.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды // Русские. М., 1977.

Курбатов А.В. Кожевенное производство в городах Северо-Запада России в XV–XVII вв. Дис.... канд. ист. наук. Л., 1997а.

Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII – первой половины XV веков по раскопкам Тверского Кремля 1993–1996 годов // Михаил Тверской. Личность. Эпоха. Наследие. Тверь, 1997б.

Курбатов А.В. Погребальная обувь в средневековой Руси (в печати).

Латышева Г.П. Раскопки курганов у станции Матвеевское в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954.

Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Конструктивная классификация обуви // АДИТ–2001. Тез. конф. Тула, 2001.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси IX–XIII вв. М., 1997.

Назаров Г.С., Виноградов М.В. Учебное пособие для обувщиков-ортопедистов. М., 1941.

Олеарий Адам. Путешествие в Московию. СПб., 1906.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.

Ольховский В.С. Обычай и обряд как форма традиции // РА. 1997. № 2.

Осипов Д.О. Описание кожаной обуви. (Приложение к отчету) // Векслер А.Г. Отчет об охранных раскопках на Кадашевской набережной д. 16–18 в 1996 г. Архив ИА РАН. 1996. Р–1. № 20402.

Осипов Д.О. Описание кожаной обуви, найденной при раскопках на ул. Арбат (Приложение к отчету) // Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических работах в Москве. 1998. Т. 1–3. Архив ИА РАН. 1998. Р–1. № 20775.

Оятева Е.И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Оятева Е.И. Семантика ритуального башмака //АСГЭ. 1978. Вып. 19.

Панова Т.Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XV–XVII вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Пежемский Д.В. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998.

Росписной список г. Москвы 1638 г. М., 1911.

Сабурова М.А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988.

Сапожно-башмачное ремесло / Сост. П. Вронский. СПб., 1911.

Станюкович А.К. О некоторых практических проблемах церковной археологии на современном этапе // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Тез. конф. М., 2001.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Толочко П.П. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Шеляпина Н.С. Московский Кремль. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в 1963–1965 гг. // Архив ФГУИКЗ "Московский Кремль". 1965. Ф. 20.

Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

Buko A. Znaki na dnach naczun z osrodkow wzesnomiejskich: zaganienie funkcji // История и культура древних и средневековых славян. Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999.

Groenman van Waateringe, Herschel H. How healthy were the feet our predecessors // Proceeding of the Paleopathology Association, 4-th European meeting. Middelburg. Antwerpen, 1982.

Leather footwear: The informational potential of archaeological collections (according to the materials of the excavations in Moscow)

D. O. Osipov

Summary

In the article the author describes some results of his study of the leather footwear collections preserved in the Moscow museums. The analysis of the mass material gives the opportunity to obtain the information far exceeding the bounds of the problems concerning the development of tanning trade and shoemaking. Thus, visual examination of worn–out details provide the possibility to establish the diagnoses of orthopaedic diseases, funeral footwear gives some ideas on the other world, whilst the stamps on boot–soles can serve as a complementary source for investigation of production market and the migrations of the population. The discussed issues require working out the methods of description and systematization of the collections of leather footwear.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 31–44

К ВОПРОСУ О КОСТОРЕЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ДОМОНГОЛЬСКОМ ВЛАДИМИРЕ-НА-КЛЯЗЬМЕ

© 2003 г. Ю. Э. Жарнов

Государственный центр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, Владимир

Разнообразные изделия древнерусских резчиков по кости составляют важную и едва ли не самую изящную группу археологических находок, особенно хорошо представленную в материалах раскопок городов с влажным культурным слоем. Многочисленные навершия, накладки, рукояти, гребни и другие предметы, встреченные в первую очередь в отложениях Новгорода, являются объектом не только вещеведческих работ, но и украшают страницы художественных изданий (Древний Новгород, 1985). Описание сделанных из различных видов костной ткани вещей, наряду с упоминанием находок следов самого процесса их изготовления (заготовок, отходов, бракованных или незавершенных предметов) служит традиционной характеристикой этой сферы производственной жизни затронутых раскопками поселений (Голубева, 1973. С. 169–174; Седова, 1978. С. 86–88; и др.). Значительно реже для анализа деятельности мастерских косторезов исследователи используют картографирование выявленных производственных отходов, их статистический анализ или реконструируют технологию изготовления отдельных предметов (Шовкопляс, 1954; Давидан, 1977; Гуревич, 1981. С. 141–144; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 198–201). В середине 1990-х годов этапными стали работы Л.И. Смирновой, задавшейся целью осветить вопросы организации и развития этого вида деятельности в средневековом Новгороде на основе углубленного анализа сырья и распределения производственных отходов территориально и во временно́м аспекте (Смирнова, 1995; 1997; 1998а, б; 1999). Масштабы обобщенного материала и методическая открытость этих исследований определяют эталонное значение полученных Л.И. Смирновой результатов для аналогичного осмысления итогов раскопок иных поселений средневековой Руси.

До недавнего времени отрывочная информация о косторезном производстве древнерусского Владимира-на-Клязьме, сухой культурный слой которого практически не содержит предметов из органических материалов, не давала серьезного повода для изучения этого вида ремесленной деятельности. В 1999 г., в пределах сравнительно небольшого раскопа на ул. Чехова (295 м^2) была выявлена серия находок производственного характера (363 экз.), количественно сопоставимая с обработанными Л.И. Смирновой коллекциями из новгородских раскопов–гигантов – Неревского (8840 м^2, 404 находки) и Троицкого I–X (4556 м^2, 303 находки). Особенно красноречиво сопоставление показателей используемого Л.И. Смирновой индекса Q (количество подобных находок на 100 м^2 исследованной площади), который для различных новгородских раскопов колеблется от 2.3 до 17.3, а для владимирского достигает 123.

В значительной мере исключительное богатство коллекции из раскопа на ул. Чехова определяют обстоятельства ее попадания в культурные отложения. Среди владимирских находок лишь два предмета (опиленные отростки лосиных рогов) происходят не из заполнения материковых углублений (таблица). Остальные фрагменты костной ткани со следами обработки выявлены в 10 ямах, но далеко не равномерно: 95% находок оказались в ямах 11(91.2%) и 12(3.8%), в других же встречены единичные экземпляры. Массовость находок из ямы 11, безусловно, отражает целенаправленный характер формирования этого комплекса, обнаруженного в заполнении мусорной ямы. Данное обстоятельство заставляет задуматься и о причинах сравнительной малочисленности новгородских коллекций.

Важной особенностью владимирского материала является кратковременность формирования преобладающей части коллекции, датируемой, в целом, концом XII в. – 1238 г., но оказавшейся среди бытовых отходов в яме 11, вероятно, в течение считанных лет или месяцев. Этот факт делает серию находок из раскопа на ул. Чехова еще более весомой (для сравнения: по данным Л.И. Смирновой, из напластований XI–XII вв. усадьбы "А" Троицкого раскопа, наиболее насыщенной остатками косторезного производства, происходят 30 обработанных фрагментов костной ткани (Смирнова, 1997. С. 359)). С другой стороны, владимирская коллекция не позволяет проводить сравнительно-исторический анализ организационных или производственных аспектов городского косторезного ремесла. Впрочем, эта ситуация определяется не только объемом информации о резчиках

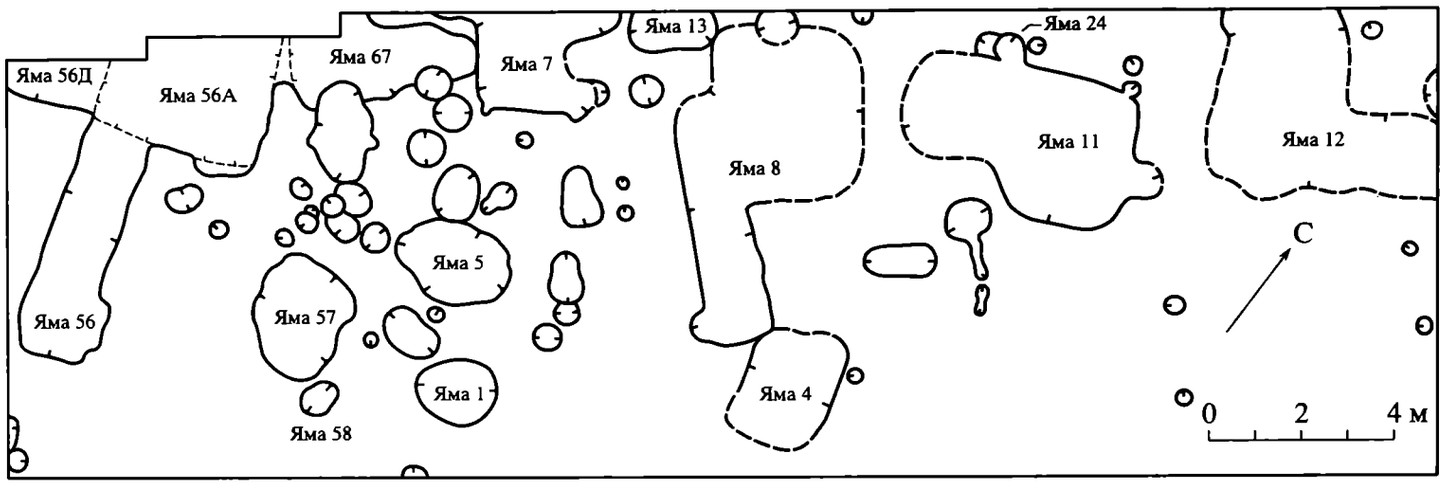


Рис. 1. Раскоп 1999 г. на ул. Чехова: план материковых углублений древнерусского времени.

по кости, но и отражает реалии истории города, возникшего в начале XII в. и растерявшего свой экономический потенциал после событий 1238 г. – второй половины XIII в.

Участок культурного слоя, раскопанный на территории между домами № 7 и 11 по ул. Чехова, расположен в восточной части исторического ядра Владимира, в так называемом "Ветчаном городе", археологические исследования которого особенно активно и успешно ведутся в последнее десятилетие. Мощность культурных напластований раскопа не превышала 100–120 см, на большей его части материк был выявлен на глубине 50–70 см от дневной поверхности. Слой оказался почти полностью переотложенным в результате интенсивного использования исследуемой территории под огороды, прорезан многочисленными котлованами построек XIX–XX вв. Следы городской жизни домонгольского времени определяются содержимым многочисленных материковых ям (рис. 1), заполнение которых сформировалось в течение не менее двух строительных периодов. Важной особенностью раскопанного участка явилось отсутствие жилых сооружений XII–XIII вв. Не были выявлены и следы усадебных оград этого времени, – т.е. раскоп оказался в пределах одного владения.

Из десяти ям с отходами косторезного производства только две (24, 58) служили основаниями

Распределение отходов косторезного производства из различных видов костной ткани по объектам их обнаружения

Объекты	Костные стержни полых рогов			Плотный рог	Животная кость			Зуб	Всего
	овца	коза	КРС*		КРС*	лошадь	неопределима		
Яма 11	234	47	3	42	1	1	1	2	331
Яма 12	1	3	–	8	2	–	–	–	14
Яма 8	2	1	1	–	–	1	–	–	5
Яма 56А	2	1	–	–	1	–	–	–	4
Яма 13	–	1	1	–	–	–	–	–	2
Яма 4	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Яма 5	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Яма 7	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Яма 24	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Яма 58	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Пласт 2	–	–	–	2	–	–	–	–	2
Всего	239	54	9	52	4	2	1	2	363

* КРС – крупный рогатый скот.

столбов. Яма 24 примыкала к яме 11 и, возможно, была с ней конструктивно связана. Остальные ямы, за исключением 56А, имели сложный рельеф донной части, образованной обычно несколькими корытообразными или воронковидными углублениями, и оказались канавами или углубленными частями наземных построек хозяйственного или производственного назначения. Судя по характеру отложений, основное заполнение ям 4, 7, 8 и 13 сформировалось из близлежащего сравнительно однородного культурного слоя, перемещенного во время перепланировки территории усадьбы, происходившей, вероятно, в первые десятилетия XIII в.; все отходы косторезного производства встречены именно в этом слое. Ямы 5 и 11, первоначально использовавшиеся как углубленные части хозяйственных построек, по прошествии времени оказались мусорными, а затем были присыпаны в ходе упоминавшейся или иной перепланировки; найденные здесь фрагменты костной ткани со следами обработки встречены в слое бытового мусора. При засыпке ямы 12 был использован не только близлежащий культурный слой, но и грунт из котлована, расположенного за пределами раскопа. Производственные отходы выявлены здесь в виде компактного скопления (на площади менее 1м^2) у восточной стенки раскопа, в слое, отложившемся, по-видимому, после засыпки основного объема ямы; лишь одна находка (диафиз плюсны крупного рогатого скота) оказалась в яме вместе с переотложенным материковым грунтом. Только на дне ямы 56А, являвшейся центральной частью комплекса углублений (ямы 56, 56А, 56Д), были обнаружены следы прямоугольной (размерами – 2.6 × 2.8 м) деревянной конструкции подполья наземного производственного сооружения. Со временем и этот комплекс углублений был засыпан (преимущественно материковым грунтом), а на его месте образовалось мощное скопление различных бытовых отходов предмонгольского времени. Три из четырех обработанных фрагментов костной ткани встречены в верхнем горизонте[1], из слоя засыпки происходит опиленный стержень рога козы. Таким образом, следы деятельности косторезов, вероятно, не были связаны с начальным этапом существования усадьбы, а оказались в материковых углублениях непосредственно перед ней, или в результате работ по перепланировке (может быть, неоднократной) ее нежилого участка.

Многочисленные остатки косторезного производства зафиксированы, главным образом, в восточной части раскопа (ямы 11, 12), тогда как в его западной половине выявлены преимущественно следы деятельности мастерской по обработке цветных металлов. Они представлены, главным образом, многочисленными (до 390) обломками тиглей различных типов, а также слитками и выплесками металла, остатками производства шаровидных бубенчиков, обломком каменной литейной формы, двумя ювелирными пинцетами. Большинство фрагментов плавильных сосудов найдено в ямах 56Д, 56А, 56, единичные обломки тиглей встречены практически во всех материковых углублениях, в том числе и в ямах 11 и 12. Из заполнения ямы 11 происходит и один из пинцетов. Отходы ювелирного производства обнаружены в отложениях, сформировавшихся в течение всего периода существования усадьбы, поэтому можно говорить об одновременном функционировании на ее территории двух производств. Следует лишь иметь в виду, что основная часть находок, характеризующих работу ювелиров, связана с ранним этапом существования усадьбы (придонный слой ям 56Д и 56А).

Владимирская коллекция остатков косторезного производства представлена всеми видами костной ткани (Смирнова, 1995): плотным рогом и костными стержнями полых рогов, животной костью и зубом (таблица). Важнейшей ее особенностью является абсолютное преобладание стержней полорогих животных – мелкого и крупного рогатого скота (83.2%). Столь весомая доля этого материала совершенно не соответствует ситуации, зафиксированной в Новгороде, где подобные опиленные стержни единичны и не считаются исходным сырьем косторезов (Смирнова, 1999. С. 123). Примечательно, что если материал раскопа на ул. Чехова ограничить тремя видами сырья, то получившееся соотношение (плотный рог – 85.2%, животная кость – 11.5%, зуб – 3.3%) окажется аналогичным новгородским данным, особенно для Троицкого раскопа (Смирнова, 1995. С. 123–127; 1997. С. 354–356; 1998б. С. 96–101). Лишь в яме 12 находок из плотного рога выявлено больше, чем фрагментов стержней полых рогов и животной кости вместе взятых (57% против 29 и 14% соответственно). Переходя к характеристике владимирской коллекции, следует заметить, что абсолютное количественное преобладание находок из ямы 11 позволяет анализировать материал, не различая его по месту обнаружения.

КОСТНЫЕ СТЕРЖНИ ПОЛОРОГИХ ЖИВОТНЫХ

Серию находок, представляющих данный вид сырья, составили рога трех видов животных: овец, коз и крупного рогатого скота. Наиболее значительна выборка стержней рогов овец (79%), образованная в абсолютном большинстве случаев рогами мужских особей. Вторую по количеству группу (18%) составили рога коз, среди которых костных стержней самцов и самок оказалось приблизительно одинаково. Наименее представи-

[1] В этом же слое (над ямой 67) обнаружено перовое лучковое сверло.

тельна выборка стержней крупного рогатого скота (3%).

По мнению Л.И. Смирновой, единичные опиленные костные стержни полорогих животных, обнаруженные в Новгороде, даже учитывая существование массовых серий подобных находок из раскопок средневековых городов Западной Европы, являются, скорее, отходами кожевенного производства (Смирнова, 1995. С. 121; 1999. С. 124). Разнообразный характер следов обработки рогов из раскопа на ул. Чехова, не только поперечно опиленных в основании и у острия, но и продольно распиленных на сегменты и пластины, несомненно, противоречит этой точке зрения исследователя. Владимирская коллекция позволяет не только "реабилитировать" костные стержни как сырье косторезов, но и восстановить вероятную последовательность операций по обработке рога. Для законченности реконструированной картины производственного процесса не хватает, может быть, главного, – предметов, сделанных из этого материала.

Для понимания целесообразности действий косторезов необходимо иметь представление о строении стержней рогов. Внешнюю структуру стержня определяет оболочка, образованная более или менее плотной костной тканью, толщина и плотность которой уменьшается по направлению от основания к острию. Внутренняя часть стержня состоит из примыкающей к черепу полости с тонкими перемычками и пористой губчатой структуры, занимающей остальной объем. Соотношение объемов полости и губчатой массы определяется как видовыми, так половозрастными и индивидуальными особенностями животных. В целом, наибольший объем пористой структуры характерен для рогов баранов, наименьший – для крупного рогатого скота и коз. У последних и участки пористой массы имели довольно плотную структуру. Костный стержень барана напоминает в поперечном разрезе полукруг, один из "углов" которого скруглен, а другой – заострен и соответствует переднему ребру рога. Сечение стержня рога козы имеет линзовидную форму с более острым передним ребром и округленным задним; наружная поверхность стержня более выпукла по сравнению с внутренней, последняя заметно уплощается к концевой части. Костный стержень крупного рогатого скота в сечении имеет округлые очертания.

Рога овец. Составившие эту выборку находки (239 экз.) по характеру следов обработки (распилы, обрубы, обрезы) позволяют в целом наметить такую последовательность операций: заготовка сырья и его предварительная обработка, вертикальная и горизонтальная продольная распиловка, изготовление пластин-заготовок.

Достаточно четкие следы операции заготовки сырья – отделения костных стержней от черепа при помощи топора и пилы, выявлены на 135 (из 171) фрагментах с сохранившимися участками основания стержней. Чаще всего рога поперечно распиливали у основания (75 находок), 20 раз стержни с частью черепа имели следы распила по лобной кости (обычно по соединительному шву). В 40 случаях зафиксированы следы отрубания рога от черепа (еще в 12 случаях вместе с распилами). Наиболее примечателен фрагмент черепа с основаниями двух отпиленных стержней и со следами обрубки черепных костей (рис. 2, *а*). Вполне вероятно, что перед нами результат предварительной обработки одной из наиболее удобных форм первичной заготовки сырья, когда после забоя животного верхняя часть черепа с рогами отсекалась (возможно, при снятии шкуры) и в таком виде попадала к косторезу. Далее при помощи пилы и топора происходило разъединение рогов, одновременно с отделением рогового чехла.

Последующие этапы обработки костных стержней преимущественно связаны с их продольной распиловкой. Пилить рога начинали со стороны острия, причем последнее для удобства работы чаще всего предварительно отпиливали (рис. 2, *в*); в нашей выборке оказалось 31 поперечно опиленное острие. Из 58 фрагментов продольно распиленных стержней, не имевших слома в концевой части, 36 были поперечно опилены у острия. Наиболее наглядно начало процесса "раскроя" костного стержня отражает находка из ямы 11 (рис. 2, *б*): опиленный по лобной кости и у острия стержень был еще и продольно распилен параллельно переднему ребру. Вертикальный распил, рассекающий стержень на две половины – переднюю и тыльную – в этом случае не был завершен, между тем в нашей выборке оказалось 41 передняя и 67 тыльных отпиленных частей стержня (рис. 2, *г*).

Дальнейший "раскрой" рога был связан с осуществлением еще одного продольного распила – перпендикулярного первому, горизонтального, отсекающего верхнюю уплощенную поверхность стержня (рис. 3). Судя по количеству выявленных фрагментов, тыльная половина рога интересовала, косторезов, по-видимому, в меньшей степени: встречены только 2 подобных объекта с отсеченным верхом, тогда как аналогичных фрагментов передней части оказалось 31 (рис. 3, *б*, *д*). Сходное соотношение и самих отпиленных "пластин" – 1 тыльная и 28 передних (рис. 3, *а*). Обнаружено еще 5 фрагментов верхней поверхности стержня, не вписывающихся в указанную схему "раскроя", представлявших собой как бы среднюю часть верхней поверхности рога (рис. 3, *в*, *г*). Все эти "пластины" имели вертикальный продольный распил, отделивший их от передней плоскости стержня, причем этот распил был сделан у самого ребра. Второй вертикальный распил, зафиксированный на одном из фрагментов (остальные "пластины" имели параллельный скол), отсекал, в свою очередь, тыльную часть стержня (рис. 3, *в*).

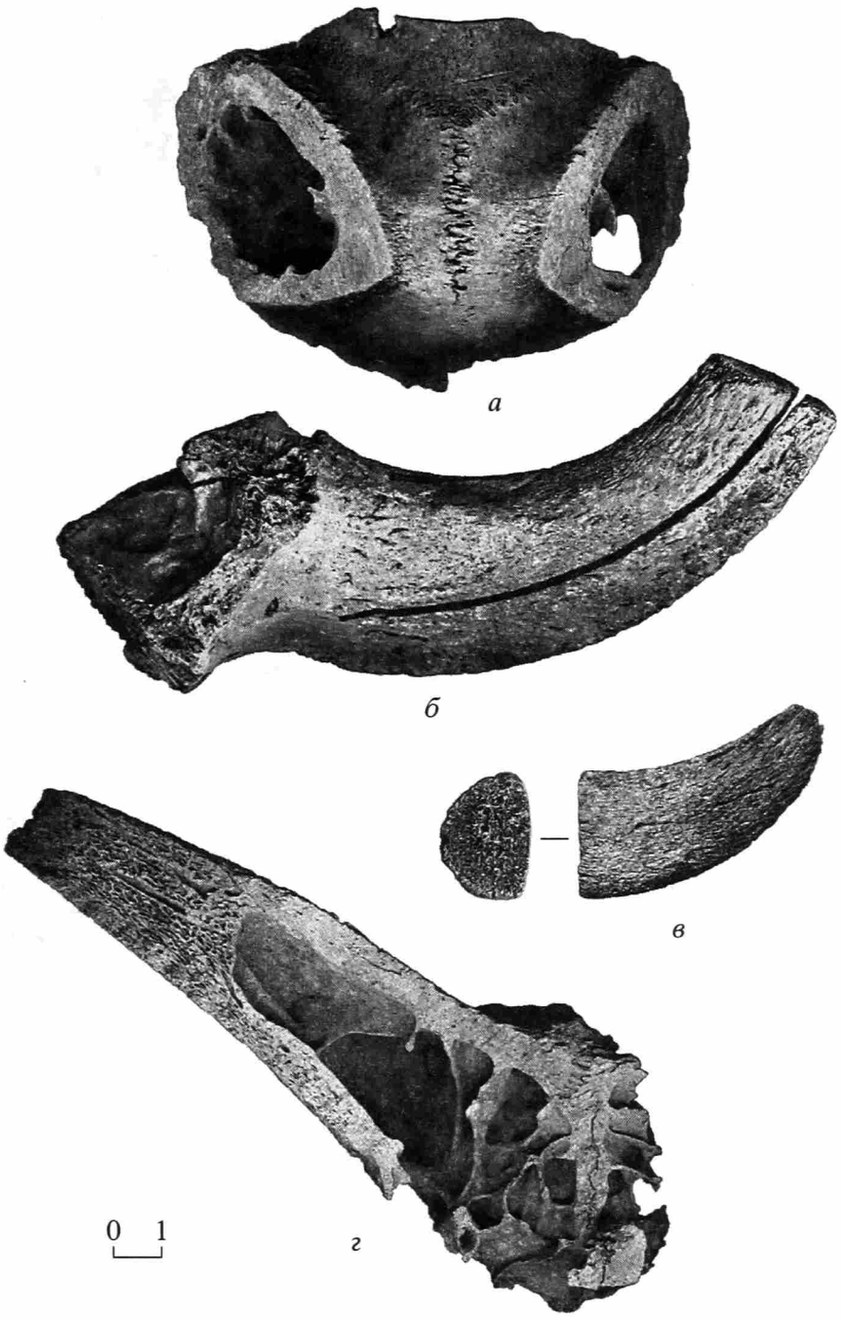


Рис. 2. Следы обработки костных стержней рогов овец. *а* – остатки черепа; *б–г* – опиленные стержни.

Следы подрезки перемычек полости, выявленные на внутренней стороне двух фрагментов верхней поверхности (рис. 3, *г*), указывают на конечную цель поэтапного рассечения стержня: получение пластин-заготовок из наиболее уплощенных частей стержня (в первую очередь, из верхнего участка рис. 3, *а*, *в*, *г*). В работу шли, главным образом, плотные части оболочки стержня, а фрагменты губчатой структуры отправлялись в отходы. Невостребованность тыльных участков стержней, видимо, обусловлена не только их округлыми очертаниями, не позволяющими изготовить пластинчатый полуфабрикат, но и тем обстоятельством, что эта часть оболочки (особенно нижний участок) в наибольшей степени пронизана каналами кровеносных сосудов.

Толщина плотной структуры стержней колебалась от 1–2 до 8–10 мм, составляя, в среднем, 4–6 мм. В ряде случаев эта костная ткань по плотности и толщине лишь немногим уступала животной кости. Ширина изготавливаемых из стержней пластин, судя по попавшим в отходы фрагментам, не превышала обычно 30 мм, чаще всего составляла 17–22 мм, в длину пластины, вероятно, достигали 1–3 значений ширины.

Рога коз. Зафиксированные на их костных стержнях (54 экз.) следы использования пилы или топора помогают реконструировать схему "рас-

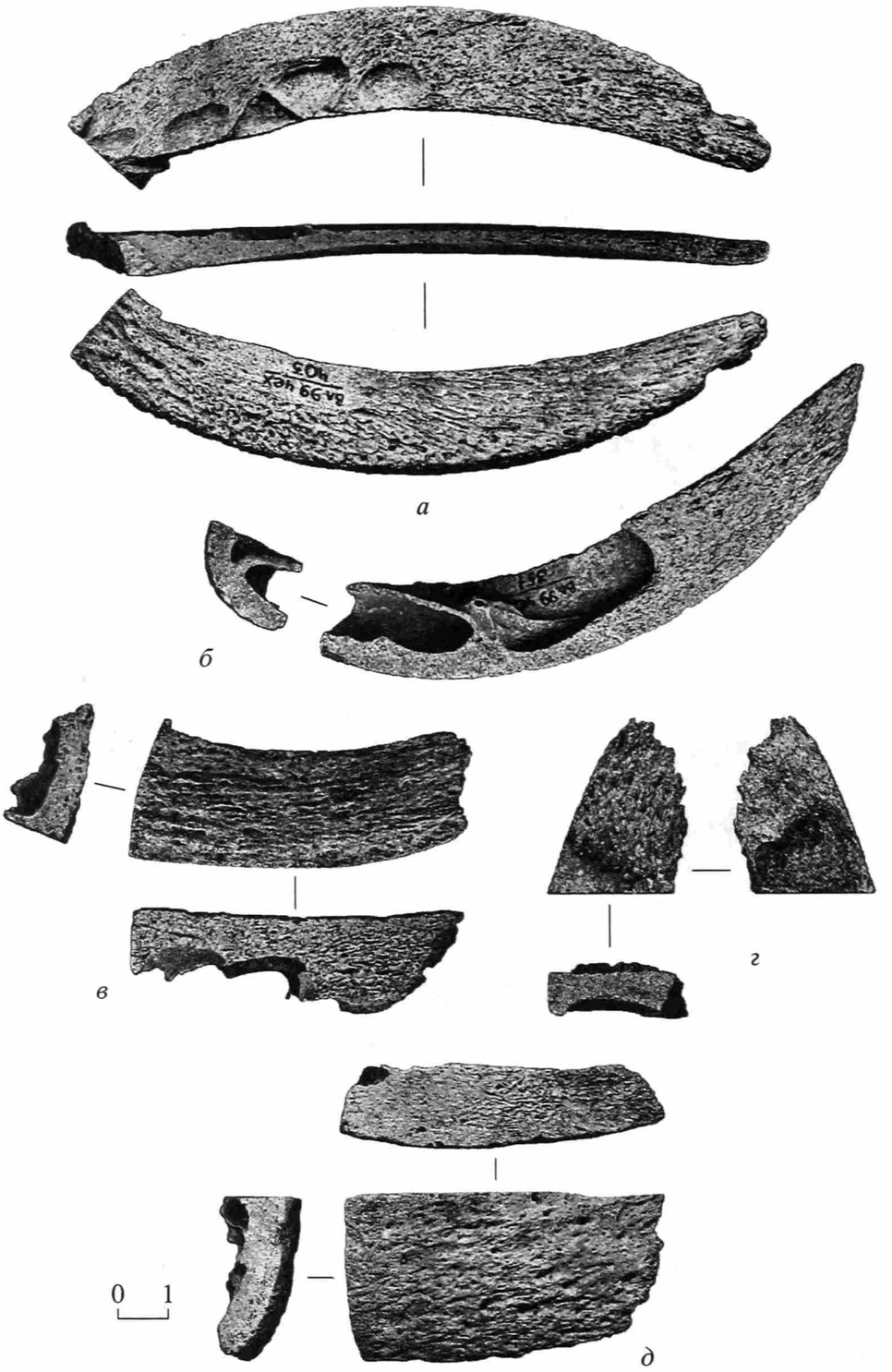


Рис. 3. Фрагменты распиленных костных стержней рогов овец.

кроя" этого материала, несколько отличающуюся от процесса рассечения рогов овец. Это обстоятельство обусловлено существенными различиями в строении и форме костных стержней двух видов животных.

Следы отделения рогов от черепа зафиксированы в 18 из 28 случаев обнаружения стержней с остатками основания, причем поперечный распил у основания выявлен лишь на пяти фрагментах. В выборку попали и две отсеченные от черепа фрагментарные лобные кости с парой стержней, указывающие на возможный способ первичной заготовки сырья.

Наиболее представительной в нашей коллекции оказалась группа находок с поперечными распилами в верхней части стержней. Ее составили 20 концевых фрагментов (рис. 4, *а*, *в*) и 21 опиленный стержень; примечательно, что острие не было

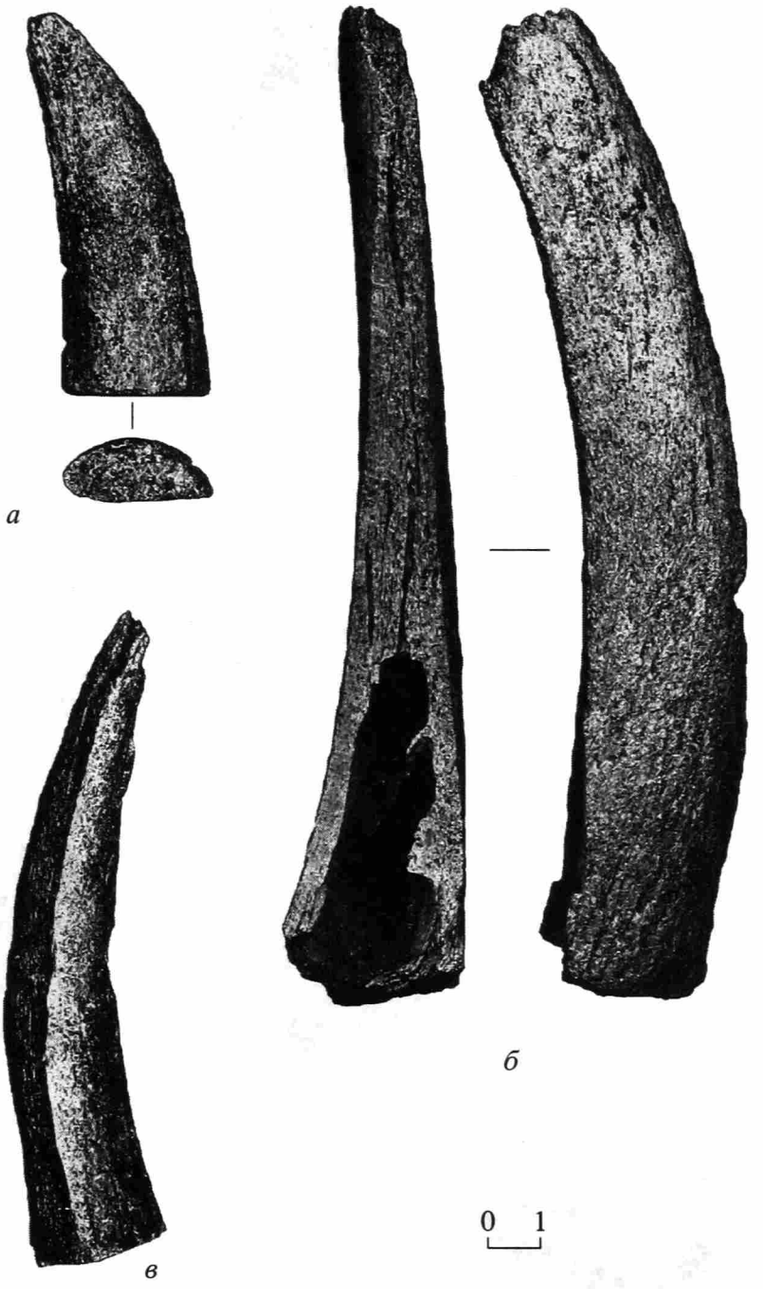


Рис. 4. Опиленные костные стержни рогов коз.

отсечено лишь у 6 стержней с необломанной концевой частью. В четырех случаях стержень был поперечно опилен с двух сторон (рис. 5, *а*).

Следы продольных распилов зафиксированы на 15 находках, из которых 4 являлись отпиленными у самого верха остриями (вначале их стержни распилили продольно). Во всех случаях продольная распиловка предусматривала отсечение переднего (11 находок), реже – заднего ребра (4 фрагмента, 3 из них – острия) (рис. 4, *б*, *в*). Характер дальнейшего "раскроя" стержней становится понятным благодаря находке из ямы 11: поперечно опиленный с двух сторон и с отсеченным передним ребром стержень имел незавершенный пропил, протянувшийся вдоль средней части наружной поверхности рога (рис. 5, *а*). Продольное рассечение костных стержней коз (в первую очередь, мужских особей) на этом этапе оказалось аналогично действиям с диафизами костей животных, направленным на получение пластин (Смирнова, 1995. С. 116). Вероятно, предварительное отсечение ребра было призвано выяснить толщину плотной ткани и придать формируемым пластинам прямоугольные очертания; в некоторых случаях (как, например, со стержнем, представленным на рис. 5, *а*) этот фрагмент с достаточно плотной структурой мог быть использован и для изготовления пластины или иного предмета.

По данным нашей выборки, вероятная толщина пластин из стержней коз составляла 3–8 мм

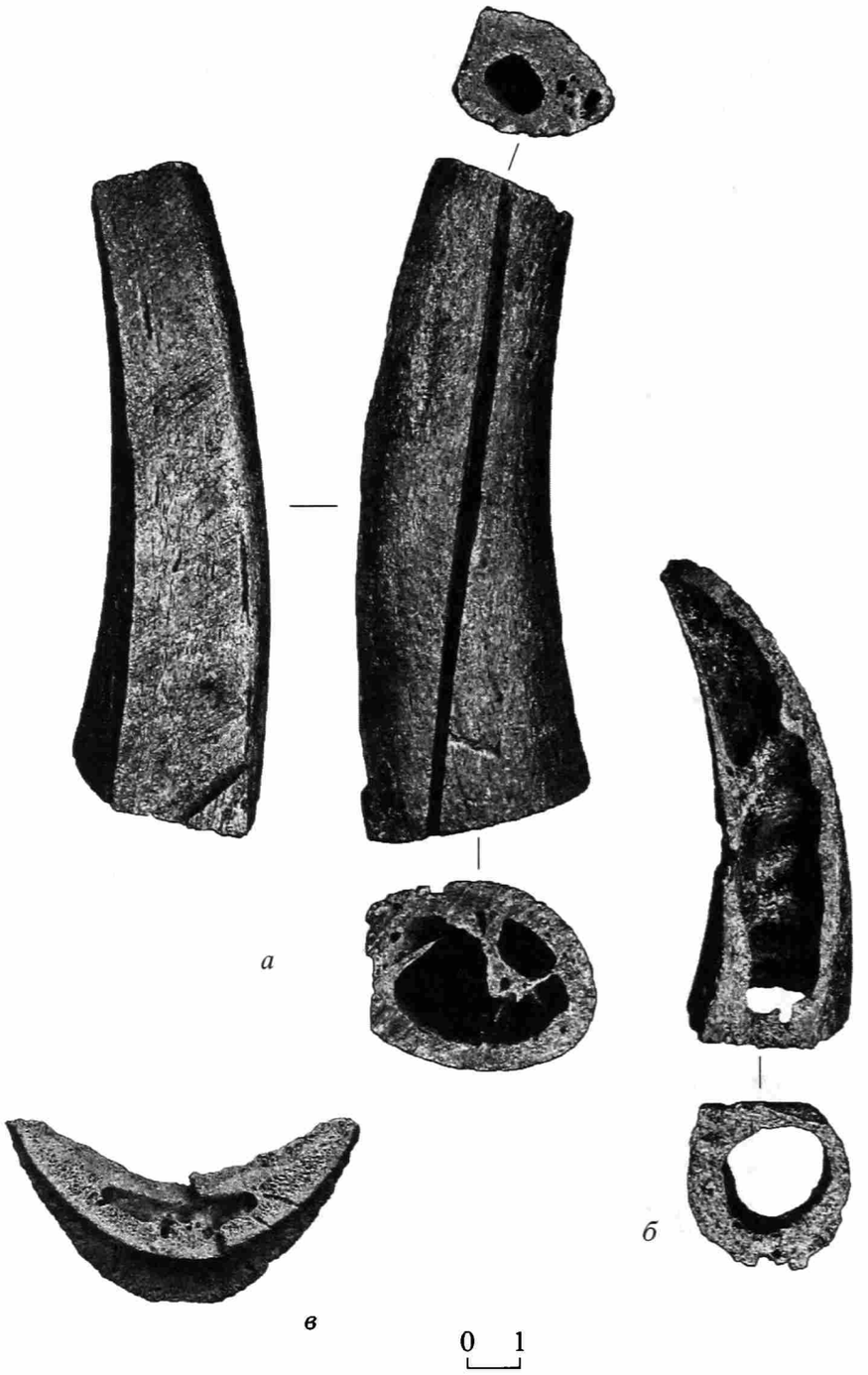


Рис. 5. Фрагменты обработанной костной ткани. *а* – костный стержень рога козы; *б* – костный стержень рога крупного рогатого скота; *в* – копыто лошади.

(в среднем, 4–5 мм); ширина заготовок, определяемая, в первую очередь, индивидуальными размерами стержней, могла достигать 15–25 мм, а длина – до 120 мм и более.

Рога крупного рогатого скота. В разной степени использованные косторезами стержни этих рогов представлены девятью находками. Все стержни с сохранившимися основаниями имели следы отсечения от черепа – обрубки (3 экз.) или поперечного распиливания (2 экз.). Как и в случае со стержнями коз, наиболее представительна группа находок, имевших поперечные распилы у острия: 3 фрагментарных стержня и 4 фрагмента концевой части.

Наибольший интерес вызывают находки с продольными распилами: верхняя треть стержня с отсеченным фрагментом оболочки (рис. 5, *б*) и 2 "пластины", поперечно опиленные у основания, с двумя продольными распилами (рис. 6, *а*, *б*). Последние, выявленные в ямах 11 и 24, оказались частями одного стержня, рассеченного на сегменты. Продольный распил концевой части рога (рис. 5, *б*) был сделан раньше поперечного; данное обстоятельство, а также незначительность отсеченного

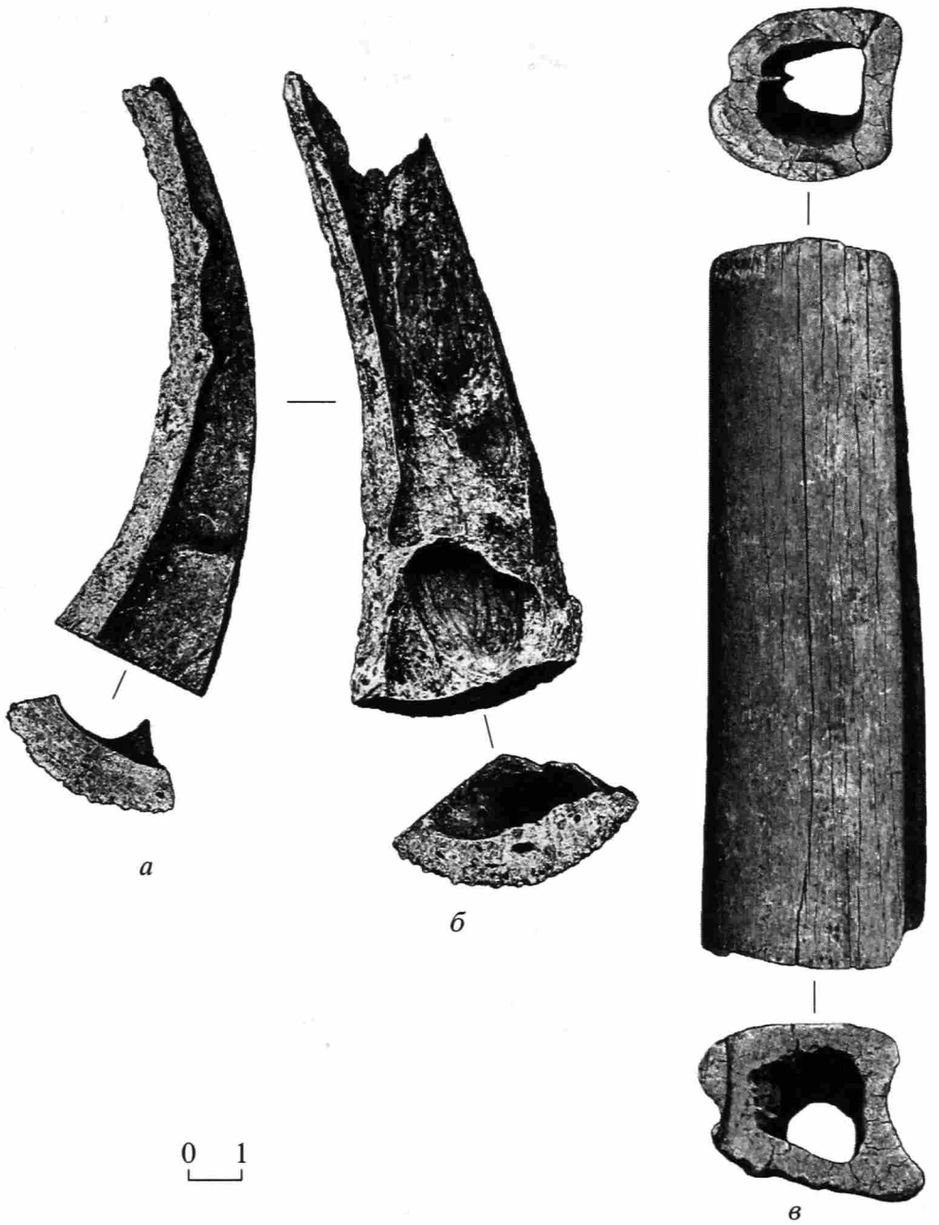


Рис. 6. Фрагменты обработанной костной ткани. *а*, *б* – фрагменты костного стержня рога крупного рогатого скота; *в* – диафиз плюсны крупного рогатого скота.

фрагмента позволяют предположить, что эта операция носила характер пробного или подготовительного рассечения, за которым должна была последовать продольная распиловка. Результатом таких действий и являлись "пластины", аналогичные найденным в ямах 11 и 24. Все фрагменты с продольными распилами имели очень плотную, достаточно толстую (до 9 мм) структуру, сопоставимую с компактным слоем трубчатых костей животных. К недостаткам этого материала можно отнести диктуемые формой рога ограничения поперечных размеров изготавливаемых пластин (по нашей выборке, не более 15–20 × 20–30 мм) и возможное присутствие в плотной структуре каналов для кровеносных сосудов.

Завершая анализ владимирской коллекции костных стержней полорогих животных, следует еще раз подчеркнуть, что данный вид костной ткани достаточно активно и со знанием дела использовался косторезами. Целью поэтапного "раскроя" стержней рогов было изготовление пластин-полуфабрикатов. Приемы рассечения стержней на пластины вполне сопоставимы с методами обработки такого широко распространенного поделочного материала, как диафизы метаподий крупного рогатого скота и лошадей. Значительное количество отходов, сопровождающее изготовление пластин из стержней полых рогов, обусловлено неоднородностью костной структуры и нестандартностью этого материала. Зачастую сделанные косторезами распилы стержней (особенно бараньих рогов) имели лишь оценочный характер и не предполагали ввиду непригодности сырья дальнейшей обработки.

ПЛОТНЫЙ РОГ

В пределах раскопа на ул. Чехова выявлены 52 находки, отнесенные к различным отходам обработки плотного рога, т.е. рогов животных из семейства оленей. В нашей выборке эта костная ткань представлена лишь лосиным рогом. Обнаружены 46 опиленных, отколотых или обрезанных фрагментов и 6 незавершенных(?) или бракованных предметов. Особенности строения (ствол с розеткой, лопата, отростки) и структуры (компакта, пористая сердцевина) рога лося (Смирнова, 1995. С. 118–120) определяют различные приемы обработки этого материала. Среди 46 находок, представляющих непосредственные отходы производства (опилки, обрезки) или куски неиспользованного сырья (в том числе, и заготовки), оказалось 6 фрагментов ствола, 16 – лопаты, 24 – отростков.

Наиболее ценной в поделочном отношении частью рога являлся ствол, практически целиком состоявший из плотной костной ткани – компакты. В нашей выборке оказались фрагменты стволов, достигавших в поперечнике 35–55 мм. Судя по следам обработки, стволы поперечными распилами делили на дисковидные заготовки (толщиной 7.5–8.5 мм) или же продольно рассекали (видимо, топором) на пластины (рис. 7, *д*). Фрагменты двух стволов с розетками (рис. 7, *б*) позволяют утверждать, что эти рога не являлись охотничьими трофеями, а были сброшены животными.

Значительный объем костной ткани лопаты занимала пористая губчатая структура, малопригодная для косторезов. Поэтому основным источником сырья служил внешний слой, состоящий из компакты. Сначала лопату поперечными распилами рассекали на отдельные участки; в нашей коллекции оказались два подобных куска рога из заполнения ямы 12 (рис. 7, *г*). Далее происходило продольное отделение компакты, судя по зафиксированным следам, также при помощи пилы (рис. 7, *в*). Преобладающую часть фрагментов лопаты (10 экз.) составили небольшие опиленные или обрезанные куски компакты, образовавшиеся как в ходе изготовления пластин-заготовок, так и при дальнейшем "раскрое" уже самих заготовок. По данным нашей выборки, толщина получаемых из лопаты пластин достигала 4–9.5 мм (в основном, 6–7 мм), их наибольшие поперечные размеры – 20–45 мм. Подобные параметры заготовок вполне достаточны для изготовления, например, небольших гребней типа М (по новгородской классификации). Встречены также пластины из поперечно распиленных или расщепленных кусков лопаты (рис. 7, *в*).

Самыми многочисленными оказались фрагменты опиленных или обрезанных отростков. Среди них встречены почти целые отростки (2 экз.) и поперечно опиленные их концевые части (9 экз.), опиленные и обструганные стержни сечением 10.5–13 и 19–32 мм и длиной 60–83 мм (заготовки рукоятей?; 2 экз.), стружки (2 экз.), а также дисковидные заготовки (с двумя поперечными распилами, иногда с обтесанной естественной поверхностью) и их продольно опиленные фрагменты (9 экз.) (рис. 7, *а*, *е*). Толщина "дисков" и их фрагментов достигала 6–14.5 мм, преимущественно 6–10 мм.

Костная ткань отростков была использована мастерами и для изготовления большинства незавершенных(?) или бракованных предметов (5 из 6): фигурной передней обоймы рукояти ножа (рис. 8, *а*); недосверленной дисковидной пластины (видимо, заготовки обоймы рукояти, рис. 7, *з*); навершия рукояти из концевой части отростка (рис. 8, *б*), обоймы рукояти или заготовки перстня (рис. 7, *ж*), а также втулки (длиной до 55 мм) из продольно высверленного отростка. Еще один предмет (фрагмент накладки составного гребня ?) был сделан из поперечно отсеченной от лопаты пластины, аналогичной представленной на рис. 7, *в*.

В целом, составившие производственные отходы фрагменты плотного рога позволяют предположить, что на территории усадьбы из этого вида костной ткани изготавливали, в первую очередь, детали (обоймы различных типов) или цельные рукояти, а также, возможно, гребни. Вероятно, изделиями этой мастерской были такие вещи из лосиного рога, как гребни из ямы 56А (рис. 8, *д*) и ямы 11 (рис. 8, *е*; возможно, производственный брак), дисковидная обойма рукояти (яма 1), втулка и накладка рукояти (яма 11), застежка лошадиных пут (яма 67, рис. 8, *г*).

ЖИВОТНАЯ КОСТЬ

Из семи фрагментов костей скелета животных (так называемая животная кость), имевших следы их использования косторезами, четыре принадлежали крупному рогатому скоту, два – лошади, еще один не определен. Известно, что наилучшим сырьем для резчиков, работавших с животной костью, являлись диафизы метаподий крупного рогатого скота и лошадей (Смирнова, 1995. С. 115, 116). Именно трубчатые участки этих костей конечностей имели наиболее массивную компакту. В нашу выборку попали четыре находки, связанные с использованием подобного сырья: три кости крупного рогатого скота (поперечно опиленный с двух сторон диафиз плюсны) и два отпиленных нижних эпифиза пясти и плюсны (рис. 6, *в*) и небольшой фрагмент диафиза со следами поперечного распила (видовая принадлежность неясна). Толщина компактного слоя выявленных фрагментов метаподий достигала 3.5–10 мм (преимущественно 5–6 мм). Обнаружены также фрагменты обработанных костей животных, не составлявших единой группы: обтесанный астрагал лошади, фрагмент опиленной тазовой кости крупного рогатого скота, а также опиленная нижняя часть копыта лошади (рис. 5, *в*).

Рис. 7. Фрагменты обработанного лосиного рога (*а–з*) и бивня мамонта (*и*).

Животная кость в исследуемой коллекции производственных отходов представлена единичными фрагментами. Между тем в материалах наших и Т.Ф. Мухиной раскопок 1998–2000 годов в центральной части исторического ядра Владимира (так называемый "Мономахов город"), на современной ул. Володарского, был обнаружен еще один значительный комплекс отходов косторезного производства домонгольского времени, где животная кость количественно преобладала.

ЗУБ

Этот вид костной ткани, используемой косторезами, охватывает, в первую очередь, клыки морских млекопитающих (главным образом, моржей), а также бивни слонов и мамонтов (Смирнова, 1995. С. 122). В нашей выборке данное сырье представлено двумя находками из ямы 11: небольшим фрагментом сломавшейся при изготовлении (?) втулки из дентинной ткани клыка морского млекопитающего (рис. 8, *в*), а также обломком бивня мамонта

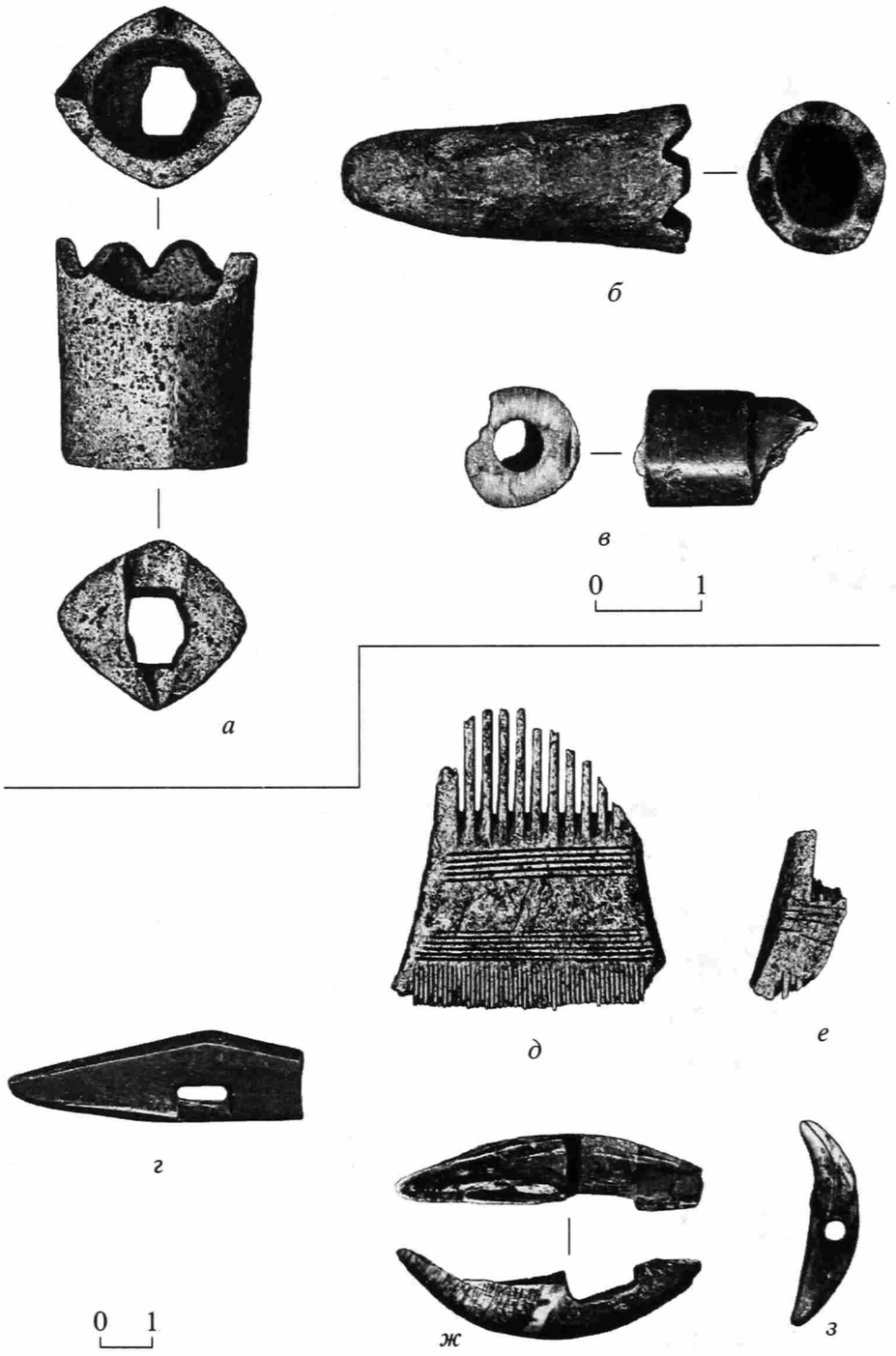


Рис. 8. Предметы из лосиного рога (*а*, *б*, *г–е*) и зубов млекопитающих (*ж*, *з*); *в* – моржовый клык.

(рис. 7, *и*). Если готовые изделия и различные отходы обработки моржовой кости достаточно хорошо известны, в частности, в Новгороде (Смирнова, 1999. С. 132–134), то мамонтовая кость в качестве отходов древнерусской косторезной мастерской встречена, по–видимому, впервые. Владимирская находка представляет собой обрезанный с торца стержень прямоугольного сечения (5–7 мм), вырезанный из более крупного отколотого фрагмента бивня. В отличие от моржовой кости, которая, безусловно, была привезена с берегов далеких северных морей (может быть, через Новгород), бивни мамонта скорее имели местный источник – плейстоценовые речные отложения. Из раскопа происходят еще два предмета из зубов млекопитающих явно местного происхождения – обработанные клыки медведя (яма 57) и представителя семейства псовых (яма 1) (рис. 8, *ж*, *з*).

Изучение коллекции отходов косторезного ремесла из раскопок на ул. Чехова позволяет не только выяснить характер использованного ремесленниками сырья и приемы его обработки, но и дает представление об инструментарии косторезов. Помимо следов работы пилой, топором, но-

жом, напильником и резцом, позволяющих лишь констатировать их применение, диаметр и характер отверстий, размеры и форма незавершенных распилов предоставляют возможность определить основные параметры пил и сверл. По данным нашей выборки, пилы для предварительной обработки сырья имели толщину полотна до 2 мм, а ширину – видимо, не более 5 мм. Для пропилов зубьев гребней и других тонких работ использовались пилы толщиной от 0.2 до 1 мм. Отверстия изготавливались двумя типами сверл: перовыми и циркульными. Найденное перовое лучковое сверло имело режущую часть диаметром около 4 мм (подобные отверстия выявлены на 4 предметах, рис. 8, *з*). Для получения отверстий в обоймах рукоятей (рис. 7, *з*; 8, *а*) применяли циркульные сверла диаметром 9 и около 10.5 мм. Отверстие в еще одной пластине из отростка лосиного рога (рис. 7, *ж*), подработанное ножом, было, по–видимому, сделано сверлом диаметром около 14 мм.

Владимирские косторезы, судя по данным нашей выборки, работали со всеми известными видами костной ткани. Возникает вопрос, можно ли по количеству выявленных отходов судить о значимости того или иного типа сырья для деятельности конкретной мастерской или городского ремесла в целом. При использовании статистического анализа такого материала, как отходы древнерусского городского косторезного производства, необходимо учитывать искажающий реальную ситуацию фактор, а именно – работы по благоустройству территории городов и усадебных владений. От отходов, безусловно, стремились избавиться и в первую очередь с усадеб, на которых занимались резьбой по кости, вывозились (или закапывались, как во Владимире) наиболее объемные отходы – остатки обработки стержней полых рогов и животной кости. Отсутствие в новгородских коллекциях X–XIII вв. серьезных серий отходов использования данных видов костной ткани, по-видимому, является следствием именно этого обстоятельства. Преобладание во владимирской выборке обработанных костных стержней полорогих животных может иметь, в целом, случайный характер (абсолютное преобладание этого материала прослежено лишь в одной мусорной яме).

Зафиксированный в раскопе на ул. Чехова способ избавления от отходов позволяет обратить внимание и на такой аспект в изучении древнерусских городских ремесел, как локализация мастерских и связанная с этим интерпретация производственных или жилых построек. Представляется, что выявляемые во время раскопок скопления обработанной костной ткани (особенно на памятниках с сухим культурным слоем, где основным объектом исследования являются материковые углубления), скорее всего, отражают именно последствия работ по благоустройству территории, а не фиксируют конкретное место расположения мастерской (например, см.: Даркевич, Борисевич, 1995. С. 200, 201).

Обнаруженные во время раскопок на ул. Чехова следы существования на территории одной усадьбы двух производств – ювелирного и косторезного, зафиксированы также на многих других памятниках, как более раннего времени, так и позднейшей эпохи (Давидан, 1977; Гуревич, 1981. С.142–144; Асташова, 1993. С. 77, 78; Смирнова, 1998а. С. 238, 239; и др.). Это позволяет говорить об универсализме ремесленного производства или о технологических преимуществах соседства мастерских соответствующего профиля (Смирнова, 1995. С. 116).

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-01-00187а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асташова Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.

Гуревич Ф.Д. Древний Новгрудок (посад – окольный город). Л., 1981.

Давидан О.И. К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладоге // АСГЭ. 1977. Вып. 18.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М., 1995.

Древний Новгород: прикладное искусство и археология. М., 1985.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

Смирнова Л.И. Состав сырья костерезов Древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // НИЗИА. 1995. Вып. 9.

Смирнова Л.И. Обработка кости и рога на усадьбах Неревского и Людина концов средневекового Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства) // Тр. VI МКСА. Т. 1. М., 1997.

Смирнова Л.И. Организация косторезного ремесла в Древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998а.

Смирнова Л.И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // НИЗИА. 1998б. Вып. 12.

Смирнова Л.И. Сырье новгородских косторезов (рог, кость и "рыбий зуб") // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.

Шовкопляс А.М. Некоторые данные о косторезном ремесле в Древнем Киеве // КСИА АН УССР. 1954. Вып. 3.

On bone-carving in the pre-Mongol Vladimir-on-Klyazma

Yu. E. Zharnov

Summary

The subject of the article is the collection of bone-carving waste dated to the period of Medieval Russia, its total number is 363 artefacts. The material was collected in 1999 during the excavations of the eastern portion of the historical centre of Vladimir-on-Klyazma, within the so-called Vetchany gorod. The waste includes all the types of antler and bone tissues used by craftsmen: dense antler, horn-cores of the cavicorn animals, bone, and teeth. Small cattle and cow horn-cores absolutely prevailed making 83.2% of the total, which is a unique feature of the collection. Dense elk antler is represented by fragments (52 items). Two finds of dentine tissue were recorded, the fragment of mammoth tusk is of greatest interest. The author raises the question concerning the correctness of evaluation of one or another kind of raw materials proceeding from their finds' number only. It is also stressed that the remains of two different workshops were revealed in the territory of one medieval plot: they were a jeweller's workshop and that of a bone-carver. Their close coexistence seems to be a regular phenomenon already known from other sites.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 45–55

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА

© 2003 г. Г. П. Гарбузов

Южный региональный информационно-аналитический центр, Ростов-на-Дону

Уже с начала 1970-х годов многоспектральные космические данные активно используются для изучения окружающей среды на региональном и субрегиональном уровнях в геологии, географии, экологии. Именно через посредничество этих дисциплин космическое дистанционное зондирование нашло себе место в региональных археологических проектах, связанных с различными палеореконструкциями и предиктивными моделями. Дальнейшее усовершенствование аппаратуры позволило приблизить космические данные по пространственной разрешающей способности к привычной для археологов аэрофотосъемке, и в тех же региональных проектах цифровые космические снимки стали успешно применять для подробного анализа структуры ландшафтов и топографической поддержки полевых изысканий.

К настоящему времени использование космических данных в археологии стало рядовым явлением. Автор в течение получаса нашел в Интернете ссылки более чем на 80 англоязычных работ, имеющих по заголовкам отношение к "космической археологии"[1]. На самом деле это немного – ссылок на работы, связанные с использованием геоинформационных систем в археологии, нашлось более 300. Диспропорция в числе работ наглядно показывает потенциал роста для проектов, использующих космические снимки, так как дистанционные данные – практически единственный источник информации для создания тематических слоев геоинформационных систем. Нетрудно прогнозировать увеличение интереса к космическим дистанционным данным и по другой причине – в космической технике произошла очередная революция, новое поколение спутников начинает поставлять очень качественную информацию, почти не уступающую аэрофотоснимкам по разрешающей способности, но значительно более содержательную и технологичную.

В предлагаемой статье две части: первая содержит изложение некоторых общих понятий и принципов, касающихся физических основ дистанционного зондирования Земли, описание наиболее распространенных данных, пригодных для использования в археологии, во второй – по необходимости краткий и не претендующий на полноту обзор применений этих данных в археологии.

1. ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ЗЕМЛИ: САМЫЕ ОБЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ И ТИПОВ ДАННЫХ

Введение в терминологию

Дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ) в наиболее широком смысле означает получение любыми неконтактными методами информации о поверхности Земли, объектах на ней или в ее недрах. Однако обычно ДЗЗ (английский термин – remote sensing) понимается более узко: как область знания, связанная с дистанционным измерением и последующим анализом восходящего от поверхности Земли электромагнитного излучения (Гоутц и др., 1985; Кондратьев и др., 1986; Кроненберг, 1988). Требует уточнения понятие "дистанционное" – выделяют наземные, авиационные и космические измерения (трехуровневая схема ДЗЗ). Ниже будут обсуждаться дистанционные измерения с космических или авиационных (авиасъемки методически близки космическим) носителей аппаратуры.

Начало ДЗЗ в приведенном выше смысле можно отнести к 1859 г., когда француз Гаспар Турнашон сфотографировал с воздушного шара деревню недалеко от Парижа. Первый фотоснимок земной поверхности из космоса с высоты в 120 км был получен в США в 1945 г. при помощи ракеты Fau-2 немецкого производства. Баллистические ракеты в дальнейшем использовались для космической фотосъемки вплоть до конца 1950-х годов. Началом систематического обзора Земли из космоса считается запуск американского метеорологического спутника Tiros-1 (1 апреля 1960 г.).

Некоторые принципы ДЗЗ

Область регистрируемых в ДЗЗ длин волн от ультрафиолетовых оптических до СВЧ-радиоволн. С точки зрения используемых источников электромагнитной энергии ДЗЗ может быть пассивным и активным. В пассивных системах ДЗЗ измеряется либо отраженный солнечный свет, либо переизлученная земной поверхностью тепловая радиация. В активных системах ДЗЗ измеряют отраженный земной поверхностью сигнал от специального источника излучения.

[1] Много ссылок можно найти, например, на специализированном сайте "Satellite Remote Sensing and Archaeology": http://ourworld.compuserve.com/homepages/mjff/homepage.htm

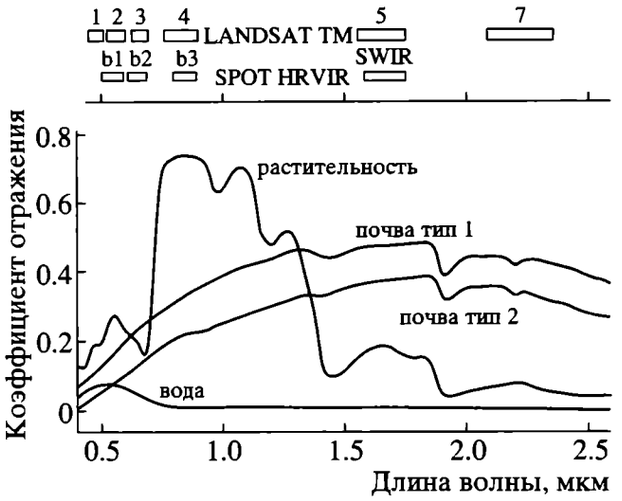


Рис. 1. Характерные спектры отражения, измеренные в лабораторных условиях. В верхней части рисунка показано спектральное расположение и наименование каналов космических сканеров LANDSAT TM и SPOT HRVIR.

Регистрация испускаемого и (или) отраженного земной поверхностью электромагнитного излучения сильно осложняется влиянием атмосферы. Суммарное поглощение излучения всеми газами делает атмосферу во многих участках спектра совершенно непрозрачной. Регистрирующая аппаратура космических систем ДЗЗ может эффективно работать только в диапазонах "окон прозрачности" атмосферы. Это четыре основных оптических диапазона: видимый (0.4–0.7 мкм), ближний инфракрасный (0.7–2.0 мкм), средний инфракрасный (2.0–5.0 мкм), дальний инфракрасный (8.0–15.0 мкм) (Гоутц и др., 1985. С. 8. Рис. 2).

Солнечное излучение, падающее на Землю, либо рассеивается земной поверхностью, либо поглощается и затем переизлучается в тепловой области спектра. Процессы рассеяния и поглощения в оптическом диапазоне длин волн происходят в наружных слоях земной поверхности толщиной в несколько миллиметров, поэтому ни о каком "просвечивании" земных недр с помощью, допустим, панхроматических или инфракрасных аэро- и космофотоснимков не может быть и речи. Единственное исключение здесь – изображения водной поверхности в видимом диапазоне, где глубина зондирования определяется прозрачностью водной среды и может составлять десятки метров для чистых океанских вод и десятки сантиметров для мутных внутренних водоемов. Способностью же проникать в земную поверхность на небольшую глубину (вплоть до единиц метров) в особых почвенных условиях обладают только радиоволны дециметрового диапазона, используемые при проведении активных радарных (радиолокационных) космических съемок.

Процессы поглощения, рассеяния и переизлучения энергии являются функцией длины волны и зависят от физического состояния и химического состава веществ, составляющих земную поверхность. Этот факт принципиально важен. Все методы интерпретации данных ДЗЗ предполагают существование различий между спектрами отражения наблюдаемых объектов (примеры спектров отражения приведены на рис. 1). Отсюда стремление повысить информативность ДЗЗ за счет совместного анализа измерений в нескольких спектральных каналах. Для интерпретации сложных композитных спектров отражения, образуемых в результате суммирования вкладов многих компонент (например, спектров водных сред, загрязненных взвесями, фитопланктоном, органикой и т.п. или спектров систем типа почва–растительность), стараются использовать гиперспектральную аппаратуру с большим числом узких спектральных каналов. Например, аппаратура SeaWifs океанологических спутников SeaStar работает в восьми узких (ширина 20 нм) спектральных каналах в пределах видимого и ближнего инфракрасного диапазонов. К сожалению, стоимость и сложность систем ДЗЗ растет пропорционально числу и качеству спектральных каналов, поэтому почти все коммерческие космические системы ДЗЗ высокого пространственного разрешения представляют собой определенные компромиссные решения. Российская система "Ресурс-О", французская SPOT, индийская IRS, американская Ikonos имеют 3–4 широких (до 100 нм в видимом диапазоне, до 200 нм в инфракрасном диапазоне) спектральных канала в пределах уже упомянутых "окон прозрачности" атмосферы. Особняком стоит американская система изучения природных ресурсов Земли LANDSAT с аппаратурой TM (тематический картограф), позволяющей формировать изображение с высоким разрешением в шести спектральных каналах.

Панхроматические (черно-белые) снимки, в том числе аэро- и космофотоснимки – частный случай многоспектральных съемок, когда используется единственный, обычно широкий, спектральный канал. Отметим, что при прочих равных условиях способность различать объекты у одного широкого спектрального канала меньше, чем у совместно анализируемых измерений многоспектральных систем в том же диапазоне длин волн. Например, всегда можно подобрать яркость и цветовую насыщенность объектов различного цвета так, чтобы они были неразличимы по фототону на черно-белом фотоснимке, в то время как на обычный цветной фотографии того же масштаба и качества они будут легко различимы.

Основные типы данных ДЗЗ

Обзор данных ДЗЗ ограничим снимками с высокой пространственной разрешающей способностью (размером пикселя изображения) – не хуже 50 м. Данный порог разрешения определяется, во-первых, возможностями реально работающих систем ДЗЗ и накопленными многолетними архи-

Таблица 1. Технические характеристики космических фотокамер

Общие сведения	КФА-3000	КФА-1000	МК-4	КАТЭ-200	КВР-1000
Разрешение, м	2–3	4–5	8–12	20	2
Годы съемок	1978–1993	1983–1999	1988–1995	1974–1999	1981–2000
Спектральные зоны, нм	Панхром.	Двухслойная пленка,	515–565	480–600	Панхром.
		570–680	635–690	600–700	
		680–810	810–900	700–850	
Площадь кадра, км^2	440	5600	30000	50000	40 × 160

вами данных, во-вторых, опытом применения таких данных при изучении ландшафтов и создании тематических карт.

Весь очерченный таким образом массив данных ДЗЗ можно разделить на три категории по признаку применяемой съемочной технологии: фотографическая, цифровая сканерная и радарная.

Космофотоснимки можно рассматривать как аналоги аэрофотоснимков, полученные со значительно больших высот – от 200 до 1000 км. Изменение высоты съемки приводит к изменению масштаба и пространственного разрешения – посредственное для аэрофотосъемки пространственное разрешение в 1 м для космических фотоснимков очень хороший, почти предельный показатель. Положительная сторона космофотоснимка – большая обзорность: один кадр может покрывать площадь во много тысяч км^2. В ряде случаев это свойство весьма полезно.

Так же как и при аэрофотосъемке, в космических системах могут использоваться разные типы пленок, наиболее распространены панхроматические, они наименее зернистые и обеспечивают максимальное пространственное разрешение. Но, как отмечалось выше, панхроматический снимок не несет достаточной информации о спектральных свойствах объектов, и если в аэросъемочных системах это как-то компенсируется крупным масштабом съемки, то в случае генерализованной космической съемки отсутствие "цвета" – большой недостаток, поэтому, с точки зрения исследовательских работ, наиболее интересны космические съемки с использованием спектрозональных пленок и съемки специальными многопленочными камерами.

В спектрозональной пленке несколько светочувствительных слоев, каждый из которых чувствителен к определенной зоне спектра. Например, снимки камерой КФА-1000 (серия советских и российских фотографических спутников "Ресурс-Ф") производятся на двухслойную пленку – один слой чувствителен к красной, другой – к ближней инфракрасной области спектра.

Многопленочные камеры (камеры КАТЭ-200 и МК-4 спутников "Ресурс-Ф") осуществляют синхронную съемку через отдельные объективы и светофильтры на отдельные пленки, в результате съемки получается несколько черно-белых изображений одного участка земной поверхности, соответствующих разным зонам спектра. В отличие от спектрозональной съемки на многослойную пленку, где мы получаем только один неизменный вариант синтеза цветного изображения, при съемках на отдельные пленки есть возможность или синтезировать цветное изображение произвольным образом, или анализировать каждый спектральный канал независимо от других.

В табл. 1 приведены некоторые основные характеристики отечественных космических фотокамер, в том числе камеры КВР-1000, проводившей съемки в интересах военно-топографической службы (Королев, Баранов, 1996а. С. 71)[2]. Снимкам КВР-1000 по разрешающей способности соответствуют разведывательные американские космофотосъемки 1967–1972 гг., рассекреченные в 1995 г. (система CORONA, камера KH-4B)[3].

Общие недостатки фотографических снимков – зависимость от фотопроцесса (свойств фотоматериала, экспозиции, проявки) и необходимость последующего оцифровывания для анализа в программах обработки данных. Эти недостатки наиболее существенны при работе с многозональными (многоспектральными) фотоизображениями, которые на самом деле еще до начала анализа уже "интерпретированы" фотопроцессом и оцифровкой достаточно случайным образом.

Более достоверным анализ изображений становится при переходе к современным способам регистрации излучения – с помощью цифровых съемочных устройств (оптико-механических или оптико-электронных сканеров). Эти сканеры, как уже отмечалось, имеют не менее трех спектральных каналов и, кроме того, часто имеют возможность работать в панхроматическом режиме с пространственным разрешением, в 2–4 раза лучшим, чем при многоспектральной съемке. Цифровые съемочные системы постоянно совершенствуются. Основное направление их развития – достижение сравнимого с фотографическими системами прост-

[2] Данные дополнены информацией, полученной в компании "Совинформспутник", г. Москва.

[3] Более подробно об этих съемках – в Интернете по адресу http://edcwww.cr.usgs.gov/glis/hyper/guide/disp

Таблица 2. Характеристики цифровых сканеров космического базирования 1980-х – середины 1990-х годов

Общие сведения	LANDSAT TM	SPOT HRVIR	IRS LISS-3	Ресурс-О МСУ-Э	ОС Мир МОМС-2П
Год развертывания	1982	1986	1995	1988	1996
Разрешение в многоспектральном режиме, м	30	20	23.5	34–45	18
Разрешение в панхроматическом режиме, м	–	10	5.8	–	6
Число спектральных каналов высокого разрешения	6	4	3	3	4
Спектральные каналы, нм	450–520				
	520–600	500–590			
	630–690	610–680	520–590	500–600	440–505
	760–900	790–890	620–680	600–700	530–575
	1550–1750	1580–1750	770–860	800–900	645–680
	2080–2350				770–810
Ширина полосы обзора, км	185	60	142	45	105

Таблица 3. Характеристики цифровых сканеров космического базирования нового поколения

Общие сведения	Ikonos	OrbView-3	OrbView-4*	QuickBird	SPOT-5
Компания	Space Imaging	Orbimage	Orbimage	Earth Watch	Spot Image
Год запуска	1999	2001	2001	2001	2002
Разрешение в многоспектральном режиме, м	4	4	8	4	10 (20)
Разрешение в панхроматическом режиме, м	1	1	–	1	5
Число спектральных каналов высокого разрешения	4	4	200	4	4
Спектральные каналы, нм	450–530	450–520	450–2500	450–520	500–590
	520–610	520–600		520–600	610–680
	640–720	625–695		630–690	790–890
	770–880	762–900		760–890	(1580–1750)
Ширина полосы обзора, км	11	8	5	22	60

* Гиперспектральный режим.

ранственного разрешения при высоком радиометрическом качестве. Уровень технического прогресса можно оценить из сравнения характеристик сканеров в табл. 2 и 3. В табл. 2 приведены основные характеристики цифровых сканеров систем ДЗЗ космического базирования, разработанных в 1980-е и в начале 1990-х годов (Гарбук, Гершензон, 1997. С. 59–125, 158–165). Спектральное положение каналов съемки сканеров LANDSAT TM и SPOT HRVIR указано на рис. 1. В табл. 3 приведены те же характеристики для сканеров нового поколения (введена в эксплуатацию система Ikonos, остальные войдут в строй в ближайшее время)[4].

Радарные (радиолокационные) снимки отличаются от всех остальных данных ДЗЗ по методам получения изображений и используемым диапазоном длин волн. Основное отличие – активный способ получения изображений, с применением собственных источников, облучающих земную поверхность. В связи со специфическим диапазоном длин волн (от 3 до 72 см) радарные системы позволяют исследовать физические свойства (морфологию, шероховатость, диэлектрическую проницаемость, влажность) земной поверхности, ее покрова и приповерхностных слоев, при этом измерения не зависят от состояния атмосферы. Современные радарные системы космического базирования способны получать изображения с пространственным разрешением 10–20 м, в перспективе – до нескольких метров. В табл. 4 приведены некоторые характеристики ряда радиолокационных систем ДЗЗ космического базирования (Гарбук, Гершензон, 1997. С. 129–158). Помимо долговременных систем в 1980–1990-х годах было реализовано несколько программ радиолокационной съемки поверхности

[4] Данные получены с Интернет-сайтов: http://www.spotimage.com, http://www.orbimage.com, http://www.digitalglobe.com, http://www.spaceimaging.com

Таблица 4. Характеристики радарных систем космического базирования

Общие сведения	ERS-1, ERS-2, ENVISDAT Европа	JERS-1 Япония	RADARSAT Канада	Алмаз-1 Россия
Год развертывания	1991	1992	1995	1991–1992
Пространственное разрешение, м	30	18	10–100	15–20
Диапазон длин волн, см	5.7	23	5.7	10
Ширина полосы обзора, км	100	75	50–500	40

Земли с борта американских космических кораблей многоразового использования.

Анализ данных ДЗЗ: несколько замечаний

В зависимости от решаемой задачи есть два основных взаимодополняющих подхода к дешифрованию снимков. Первый – выделение каких-то объектов как представителей своего класса (домов, дорог, полей и т.п.), определение их границ и площадей; второй – выделение качественных признаков объектов (типов растительного покрова, почв и т.п.) или картирование непрерывно распределенных величин (солености моря, температуры и т.п.). Первый подход порождается топографическими задачами: число отображаемых на карте классов объектов ограничено, объекты надо распознать на снимке и оконтурить (создать карту). В этом случае практически нет необходимости дистанционно определять свойства объектов, их качественные отличия друг от друга внутри своего класса. Второй подход вырастает из нужд отраслевого тематического картирования, на него изначально ориентированы многоспектральные данные ДЗЗ, в нем чаще всего применяются процедуры машинной классификации.

Что касается деталей цифровой технологии анализа снимков, то их подробное рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи. Полезное введение в основы обработки дистанционных данных можно найти в работе Ю.П. Королева и Ю.Б. Баранова (1996б). Здесь же отметим только, что все технологические операции анализа делятся на предварительную обработку (радиояркостную коррекцию, геометрическую коррекцию, монтаж больших изображений из отдельных кадров и собственно тематическую обработку.

Предварительная обработка – рутинный, но обязательный этап, важный для интеграции ДЗЗ и ГИС-технологий. Только после геометрической трансформации и привязки к географическим координатам (регистрации) и сам снимок, и все результаты его интерпретации могут быть "интересны" для ГИС. В этой связи уместно упомянуть приемники спутниковой навигации (GPS-приемники) – их важнейшая роль состоит в увеличении точности трансформации и регистрации снимков. Все прецизионные работы с космическими снимками выполняются сейчас на основе GPS измерений.

Тематическая обработка – процесс, в котором нет жестких алгоритмов достижения заданной цели. Интерпретация снимков в силу ряда принципиальных причин не поддается полной автоматизации. С формальной же точки зрения, в ходе интерпретации проводят различные преобразования исходных изображений: изменяют вид гистограмм, накладывают фильтры-свертки, делят (складывают, умножают и т.д.) спектральные каналы, вычисляют главные компоненты, используют автоматическую классификацию и многое другое. Но в любом случае отбор наилучших вариантов решений и их окончательную интерпретацию проводит эксперт, основываясь на своих знаниях и тестовой информации.

2. КОСМИЧЕСКИЕ СНИМКИ В АРХЕОЛОГИИ

Использование дистанционного зондирования Земли в археологических исследованиях в виде аэрофотосъемки широко практиковалось задолго до начала освоения космоса. Успешные пионерские работы в этой области относятся к периоду первой мировой войны. Принципы археологической аэрофотосъемки были сформулированы в первой половине 1920-х годов английским исследователем О. Кроуфордом, в двадцатые–тридцатые годы аэрофотосъемка уже активно использовалась для археологической разведки древних памятников в Европе, Азии, Америке (Дойель, 1979). К концу 1950-х годов был накоплен большой опыт подобных исследований, сложилась методическая база анализа снимков, остававшаяся практически неизменной до появления многоспектральных съемок и цифровых методов обработки (Bradford, 1957).

В СССР впечатляющий пример включения аэрофотосъемки в археологические исследования дает работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, в которой с 1946 г. применялась перспективная аэрофотосъемка ручной камерой, а с 1949 г. плановая аэрофотосъемка специальным аэрофотоаппаратом (Толстов и др., 1962). Там же в 1959 г. были сделаны первые в СССР попытки использования цветной пленки для аэрофотосъемки археологических памятников.

Космические снимки органично продолжают и расширяют в новых технологических условиях су-

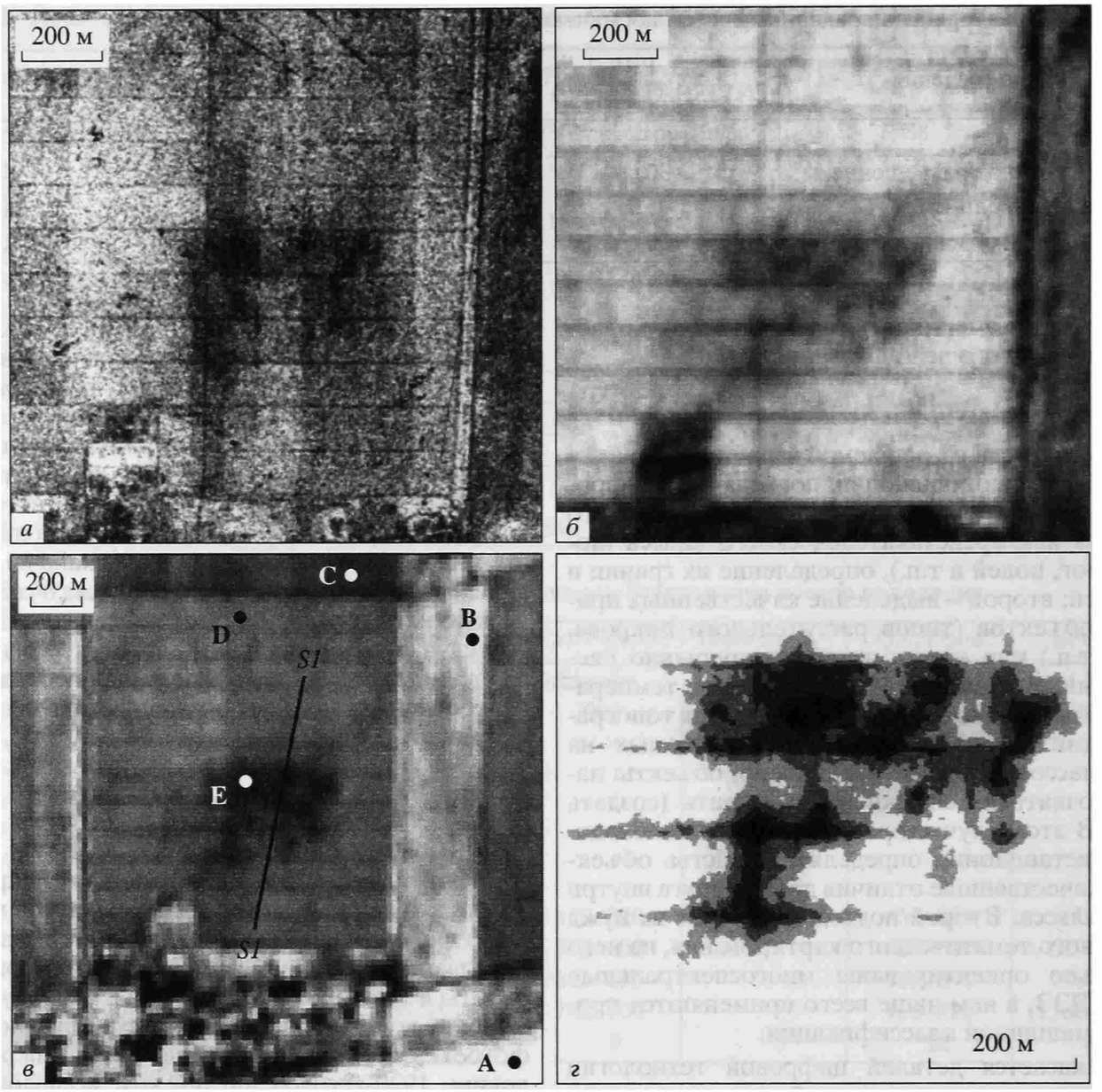


Рис. 2. Поселение Гаркуша-3: *а* – космофотоснимок КФА-1000, к исходному изображению применен анализ главных компонент, на рисунке инвертированно (в негативе) изображена первая компонента; *б* – панхроматический снимок SPOT, изображение инвертировано; *в* – многоспектральный снимок SPOT, применен анализ главных компонент, изображена вторая компонента (точки A–E указывают места измерений спектров на рис. 3*а*, *б*; сечению S1–S2 соответствуют спектральные профили на рис. 3*в*; *г* – структура поселения по суммарным данным *а*–*в*. Все изображения ориентированы на север.

ществующую традицию применения аэрофотосъемки в археологии, особенно в той ее части, которая изучает взаимовлияние древних человеческих сообществ и окружающего ландшафта. Если аэрофотосъемка давно используется здесь для поиска аграрных поселений и выделения древних антропогенных структурных элементов ландшафта: оросительных каналов, земельных наделов, дорожной сети, оборонительных сооружений (некоторые примеры таких исследований: Beresford, Joseph, 1958; Толстов и др., 1962; Щеглов, 1978. С. 98–103; Шишкин, 1982; Sheets, Sever, 1988; Паромов, 1993; 2000; Горлов, Лопанов, 1995), то многоспектральные космические снимки с более низким разрешением (LANDSAT TM и SPOT) служат источником исходной информации для палеореконструкций.

В рамках региональных археологических проектов по многоспектральным снимкам определяются, в частности, характеристики растительности и типы почв (Debaine, 1997. P. 81–89; Podobnikar et al., 1998. P. 101; Bailey et al., 1998. P. 373–396), геоморфология, палеорусла рек (Helly et al., 1997. P. 127–140; Marcolongo, Mozzi, 1998. P. 1–13), обводненность (Tamru et al., 1997. P. 91–99; Vermeulen et al., 1998. P. 63–80); зоны современного землепользования и застройки (Carter et al., 2000. P. 722, 723). Спектрозональные космофотоснимки типа КФА-1000

реже используются для тематического картирования, что объясняется трудностями корректной спектрометрической интерпретации фотоснимков. Тем не менее, в немалой степени благодаря их преимуществу – высокой разрешающей способности, по спектрозональным снимкам успешно изучается геологическое строение, геоморфология, палеогидрография (Marcolongo, Mozzi, 1998. P. 4–8).

В качестве инструмента для изучения регионального геологического строения может применяться радиолокационная съемка (Carter et al., 2000, P. 721), в аридных зонах этот вид съемки позволяет выявлять погребенные под толщей наносов палеогеморфологические структуры – "радарные реки", неразличимые при использовании данных оптического диапазона длин волн (McHugh et al., 1988. P. 361–379; Holcomb, 1992. P. 129–138).

С целью изучения локальных социальных систем археологические проекты, особенно в программах по контролю за использованием территорий, могут быть нацелены на создание предиктивных моделей (predictive model), с помощью которых определяются вероятности появления памятников того или иного типа в зависимости от переменных окружающей среды (элементов ландшафта) и составляются соответствующие тематические вероятностные карты. Многоспектральные спутниковые снимки типа LANDSAT обеспечивают эти модели первичными данными об окружающей среде (Allan, Richards, 1983. P. 4–8; Custer et al., 1986. P. 572–588)[5].

Моделирование и ландшафтная археология тесно связаны с использованием в ГИС цифровых моделей рельефа (ЦМР), которые способны дать важные критерии анализа дорожной сети, землепользования, водных, природных ресурсов. Для построения и уточнения ЦМР успешно применяются космические снимки (специально на создание ЦМР ориентированы панхроматические съемки систем SPOT, IRS, МОМС-2П), в том числе радиолокационные (Carter et al., 2000. P. 722).

Начатое аэрофотосъемкой направление – изучение крупномасштабной структуры ландшафтов – продолжает анализ космофотоснимков (Цуцкин и др., 1982. С. 54–58) и цифровых панхроматических космических снимков высокого разрешения (SPOT, IRS). В региональных археологических проектах большим преимуществом этих снимков становится обзорность, охват области исследования в целом одним-двумя кадрами, что упрощает технологию анализа и способствует естественной генерализации результатов. В случаях изучения сельскохозяйственной округи крупных античных городских центров указанные типы снимков играют значительную роль (панхроматический IRS и космофотоснимки[6] в работе Carter et al., 2000. P. 720, 721; панхроматический SPOT в работах Romano, 1998. P. 26–29; Clavel-Lévêque, 1999. P. 185–188). За-

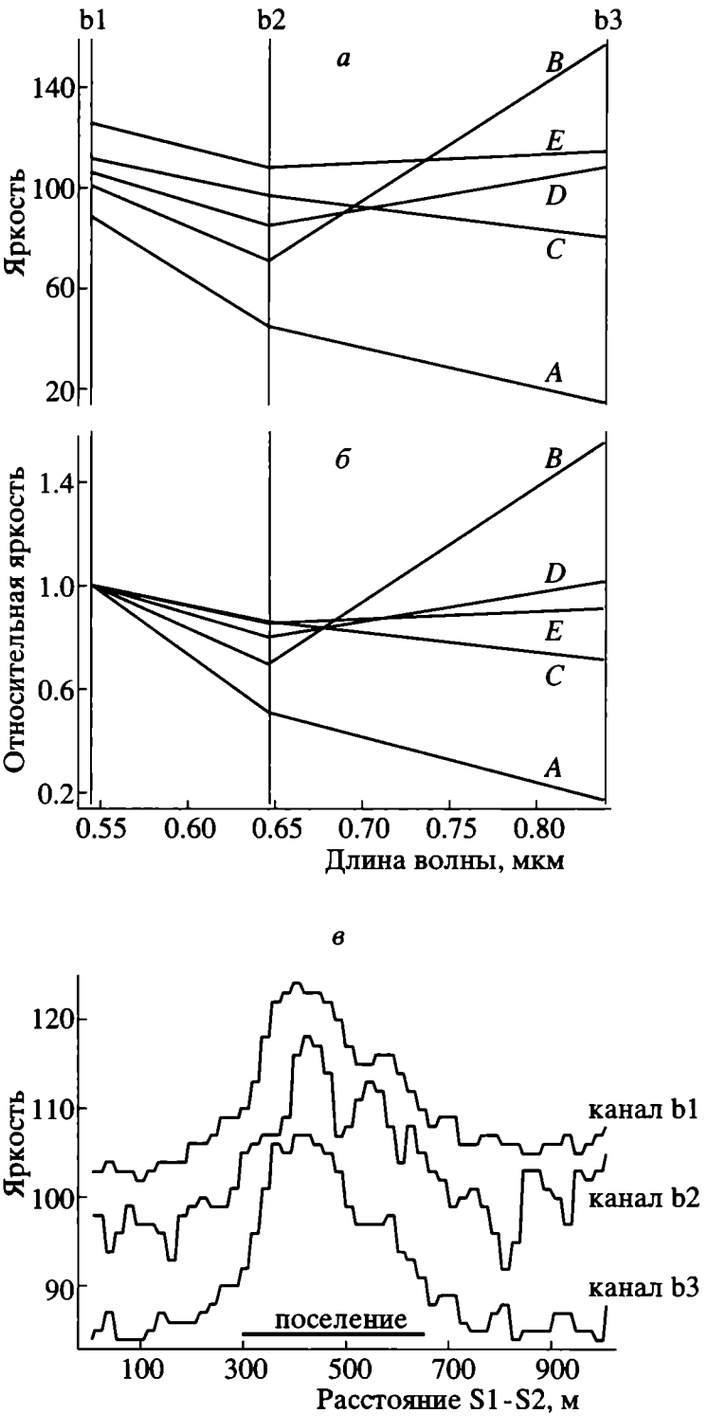


Рис. 3. Поселение Гаркуша-3: *а* – спектры отражения (A – Таманский залив; B – поле с активно вегетирующей растительностью; C – пашня; D – виноградник; E – поселение, точки зрений отмечены на рис. 2*в*), b1–b3 – спектральные каналы сканера SPOT; *б* – относительные спектры отражения; *в* – спектральные профили для сечения S1–S2 см. рис. 2*в*.

[5] В работах использованы многоспектральные данные сканера первого поколения LANDSAT MSS (четыре спектральных канала, пространственное разрешение 80 м).

[6] Использованы рассекреченные американские разведывательные космофотоснимки системы CORONA.

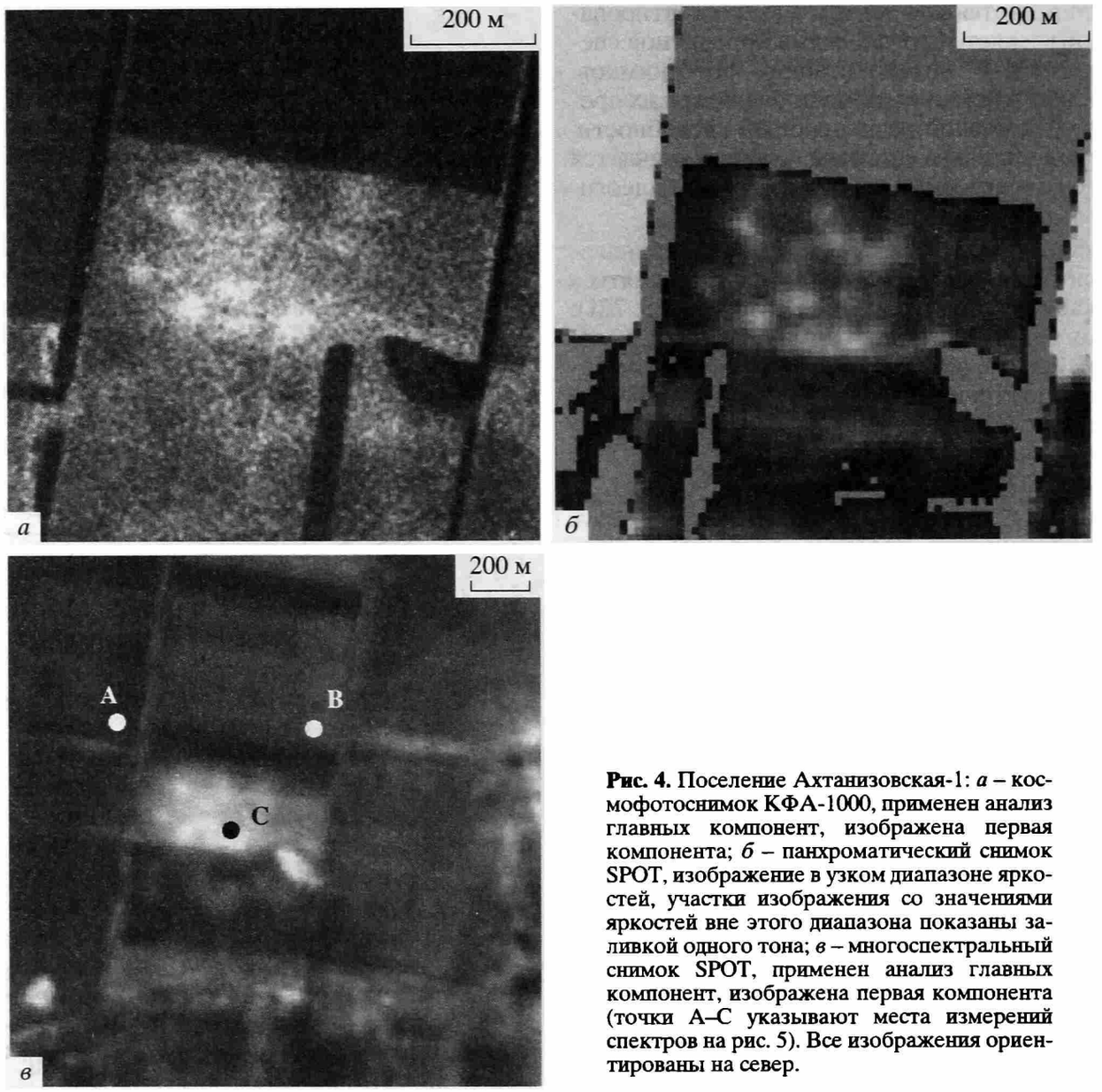


Рис. 4. Поселение Ахтанизовская-1: *а* – космофотоснимок КФА-1000, применен анализ главных компонент, изображена первая компонента; *б* – панхроматический снимок SPOT, изображение в узком диапазоне яркостей, участки изображения со значениями яркостей вне этого диапазона показаны заливкой одного тона; *в* – многоспектральный снимок SPOT, применен анализ главных компонент, изображена первая компонента (точки A–C указывают места измерений спектров на рис. 5). Все изображения ориентированы на север.

регистрированные (имеющие координатную привязку) космические снимки высокого разрешения могут быть использованы как топографическая основа для документации полевых работ, проводимых с применением GPS-приемников (панхроматический снимок IRS в работе Carter et al., 2000. P. 720).

Появление цифровых космических снимков с разрешением в единицы метров должно повысить их роль в крупномасштабном анализе ландшафта, вплоть до изучения структуры крупных памятников – поселений, могильников. Прообразом таких данных являются космофотоснимки сверхвысокого разрешения (1–2 м), опыт применения которых в археологии показал их пригодность для крупномасштабного анализа (Fowler, 1996; Kennedy, 1998). В этом направлении интерес представляют методы интерпретации снимков нового поколения типа Ikonos и проблемы верификации результатов. Многое может быть отработано здесь на примере аэрофотоснимков (Afanas'ev, 2000)[7].

Принципиальная возможность выявлять структуру крупных памятников, используя космические

[7] Методически важная сторона указанных работ – проверка результатов интерпретации снимков с помощью тестовых раскопок. К сожалению, такой подход мало распространен в отечественной непоселенческой археологии, где наблюдаемые на снимках аномальные черты ландшафта часто без твердых доказательств определяются как древние дороги, межевание, каналы и т.п. Полевая проверка результатов дешифрирования и в этом случае вполне уместна: линейные образования у Стоунхенджа, обнаруженные на аэрофотоснимках классиком аэроархеологии О. Кроуфордом, были окончательно определены им как дорога только после закладки трех раскопов (Дойель, 1979. С. 40, 41), линии на инфракрасных снимках джунглей, определенные как система троп, изучались с помощью 38 (!) траншей-раскопов (Sheets, Sever, 1988. P. 35), аномальные линии на снимках стали предметом отдельного полевого исследования и определены как каналы после тщательного изучения с помощью семи раскопов (Nichols, 1988).

снимки, иллюстрируется ниже двумя примерами, полученными в ходе выполнения Таманского регионального археологического проекта ИА РАН и французской археологической школы в Афинах (EFA)[8].

В проекте использовались космофотоснимок КФА-1000 (август 1993 г.) и цифровые снимки SPOT (панхроматический, август 1994 г.; многоспектральный, июнь 1995 г.). Анализ космических снимков был ориентирован на тематическое картирование[9]. Полевые разведочные работы опирались на данные аэрофотосъемки, использование космических снимков в этой части проекта имело характер эксперимента.

На рис. 2*а–г* показаны результаты анализа космических снимков для поселения № 26 (Гаркуша-3) (Паромов, 1992. С. 141, 142). На рис. 3*а*, *б* приведены типовые спектры отражения для района съемки. Спектры соответствуют исходным данным многоспектрального сканера SPOT, на рис. 3*б* за единицу относительной яркости взята величина сигнала в канале b1 (0.5–0.59 мкм). Детально изменение спектральных свойств вмещающего памятник виноградника прослежено на рис. 3*в* – спектральные профили соответствуют движению вдоль линии S1–S2 на рис. 2*в*.

Анализ спектров на рис. 3 помогает уточнить механизм образования спектральной аномалии, приуроченной к поселению, и выраженной в резком росте общей спектральной яркости. Наибольший рост яркости происходит в красном, "почвенном", канале b2, наименьший – в инфракрасном, ответственном за состояние растительности, канале b3. Достаточно уверенно можно предположить, что наблюдаемый рост яркости обусловлен изменением спектральных свойств почвы и свидетельствует, по-видимому, об определенной смене почвенного типа (уменьшенное содержание гумуса, сдвиг цвета в сторону красных оттенков) в условиях пониженной влажности.

Второй пример – поселение № 92 (Ахтанизовская-1) (Паромов, 1992. С. 141–143), для него на рис. 4*а–в* показаны результаты обработки данных космической съемки, а на рис. 5 приведены характерные спектры отражения. Памятник расположен на поле, занятом в момент съемки плотной активно вегетирующей растительностью. Наиболее общий спектральный признак этого поселения, как и рассмотренного выше, – большая яркость по сравнению с окружающим фоном (спектр памятника С и спектр В, измеренный на аналогичном по-

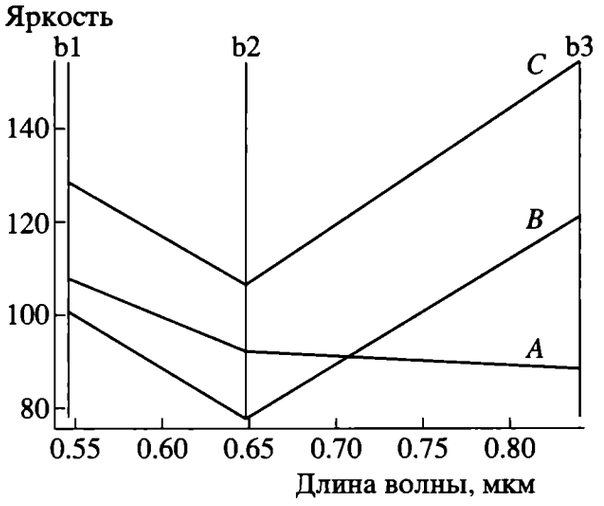


Рис. 5. Поселение Ахтанизовская-1: спектры отражения (А – пашня, В – поле с активно вегетирующей растительностью, С – поселение, точки измерений отмечены на рис. 4*в*), b1–b3 – спектральные каналы сканера SPOT.

ле по соседству, рис. 5). Увеличение яркости обусловлено скорее всего изменением плотности и влажности почвы. Различие спектральных свойств двух поселений заключается как в уровне увеличения яркости – во втором случае он выше, так и в характере увеличения – для второго поселения рост общей яркости происходит почти равномерно по спектру.

Приведенные примеры лишь обозначают возможности анализа структуры археологических памятников по космическим дистанционным данным. Для продвижения в этом направлении требуются не столько новые, более совершенные снимки, сколько специальные исследования, восстанавливающие причинно-следственные связи между погребенными археологическими объектами, свойствами почв, растительности и наблюдаемыми на снимках спектральными аномалиями.

Суммируя краткий обзор применения космических данных дистанционного зондирования Земли в археологии, можно указать область, приоритетную для таких работ – изучение ландшафтов. Космическим снимкам здесь практически нет альтернативы в силу уникального набора качеств: информативности, технологичности, относительной дешевизны. Даже в специфическом виде анализа ландшафта – выделении древних антропогенных элементов – космические данные могут конкурировать с аэрофотоснимками. Новое поколение космических данных придаст, по-видимому, этому виду анализа энергичное развитие.

С точки зрения ближайшей перспективы, интересных результатов следует ожидать от применения радиолокационных съемок и гиперспектральных оптических снимков с сотнями спектральных каналов. Для традиционных космических данных

[8] Проект выполнялся в 1997–2000 гг., координаторы проекта К. Мюллер (EFA) и Ю.В. Горлов (ИА РАН), цель проекта и некоторые результаты в работе (Müller et al., 1998. P. 643–654).

[9] Предварительная обработка и тематический анализ снимков выполнены автором в Южном региональном информационно-аналитическом центре, г. Ростов-на-Дону с помощью программного продукта ENVI3.2.

наибольшее значение будут иметь методические исследования, связанные с различными аспектами классификации на основе спектральных признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. 1993. Вып. 210.[

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги "космической археологии" в России // РА. 1999. № 2.

Гарбук С.В., Гершензон В.Е. Космические системы дистанционного зондирования Земли. М., 1997.

Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3.

Гоутц А.Ф.Х., Уэллмэн Дж.Б., Барнс У.Л. Дистанционное зондирование Земли в оптическом диапазоне волн // ТИИЭР. 1985. Т. 73. № 6.

Дойель Л. Полет в прошлое. М., 1979.

Кондратьев К.Я., Козодеров В.В., Федченко П.П. Аэрокосмические исследования почв и растительности. Л., 1986.

Королев Ю.П., Баранов Ю.Б. Современный рынок данных дистанционного зондирования // Информационный бюллетень ГИС-ассоциации. 1996а. № 1.

Королев Ю.П., Баранов Ю.Б. Методы обработки данных дистанционного зондирования // Информационный бюллетень ГИС-ассоциации. 1996б. № 2.

Кроненберг П. Дистанционное изучение Земли. Основы и методы дистанционных исследований в геологии. М., 1988.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. № 1. М., 1992.

Паромов Я.М. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. 1993. Вып. 210.

Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. 2000. № 7.

Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. 1962. № 1.

Цуцкин Е.В., Елина А.И., Елин М.Л. Использование космических снимков в археологических целях // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982.

Шишкин К.В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. 1982. № 3.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Afanas'ev G.E. Aerospace analysis at the Middle Don region in Russia // Bournemouth University School of Conservation Sciences Research Report 6. Bournemouth, Moscow, 2000.

Allan J.A., Richards T.S. Use of Satellite Imagery in Archaeological Surveys // Libyan Studies. 1983. V. 14.

Bailey D.W., Tringham R., Bass J. et al. Expanding the Dimensions of Early Agricultural Tells: The Podgoritsa Archaeological Project, Bulgaria // Journal of Field Archaeology. 1998. V. 25. № 4.

Beresford M.W., Joseph J.K.S.St. Medieval England. An Aerial Survey. Cambridge, 1958.

Bradford J. Ancient Landscapes. Studies in Field Archaeology. London, 1957.

Carter J.V., Crawford M., Lehman P. et al. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // American Journal of Archaeology. 2000. V. 104. № 4.

Clavel-Lévêque M. Le territoire d'Agde grecque: histoire et structures // Territoires des Cités Grecques. 1999. BCH. Suppl. 34.

Custer J.F., Eveleigh T., Klemas V., Wells I. Application of LANDSAT data and synoptic remote sensing to predictive models for prehistoric archaeological sites: an exavple from the Delaware coastal plain // American Antiquity. 1986. V. 51. № 3.

Debaine F. Environments and Societies on the arid margins of the fertile crescent: the use of remote sensing and geographic information systems in geo-archaeological approach // Photo Interprétation. 1997. V. 35. № 1–2.

Fowler M.J.F. High-resolution satellite imagery in archaeological application: a Russian satellite photograph of the Stonehenge region // Antiquity. 1996. V. 70.

Helly B., Tamru B., Fouache E. Ecosystem and social system dynamics in the eastern plain of Thessaly (Greece): the contribution of remote sensing // Photo Interpretation. 1997. V. 35. № 1–2.

Holcomb D. Shuttle Imaging Radar and archaeological survey in China's Taklamakan Desert // Journal of Field Archaeology. 1992. V. 19. № 1.

Kennedy D. Declassified sa-tellite photographs and archaeology in the Middle East: case studies from Turkey // Antiquity. 1998. V. 72.

Marcolongo B., Mozzi P. Outline of recent geological history of the Kopet-Dagh mountains and the Southern Kara-Kum // The archaeological map of the Murghab delta preliminary reports 1990–95. IsIAO-ROMA. 1998.

McHugh W.P., Breed C.S., Schaber G.G. et al. Acheulian sites along the "Radar rivers", southern Egyptian Sahara // Journal of Field Archaeology. 1988. V. 15. № 4.

Müller Ch., Fouache É., Gaïbov V., Gorlov Y. Péninsule de Taman (Russie méridionale) // BCH. 1998. V. 122.

Nichols D.L. Infrared Aerial Photography and Prehistoric Irrigation at Teotihuacan: The Thajinga Canals // Journal of Field Archaeology. 1988. V. 15. № 1.

Podobnikar T., Ostir-Sedej K., Stancic Z. Modelling erosion and deposition with GIS // The use of Geographic Information Systems in the study of ancient landscapes and features related to ancient land use. EUR18315EN-COST ACTION G2. 1998.

Romano D.G. GIS bades analysis of ancient land division in the Corinthia, Greece // The use of Geographic Information Systems in the study of ancient landscapes and features related to ancient land use. EUR18315EN-COST ACTION G2 – Paysages antiques et structures rurales. 1998.

Sheets P., Sever T. High-Tech Wizardry // Archaeology. 1988. V. 41.

Tamru B., Salvador P.G. The middle valley of the Syrian Euphrates: preliminary study of the mapping of surface conditions and drainage systems for a paleoenvironmental analysis // Photo Interprétation. 1997. V. 35. № 1–2.

Vermeulen F., DeDapper M., Brackman P. A GIS-based geo-archaeological approach to survey in a central-Anatolian landscape // The use of Geographic Information Systems in the study of ancient lanscapes and features related to ancient land use. EUR18315EN-COST ACTION G2 – Paysages antiques et structures rurales. 1998.

Archaeological investigations and satellite remote sensing

G. P. Garbuzov

Summary

The paper consists of two divisions. In the first one some general ideas and principles are presented concerning physical basis of satellite remote sensing of the Earth surface, as well as descriptions of the most widely spread data types. The second division contains a brief review of application of the data in question in archaeology. The basic types of tasks are outlined that can be solved with the application of space images, such as landscapes analysis, predictive models' creation, topographical support of archaeological projects. Certain specialisation of the data have been established. Thus, multispectral data of low spatial resolution capacity are used for thematic mapping and palaeoreconstructions. Panchromatic data of higher spatial resolution more often are used for examining man-caused landscape structures. Presently transition to a new generation of space images of ultrahigh spatial resolution has started, hence large-scale landscape analysis and that of large archaeological sites become urgent tasks. In this connection the author demonstrates the examples from his own practice of application of space images for examining inner structure of two ancient settlements in the Taman peninsula, Russia (Figs. 2 and 4).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 56–63

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

© 2003 г. Э. Д. Зиливинская

Институт археологии РАН, Москва

Северный Кавказ являлся плотно заселенной зоной уже в раннем средневековье. Монгольское нашествие прервало жизнь многих аланских поселений, не дав им превратиться в развитые средневековые города. В золотоордынское время вместо многочисленных поселений здесь возникает несколько крупных городов, ставших центрами ремесла и торговли, а также административной власти ханов улуса Джучи. В предгорьях Кавказа в XIII–XIV вв. возрождаются и начинают бурно развиваться старые аланские городища, занимавшие выгодное географическое положение, такие как Терекское, Булунгуевское, Хамидиевское, Верхне-Чегемское, Нижний Джулат (Чеченов, 1969. С. 43, 46, 48, 60, 61), а также Верхний Джулат (Крупнов, 1963; Милорадович, 1963). В то же время в степной зоне, также на пересечении торговых путей, строятся новые "ханские" города, такие как Маджар и расположенные невдалеке городища, получившие названия Малые Маджары и Верхние Маджары (Егоров, 1985. С. 122).

Наиболее значительными городскими центрами Северного Кавказа в золотоордынское время являлись города Маджар, в Ставропольском крае Верхний Джулат, расположенный у поселка Эльхотово в Северной Осетии и Нижний Джулат возле города Майского в Кабардино-Балкарии. Величественные развалины этих городищ привлекали внимание исследователей, любителей древностей и путешественников. В XVIII–XIX вв. их посетили, оставили описания, планы и рисунки С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, Г.-Ю. Клапрот, П.С. Паллас, В.Ф. Миллер и многие другие. Но археологическое изучение этих памятников началось только в начале XX в.

Обширная литература посвящена исследованию самого крупного на Северном Кавказе золотоордынского города Маджара. Городище расположено на берегу р. Кума, в том месте, где в нее впадает приток Буйвола. Город был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Золотой Орды (Сарай и прилегающие к нему районы) с Кавказом и западными районами (Азаком и городами Крыма). В настоящее время большая его часть застроена г. Буденновском. В XVIII–XIX вв. развалины городища посетили И.-Г. Гербер, экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, Г.-Ю. Клапрот, И.П. Фальк, П.С. Паллас, Я.И. Шмидт, Ш. Годе, П.И. Кеппен, Я.-Ш. де Бесс, К.Г. Кох, К.М. Бэр, А.С. Фиркович, В.Ф. Миллер и др. В 40–50-е годы XIX в. землемер А.П. Архипов произвел инструментальную съемку и составил генеральный план городища. Большое внимание уделял изучению Маджара директор музея Северного Кавказа в Ставрополе Г.Н. Прозрителев. Можно смело утверждать, что ни один из путешественников, археологов и любителей древностей, посещавших Кавказ, не оставил без внимания этот памятник. Благодаря их описаниям и рисункам, исследователи более позднего времени смогли составить представление о внешнем виде города, когда на поверхности видны были только слабые следы его былого величия. Нет необходимости подробно останавливаться на истории изучения Маджара, а также на различных мнениях о происхождении Маджара и народах, его населявших ("венгерская", "хазарская" и "золотоордынская" теории), так как эти вопросы довольно подробно освещены в историографических обзорах Т.М. Минаевой, Н.Г. Волковой и З.В. Доде (Минаева, 1953; Волкова, 1972; Доде, 1990). Интересные подробности исследования маджарского городища приводятся в популярной книге буденновского краеведа Р.Е. Аджимамедова (1992). Поэтому основной акцент хотелось бы сделать на археологическом изучении этого памятника, тем более, что результаты раскопок не нашли еще полного отражения в научной литературе.

Первые и, вероятно, наиболее результативные раскопки здесь были проведены В.А. Городцовым в 1907 г. (Городцов, 1911). В.А. Городцов составил план городища и провел исследования в разных его частях. Так как юго-западная часть городища уже тогда была застроена кварталами г. Святого Креста (ныне Буденновск), раскопы и разведочные траншеи Городцов закладывал на территории Мамай-Маджарского монастыря и в

междуречье Ерика и старого русла Кумы, в местности, называемой Кирки. Им было раскопано шесть жилых домов из сырцового кирпича типично золотоордынского облика. В домах были расчищены глинобитные суфы Г-образной формы, тандыры, система обогрева в виде канов. Полы в помещениях были глинобитные или мощеные кирпичом, часто со встроенной тошной. Дома встречались двух типов: квадратные в плане, разделенные на две комнаты (большую – жилую и меньшую – хозяйственную) и прямоугольные, разделенные на три узкие прямоугольные помещения. Серия погребений, вскрытых В.А. Городцовым, относилась к двум периодам – сарматскому и золотоордынскому. Захоронения имели различную конструкцию: от простых ям до погребений с заплечиками, сырцовыми закладами и тщательно выполненными склепами. Краниологическая коллекция, добытая В.А Городцовым, послужила источником для определения антропологических особенностей жителей Маджара (Алексеев, 1967а), а на основе анализа погребального обряда были сделаны некоторые выводы об этническом и социальном составе населения этого города (Нарожный, 1988). Многочисленный подъемный материал также позволил составить более четкое представление о быте и занятиях населения. В.А. Городцов впервые достоверно доказал, что после поселения и могильника сарматского времени существовал длительный перерыв в заселении этой местности и, что Маджар является золотоордынским городом, построенным по образцу городов Нижнего Поволжья на новом, не заселенном, месте.

Дальнейшие исследования Маджара Г.Н. Прозрителевым в 1911 и 1925 гг., Ф. Маметхановым в 1927 г. и Т.М. Минаевой в 1940 г. сводились, в основном, к разведкам и сбору подъемного материала. В 1955 г. памятник осмотрел Е.И. Крупнов. "Современное состояние городища Маджары представляет собой крайне безотрадную картину" – писал он в отчете, отмечая сильную нарушенность культурного слоя сельскохозяйственными работами (Крупнов, 1956. Л. 91). Более полное и тщательное обследование городища провел в 1960–1970-годах Э.В. Ртвеладзе совместно с кавказским археологом А.П. Руничем. Ртвеладзе был составлен подробный план городища, исследован сохранившийся микрорельеф, стратиграфия памятника, собран богатый археологический и нумизматический материал. Несмотря на то, что непосредственно раскопочная деятельность Э.В. Ртвеладзе свелась к закладке шурфов в разных частях городища, результаты его исследований очень важны. Изучив стратиграфию памятника, исследователь впервые достоверно доказал, что город возник на этом месте только в золотоордынское время (Ртвеладзе, 1972а).

Используя весь комплекс археологических наблюдений над культурным слоем и вещевым материалом, анализ письменных источников, чертежей и рисунков, данные нумизматики и эпиграфики, Э.В. Ртвеладзе делает выводы по многим вопросам возникновения, политической истории, роста, развития и гибели города (Ртвеладзе, 1970; 1972а). Ученый также выделяет отдельные составляющие полиэтничного населения Маджара (Ртвеладзе, 1965; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971), исследует архитектуру (Ртвеладзе, 1973), ремесло (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971; Ртвеладзе, 1974) и торговые связи (Ртвеладзе, 1972б). Серия статей Э.В. Ртвеладзе представляет собой, пожалуй, самое всестороннее, а главное аргументированное исследование золотоордынского города Маджара. Остается только сожалеть, что автором не была написана книга о Маджаре, тем более что значительная часть собранного им материала не вошла в статьи.

Именно "археологический" подход делает работы Э.В. Ртвеладзе более убедительными и достоверными по сравнению с вышедшей в то же время большой статьей Н.Г. Волковой, посвященной тому же кругу вопросов (Волкова, 1972). Несмотря на полноту и тщательность изучения источников, эта исследовательница допускает ряд ошибок, главной из которых является неоднократно повторяемый и слабо аргументированный тезис о существовании города непосредственно в домонгольское время. Не вдаваясь в полемику, считаю достаточным заметить, что это предположение никак не подтверждается археологически. В тексте также много более мелких неточностей. Так например, Н.Г. Волковой, вероятно, не было известно об изменении русла Кумы в начале XX в.. Она пишет о том, что городище находилось на обоих берегах реки (Волкова, 1972. С. 55), в то время как в XIV в. все оно было на левом берегу и пересекалось только небольшим ериком. Кстати говоря, это хорошо видно на плане В.А. Городцова. Невозможно согласиться и с утверждением, что жители Маджара хоронили покойников во дворах домов (Волкова, 1972. С. 56). Скорее всего, погребения и усадьбы относятся к разным периодам. Не соответствуют действительности данные о том, что у жилых домов цоколи были из обожженного кирпича, а стены украшены изразцами не только с внутренней, но и с внешней стороны (Волкова, 1972. С. 56, 60). Даже в столице государства Сарае, большинство жилых домов строилось из сырцового кирпича, а изразцами украшали внутри только самые богатые дома. Несколько странным кажется описание изготовления керамики в деревянных формах (Волкова, 1972. С. 60). Следует отметить, что все недостатки этой серьезной и интересной работы связаны

либо с недостатком археологического материала, либо с незнанием его автором.

Следующий этап археологического исследования Маджара начался в 1989 г., когда для исследования площади под строительство больницы в г.Буденновске была создана Маджарская археологическая экспедиция Ставропольского пединститута под руководством А.Б. Белинского. В нее вошли также сотрудники и аспиранты МГУ Э.Д. Зиливинская, Л.И. Смирнова и И.В. Волков и сотрудник археологической лаборатории Ставропольского пединститута В.А. Бабенко. За три сезона 1989–1991 гг. экспедицией были вскрыты значительные площади на левом берегу Кумы а также собран богатый подъемный материал (Зиливинская, 1994).

К сожалению, раскопки показали, что культурный слой городища в этой части сильно разрушен. Тем не менее, было исследовано несколько жилых домов, землянок, часть улицы и серия погребений городского некрополя. Погребения находились в районе строящегося роддома, на территории насосной станции и поселка Прикумской опытной станции, т.е. в той части городища, которая соответствует кладбищу на плане Э.В. Ртвеладзе. Все исследованные погребения были совершены по мусульманскому обряду. Погребенные были положены без вещей, головой на запад, лицом на юг, вытянуто на спине, с наклоном вправо. Погребения делятся на несколько видов: простые грунтовые ямы, могилы с заплечиком и подбоем; с заплечиком; подбоем и закладом и, наконец, сырцовые или кирпичные склепы, т.е. они ничем не отличаются, от раскопанных В.А. Городцовым. Экспедицией была собрана огромная керамическая коллекция. И.В. Волковым была проведена ее обработка и выделены две традиции в производстве местной маджарской керамики (Волков, 1991; Волков, Зиливинская, 1996).

В 1993, 1994, 1996, 1998 гг. Маджарский отряд кафедры археологии МГУ, а впоследствии ИА РАН под руководством автора этой статьи проводил раскопки на правом берегу Кумы, на полях совхоза "Прасковейский" и в лесопосадке. Именно эта часть городища называлась Городцовым "Кирки". На полях была исследована довольно густозаселенная часть ремесленного квартала. Несмотря на производившуюся здесь глубокую вспашку, толщина сохранившегося культурного слоя доходила до 60 см и содержала остатки сооружений 4–5 строительных периодов. Наиболее интересным объектом здесь был жилой дом, планировку которого удалось проследить полностью. Дом был квадратным в плане с каркасными дощатыми стенами, обмазанными глиной. Он был разделен стеной на два помещения: жилое – с очагом, каном и двумя суфами, и меньшее – хозяйственное, с двумя погребками для хранения продуктов. Следовательно дом имел такую же планировку, как два дома, раскопанные В.А. Городцовым. Рядом с этим домом находились еще два, худшей сохранности. Кроме жилых построек были вскрыты многочисленные ямы, богатые вещевым материалом. В одной из них был найден клад из 17 серебряных монет (Зиливинская, 1994). На этом же поле находились остатки производственных комплексов, что соответствует определению Э.В. Ртвеладзе этого района как торгово-ремесленного.

Дальнейшие раскопки велись в том же районе, на самом берегу Кумы. На одном раскопе были вскрыты остатки крупного здания из сырца. Длина его составляла 12 м. Стены толщиной 100–120 см сохранились на высоту до 1 м. Западная часть постройки разрушена обвалом берега Кумы. Сооружение подверглось нескольким перестройкам. Предположительно их было три. Представляется весьма странным, что ни в одном строительном периоде в здании не были обнаружены остатки полов. Также внутри помещений не сохранилось следов жизнедеятельности. Зато значительные скопления бытового мусора находились за пределами дома. Находки внутри здания представлены монетами, мелкими медными предметами и незначительным количеством фрагментов керамики. Скорее всего, в последнем периоде здание не было достроено. Оно датируется 20–40 годами XIV в. (Зиливинская, 1995а,б; 1996).

Недалеко от этого здания были обнаружены остатки общественной бани, юго-западная часть которой разрушена обвалом берега Кумы. Баня еще не раскопана полностью и говорить о ее планировке можно лишь приблизительно. Она состояла из прямоугольных в плане помещений, расположенных в два ряда. Пока вскрыто частично и полностью пять таких помещений. Отапливалась баня цилиндрической печью, стенки которой были сложены из обожженных кирпичей, а дно заглублено относительно уровня материка. Печь соединялась с подпольным пространством. Стены бани, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе, были почти полностью разобраны. Фундамент стен и столбики подпольного отопления стояли на дне котлована глубиной 0.5 м. Столбики были сложены в один кирпич и имели высоту до 10 слоев кладки. На них были положены плоские плиты из песчаника. Стены и полы бани были покрыты известковым раствором. Вода разводилась по керамическим трубам (Зиливинская, 1995а; 1997; 1999; 2001. С. 194–196).

Общественные бани были широко распространены во всех золотоордынских городах, тем не менее баня в Маджаре является пока первой и

единственной баней XIV в. на территории Северного Кавказа.

В настоящее время по ряду объективных причин работы на Маджарском городище прекращены.

Городище Верхний Джулат расположено на берегу Терека у "Эльхотовских ворот", в узком проходе, соединяющем Восточный Кавказ с Западным. В литературе этот памятник часто называют еще Татартупом (Кокиев, 1929; Семенов, 1947). Он привлекал внимание исследователей, во многом благодаря сохранившемуся до последнего времени Татартупскому минарету. В конце XVIII в. городище было подробно описано А.И. Гюльденштедтом, который мог наблюдать не только минарет, но и остатки мечети при нем, а также развалины другого, меньшего минарета и двух христианских церквей (Guldenstadt, 1787. S. 503–508). Клапрот, ссылаясь на Гюльденштедта, упоминает городище очень кратко (Klaproth, 1812–1814. S. 42). В 1912 г. здесь были проведены разведки Ф.С. Панкратовым, а в 1930 г. – Л.П. Семеновым и Е.И. Крупновым. Систематическое обследование памятника было начато в 1958 г. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е.И. Крупнова (Крупнов и др., 1959; 1960; 1961; 1962; 1963; 1964). Раскопки показали, что золотоордынский город возник на месте длительно существовавшего аланского поселения. В монгольское время он стал крупным городом, центром культуры, ремесел и торговли.

Рядом с Татартупским минаретом была раскопана большая соборная мечеть, которая сохранилась на две трети. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым с запада на восток, размерами 22.8 × 11.4 м. Стены ее были сложены из подтесанных камней, обожженного кирпича и блоков песчаника, пол фигурно вымощен крупными кирпичными плитами, обычным кирпичом и булыжниками. Часть плит пола имела на поверхности голубую поливу. Поливными изразцами был украшен пол михраба и, вероятно, его стенки. Колонны, поддерживавшие перекрытия, скорее всего были деревянными и не сохранились. В целом планировка Большой мечети вполне типична для Золотой Орды, несколько необычно только то, что здание вытянуто в широтном направлении, а не в меридиональном, как большинство других мечетей (Зиливинская, 1998).

Примерно в 250 м к ЮЗ от нее была обнаружена еще одна мечеть меньших размеров. Малая мечеть размерами 9.8 × 6.6 м была ориентирована длинной осью в меридиональном направлении. Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев, которые были расположены в углах помещения и посредине восточной и западной его стен. Вероятно, они служили для опоры двух куполов, перекрывавших здание. У северо-восточного угла мечети был пристроен кубический цоколь минарета. Малая мечеть пока является единственным образцом культового здания подобной планировки в Золотой Орде. Результаты раскопок мечетей, а также описание и архитектурные обмеры Татартупского минарета были прекрасно опубликованы в статье О.В. Милорадович (1963).

В том же районе города был раскопан христианский храм в виде небольшого (7.7 × 5.6 м) прямоугольного бесстолпного здания с одной апсидой. В дальнейшем к церкви был пристроен еще один придел также с апсидой. Под алтарем церкви находилась квадратная в плане крипта с купольным перекрытием. На основании анализа планировки храма Е.И. Крупнов время его возведения относит к концу XII–началу XIII в. (Крупнов, 1963. С. 65). Не являясь специалистом по христианской архитектуре, хочу, однако, отметить, что строительные материалы и строительная техника, примененные при возведении храма и мечетей, совершенно идентичны. Учитывая веротерпимость монголов, можно предположить, что церковь могла быть построена и в золотоордынское время. В любом случае она продолжала существовать в XIV в., так как скорее всего этот храм с полностью сохранившимися стенами и крышей видел Гюльденштедт (Guldenstadt, 1787. S. 503–508; Крупнов, 1963. С. 61).

Возле Большой мечети Верхнего Джулата и внутри христианского храма находились погребения, анализ черепов из которых позволил сделать вывод о европеоидности населения города (Алексеев, Беслекоева, 1963).

В 1960–1963 гг. Северо-Кавказская экспедиция продолжала работать на Верхнем Джулате. В эти годы были раскопаны: мавзолей XIV в., две христианские церкви, жилой дом с хозяйственными сооружениями, большое количество мусульманских и христианских погребений. Остается только сожалеть, что эти материалы не были так же хорошо опубликованы.

Небольшие спасательные раскопки провел на Верхнем Джулате В.А. Кузнецов в 1976–1977 гг. Он нашел одноапсидную церковь и рядом с ней – склеп XIV в. (Кузнецов, 1977; 1978). В настоящее время В.А. Кузнецовым подготовлена к печати монография по Верхнему Джулату.

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон в северной части Кабардино-Балкарии, недалеко от г. Майский, на высоком правом берегу р. Терек. Впервые городище было осмотрено академиком Ю. Клапротом в 1807 г. В своих записках он написал о Джулате, как о древнем городе, который, по Дербент-намэ, существовал уже во II в. хиджры. Он

также дал краткое описание руин мечети и минарета и многочисленных погребений вокруг них (Klaproth, 1812–1814. B. I. S. 430, 539; B. II. S. 359). Остальные исследователи опирались в основном на эти данные. Г. Кокиев провел интересный сравнительный анализ Нижнего Джулата и Татартупа (Верхнего Джулата), основываясь на трудах Клапрота и Гюльденштедта, разнообразных письменных источниках и этнографических материалах (Кокиев, 1929). А.А. Иессен считал Джулат крупнейшим средневековым памятником Кабардино-Балкарии (Иессен, 1941. С. 30). Небольшие раскопки провел на городище в 1947 г. Е.И. Крупнов (Крупнов, 1948). Он описал и зарисовал цоколь минарета, правда приняв его за сторожевую башню. При этом исследователь указывал на сходство этого цоколя с Татартупским минаретом. Е.И. Крупнов считал необходимым дальнейшее исследование Нижнего Джулата, который датировал золотоордынским временем.

Стационарные раскопки были начаты на городище только в 1960-е годы экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Раскопки 1962–1963 гг. под руководством Г.И. Ионе проводились на цитадели городища и затронули преимущественно самые поздние слои существования города (Ионе, 1963; 1964). В эти годы была раскопана самая большая на Северном Кавказе соборная мечеть, представлявшая собой прямоугольную в плане постройку размерами примерно 25.7 × 17.65 м. Внутреннее пространство ее было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. Колонны стояли на круглых каменных базах и были, вероятно, сделаны из дерева. Пол мечети был вымощен кирпичом, михраб не сохранился. Есть основания предполагать, что центральный вход в мечеть был обрамлен порталом. Минарет был пристроен вплотную к северной стене у СВ угла здания. Таким образом, мечеть Нижнего Джулата имела типичную для всех больших мечетей Золотой Орды базиличную планировку (Зиливинская, 1998). Внутри мечети был найден уникальный подземный склеп-мавзолей, сочетающий в себе общемусульманские традиции и местные влияния. По сохранившимся отчетам невозможно определить, был ли построен этот склеп раньше мечети или был впущен в нее. Второе кажется более вероятным, так как на всей площади мечети и вокруг нее располагался более поздний грунтовый могильник.

К сожалению, отчеты, оставленные Г.И. Ионе, далеки от совершенства, по ним можно составить только общее представление о раскапываемых объектах. Вероятно поэтому, материалы этих раскопок до последнего времени только кратко упоминались в литературе (Чеченов, 1969. С. 46), и лишь недавно была сделана попытка опубликовать их (Чеченов, Зиливинская, 1999).

Раскопки были продолжены в 1966–1967 гг. экспедицией под руководством И.М. Чеченова. Раскопы, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала дали необычайно обильный и разнообразный материал, свидетельствующий об интенсивной и разносторонней деятельности на городище в течение полутора тысяч лет (от I в. до н.э. до XIV в.). На цитадели общая толщина культурного слоя достигала 3.5 м, причем около 1 м приходится на золотоордынское время. Очень интересные выводы о политической жизни Нижнего Джулата были сделаны на основе исследования вала цитадели. Воздвигнутый в домонгольское время вал подвергся погрому во второй половине XIII в. В начале XIV в. он был восстановлен и достроен. Последнее разрушение укреплений цитадели, возможно, связано с нашествием Тимура и относится к концу XIV в. (Чеченов, 1967). В ремесленной части города были раскопаны остатки жилищ, юрт, многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы. Данные этих исследований позволили составить представление о занятиях населения земледелием, скотоводством, развитии различных ремесел (Чеченов, 1968). Также был обработан краниологический материал из средневековых погребений Нижнего Джулата (Алексеев, 1967а,б).

Кроме трех названных городищ в разные годы были обследованы и некоторые другие памятники золотоордынского времени. Так в Пятигорье, недалеко от г. Ессентуки раскопано восемь мавзолеев, шесть из которых были выстроены в один ряд (Ртвеладзе, 1969; Палимпсестова, Рунич, 1974). Эти раскопки важны не только для изучения монументальной архитектуры в Золотой Орде, но и позволяют предположить, что здесь находилось крупное поселение, упоминаемое Ибн Батутой (Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 237, 238). Само название г. Ессентуки Э.В. Ртвеладзе связывает с именем монгольского феодала Ессен-тука, который владел этой местностью (Ртвеладзе, 1969. С. 263). Еще один городской центр с большими постройками, явно общественного характера, найден возле станицы Старогладовской на Тереке (Даутова, 1981), однако нет надежды, что этот памятник будет исследован в обозримом будущем.

Таким образом, несмотря на относительно небольшой объем раскопок на золотоордынских памятниках Северного Кавказа, они дали довольно интересные результаты. Были исследованы памятники монументального зодчества Золотой Орды, получены данные по погребальному обряду, собран богатый вещевой и нумизматический материал. На основании проведенных исследований мож-

но говорить о том, что на Кавказе в XIII–XIV вв. существовало два типа городов. Одни из них (Верхний и Нижний Джулаты) продолжали существовать на аланских поселениях более раннего времени, во многом сохраняя их структуру (цитадель, укрепленная торгово-ремесленная часть и открытое селище). Другие (Маджары), как и все степные города Золотой Орды, были построены на "пустом" месте, не имели укреплений и столь четкого членения на части. Возникнув как скопление отдельных усадеб, они плавно перетекали в сельскохозяйственную округу, достигая значительных размеров. Однако следует также отметить, что золотоордынская тематика на Северном Кавказе не является достаточно разработанной. Плохо обстоит дело с публикациями. Нет ни одной общей работы, посвященной памятникам Золотой Орды этого региона, далеко не все материалы раскопок обработаны и опубликованы.

И, наконец, хотелось бы остановиться на проблеме охраны золотоордынских памятников в XX в. Если в 1950-е годы на всех упомянутых городищах еще прослеживалась топография, то в настоящее время их можно считать практически полностью разрушенными. Верхний Джулат перерезан шоссейной дорогой, и поврежден карьером. Достаточно отметить тот факт, что совсем недавно, несмотря на реставрационные работы, рухнул знаменитый Татартупский минарет, простоявший почти не разрушенным с XIV в. Раскопки на Нижнем Джулате также были проведены для спасения городища от работ по выборке глины. В настоящее время через ремесленные кварталы городища и могильник проложена шоссейная дорога, а сохранившаяся часть городища несколько лет назад служила полигоном для мотоциклистов. Левобережная часть Маджара застроена и продолжает застраиваться городскими кварталами, а на правом берегу Кумы в 1960-е годы была сделана планировка, проложена ирригационная система и проведена глубокая вспашка под посадку садов и виноградников.

В связи с этим хотелось бы вспомнить горькие размышления В.А. Городцова, к которым он пришел, исследуя развалины Маджара около ста лет тому назад и остающиеся актуальными и поныне: "Интересно заметить, что пока эти здания, борясь со всеми невзгодами времени, гордо поднимались над поверхностью почвы, до тех пор, повидимому, никому не приходила мысль о серьезном научном исследовании их. Но как только последние из них были совершенно уничтожены, то тотчас же раздались голоса в пользу крайней необходимости научных исследований интереснейших остатков, как будто бы эти научные исследования, пользуясь с громадным трудом добытыми отдельными обломками, могут восстановить лучше форму целого, безжалостно уничтоженного чуть не вчерашний день; как будто бы археолог по открытому им фундаменту в силах лучше восстановить все детали минарета... или точнее определить границы могильника, еще недавно обставленного памятниками, покрытыми надписями, точно указывающими не только могильники, но и отдельные могилы. При воззваниях к исследованию теперь очень жалких остатков Маджар, невольно вспоминается русская пословица: "Что имеем не храним; потерявши плачем" (Городцов, 1911. С. 165).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1992.

Алексеев В.П. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев // УЗ КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967а.

Алексеев В.П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967б.

Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. 1963. № 114.

Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Тез. докл. Грозный, 1991.

Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа XIX "Крупновские чтения". Тез. докл. М., 1996.

Волкова Н.Г. Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып.V. М., 1972.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Тр. XIV АС. М., 1911.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1.

Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1981.

Доде З.В. К вопросу изучения Маджар // XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 1990.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зиливинская Э.Д. Археологические работы на городище Маджары в 1989–1991 гг. и 1993 г. // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 1994.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1995а. Р–1. № 19139.

Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Маджары // АО – 1994. М., 1995б.

Зиливинская Э.Д. Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX "Крупновские чтения". Тез. докл. М., 1996.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1997 (без номера).

Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1998 г. // Архив ИА РАН. 1999 (без номера).

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3.

Ионе Г.И. Отчет об археологических раскопках КБНИИ в 1962 г. // Архив КБНИИ. 1963. № 1752.

Ионе Г.И. Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р–1. № 3395.

Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о городищах Татартуп и Джулата // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1929.

Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗ КБНИИ. Т. IV. Нальчик, 1948.

Крупнов Е.И. Отчет об итогах Прикаспийской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р–1. № 1186.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. 1959. Р–1. № 1818.

Крупнов Е.И. Христианский храм на городище Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1959 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р–1. № 1994.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1960 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р–1. № 2183.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1961 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р–1. № 2320.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. 1963. Р–1. № 2459.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И. и др. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1963 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р–1. № 2473.

Кузнецов В.А. Отчет об исследовании средневековых катакомб у г. Орджоникидзе и кирпичного склепа у с. Эльхотово летом 1976 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р–1. № 6120.

Кузнецов В.А. Отчет о раскопках городища Верхний Джулат в Северо-Осетинской АССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р–1. № 6552.

Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь, 1953.

Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2.

Ртвеладзе Э.В. Крест энколпион из Маджар // СА. 1965. № 2.

Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА. 1969. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. 1970. № 3.

Ртвеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Маджар // СА. 1972а. № 1.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972б. № 3.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА. 1973. № 1.

Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4.

Семенов Л.С. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // УЗ КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967.

Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Вып. I. Нальчик, 1968.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge. B. 1. SPb., 1787.

Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin, Halle, 1812–1814.

Archaeological investigations of the Golden Horde sites in the North Caucasus

E. D. Zilivinskaya

Summary

During the period of the Golden Horde in the North Caucasus several major towns emerged that replaced numerous settlements of the Alans. In the towns the administrative power of the khans ruling the Djuchi ulus was concentrated; they became also the centres of manufacturing and trade. These are: Madjar in Stavropol region, Verkhny Djulat in North Ossetia, and Nizhny Djulat in Kabardino-Balkaria. The archaeological investigations of the sites in question was started as late as the 20th c. Since then the monumental architecture of the Golden Horde have been studied, the data concerning the burial rites have been accumulated, numerous collections of finds have been formed, including numismatic materials. The researches give grounds to state that two types of urban centres existed in the Caucasus during the 13th – the 14th cc. The towns of the first type continued to develop in the areas previously occupied by the Alanic settlements and to a greater extent followed the spatial structure of the latter (Verkhny and Nizhny Djulats). The urban centres of the second type (like Majar and all the steppe towns of the Golden Horde) were constructed in unoccupied territories, they lacked fortifications and clear spatial structure.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 64–71

ДИСКУССИИ

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ СКИФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДИСКУССИИ)

© 2003 г. Д. С. Раевский

Институт востоковедения РАН. Москва

С тех пор, как отечественная археология сформировалась в качестве самостоятельной науки, обладающей своим объектом исследования, собственной проблематикой и своей более или менее самостоятельной исследовательской методикой, одной из весьма активно разрабатываемых при ее участии проблем является история и культура народов, в эпоху раннего железного века обитавших в степях Евразии и в некоторых примыкающих к ним областях. Поскольку в этот круг народов в качестве одного из компонентов непременно входили скифы, в специальной литературе общепринятым стало несколько условно именовать вопросы, входящие в обозначенную сферу, скифской проблемой (см., например: Семенов-Зусер, 1947).

Как и всякая комплексная научная проблема, скифская проблема составляет предмет изучения целого ряда дисциплин. Но не будет преувеличением утверждение об особенно тесной связи скифских штудий с археологией, поскольку именно накопление новых археологических материалов в наибольшей мере обусловливает возможность и даже необходимость постоянного пересмотра устоявшихся постулатов скифологии и одновременно выявляет все новые ее ракурсы. Возникновение же потребности в новом осмыслении прочих данных, представляющих интерес для скифологов, оказывается преимущественно вторичным, ибо ее порождают прежде всего успехи именно археологии, тогда как объем иных источников по истории и культуре Евразии скифской эпохи уже давно остается по преимуществу неизменным. Правда, круг письменных свидетельств по интересующей нас проблеме время от времени пополняется за счет открытия новых памятников эпиграфики, но и это в конечном итоге результат деятельности все тех же археологов.

Постоянный интерес исторической науки к скифской проблеме привел к тому, что, несмотря на более или менее регулярное проведение в научных учреждениях специальных конференций по этой тематике, в исторических журналах за последние 20 с небольшим лет было опубликовано еще и по меньшей мере четыре дискуссии по вопросам скифологии[1]. И вот теперь статья Л.Т. Яблонского (2001), помещенная на страницах "Российской археологии" опять-таки в рубрике "Дискуссии", призвана положить начало новому обсуждению ряда актуальных проблем того же круга. Откликаясь на этот провокативный призыв, хотел бы затронуть некоторые из вопросов, прямо поднятых в статье Л.Т. Яблонского или непосредственно вытекающих из сказанного в ней.

В соответствии с задачей, которую автор открывшей дискуссию статьи сформулировал уже в самом ее названии, – рассмотреть проблемы скифологии "в контексте достижений отечественной археологии XX века" – он, пожалуй, несколько более целенаправленно, чем участники всех предшествующих обсуждений подобного рода, уделил внимание историографическому аспекту скифской проблемы. Не буду оценивать все затронутые им вопросы такого характера, но позволю себе специально коснуться тех из них, которые представляются мне особенно важными и, на мой взгляд, позволяют обозначить ряд коренных проблем скифологии.

Остановлюсь для начала на мнении Л.Т. Яблонского относительно существующих в нашей науке принципов соотнесения свидетельств о древних народах евразийских степей, сохраненных в сочинени-

[1] Один такой Круглый стол, получивший название "Дискуссионные проблемы отечественной скифологии" и посвященный всему комплексу скифологических проблем, был опубликован в 1980 г. в двух номерах журнала "Народы Азии и Африки" (№ 5, 6). Двенадцатью годами позже в "Российской археологии" началось стимулированное публикацией статьи И.М. Медведской "Периодизация скифской архаики и древний Восток" (1992. № 3) обсуждение проблемы раннескифской хронологии, растянувшееся примерно на три года. Приблизительно в то же время вопрос о соотношении письменных и археологических свидетельств о ранних скифах стал предметом рассмотрения на страницах "Вестника древней истории" (1993. № 4; 1994. № 1). Наконец, материалы совещания по проблемам соотношения разных культур евразийских степей и, в частности, по вопросу о правомерности применения к ним терминов "цивилизация скифо-сибирского мира" или "цивилизация ранних кочевников" были положены в основу дискуссии, опубликованной в специальном выпуске "Кратких сообщений" ИА РАН (1993. Вып. 207) и упомянутой в обсуждаемой статье Л.Т. Яблонского.

ях античных авторов, с чисто археологическими данными на этот счет. По его словам, представители первого поколения скифологов истекшего столетия, основатели отечественных школ изучения ранних кочевников (М.И. Ростовцев, П.Д. Рау, Б.Н. Граков в своих ранних работах) "использовали археологический материал не только для разработки типологических классификаций и хронологических периодизаций, но и для построения этногеографических, этногенетических, этносоциальных и этно-политических реконструкций". Это, как полагает Л.Т. Яблонский, определялось наличием множества древних письменных свидетельств по рассматриваемой теме, дававших "безграничные, как казалось, возможности" для подобных реконструкций. В то же время такой заложенный основоположниками скифо-сарматской археологии историзм их работ, по представлению Л.Т. Яблонского, явился "ахиллесовой пятой" для последующих поколений исследователей этого круга проблем (Яблонский, 2001. С. 56). Не касаясь такой оценки работ по сарматской проблематике, представляющих достаточно самостоятельную для рассмотрения тему, остановлюсь только на означенном понимании отечественных скифологических штудий.

Прежде всего приходится отметить, что мнение Л.Т. Яблонского, будто свойственный российской скифологии историзм стал для нее ахиллесовой пятой, т.е. заведомо уязвимым звеном, сформулировано в его работе не вполне внятно. Можно, к примеру, трактовать его, исходя из в самом деле существующего у ряда ученых представления, что подобный историзм вообще противоречит специфике археологии как науки. Его в нашей литературе придерживаются, в частности, исследователи, решительно противопоставляющие археологические и исторические источники и считающие, что первые по существу не содержат собственно исторической информации (см., в частности: Клейн, 1978. С. 24, 25; 1992. С. 87). Есть авторы, полагающие, что задача археолога ограничивается вычленением из археологических источников элементов исторической информации для того, чтобы передать их в руки историка, который собственно и призван создать на этой основе исторические реконструкции. Такая точка зрения близка, в частности, уже упомянутому Л.С. Клейну (1992. С. 95)[2]. Можно, наконец, воспринимать мнение об уязвимости историзма скифологических построений просто как проявление убеждения в недостаточности имеющихся достоверных сведений на рассматриваемую тему.

Сам Л.Т. Яблонский, судя по всему, склонен разделять скорее вторую из приведенных точек зрения. В пользу этого говорит, в частности, то, что он фактически упрекает скифологов в использовании при оценке культурной ситуации в евразийских степях раннего железного века "этноокрашенных клише", а задачей собственно археологии полагает в основном именно свободную от отмеченного историзма и разработку типологических классификаций и хронологических периодизаций". Но правомерно ли при работе со скифологическим материалом устанавливать подобные "ведомственные барьеры" между археологическим и иными подходами?

Отнюдь не случайно скифская проблема получила свое наименование, применяемое в том числе археологами, от древнего этнонима, донесенного до нас, естественно, лишь письменными данными. Уже одно это свидетельствует о необходимости при воссоздании истории и культуры скифов согласовывать между собой разноприродные источники, но вряд ли есть резон ограничивать использование письменной традиции употреблением содержащейся в ней этнонимии. Сам Л.Т. Яблонский справедливо отмечает, что вопросами скифологии на протяжении XX в. наряду с археологами занимались "классические историки, искусствоведы, антропологи, исторические лингвисты, искусствоведы", что собственно и превратило ее в комплексную науку, а изыскания всех перечисленных специалистов обеспечили создание в обозначенной сфере достаточно убедительных исторических реконструкций. Кстати, автор обсуждаемой статьи в своих работах также не склонен ограничиваться проблемами "классификации и периодизации". Не избегает он, в частности, все тех же "этноокрашенных клише", именуя ряд древних среднеазиатских народов саками, и предпринимает сам или в соавторстве определенные этногенетические, палеосоциологические и иные изыскания о прошлом этих народов (см., к примеру: Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997). Проведение подобных изысканий в скифологии представляется вполне естественным, поскольку лишь комплекс наук, включая, конечно, и археологию, может обеспечить создание целостной картины. В этих условиях врядли правомерно расценивать историзм скифологических исследований прежде всего как "ахиллесову пяту" именно археологических обращений к скифской тематике. Но исследователи, занятые скифской проблемой, должны, работая с конкретными разноприродными данными, сохранять верность свойственным любому этапу такой работы источниковедческим методам каждой из причастных к ней наук, не подменяя одни из этих методов другими. Пресловутые типологическая классифи-

[2] Нужно заметить, что сам Л.С. Клейн при этом не чуждается исторических построений, основанных на анализе археологических материалов, о чем свидетельствуют многие его работы. Но право на такие построения он оставляет лишь за избранными археологами, обладающими потенциалом историка, к каковым, по собственному признанию, он в первую очередь причисляет себя. Об этой своей избранности он сам сообщил автору данной статьи в ходе 6-го испано-российского исторического коллоквиума, проходившего в Мадриде в октябре 1992 г. Остальные, видимо, обречены вечно ограничиваться решением чисто источниковедческих задач.

кация и хронологическая периодизация, без сомнения, составляют один из таких этапов, но нет оснований при этом решительно отделять такой чисто археологический аспект скифской проблемы от всех прочих. И на каждом этапе именно археологические данные определяют выбор наиболее правомерного варианта толкования нарративной традиции.

Как раз таким по существу и был подход авторов лучших работ XX в. по отечественной скифологии к ключевым вопросам этой науки. Так, уже классический труд М.И. Ростовцева "Скифия и Боспор" (1925), фактически заложивший основы современного скифоведения, включает образцовый для своего времени, а во многом не потерявший значения и поныне, типологический анализ археологических памятников Северного Причерноморья скифской эпохи. Но не менее закономерно наличие в этой же работе критического обзора литературных и эпиграфических источников, связанных с избранной темой. Именно такое привлечение разноприродных свидетельств и позволило автору этого труда создать целый ряд важных исторических построений. Зато хронологические выкладки М.И. Ростовцева, ограниченные имеющимися на тот момент материалами, со временем потребовали достаточно серьезной корректировки.

То же сочетание различных подходов было продемонстрировано в программном по своему характеру докладе, прочитанном Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой на Первой конференции по скифо-сарматской археологии 1952 г. и позже опубликованном в сборнике ключевых материалов этой конференции (Граков, Мелюкова, 1954). Характер этого доклада таков, что нет смысла пытаться однозначно определить, подкреплено ли содержащееся в нем яркое и для той поры абсолютно нетривиальное толкование письменных данных скрупулезным источниковедческим анализом материальных источников или же историческая трактовка систематизированных археологических материалов подтверждена нарративными свидетельствами. Важно, что итог этого комплексного исследования во многом определил дальнейший путь развития скифологии, фактически выведя ее из обозначившегося в то время тупика. Приходится, однако, признать, что смысл этой работы в корне отличен от того, который приписал ему в своем историографическом очерке Л.Т. Яблонский.

Согласно нарисованной им картине, в истории формирования современных представлений о скифах и родственных им народах выделяется достаточно ранний этап, когда "самостоятельный и автохтонный этногенез скифов Причерноморья ... не вызывал никаких сомнений". С этим этапом Л.Т. Яблонский, в частности, связывает обоснованное Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой в упомянутом докладе выделение "скифской триады", включающей характерные для скифской эпохи формы вооружения, элементы конского убора и произведения специфического искусства звериного стиля (Граков, Мелюкова, 1954) и, по его представлению, выступающей в качестве "своеобразного, хотя и условного маркера археологических памятников, оставленных *собственно скифами*". (Яблонский, 2001. С. 56. Курсив мой – *Д.Р.*)[3].

Судя по порядку изложения, автор обсуждаемой статьи полагает, что преимущественно уже после того, как был прочитан указанный доклад, открытие на всем пространстве евразийских степей комплексов, "типологически и хронологически близких собственно скифским", породило использование в археологии «терминов типа "культура населения Алтая скифского времени", а затем и прямой перенос этнонима "скифы" применительно к совокупности исключительно разнородных как в типологическом, так и в хронологическом плане памятников» (Яблонский, 2001. С. 56, 57). В действительности, однако, рассматриваемый процесс развивался в прямо противоположной последовательности.

На раннем этапе формирования научного интереса к скифам и культурно близким им племенам ведущую роль в этом процессе по понятным причинам играли не столько археологические данные, позже обретшие в этой сфере основополагающую роль, сколько сведения античной традиции о народах, обитавших в евразийских степях в скифскую эпоху. Именно из этих сообщений наука первоначально почерпнула свидетельства, на многие годы определившие основные постулаты скифологии. Так, данные разных древних авторов продемонстрировали существование в античном мире двух пониманий термина "скифы" – узкого, ограничивающего смысл этого этнонима ареалом Северного Причерноморья (наиболее последовательно его придерживался, в частности, Геродот), и широкого, включающего в зону обитания названного народа обширную зону степей Евразии. С другой стороны, тот же Геродот (IV, *11*) говорил о приходе скифов в Причерноморье "из Азии". Уже один факт хорошего знакомства как историков, так и представителей только зарождавшейся скифской археологии с этой традицией заставляет усомниться в существовании этапа, когда в науке якобы безраздельно

[3] По утверждению Л.Т. Яблонского (2001. С. 59), сам он не раз возражал против использования "скифской триады" как этнического маркера, полагая, что в действительности этот феномен представляет собой надэтничную престижно-знаковую систему, и в этом, по его словам, с ним согласны Д.С. Раевский (1993. С. 32), В.С. Ольховский (1997) и А.И. Мелюкова (1993. С. 26). Благодарю автора за включение меня в этот узкий круг избранных, но приходится заметить, что со времен первой скифо-сарматской конференции подобную точку зрения разделяют многие исследователи (в первую очередь представители московской школы), принявшие мнение, сформулированное на ней Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой. Подробнее об этом см. ниже.

господствовала никак не вытекающая из этой традиции упомянутая идея "самостоятельного и автохтонного этногенеза скифов Причерноморья". Другое дело, что в рамках молодой археологии материальная культура восточноевропейских скифов стала известна ученым ранее, чем древности других регионов степной Евразии. Позже, по мере выявления в евразийских степях различных областей, памятники которых оказались в определенной мере сходны с теми, что к тому времени уже были достаточно убедительно соотнесены со скифами Причерноморья, весь этот ареал стал более или менее эксплицитно восприниматься как территория обитания одного народа. Это сочли подтверждением утверждения античной традиции о зоне расселения скифов, которое соответствовало широкому пониманию этого этнонима, и потому именно такое понимание было сочтено наиболее достоверным. Вот на этой-то основе и возникло представление о "среднеазиатских скифах", "скифах Алтая" и т.п. Одновременно в тех же археологических данных стали искать подтверждение свидетельства о произошедшем на определенном этапе освоении Северного Причерноморья скифами, первоначально якобы обитавшими в азиатских степях.

Коренной перелом в истории существования такой достаточно логичной концепции и появление нового понимания отношений между археологическими и вербальными данными о скифах как раз и связаны с упомянутым докладом Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой. Такой пересмотр отнюдь не предшествовал выделению целого ряда степных "скифоидных" культур, как вроде бы следует из изложения Л.Т. Яблонского, а напротив, стал следствием осмысления все отчетливее выявляемых как сходства, так и различия между ними. При этом, вопреки утверждению Л.Т. Яблонского, "скифская триада" была определена Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой отнюдь не как маркер собственно скифских памятников, а как характерный набор элементов, свойственных не определенному этносу, в напротив – широкому кругу разноэтничных культур степи и соседних регионов. Индикатором же той или иной этнической культуры эти авторы правомерно сочли как раз не триаду, а более специфичные черты – формы лепной керамики, характер погребальных сооружений и т.д. На такой основе авторы построили в первую очередь толкование памятников скифского времени из Восточной Европы и соотнесли выделенные в основном еще М.И. Ростовцевым локальные культуры степной зоны Причерноморья и разных областей европейской лесостепи с собственно скифами (их они в соответствии с геродотовым пониманием этого этнонима локализовали в причерноморской степи) и с нескифскими народами Геродотовой этнокарты (их поместили в лесостепной зоне этого региона) (Граков, Мелюкова, 1954. С. 66 сл.; см. также: Граков, 1971. С. 88 сл.). Что касается приложения имени "скифы" к обитателям огромных территорий Евразии, то оно, по мысли указанных авторов, – явление довольно позднее в истории существования античной традиции об этих землях, превратившее конкретный этноним в "условно географическое" понятие (Граков, Мелюкова, 1954. С. 47).

Поскольку такой вывод Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой надолго определил подход многих исследователей к решению коренных проблем скифологии и до сих пор представляется верным сторонникам целого ряда археологических школ, вызывает удивление столь некорректное искажение этого вывода Л.Т. Яблонским – человеком, по крайней мере организационно принадлежащим к ведущей из этих школ.

Методика, продемонстрированная названными авторами на археологических материалах конкретного региона – Юга Восточной Европы, обрела дальнейшую жизнь при осмыслении данных об археологии всей степной Евразии. Такой подход позволил выявить в каждой из обнаруженных в этой зоне культур не только перечисленные выше этноразличающие черты, но и выполняющие ту же роль специфичные локальные особенности триады, в остальном общей для всего степного пояса. Развитием этого подхода можно назвать известный тезис М.П. Грязнова, согласно которому каждая из "сходных в общих чертах культур скифо-сибирского типа", существовавших на степном пространстве Евразии, оказывается "вполне самобытной и оригинальной в связи со своим особым историческим прошлым, в связи с особыми условиями обитаемой страны" (Грязнов, 1978. С. 18). Именно выделение в культурах интересующей нас зоны хозяйственно-экологически и типологически единого, с одной стороны, и культурно индивидуального, с другой, позволило М.П. Грязнову фактически противопоставить представлению о "скифо-сибирском культурно-историческом единстве" как о целостном феномене концепцию культурного многообразия евразийских степей в скифскую эпоху[4]. Применение такого подхода дало автору этих строк основание взамен термина "скифо-сибирское культурно-историческое единство" предложить для обозначения всей совокупности обладающих "скифоидными" культурами племен евразийских степей использовать понятие "евразийский культурный континуум скифской эпохи". Такое понятие кажется предпочтительным, поскольку

[4] Следует, однако, отметить, что в ряде работ М.П. Грязнов сам в определенной мере отступает от провозглашенной им теории полицентрического формирования евразийских культур скифской эпохи, что фактически влечет за собой его присоединение к гипотезе о центральноазиатском происхождении скифов и их культуры. Но в тех же работах одновременно повторено уже процитированное соображение о самобытности каждой из "скифоидных" культур Евразии (см., к примеру: Грязнов, 1980. С. 58–60).

оно позволяет в полной мере учитывать разную степень близости между включаемыми в интересующий нас континуум культурами (Раевский, 1993). Смысловую правомерность такого предпочтения отметил и Л.Т. Яблонский (2001. С. 59), справедливо указавший, правда, на неудобную громоздкость предложенного названия. Именно вопрос о реальном соотношении степных культур скифского времени друг с другом должен, как представляется, решаться преимущественно по археологическим данным[5].

Разумеется, такое толкование совокупности рассматриваемых "скифоидных" культур Евразии не исключает возможности существования среди них и родственных друг другу этнически. Одной из кардинальных с этой точки зрения задач является историческое осмысление упомянутого свидетельства Геродота о приходе скифов в Причерноморье "из Азии", то есть, исходя из античной географической традиции, из какой-то области, расположенной восточнее Дона. При этом следует напомнить, что данная версия, помимо свидетельства Геродота, опирается на сведения Диодора Сицилийского (II, *43*) и – в пересказе того же отца истории – на Аристея Проконнесского (Herod., IV, *13*), причем некоторые варианты традиции локализуют восточноевропейскую зону обитания скифов не только в Причерноморье, но и в Предкавказье.

Л.Т. Яблонский прав, замечая, что, «если бы удалось научно доказать эту версию "отца истории", исследователи европейских памятников раннескифского времени решили бы сразу несколько собственных региональных задач" (Яблонский, 2001. С. 57). Однако вопреки его утверждению поиски научного подтверждения сообщения Геродота о происхождении скифов из какой-либо восточной области степного региона совсем не обязательно опираются на представление о существовании так называемого скифо-сибирского культурно-исторического единства (Яблонский, 2001. С. 58). Ведь возникновение последнего или, по предложенной выше модификации этого понятия, евразийского культурного континуума во всем его многообразии в действительности могло быть обусловлено причинами, коренным образом отличными от тех, что породили этногенетическую близость некоторых из входящих в это "единство" культур, – например, сложением на всем исследуемом пространстве сходного культурно-хозяйственного типа и легкостью распространения в условиях кочевого быта похожих форм инвентаря. Зато подтверждение этногенетической близости скифов, в историческое время известных в Северном Причерноморье, к какому-то азиатскому, по утверждению Геродота, народу этого круга не может ограничиваться утверждением подобного сходства, а неизбежно должно проявиться в более специфичных деталях.

Любопытно, что в статье Л.Т. Яблонского проблема поисков азиатских корней скифского этноса сведена почти исключительно к вопросу о хронологическом соотношении разных культур евразийского степного континуума. По мнению этого автора, то или иное толкование этой проблемы зависит в основном от того, удается ли сторонникам "центральноазиатской" гипотезы скифского этногенеза "взломать" традиционную хронологию раннесакских древностей и тем самым по-новому выстроить последовательность сложения степных культур изучаемого региона (Яблонский, 2001. С. 57). В действительности указанная задача должна решаться принципиально по-иному. Впрочем, подобный подход в самом деле близок методическим установкам большинства исследователей, ищущих археологическую прародину европейских скифов "в глубинах Центральной Азии". Дело в том, что они фактически во многом не разделяют подхода к евразийским древностям скифской эпохи, продемонстрированного в упомянутых работах Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой и М.П. Грязнова, и по-прежнему определяют родство разных культур степного пояса исходя из наличия в них общих элементов типа пресловутой триады. В действительности же конкретный анализ памятников из разных областей демонстрирует принципиальное фактическое различие многих других артефактов, да и элементы самой триады в этих культурах характеризуются явными локальными особенностями.

К примеру, популярные в последнее время попытки ряда специалистов доказать прямое родство европейских скифов с носителями центральноазиатской культуры, представленной древностями типа Аржана[6], предпринимаются при прямом игнорировании несходства большинства сопоставляемых предметов инвентаря, не говоря уже об элементах конструкции могильных сооружений и характере обрядовых действий. Поэтому при очевидном несогласии с рядом тезисов статьи Л.Т. Яблонского я готов полностью разделить его неприятие "не апробированных в широком научном обсуждении глобальных идей" относительно "центральноазиатского происхождения скифской культуры и самих скифов" и их неоправданного

[5] Я не останавливаюсь более подробно на критике концепции скифо-сибирского культурно-исторического единства в статье Л.Т. Яблонского, поскольку из сказанного ясно, что наши взгляды на этот счет весьма близки. Что касается примыкающей к этому вопросу идеи существования "цивилизации ранних кочевников Евразии", то она, по моему мнению, уже была подвергнута обоснованной критике в упомянутой дискуссии, опубликованной в 207-м выпуске КСИА (М., 1993), и врядли заслуживает более детального разбора – во всяком случае в рамках этой статьи. См. также: (Мошкова, 1999. С. 90, 91).

[6] Я не привожу здесь достаточно обширной библиографии работ сторонников названной версии, тем более что она в основном уже представлена в критическом обзоре, содержащемся в специально посвященной анализу этой гипотезы работе Н.Л. Членовой (1997. С. 3, 4).

внедрения в научную среду и в учебники по археологии (Яблонский, 2001. С. 59). Если же с максимально возможной дифференцированностью подойти к определению сходства и различия культур упомянутого евразийского континуума, то имеются все основания признать, что ни одна известная нам азиатская культура скифского времени не может претендовать на ту степень близости с культурой скифов Северного Причерноморья, которая свидетельствовала бы об их этнической идентичности (см. также: Членова, 1997. С. 37).

Любопытно, что Л.Т. Яблонский, критикуя указанный подход многих современных исследователей к вопросу о происхождении скифов, удивительно легко переходит от этой критики к отрицанию историчности античной традиции о киммерийцах. По его словам, «признание "азиатской версии" Геродота» потребовало от его сторонников "найти в степях Причерноморья археологических киммерийцев, которых вытеснили скифы". При этом автор с нескрываемой иронией замечает, что вера в существование особого этноса "киммерийцы" у этих исследователей по существу безгранична и что "с ними, конечно же, отождествлялись только памятники предскифского времени и только памятники степного Причерноморья". По его представлению, все европейские археологи разделились на сторонников принадлежности этому народу древностей либо черногоровского, либо новочеркасского типа, и такая дискуссия по существу не может иметь завершения, поскольку "для этих специалистов круг замкнулся" (Яблонский, 2001. С. 57, 58).

Совершенно справедливо, что, если придавать хоть какое-то значение античной традиции о ранней истории скифов и их соседей, то в самом деле в той или иной форме возникает проблема археологической идентификации киммерийцев. Но непременно ли этот путь ведет в никуда? Здесь, как в рассмотренных выше случаях, приходится прежде всего упрекнуть Л.Т. Яблонского в не вполне точном изложении взглядов его предшественников. К тому же существует и несколько иная, в рассматриваемом обзоре вовсе не упомянутая, трактовка интересующего нас вопроса, возможно, способная вывести проблему из того тупика, в который читатели оказываются ввергнуты ввиду приблизительности ее толкования.

Неточности связаны, в частности, с изложением содержания двух главных отечественных работ о киммерийцах – известной монографии А.И. Тереножкина (1976) и вышедшего почти через 20 лет после нее исследования трех петербургских исследователей (Алекссев и др., 1993). Авторам обоих этих трудов приписано, в частности, мнение о непременной принадлежности этому народу древностей одного из двух типов памятников – либо черногоровских, либо новочеркасских – и о причислении другого элемента указанной пары к скифским комплексам. Такая альтернатива действительно предлагается в работах некоторых исследователей – А.М. Лескова, Н.Л. Членовой и др. (об этом см.: Погребова, Раевский, 1992. С. 175), но именно авторы, упомянутые в этой связи Л.Т. Яблонским, придерживаются иных концепций. Так, если А.И. Тереножкин, отстаивая мнение о предскифской культуре киммерийцев, связывал с ними не один из двух, а оба упомянутых типа памятников, то в работе А.Ю. Алексеева, Н.К. Качаловой и С.Р. Тохтасьева, напротив, принадлежность киммерийцам любой из двух так называемых предскифских культур Восточной Европы прямо оспорена. Более того, авторы достаточно категоричны в своем мнении, что "в настоящее время в степной зоне Восточной Европы не известно ни одной археологической культуры или группы памятников, которые могли бы трактоваться как киммерийские. Все мыслимые сочетания черногоровских и новочеркасских древностей с этниконом киммерийцы и скифы перебраны в отечественной литературе, но позитивный результат не достигнут, так как ни одно из этих сочетаний не может быть признано убедительным" (Алексеев и др., 1993. С. 75). При этом, как уже было отмечено в рецензии на это исследование трех авторов, ответа на вопрос о территории происхождения этого народа и о его культуре в этой работе по существу вообще не дано (Погребова и др., 1998. С. 85, 86).

Между тем в отечественной скифологии существует подход к проблеме культуры киммерийцев, достаточно кардинально отличающийся от рассмотренных и к тому же напрямую связанный с альтернативой рассмотренному выше толкованию вопроса о происхождении европейских скифов. Формирование этой гипотезы восходит в первую очередь к изысканиям Б.Н. Гракова и А.А. Иессена. В ней сохраненные античными авторами нарративные свидетельства о событиях ранней стадии скифской истории (о первоначальном обитании предков этого народа у р. Аракс, об их вытеснении оттуда племенами исседонов или массагетов и появлении в Предкавказье, по Диодору, или в Причерноморье, по Геродоту) отнесены не ко времени существования уже сложившейся специфической культуры скифов, а к предшествующему периоду поздней бронзы и раннего железа. Так, Б.Н. Граков, опираясь на разработку О.А. Кривцовой-Граковой истории миграций восточноевропейских племен позднебронзовой эпохи (Кривцова-Гракова, 1955), счел возможным соотнести именно с ними ранний этап описанного Геродотом перемещения скифов в причерноморские степи "из Азии". В это же время где-то в пределах этого же региона, по Б.Н. Гракову, обитали и археологически неотличимые от скифов киммерийцы. Эта теория, разработанная исследователем в 1950-х – начале 1960-х годов, была детально осве-

щена им в курсе университетских лекций по скифской археологии, но, к сожалению, полностью увидела свет лишь в посмертно опубликованных его работах (Граков, 1971. С. 18 сл.; 1977. С. 163 сл.).

В разработке этого подхода очень большую роль сыграло также исследование А.А. Иессеном восточноевропейских древностей так называемой предскифской эпохи. Изучение этих материалов позволило автору сделать вывод об отсутствии коренного культурного размежевания между так называемой киммерийской и скифской эпохами в истории восточноевропейских степей и о практической однокультурности двух названных народов в VIII–VII вв. до н.э., в эпоху существования здесь черногоровских и новочеркасских комплексов (Иессен, 1953; 1954). Лишь в результате киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию слияние восточноевропейского культурного комплекса предскифской (в археологическом понимании термина) эпохи с заимствованными на древнем Востоке чертами обеспечило окончательное формирование скифской культуры, хорошо известной нам по более поздним памятникам.

За 50 лет, прошедшие со времени выдвижения означенной концепции, она, конечно, претерпела ряд уточнений и видоизменений. Так, очень ценные наблюдения о названных группах памятников содержатся о работах О.Р. Дубовской (1989; 1993; 1994 и др.). Но основной пафос изложенной идеи, на мой взгляд, не только сохраняет свою актуальность, но получает и дополнительные подтверждения. Попытка развития этого подхода и создания на этой основе развернутой реконструкции этнической истории ранних скифов была 10 лет назад предпринята М.Н. Погребовой и автором данной статьи в совместной работе (Погребова, Раевский, 1992), что избавляет меня от необходимости подробно излагать здесь наше понимание проблемы.

По непонятной причине этот подход не нашел никакого отражения в статье Л.Т. Яблонского. Мне не пристало выражать претензии по поводу того, что там совершенно обойдена молчанием наша монография, хотя она полностью отвечает теме, в этой статье рассматриваемой. Но согласиться с явным игнорированием в историографическом обзоре, претендующем на полноту освещения проблемы, лежащих в основе нашей работы идей Б.Н. Гракова и А.А. Иессена я не могу. Этот пробел представляется мне тем более досадным, что, на мой взгляд, именно концепция названных ученых после необходимой дополнительной разработки и ряда обязательных уточнений способна, как это уже не раз происходило в скифологии, обеспечить желательный прорыв на новый уровень понимания скифской проблемы, опирающийся на необходимое единство как нарративных, так и современных археологических данных.

В заключение своей статьи Л.Т. Яблонский (2001. С. 62) формулирует ряд перспективных, по его мнению, задач в области скифо-сарматской археологии. Так, он призывает к разработке новой археологической терминологии. Но замена принятой понятийной сетки на другую сама по себе не может решить актуальные проблемы нашей науки, если в ней, как и прежде, будет сохраняться существующая ныне многозначность терминов, всегда свидетельствующая о недостаточной проработке методики.

Л.Т. Яблонский полагает также, что сопряжение археологических и письменных данных ведет к мифологизации археологического источника (Яблонский, 2001. С. 62). Но представим себе, что всякий раз перед тем, как привлечь к интерпретации памятников эпохи раннего железа письменные данные, проводится их строгий источниковедческий анализ. Чем в таком случае ситуация будет отличаться от тех приемов изучения не знающих письменности первобытных памятников, которые – в отличие от скифологических работ – имеют, по мнению автора, методические и методологические достижения, прочно остающиеся на мировом уровне? При продуманном подходе к проблеме привлечение дополнительных источников не может оказаться для ученого помехой, а в противоположном случае ему ничто не поможет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Граков Б.Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Дубовская О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. Вып. 2. Донецк, 1993.

Дубовская О.Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. 1994. № 2.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Вып. XVIII.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.

Клейн Л.С. Методологическая природа археологии // РА. 1992. № 4.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.

Мелюкова А.И. Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство // КСИА. 1993. Вып. 207.

Мошкова М.Г. Изучение проблем раннего железного века в Институте археологии РАН в 1989–1998 гг. // РА. 1999. № 2.

Ольховский В.С. Скифская триада // МИАР. № 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В. Киммерийская проблема (По поводу книги: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993) // ВДИ. 1998. № 3.

Раевский Д.С. Культурно-историческое единство или культурный континуум? // КСИА. 1993. Вып. 207.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков, 1947.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Ч. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1.

Comcerning the historiography of the Scythian problem in modern elucidation (some remarks on the discussion)

D. S. Raevsky

Summary

The work is devoted to the remarks concerning some problems raised in the review by L.T. Yablonsky (published in Rossiyskaya Arkheologiya. 2001. № 1), where the works on the Scythian archaeology published in Russia were discussed. Certain wordings used by L.T. Yablonsky seem to be incorrect. Thus, the views of B.N. Grakov and A.I. Melyukova on the role of the so-called Scythian triad have been entirely distorted, as far as the conception of the cultural history of Eurasian steppe peoples in the Early Iron Age is concerned. Despite the statement formulated by L.T. Yablonsky, this problem was interpreted by the mentioned scholars not at all as an "ethnic marker" of the Scythian sites proper, but as a super-ethnic phenomenon, their position being the basic novelty; it contributed greatly to working out new approaches to the problems of the Scythian studies. Unfortunately, in his review L.T. Yablonsky does not pay any attention to the idea put forward by B.N. Grakov and A.A. Iessen in the 1950-s and the 1960-s to the effect that the appearance of the Scythians in the North Caucasus piedmont and North Pontic zone had preceded formation of the circle of cultures of Scythian type in the Eurasian steppes. Such an approach enables new interpretation of Herodotus' evidence concerning the Scythians and the Cimmerians as the integral part of the East European population. It also opens new perspectives in conforming narrative and archaeological sources to shed light on the early history of the discussed region. Therefore the author of the present paper and M.N. Pogrebova proceeded from the hypothesis by B.N. Grakov and A.A. Iessen in their comprehension of the ethnic and cultural situation within the region in question in the early Scythian epoch suggested in their monograph "The early Scythians and the ancient Near East" (Moscow, 1992).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 72–79

ДИСКУССИИ

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ "РОГАТЫЕ КИРПИЧИ" С ДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ МОСКВОРЕЧЬЯ

© 2003 г. А. С. Сыроватко

Институт археологии РАН, Москва

На дьяковских поселениях фрагменты "рогатых кирпичей" являются одной из самых многочисленных находок, хотя целые их экземпляры и развалы встречаются нечасто. Орнаментированные "рогатые кирпичи" вообще редки.

Исследователи дьяковских древностей не раз уже обращались к предметам изобразительного творчества, а также к знакам и рисункам, оставленным обитателями городищ, пытаясь реконструировать на их основе с трудом поддающиеся археологической фиксации идеологические и эстетические представления (Крис, 1995; Смирнов, 1987; Дубынин, 1966; 1969; 1970; Кренке, 1989).

"Рогатым кирпичом" называют блок из плохо обожженной глины, трапециевидного сечения, с приподнятыми углами верхней грани – "рогами". "Кирпичам" присущи сквозное отверстие неправильной формы, желобок на верхней грани, между "рогами". Все эти детали: "рога", отверстие и желоб, по-разному сочетаются, однако могут вообще отсутствовать. Термин "рогатый кирпич" впервые был употреблен В.А. Городцовым в публикации итогов его работ на Старшем Каширском городище и довольно быстро был принят в науке (Городцов, 1933. С. 14). Сами по себе эти предметы не являются собственно дьяковскими, поскольку их находят на памятниках самых разных культур и эпох[1]. "Рогатые кирпичи" известны на энеолитических поселениях Северного Кавказа – в майкопской культуре, на поселениях куро-аракской культуры, в раннем железном веке на скифских городищах нижнего Днепра, верхнего Дона, Курского Посеймья и Крыма, юхновских и городецких городищах, а также в средней Азии, уже в раннем средневековье на памятниках Ташкентского оазиса (Круглов, Подгаецкий, 1941. Рис. 11; Крупнов, 1960. С. 276; Мунчаев, 1994. С. 44 и след.; Погребова, 1958. С. 229 и след.; Шульц, 1949. С. 61, 62; Дашевская, 1957. С. 115; Трубникова, 1950. С. 127; Пузикова, 1997. Рис. 27; Воеводский, 1948. С. 73; Григорьев, 1940а. С. 9, 10; 1940б. Рис. 29, 30). Широко известны "рогатые кирпичи" и в Западной Европе, кроме того, ряд категорий предметов рассматриваются как вещи сходного назначения или прототипы (Щукин, 1994. Рис. 42; Wosinsky, 1888. Tab. XXVIII; Schuchhardt, 1926. S. 52. Abb. 18; Hoernes, 1925. S. 511; Dechelette, 1927. P. 905–913).

Хотя большинство исследователей признает связь "рогатых кирпичей" с очагами, относительно их использования существуют две основные точки зрения. Одни считают их вещью культового назначения (Городцов, 1933. С. 14; Мунчаев, 1961. С. 126; 1994. С. 46; Буряков, 1982. С. 119; Babes, Mihailescu-Birliba, 1972. S. 195; Makiewicz, 1976. S. 147), другие – утилитарными предметами – очажными подставками для горшков и под вертел (Григорьев, 1940б. С. 9. Рис. 50; Круглов, Подгаецкий, 1941. С. 174; Dechelette, 1927. P. 905) или принадлежностью для обработки цветных металлов (Крис, Чернай, 1980. С. 76). А.И. Пузикова связывала "рогатые кирпичи" с обрядами при сооружении укреплений (Пузикова, 1997. С. 79, 80). Некоторые исследователи допускают их двойное – культовое и утилитарное назначение (Воеводский, 1948. С. 73). Весьма примечательно, на наш взгляд, то обстоятельство, что в зарубежной литературе существует примерно такой же разброс мнений относительно назначения очажных подставок. В частности, М. Бабеш писал о том, что термин "очажная подставка" в отношении "огненных козлов" культуры Поянешти-Лукашевка просто перенесен со средневековых предметов и потому вводит в заблуждение, на самом деле эти находки следует считать скорее культовыми предметами (Babes, Mihailescu-Birliba, 1972. S. 195).

Орнаментированные "рогатые кирпичи" на дьяковских городищах были известны довольно давно, но по разным причинам в большинстве своем так и не были опубликованы[2]. Самым ранним из известных автору следует считать экземпляр, найденный В.И. Качановой на Мамоновом городище в 1952 г. (рис. 1). В настоящее время он хранится в фондах МИГМ. На этом предмете орнамент выполнен на обеих сторонах в виде пальцевых вдавлений или даже слабых защипов, об-

[1] Автор выражает признательность К.А. Смирнову, А.И. Пузиковой, Л.В. Павчинской и А.М. Обломскому за помощь в поиске аналогий.

[2] Автор выражает признательность хранителю фондов МИГМ Т.В. Скоробогатовой и директору Раменского краеведческого музея Т.В. Андреевой за помощь в работе с фондами этих музеев.

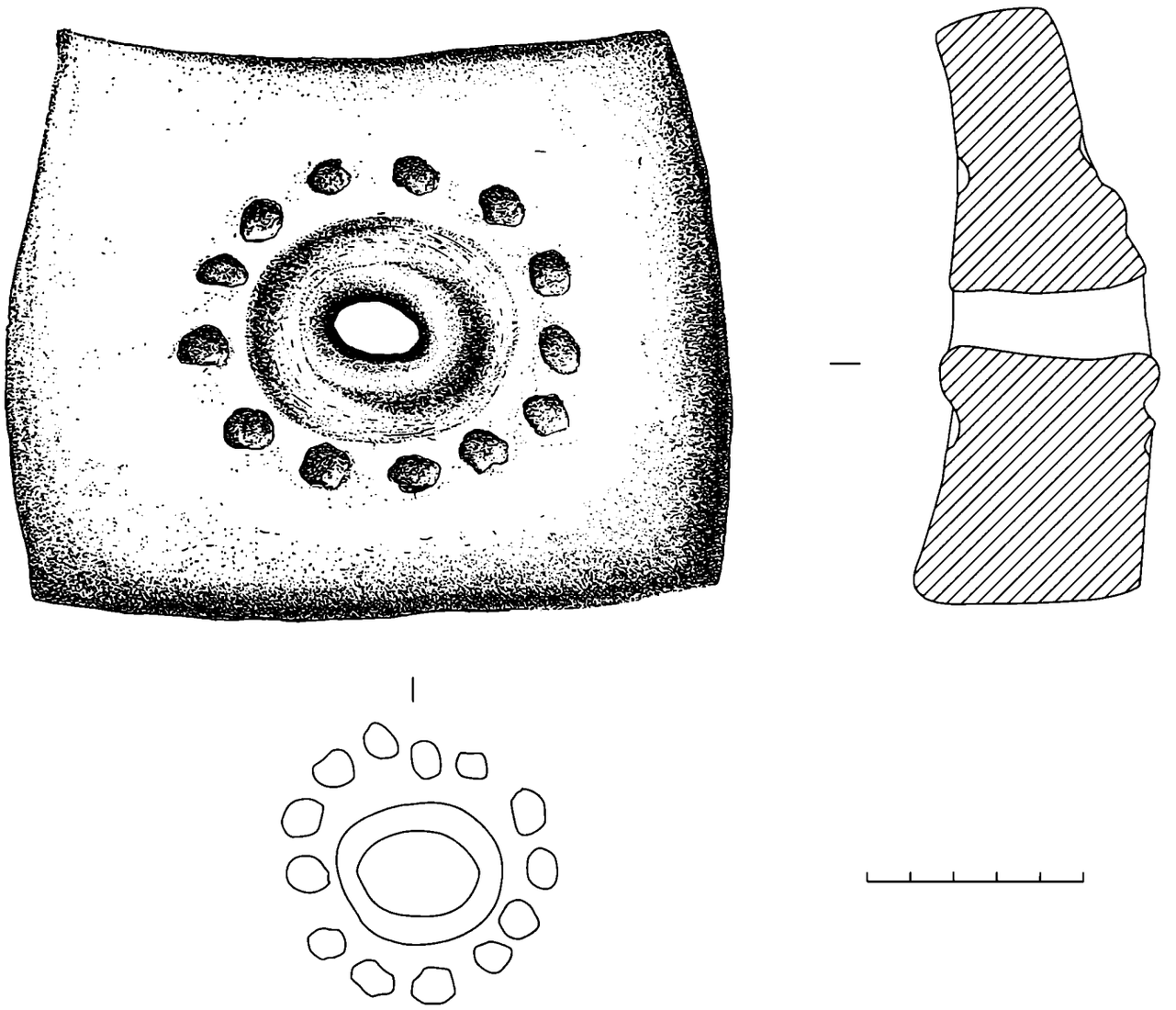


Рис. 1. "Рогатый кирпич" с Мамонова городища (после реставрации), раскопки В.И. Качановой. Орнамент на обороте показан прорисовкой.

рамляющих отверстие. Кроме того, на одной из сторон центральное отверстие обведено глубокой вдавленной чертой. Исследовательница писала о нескольких предметах, но, по всей видимости, это был развал одного "кирпича". Происходит он из заполнения "жилища № 1", которое, судя по комплексу находок, можно отнести к I тыс. до н.э., однако сам предмет, по словам автора раскопок, найден на перекопанном участке (Качанова, 1954. С. 22. Рис. 14).

На городище Ростиславль в дьяковском слое найден орнаментированный ямками "рогатый кирпич" (Коваль, 1999). На одной его стороне ямки образуют кольцо вокруг отверстия, а ряд из трех ямок опущен к основанию. На другой стороне, в узоре из ямок также можно выделить обрамляющий отверстие круг (рис. 2).

Еще один "рогатый кирпич" был найден на городище "Круглица" Л.И. Пимакиным в 1956 г. (описание находки приводится исследователем в отчетах 1956 и 1957 гг., но фотографий и рисунков самой находки там нет – Пимакин, 1956. С. 9; 1957. С. 14). Из известных автору в настоящее время – это наиболее богато орнаментированный экземпляр, который в настоящее время хранится в фондах Раменского краеведческого музея (рис. 3). Предмет обладает всеми признаками, присущими "рогатым кирпичам" – "рогами", желобком на верхней грани, расширенным основанием и отверстием. Центральное отверстие на одной из сторон ("лицевой") обрамлено канавкой и круглыми ямками, как на "кирпиче" с Мамонова городища. Группа из четырех ямок и отдельная ямка расположены левее и выше центра. В верхнем левом углу и под группой из четырех ямок нанесены точечным наколом изображения свастик (нижнее изображение затерто), а в верху в центре – узор из наколов. На "оборотной" стороне в верхней части также нанесен узор из треугольников, а в нижней – треугольник, опущенный вершиной вниз.

Почти каждый элемент орнамента на этом "кирпиче" встречается на других находках, проис-

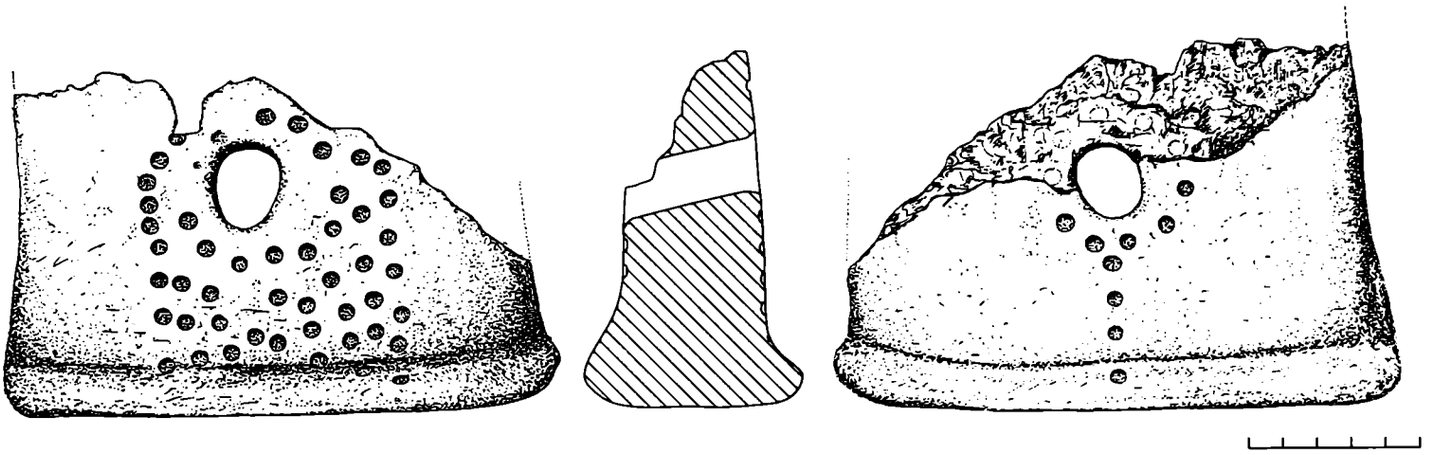


Рис. 2. "Рогатый кирпич" с Ростиславльского городища, раскопки В.Ю. Коваля.

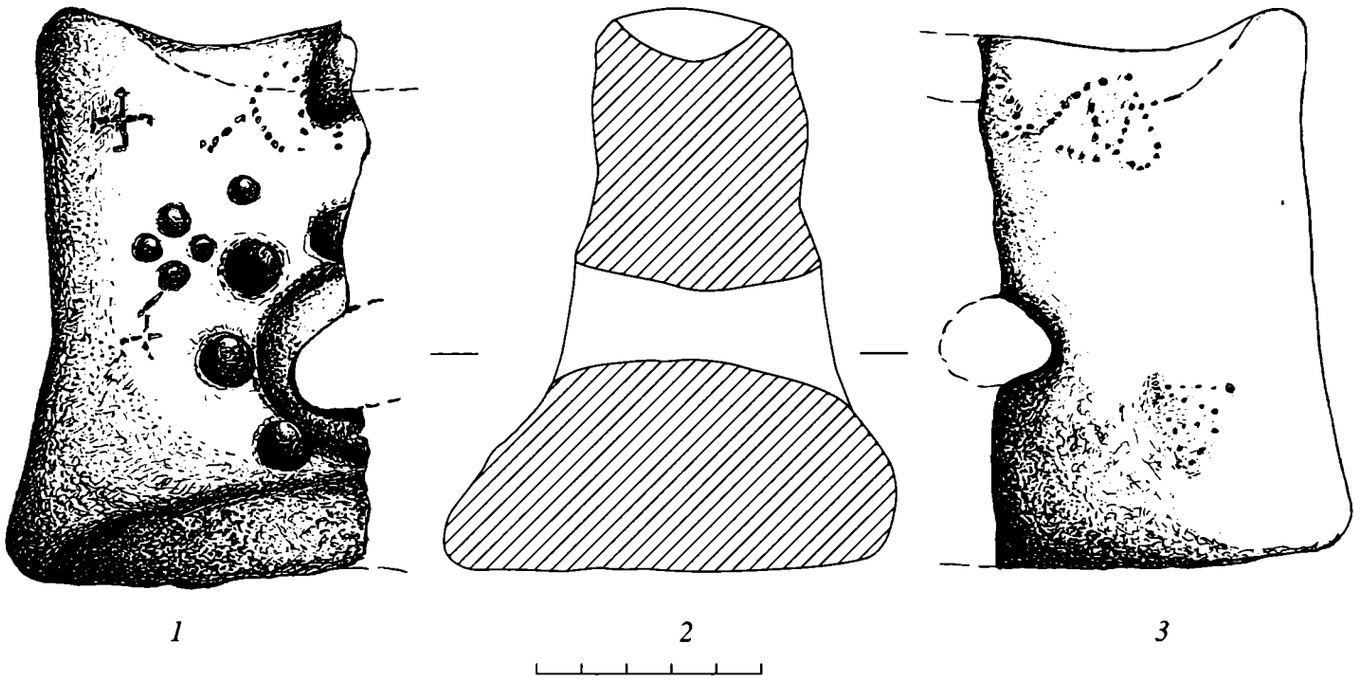


Рис. 3. "Рогатый кирпич" с городища "Круглица", раскопки Л.И. Пимакина.

ходящих с дьяковских поселений, а также с памятников других культур лесной полосы. И.Р. Ахмедовым приводятся аналогии знаку на сосуде из Кораблинского могильника рязано-окского времени (Ахмедов, 1994. Рис. 1, 2), однако, помимо этого, автору известны изображение крестов, причем также помещенные на "рогатые кирпичи" или их аналоги. Один предмет, найден на Дьяковом городище в слоях III–V вв. н.э. (Кренке, 1987. Рис. 49, *5*; 89, *46*). На нем концы косого креста, расположенного справа от центрального отверстия, оформлены в виде знака "треф". Два других предмета обнаружены на поселении Гелыешти в Молдавии. Это очажные подставки ("огненные козлы"), которые вполне можно сопоставить, на наш взгляд, с "рогатыми кирпичами" лесной зоны, на которых есть изображения свастик (Babes, Mihailescu-Birliba, 1972. Abb. 3, *1a, 2a*; Dabrowska, 1988. Rys. 15a; Щукин, 1994. Рис. 42). Любопытно, что на эти предметы нанесены и группы из четырех точек, образующих отдельный элемент орнамента. Об орнаментации подставок типа "chenet" "крестами Св. Андрея" сообщал также Ж. Дешелетт (Dechelette, 1927. P. 911).

Орнамент в виде кружков из точек или ямок вокруг центрального отверстия встречается на некоторых подставках с головами барана на памятниках латенского времени (Dechelette, 1927. P. 911. Fig. 627).

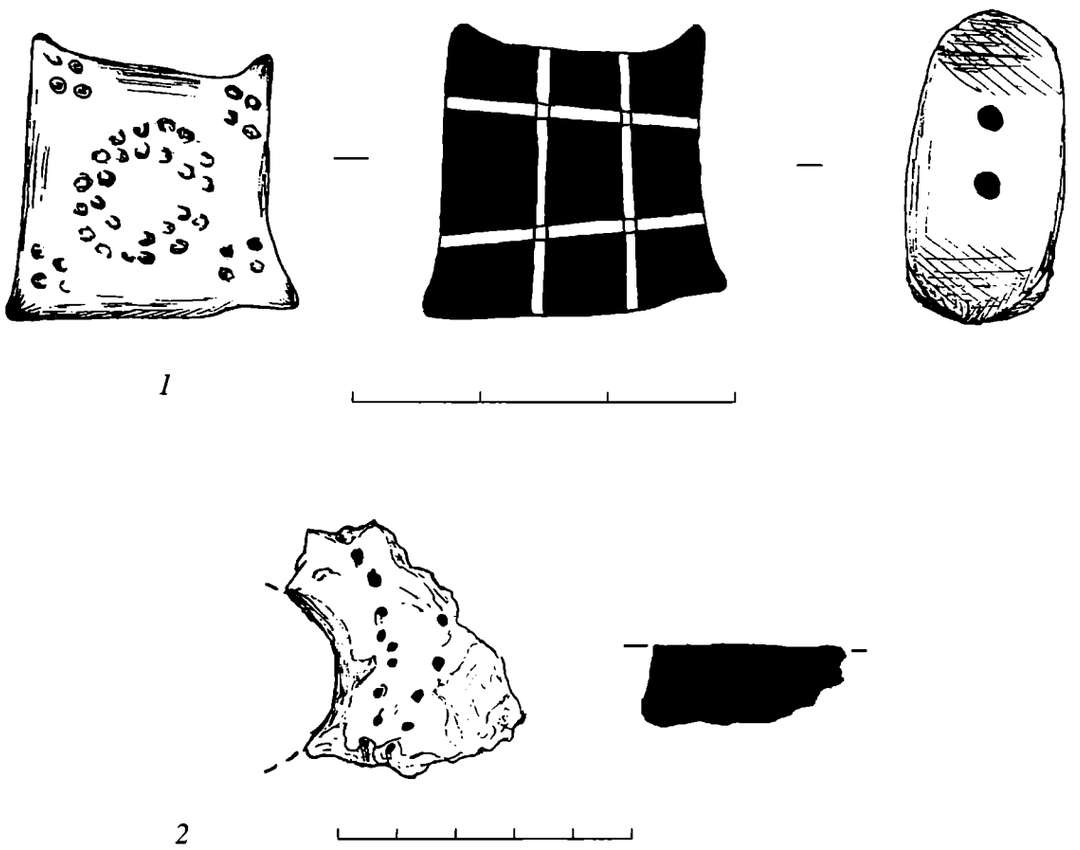


Рис. 4. Городищенское городище. *1* – многоканальная бусина-разделитель; *2* – фрагмент керамического изделия ("рогатого кирпича" – ?).

Известна и довольно близкая аналогия орнаментальной композиции, когда центральный круг дополняется группами из четырех точек или ямок. Помимо упоминавшихся уже очажных подставок из Гелыешти подобный орнамент нанесен на многоканальную бусину-разделитель, найденную на Городищенском городище, рис. 4, *1* (Сыроватко, 1999). Отличие состоит лишь в том, что на бусине группы из четырех точек размещены по четырем углам лицевой стороны. Обращает на себя внимание и форма бусины со слегка оттянутыми углами. Общий вид ее, а также орнамент, характерный для "рогатых кирпичей", заставляет видеть в ней модель "рогатого кирпича" (аналогичная по форме бусина, но без орнамента известна в материалах городища Топорок; Гендуне, 1906. Табл. 2). На предмете отсутствует отверстие, но отверстия вообще почти не встречаются на моделях "кирпичей". Центральный круг из точек на бусине-модели двойной. Двойное кольцо из точек вокруг отверстия известно на фрагменте керамического предмета с Городищенского городища, и весьма вероятно, что это тоже "рогатый кирпич" (рис. 4, *2*). Происходит он из слоя, нарушенного многолетней распашкой (Сыроватко, 1996).

Хорошо узнаваем и знак из опущенного вершиной вниз треугольника, часто встречающийся на плакетках и антропоморфных статуэтках в позднедьяковское время (Кренке, 1989. С. 79 и след. Рис. 1).

Из орнаментированных "рогатых кирпичей" необходимо отметить еще один экземпляр с Дьякова городища, происходящий из слоев V–III вв. до н.э. В верхней его части нанесен ряд ямок (Кренке, 1987. Рис. 26, *2*; 87, *39*).

Сводка орнаментированных "рогатых кирпичей" была бы неполной без упоминания двух экземпляров, найденных на Мячковском (Настасьинском) городище А.В. Энговатовой[3] в 2000 г. (Энговатова, 2001). Оба предмета фрагментированы, и знаки на них сохранились не полностью. На одном "кирпиче" под центральным отверстием знак выполнен наколом из мелких прямоугольных ямок в такой же точно технике, как свастики на "кирпиче" с "Круглицы" (рис. 5, *1*). Черта, как бы составляющая основание треугольника в этом знаке, является отпечатком ногтя и, скорее

[3] Автор выражает признательность А.В. Энговатовой за возможность использования неопубликованного материала.

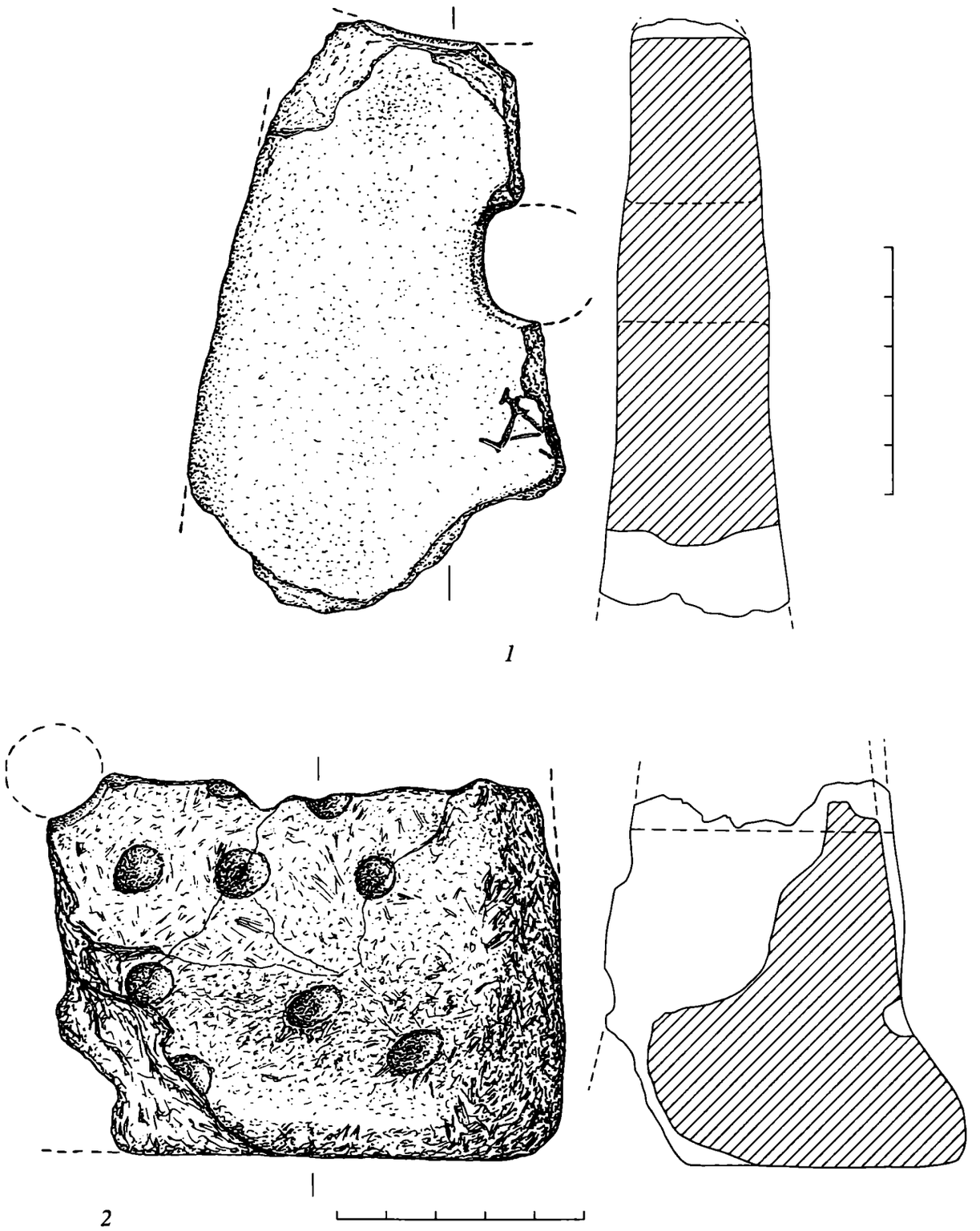


Рис. 5. Настасьинское городище, раскопки А.В. Энговатовой, "рогатые кирпичи".

всего, случайна. В целом, по технике исполнения и по общему виду знак на этом предмете можно сопоставить со свастиками на "кирпиче" с городища "Круглица". Этот предмет выделяется формой, он почти плоского сечения, со скругленными боковыми сторонами, и тестом – плотным, хорошего обжига, без следов вторичного прокаливания. От второго экземпляра с Мячковского городища сохранилась лишь небольшая часть, сплошь покрытая ямками, подобно "кирпичу" из Ростиславля (рис. 5, *2*).

Орнамент, встречающийся на дьяковских "рогатых кирпичах", имеет, таким образом, ряд общих, часто повторяющихся элементов – это круги

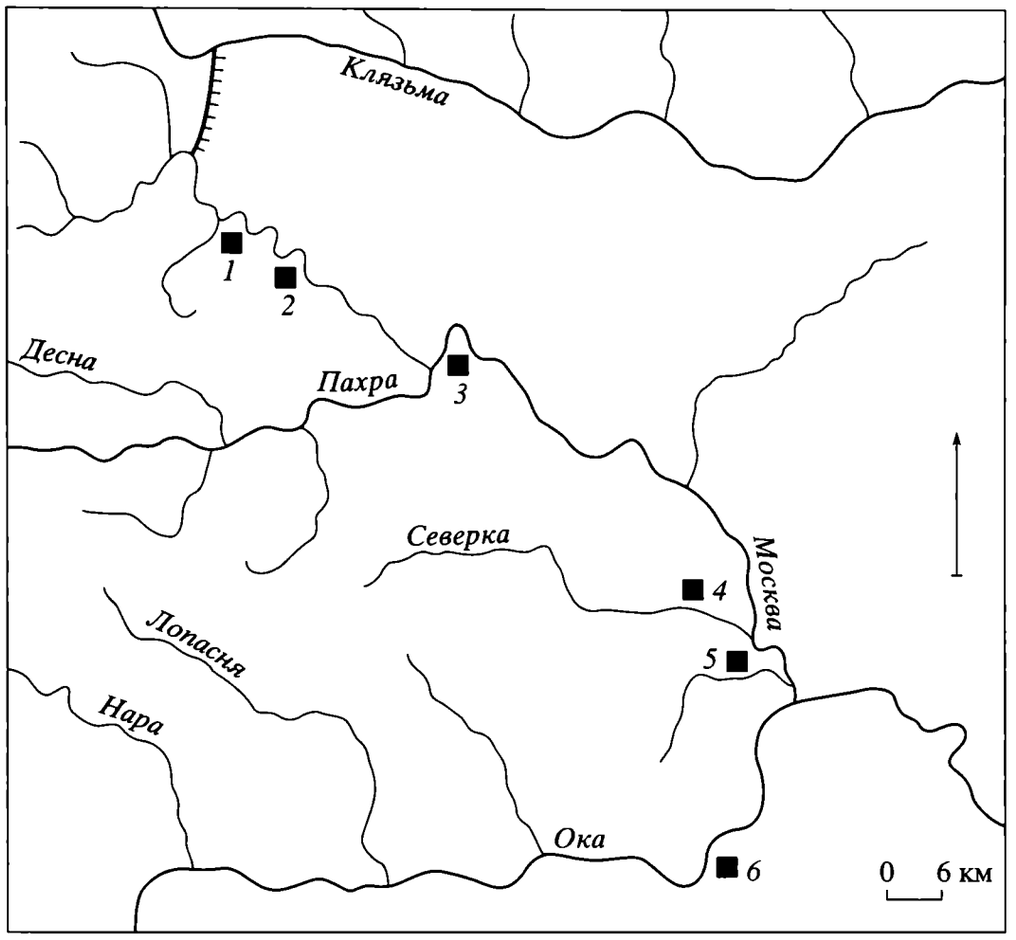


Рис. 6. Пункты находок орнаментированных "рогатых кирпичей". *1* – Мамоново; *2* – Дьяково; *3* – "Круглица"; *4* – Настасьино (Мячково); *5* – Городищи; *6* – Ростиславль.

из ямок или точек (Мамоново, Ростиславль, "Круглица", Городищи), иногда с группами из четырех ямок по углам ("Круглица", Городищи), кресты и свастики (Дьяково, "Круглица", Настасьино). Кроме того, все известные орнаментированные "рогатые кирпичи" орнаментированы неравномерно – либо знаки и орнамент расположены только на одной стороне (Мячково), либо одна сторона – "лицевая" – орнаментирована богаче ("Круглица", Ростиславль, Мамоново). Впрочем, от двух предметов сохранились только участки одной из сторон (Городищи, Мячково). Нельзя не отметить и еще одно обстоятельство, все известные автору экземпляры найдены на городищах бассейна р. Москвы[4], и только одна находка сделана на окском памятнике – Ростиславле (рис. 6).

За пределами дьяковской культурой сходные элементы орнамента отмечены на юхновских "кирпичах", здесь известны и круги из точек, и треугольник, опущенный вершиной вниз, и круги с отходящими лучами (Воеводский, 1949. Рис. 17б, *3*, *5*). На "головах быков" периода Каунчи III и в бургулюкском комплексе пальцевые вдавления иногда обрамляют отверстие (лунку светильника?), но полных аналогий там нет ни орнаменту дьяковских "кирпичей", ни их форме (Григорьев, 1940а. Рис. 27, 32). Гораздо ближе дьяковским "кирпичам" "шашлычницы", бытовавшие в эпоху Каунчи I–II, однако они считаются изображениями баранов, и орнамент на них является стилизованным изображением шерсти (Григорьев, 1940б. С. 9, 10. Рис. 37, 38; Буряков, 1982. С. 75 и след.). Стилизованные изображения голов животных вообще часты на "рогатых кирпичах". Их усматривают на некоторых экземплярах с нижнего Днепра, Хорезма, Крыма, а нервюры на них считают стилизацией гирлянд на жертвенных животных, заимствованных или привнесенных из культур латена (Погребова, 1958. С. 232; Толстов, 1948. С. 207; Dechelette, 1927. P. 907–910). Орнаментация из точек и прочерченных линий за пределами лесостепного ареала также известна, но мотивы орнаментов не похожи на дьяковские (Погребова, 1958. Рис. 37, *4*; Миллер, 1941. С. 243; Wosinsky, 1888. Tab. XXVIII).

Только орнаментация подставок Гелыешти и некоторых кельтских экземпляров обнаруживает сходство и, что немаловажно, хронологическую близость. Эту категорию находок в культуре По-

[4] В 2002 г. В.В. Сидоров обнаружил на Старшем Каширском городище два фрагмента орнаментированных "рогатых кирпичей", один с ямочным орнаментом, другой с косыми ("андреевскими") крестами, о чем он любезно сообщил автору.

янешти-Лукашевка многие исследователи рассматривают как элемент, привнесенный из области ясторфской культуры, т.е. с севера Европы (Каспарова, 1993. С. 92; Щукин, 1994. Рис. 42; Babes, Mihailescu-Birliba, 1972. S. 189 и след.).

В отношении датировок всех приведенных дьяковских "рогатых кирпичей" трудно сказать что-либо определенное. Как уже отмечалось выше, экземпляр с Мамонова городища происходит из довольно раннего жилища, но с поврежденного перекопом участка. Кирпич с "Круглицы" относится к нижнему слою, который, судя по составу находок, может быть суммарно датирован второй пол. I тыс. до н.э., но описание этого слоя в отчете крайне скудное, и точнее ничего сказать нельзя (Пимакин, 1956. С. 8–10). Орнаментированная бусина с Городищ происходит из слоя, относимого нами к последним векам до н.э. – первым веком н.э., а орнаментированный фрагмент с этого же поселения происходит из распаханного слоя. Экземпляр с Ростиславля можно отнести к дьяковскому времени (Коваль, 2001). Говорить о датировках Настасьинских экземпляров пока преждевременно – обработка коллекции еще только началась. Однако, по всей видимости, все или большинство рассмотренных нами предметов относятся к собственно дьяковскому периоду существования городищ, т.е., первым векам н.э., за исключением орнаментированного крестом кирпича с Дьякова городища.

Говоря о орнаментации дьяковских "рогатых кирпичей", заманчиво связать ее с наличием каких-то солярных культов или культов огня (вариант – домашнего очага), тем более, что связь самих "кирпичей" с огнем или очагом весьма вероятна. Предположения о том, что такие культы существовали у дьяковцев, уже высказывались в литературе (Смирнов, 1987. С. 208). На связь "рогатых кирпичей" с такими культами у других народов указывали многие исследователи (Буряков, 1982. С. 119, 120; Погребова, 1958. С. 232; Воеводский, 1949. С. 73), хотя на роль их в "культовом инвентаре" есть, как уже отмечалось, и другие точки зрения. Наблюдение А.И. Пузиковой относительно места находок "рогатых кирпичей" на Нартовском и Переверзевском городищах и возможной их связи с обрядами при строительстве укреплений весьма любопытно. На Городищенском городище вообще все известные к настоящему времени "рогатые кирпичи" и их модели найдены вблизи вала с внутренней его стороны, а некоторые экземпляры непосредственно под насыпью, в слое угля и прокаленной глины в ее основании (Сыроватко, 1999; Милонов, 1935; 1948. С. 76).

Однако, на наш взгляд, первичным у этих предметов остается их утилитарное назначение, скорее всего в качестве очажной подставки. Только этим можно объяснить такое широкое их распространение у разных народов и в разные, от неолита до средневековья, эпохи. Не исключено, что предметы эти у дьяковского населения являлись заимствованными, а в этом случае могла быть заимствована и солярная символика на них. Вместе с тем нельзя не отметить и то обстоятельство, что орнамент на "кирпичах" – довольно редкое явление, к тому же, не смотря на общее семантическое сходство, каждый орнаментированный образец индивидуален. Все это как будто бы указывает на то, что в каждом конкретном случае орнамент наносился вполне осознано, и смысл этих знаков был ясен тому, кто их наносил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедов И.Р. Сосуд со знаками из могильника Кораблино // Древности Оки. Тр. ГИМ. 1994. Вып. 85.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Воеводский М.В. Городища верхней Десны // КСИИМК. 1948. Вып. XXIV.

Гендуне Ю.Г. Городище Топорок. Тверь, 1906.

Городцов В.А. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. 1933. Вып. 85.

Григорьев Г.В. Каунчи-Тепа. Ташкент, 1940а.

Григорьев Г.В. Краткий отчет о работе Янгиюльской экспедиции в 1937 г. Ташкент, 1940б.

Дашевская О.Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Дубынин А.Ф. Об орнаменте грузиков Троицкого городища // СА. 1966. № 1.

Дубынин А.Ф. Как дьяковцы вели счет // МИА. 1969. № 169.

Дубынин А.Ф. О некоторых предметах со знаками из Щербинского городища // МИА. 1970. № 176.

Каспарова К.В. Периодизация и хронология культуры Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. М., 1993.

Качанова В.И. О заселении московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954.

Коваль В.Ю. Отчет о раскопках Ростиславльского городища в 1998 году // Архив ИА РАН. 1999. Р-1.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железный век и раннее средневековье. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Кренке Н.А. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.

Крис Х.И., Чернай И.Л. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 1980. Вып. 162.

Крис Х.И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. 1995. № 4.

Круглов А.Н., Подгаецкий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. 1941. № 3.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Миллер М.А. Моздок, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1935–36 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941.

Милонов Н.П. Отчет об археологических раскопках на территории Коломенского кремля и в пригороде Коломны с. Городищи летом 1935 г. // Архив ИИМК. 1935. Ф. 2. Оп. 1.

Милонов Н.П. Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник НИИМКР. М., 1948.

Мунчаев Р.М. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.

Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Пимакин Л.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском районе Московской области. 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1396.

Пимакин Л.И. Отчет об археологических раскопках городища "Круглица" в Раменском районе Московской области. 1957 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 2144.

Погребова Н.Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Смирнов К.А. Религиозные представления населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. конф. М., 1987.

Сыроватко А.С. Отчет о раскопках на городищах Городищи и Протопоповском в г. Коломне в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-1. № 20520.

Сыроватко А.С. Отчет о раскопках в Коломенском и Луховицком районах Московской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. 1999.

Толстов С.Н. Древний Хорезм. М., 1948.

Трубникова Н.В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

Шульц П.Н. Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий в III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Энговатова А.В. Отчет о раскопках городища Настасьино в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2001.

Babes M., Mihailescu-Birliba V. Germanische latenezeitliche "Feuerbocke" aus der Moldau // Bericht der romisch-germanischen kommission 1970–1971. Berlin, 1972.

Dabrowska T. Wczesne fasy kultury przeworsiej. Warszawa, 1988.

Dechelette J. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romaine. V. IV. Paris, 1927.

Hoernes M. Urgeschichte der bildenden kunst in Europa. Wien, 1925.

Makiewicz T. Oltarze i "paleniska" ornamentowane z epoki zelaza w Europie // Przeglad archeologiczny. 1976. T. 24.

Schuchhardt C. Alteuropa. Berlin, Leipzig, 1926.

Wosinsky M. Das prahistorische Scanzwerk von Lengyel. Budapest, 1888.

The ornamented "horned bricks" at Dyakovo hillforts in the Moskva basin

A. S. Syrovatko

Summary

The article deals with the publication of the ornamented clay artefacts attributed to Dyakovo culture and known in Russian archaeological publications under the term "horned bricks". The author presents a review both of spread of the objects in question and similar ones among different peoples and in different epochs, and the scholars' ideas on the function of "horned bricks". The information concerning eight ornamented bricks of the discussed type, and one model of such artefact (also ornamented) is published. All the finds originate from Dyakovo hillforts disposed in the Moskva and Oka rivers' basins (map and Fig. 1). The ornamentation of the Dyakovo-type "horned bricks" includes similar elements: strokes or pits arranged in circles placed concentrically to the central opening (the sites Mamonovo, Kruglitsa, Gorodishchi, Rostislavl), groups of four strokes on the corners of the objects (the site Kruglitsa), bosses (the "horned brick" models from the site Gorodishchi), crosses and swastikas (the sites Kruglitsa and Dyakovo). The closest analogies can be pointed out among the "horned bricks" of Yukhnovo culture and on the andirons from the site Gylyesti (Moldavia). The author considers the wide territorial and chronological scope of "horned bricks" to be the proof of their utilitarian function. It cannot be excluded that the solar symbols decorating the objects were adopted together with the very idea of the bricks' application. However, the "horned bricks" do not form any series of similar objects, the ornament on each particular object is of singular character, that is why the author considers their symbolic ornamentation to be deliberate.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 80–82

ДИСКУССИИ

ИСТОРИЯ НАРОДА: НАУЧНЫЙ ПОИСК И МАГИЯ ЭТНОНИМА

© 2003 г. И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва

Труд ученого-историка внешне вполне обыден – читать и писать дано всякому грамотному. Только специалисты знают, насколько обманчиво такое впечатление. Исторические дисциплины от житейских размышлений о прошлом отличает особое, научное мышление, выстроенное на знании присущих предмету закономерностей и постижении специальных источниковедческих процедур. Непонимание этого приводит к широкой популярности сочинений, написанных различными авторами с привлечением давних письменных источников, но без знания методов их исторической критики.

Трудно представить публикацию текста, отражающего обыденное сознание, в естественнонаучном журнале. Академическое издание исторического профиля, отражающее научное мышление, напротив, нередко стоит перед необходимостью разбора подобных сочинений и взглядов, дабы уберечь общество от доверчивого их восприятия.

Есть для такой публикационной деятельности и профессиональная необходимость. Любой историк – дитя своего времени. При обращении к прошлому способность отстраниться от современных стереотипов (осознавая их историческую обусловленность) и готовность увидеть в веках, реально им свойственное, закономерно иное, есть прямой показатель мастерства. Поддерживать его на должном уровне в приложении к каждому обсуждаемому вопросу – задача академического журнала. Ответственность историка возрастает, когда проблема требует привлечения данных смежных наук (языкознания и фольклористики, в первую очередь).

В высшей степени все сказанное относится к осмыслению этногенеза и этнонимии. Весьма показательны в этом плане тематика конгресса "Актуальные проблемы истории древних кыргызов" и изложение его материалов, публикуемое в этом номере журнала.

Сегодня науке известны три разновременных мифа о происхождении народа *кыргыз*. Первый и наиболее древний, хотя дошел до нас в китайской записи VIII в. (Ю-ян цзацзу), принадлежит к собственным представлениям народа. Он повествует о появлении первопредка от соединения бога с коровой внутри горной пещеры. Второй, раннесредневековый, известен в изложении перса Гардизи (середина XI в.) и привнесен со стороны. Он служил объяснением экзотического для мусульман облика сибиряков: связывал статность и светловолосость их правителей с ушедшим на Енисей славянским князем, а многоликость подданных – с приставшей к нему разноплеменной вольницей (Шефер, 1981. С. 107; Бартольд, 1973. С. 47, 48). Третий миф принадлежит к новому и новейшему времени и также привнесен в сознание кыргызского народа со стороны. Он утверждает, что народ кыргыз пришел на Тянь-Шань с Енисея[1].

Зададимся простым вопросом. Почему международный конгресс в Бишкеке оказался связан с привнесенной в сам народ третьей версией этногенеза кыргызов? Судя по изложению конференции, это в значительной мере произошло по двум причинам: из-за тюркоязычности современных кыргызов и из-за главенства этнонимического подхода к проблеме. Поскольку лишь третья легенда прямо увязана с именем народа и его тюркоязычностью.

Современное обыденное представление об этнониме, как о неизменном и едва ли не характеризующем народ явлении, далеко от научного восприятия. Совпадение имени не может быть надежным ориентиром при исторических исследованиях. Специалисты знают: при длительном бытовании термин, воспринимаемый нами как этноним, многократно меняет свое общественное значение. При анализе конкретных периодов и источников приходится восстанавливать и оговаривать присущий им действительный смысл, казалось бы, знакомого названия (см., например: Дёрфер, 1986. С. 78–82). На отрезке письменной истории этноним в определяющей степени связан с *политической*, а не с этногенетической историей народа. Славяне *болгары* ныне носят раннесредневековое тюркское имя, и никто не знает, из какой языковой семьи оно перешло к Аспаруховым предкам. В поисках начала балканских славян, идя за их именем, мы уйдем к

[1] Нередкая отсылка на народную память о долинах материнской реки Эне-сай, созвучной гидрониму Енисей, выявляет ненаучное мышление и совершенно несостоятельна. Великую сибирскую реку Енисеем стали называть только русские. Аборигенные народы звали ее Кем (и зовут Ким или Улуг-Хем, сохраняя древнее имя еще дотюркской поры). Фольклорное Эне-сай сближено с Енисеем (или появилось в устах сказителей?) уже под воздействием исторической литературы, возводящей кыргызов Тянь-Шаня к древним кыргызам Енисея.

Азовскому морю и, затем, в неведомые пространства Азии, все более удаляясь от реальной славянской прародины. Цыганское самоназвание *ромэн* или народное имя современных *румын* не связывает для науки их этногенез с греками (*ромеями*) Византии. Сибирские *татары* получили свое имя не по происхождению из Монголии, а от русских, продвигавшихся в былые владения Орды. Даже если этноним *русь* и вправду имеет южношведское происхождение, не в Скандинавии надо искать начала этногенеза русского народа.

Совершенно то же самое следует сказать и о народном имени современных кыргызов. Этноним, несомненно, связывает их предков с *политической историей* крупнейшей раннесредневековой державы Южной Сибири и Центральной Азии, но *этногенез* теперешнего среднеазиатского народа не только не сводим к древним насельникам долин Енисея, впервые прославившим имя кыргызов, но и не связан с ними.

Строгие научные разработки этногенеза и этнической истории современного кыргызского народа ныне существуют во всех основных исторических дисциплинах: в археологии, истории, этнографии, а также в языкознании и антропологии. Они прежде всего связаны с именами Л.Р. Кызласова, В.П. Юдина, М.Б. Джамгирчинова, С.М. Абрамзона, Г.Ф. Дебца.

Целенаправленные исследования показали, что ничего подобного переселению кыргызов с Енисея на Тянь-Шань археологически не подтверждается. Отсутствие на Тянь-Шане и Памиро-Алае памятников тюхтятской и аскизской культур, характеризующих государство кыргызов Южной Сибири IX–XVII вв., особенно показательно. Захоронения и изделия этих культур ныне известны от восточных границ Восточной Сибири (отроги Яблонова хребта) до западного края Восточной Европы (отроги Карпатских гор). Они указывают на широчайшую международную активность управлявшейся кыргызами саяно-алтайской державы. Ее постоянные торговые фактории обнаружены на Каме, Волге и Суре (Кызласов, 1984; Аскизские древности..., 2000), но домоногольские древности Чу, Таласа или Нарына не содержат следов пребывания там кыргызских посланцев.

Глубокое конкретно-историческое исследование этнических компонентов (родоплеменного состава) современных кыргызов и всей совокупности их самобытной этнографической культуры показало, что в их сложении практически не участвовало население Саянской горной страны. Основу кыргызского народа преимущественно и поэтапно составили жители обширного региона Центральной Азии: от северных предгорий Тянь-Шаня до Монгольского Алтая. Потому кыргызы – самый монголоидный из народов Средней Азии и по этим физическим признакам уступают лишь алтайцам и бурятам. Не случайно язык южных алтайцев наиболее родственен современному кыргызскому, а прочие тюркские языки Саяно-Алтая далеки от него. С южноалтайскими совпадают не только названия ряда кыргызских этнических групп, но даже и их подразделений (Абрамзон, 1971. Гл. I; Труды..., 1959. С. 74, 75, 78; Баскаков, 1969. С. 340–349). Все это не сибирские, а центральноазиатские по происхождению этнические особенности.

К проблемам этнической истории приводит и анализ основ духовной культуры кыргызского народа. Широкое сохранение древних, едва ли не общетюркских культов закономерно указывает на исконную принадлежность кыргызов к тюркскому миру. Важно, однако, и другое обстоятельство, замеченное В.В. Бартольдом: источники XVI–XVII вв. не считают кыргызов Тянь-Шаня мусульманами. Казалось бы, это противоречит фактам процветания ислама на территории современного Кыргызстана уже при Караханидах в X–XII вв. и ревностного его насаждения там Великими Моголами в XIV–XV вв. Примиряя данные, В.В. Бартольд считал маловероятным пребывание самих кыргызов на Тянь-Шане "в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами" и определял серединой XV в. приход кыргызов на их нынешние земли из немусульманских тогда районов Центральной Азии (Бартольд, 1963. С. 517). Выводы востоковеда ныне подтверждаются наблюдениями этнографов: кыргызы – единственный крупный народ Средней Азии, у которого отсутствуют свои сейиды (потомки Пророка и мусульманских святых) (Абашин, 2001. С. 53).

Тот факт, что ученое сообщество отмечало 22 века появления имени кыргызов не на Енисее, к долинам которого на деле относится древняя и раннесредневековая история этого имени и где его носители живут поныне (составляя саяно-алтайские подразделения-сеоки *хыргыз*), а на Чу, в Бишкеке, рождает правомерные опасения: ошибочный подход к этногенезу современного кыргызского народа на деле отнимает историю у современных народов Южной Сибири. Этот процесс, как видим, способен принять торжественно-государственную форму и облачиться в одежды международного научного собрания. По-видимому, такой ход событий не беспокоит ни политиков, ни ученых по причине нынешней малочисленности истинных – сибирских – потомков древних кыргызов и оттого не кажется особенно значимым.

Однако устроителям и участникам конференции, как и читателям академического журнала, следует задуматься над другими последствиями происходящего: подлинной древней и средневековой истории в действительности лишается и большой тюркоязычный народ, носящий имя кыргы-

зов сегодня. Ранний период его существования подменяется историей других земель и других народов, забытыми оказываются настоящие собственные предки. Вполне допускаю, что это мало волнует приехавших в Бишкек иностранных ученых. По-моему же, происходящее – национальная трагедия кыргызского народа.

Лишь преодоление исторической наукой Кыргызстана (и остальным кыргызоведением) наследия фольклорной мифо-поэтической традиции, из которой она по существу до сих пор не вышла окончательно, способно привести к выяснению этногенеза кыргызского народа и вернуть потомкам подлинную историю их предков. Юбилейная конференция 2001 г. в этом деле отбросила науку почти на полвека. Она стала шагом назад не только в отношении обобщающих работ начала 1970-х и 1980-х годов (Абрамзон, 1971; История..., 1984. С. 12, 408–441), но и в сравнении с известной сессией 1956 г. (Труды..., 1959). Ныне, как и в прошлом, "попытки установления прямолинейной связи между киргизами Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с одной стороны, и киргизами Енисея – с другой, основанные главным образом на совпадении имени тех и других, не принесли какого-либо существенного результата, не стали базой для научного решения проблемы происхождения киргизского народа" (Абрамзон, 1971. С. 20).

У современной науки, пожалуй, все больше оснований признать правоту хивинского хана Абу-л-Гази, за три века до нас выяснявшего "родословное древо тюрков". Причина совпадения имени кыргызов Енисея (до XIII в. властвовавших и в Центральной Азии) и кыргызов Тянь-Шаня, как и местá исхода последних, были для него ясны: "В наше время, – писал венценосный историк XVII в. – очень немного людей из этого рода. Монголы и другие племена, истребив киргизов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода" (Абуль-Гази, 1906. С. 38).

История этнонима неравнозначна истории носящего его народа. Это разные вещи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин С.Н. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906.

Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Сб. матер. Всероссийской научно-практической конф. Казань, 2000.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

История Киргизской ССР. Т. I. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984.

Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи Древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1984.

Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Фрунзе, 1959.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чудесных диковинах в империи Тан. М., 1961.

The history of a people: scientific search and magic of the ethnic name

I. L. Kyzlasov

Summary

Modern peoples' names often provide no reliable ground for a historian: during centuries-long history the term now perceived as an ethnic name used to change its social meaning. As far as the "written" history is concerned, ethnic names are mostly connected not with ethnic, but with political history of a people (cf. the history of ethnic names and the ethnic provenance of the Bulgarians, the Gypsies (Romen), the Romanians, the Siberian Tatars, the Russians (Rus'), and so forth). Exactly the same can be said about the popular name of the modern Kyrghyzs. No doubt, their ethnic name reveals the involvement of their ancestors into the political history of the greatest power of the Early Middle Ages in South Siberia and Central Asia. However, the ethnic genesis of the modern Central Asiatic people cannot be reduced to the history of the ancient inhabitants of the Yenisey valley, who had glorified of the Kyrghyzs, moreover, it is not connected with it. In the Tien Shan the archaeological materials of Siberian origin are virtually unknown; the anthropology, language, tribal structure of the modern Kyrghyzs are of Central Asiatic provenance. The sources of the 16th – the 17th cc. do not mention them among the Moslems, though this territory had undergone the Islamic influence long ago. Only the Late Medieval period of history of the modern Kyrghyzs is associated with the Tien Shan, whilst their early deeds took place not in Siberia, but in Central Asia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 83–91

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЛОДОВ И РАСТЕНИЙ НА МОЗАИКАХ ХЕРСОНЕСА

© 2003 г. З. В. Янушевич

Рединг. Великобритания

Сведения о плодовых растениях Херсонеса, основанные на непосредственных находках остатков, за исключением винограда, весьма ограничены. Поэтому нам представляется интересным рассмотреть изображения растений и плодов, имеющиеся на сохранившихся мозаиках из средневековых храмов. Отдельные участки мозаичных полов богаты изображениями птиц, рыб и других животных, но, кроме того, на некоторых из них изображены плоды и листья культурных растений. Часто они представлены в стилизованном виде, но бывают и вполне реалистичны. К последним относятся изображения на полах храма, именуемого "Базилика в базилике" VI–IX вв. н.э. (рис. 1) и на большом мозаичном полу "Загородного крестообразного" храма XII в. н.э.

Перечень изображений и их размеры приведены в таблице. Мозаики из первого храма представляют своеобразные красочные панно, где в художественных обрамлениях изображены различные виды птиц, а по краям их, на свободных полях, разнообразные плоды. Все выполнено в цвете из кусочков камней различной окраски: серой, белой, желтой, зеленой, кирпично-красной.

Мозаика № 1 расположена с левой стороны от центра храма на наиболее низком уровне пола. Посредине ее изображен крупный павлин с распущенным хвостом, ниже и сбоку – четыре птицы меньшего размера (возможно, утки), по краям же панно обрамляют округлые плоды различной окраски с плодоножками. По правому краю панно расположены в ряд пять плодов. Окраска их серая однотонная, но плоды обрамлены кусочками камней более темного серого цвета (рис. 2). Средний размер изображений 15 × 16 см. Там же, но ниже, имеются еще два плода такой же формы и близкого размера, но окрашенные неравномерно: половина плода серая и половина желтая (рис. 3). По-видимому автор хотел представить яблоки "краснобокие". Они немного крупнее предыдущих с такими же плодоножками, средний размер их 17 × 17.5 см. С левой стороны мозаики (панно) изображены плоды такой же округлой формы и близкого размера, но однотонные красные. Их всего шесть, но на одном из них, на верхушке изображен след чашечки (чашелистиков), что характерно для плодов граната (рис. 4). Возможно, что и остальные пять плодов принадлежали гранату, но так как этого характерного признака – чашечки у них не показано, то мы их отнесли условно к яблокам со сплошной красной окраской плодов.

Мозаика № 2 расположена также с левой стороны базилики, от ее центра, но несколько выше на более высоком уровне пола. Датируется более поздним временем – в пределах VI–IX вв. Панно состоит из двух частей. В каждой из них в центре, в кругах изображены по две птицы. В первой, левой половине панно на полях его верхней части представлены четыре плода округлой формы сплошной красной окраски. Они по форме и размерам однотипны с плодами, изображенными на мозаике № 1 и условно приняты нами за плоды яблок. Они с такими же плодоножками, но не имеют характерных для гранатов чашечек на верхушках. В нижней части этой половины мозаики изображено два плода тыквы горлянки (лагенарии или бутылочной тыквы). Плоды очень характерны по форме и не вызывают никаких сомнений в их видовой принадлежности (рис. 5). Два точно таких же плода изображены и в верхней части второй половины панно. В нижней же его части изображены четыре плода "краснобоких" яблок. Они такой же формы, размера и характера окраски, как и на мозаике № 1.

Мозаика № 3 расположена с правой стороны центра базилики, датируется в пределах VI–IX вв. Представляет красочное панно прямоугольной формы. В центре его (в ромбе) изображена птица. В верхней части, в углах – по одному округлому плоду с плодоножками. По-видимому автор имел в виду плоды яблок, но изображения их более стилизованы, чем на двух предыдущих мозаиках. Размер плодов более мелкий, в среднем 8 × 8 см.

Мозаика № 4 расположена также с правой стороны от центра базилики, правее от мозаики № 3. Представляет такое же красочное панно, как и предыдущая. В центре ее в ромбе и овале – птица, по углам же – плоды. В верхней части два плода груши характерной формы с плодоножками (рис. 6). В нижних углах изображено по одному округлому плоду с плодоножками. Они мельче, чем такой же формы плоды на предыдущих мозаиках.

Мозаика № 5 имеет по краям геометрический рисунок, обрамленный лианой плюща с правильно чередующимися листьями.

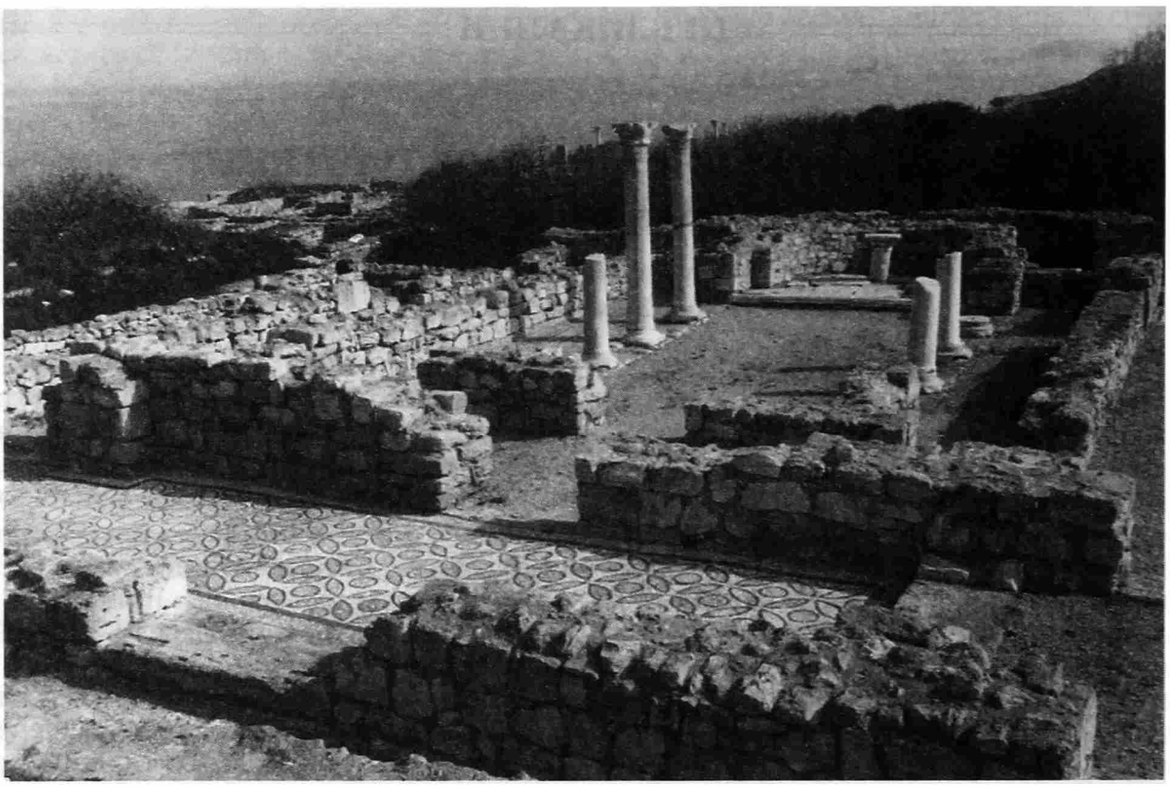


Рис. 1. Херсонес. Храм "Базилика в Базилике", на мозаичных полах которого обнаружены изображения плодов.

Мозаика № 6. На ней также геометрический рисунок с окаймлением лианой плюща такого же характера, как и на мозаике № 5.

Мозаика № 7 представляет большой пол из "Загородного крестообразного" храма со множеством изображений различных птиц и рыб. Датируется XII в. н.э. В верхней части полов в отдельных ячейках имеются изображения двух плодов арбуза. Они представлены надрезанными, но с сохранившейся целой частью каждого плода, на поверхности которой виден рисунок корки. Он очень характерен – с чередующимися продольными полосами более светлой и более темной окраски (рис. 7). У основания каждого плода имеется короткая плодоножка. Весь мозаичный пол обрамлен стилизованной лианой винограда, в которой правильно чередуются листья и грозди (рис. 8).

Большинство изображений плодов на мозаиках вполне реалистичны и могут быть свидетельством того, что жители Херсонеса были с ними хорошо знакомы. Рассмотрим имеющиеся другие сведения о них по видам.

Яблоки. Первые наиболее ранние упоминания о яблоках на территории Крыма находим у Феофраста. Он сообщает, что на Боспоре возле Пантикапея "много смоковниц и раскидистого гранатника, а больше всего груш и яблонь самых разнообразных и превосходных сортов" (Феофраст, IV, 5, *3*). Сведения же о яблоках на Гераклейском полуострове следующие: С.Ф. Стржелецкий приводит снимок ссохшегося яблока из могилы античного некрополя Херсонеса, однако окончательное решение, было ли это действительно яблоко, оставляет под вопросом (Стржелецкий, 1961. С. 199. Рис. 51). Среди многочисленного обугленного материала с херсонесских клеров и с поселения Уч-Баш, анализировавшегося нами, ни плодов, ни семян яблок не было обнаружено. Из наиболее полного описания растений Крыма, сделанного в конце XVIII в. Габлицем, о яблоках узнаем следующее: "Яблоки (Pyrus malus L.) находятся по всем садам и различныя их породы поспевают от половины Июля до Сентября. Они вообще величиною посредственны; но вкусом иныя из них весьма хороши; а особливо около Судака попадается осенний род оных, который крупнее прочих, и приятный квасной вкус имеет. Видом он плосковато-круглой, и с наружи темно-красного цвета." (Габлицль, 1803. С. 71). Именно несколько округлых плодов сплошной красной окраски имеются на перечисленных мозаиках. Кроме того, изображения плодов, представленные на рис. 3, т.е. неравномерно окрашенных ("краснобоких"), – свидетельство того, что изображались именно яблоки, а не айва, с которой иногда можно отождествлять по форме их плоды.

Груши. О них имеются сведения в приведенном выше описании Феофраста, касающиеся территории Боспорского царства. В Херсонесе же о грушах имеются археологические данные. В склепе № 5 западной части херсонесского некрополя, датируемого началом IV в. н.э., В.М. Зубарем обнаружена заупокойная пища (Зубарь, 1982). Сре-

Плоды и растения на мозаиках Херсонеса

Номер мозаики	Название растения, орган, характер изображения, число плодов	Размеры изображений, см		Название памятника, место расположения мозаики, датировка
		длина	ширина	
1	Плоды яблок, серые с желтыми боками "краснобокие", 2 шт.	17.0	17.5	"Базилика в базилике". Пол. Мозаика с павлином, VI в. н.э.
	Плоды яблок, серые с более темным обрамлением, 5 шт.	15.0	16.0	Там же
	Плоды яблок, красные однотонные, 5 шт.	16.0	17.0	Там же
	Плод граната, красный однотонный, 1 шт.	16.0	17.0	Там же
	ножка плода	6.5	1.3	
2	Плоды яблок, красные однотонные, 4 шт.	16.0	17.0	"Базилика в базилике". Пол более высокого уровня. Мозаика с четырьмя птицами, VI–IX вв. н.э.
	Плоды яблок, "краснобокие", 4 шт.	16.0	17.0	Там же
	Плоды лагенарии, 4 шт.	25.0	17.0	Там же
	ножка плода	12.5	1.8	
3	Плоды яблок, мелкие, 2 шт.	8.0	8.0	"Базилика в базилике". Пол. Мозаика с одной птицей в ромбе, VI–IX вв. н.э.
4	Плоды груши, 2 шт.	12.5	9.5	Там же
	Плоды яблок, мелкие, 2 шт.	7.0	7.0	Там же
5	Ветка плюща с листьями без плодов	–	–	"Базилика в базилике". Пол. Мозаика с геометрическим орнаментом, обрамленная плющом, VI–XII вв. н.э.
6	Ветка плюща с листьями без плодов	–	–	Там же
7	Плод арбуза	20.0	15.5	Загородный крестообразный храм. Пол. XII в. н.э.
	ножка плода	1.5	1.3	
	Плод арбуза	20.0	15.5	Там же
	ножка плода	1.5	1.3	

ди различных плодов находились и груши. Они относительно мелкого размера, слегка удлиненной формы. Возможно, они принадлежали дикой груше, но может быть, это был сорт мелкоплодной культурной. К. Габлицль пишет о грушах Крыма в конце XVIII в. "Груши (Pyrus communis L.). Оне поспевают не в одно время. Первый род оных во всех почти садах находящийся созревает в Іюле. Он посредственной величины, кругловат, желто зеленого цвета и весьма сочен. Другой продолговатый, желтый отменного вкуса находится по большей части в садах по Каче и Кабарте; а третий наилучший в Августе поспевающий, составляют так называемые дули, кои величиною и вкусом всех прочих превосходят, и наиболее произрастают в садах по Индалу и по Каче." (Габлицль, 1803. С. 70). Такого же размера и формы, как в херсонесском некрополе, были найдены плоды груши на скифском поселении Усть-Альминское (III в. н.э.). Поселение расположено севернее Херсонеса на западном берегу Крымского полуострова. Таким образом, ископаемые остатки плодов груши из различных мест и относительно близкого времени сходны по размерам и форме; они отличаются мелкими размерами и слегка округлой формой. Можно сомневаться, были ли они культурными или дикорастущими, собранными в окрестностях. Плоды же, изображенные на мозаике № 4 (рис. 6), явно культурного типа и приближаются к типу сорта, описанного Габлицлем для садов Качи и Кабарты.

Таким образом, изображения плодов яблони и груши на мозаиках VI–IX вв. из херсонесских храмов служат доказательством того, что растения эти были здесь в указанный период хорошо известны и появились они, по-видимому, в садах в этом районе Крыма значительно раньше IV в. н.э., о чем говорят их некоторое разнообразие, форма и размеры.

Гранат. Кроме единственного плода на мозаике № 1, в Херсонесе имеется изображение дерева с плодами граната. Изображение это на куске мрамора, найденного при раскопках "Храма с ковчегом" Н.Н.Костюшко-Валюжаничем в 1897 г. Датируется храм V в. н.э. Размер мраморной пли-

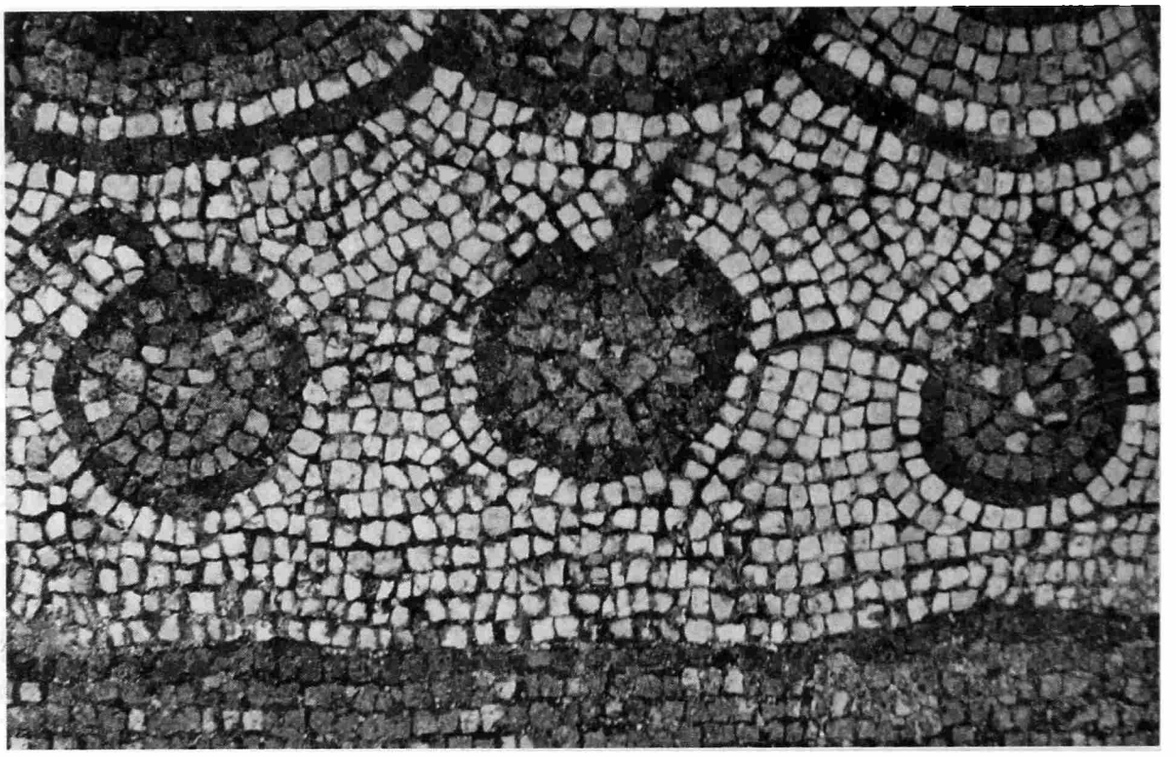


Рис. 2. Херсонес. Храм "Базилика в базилике". Яблоки на мозаичном полу.

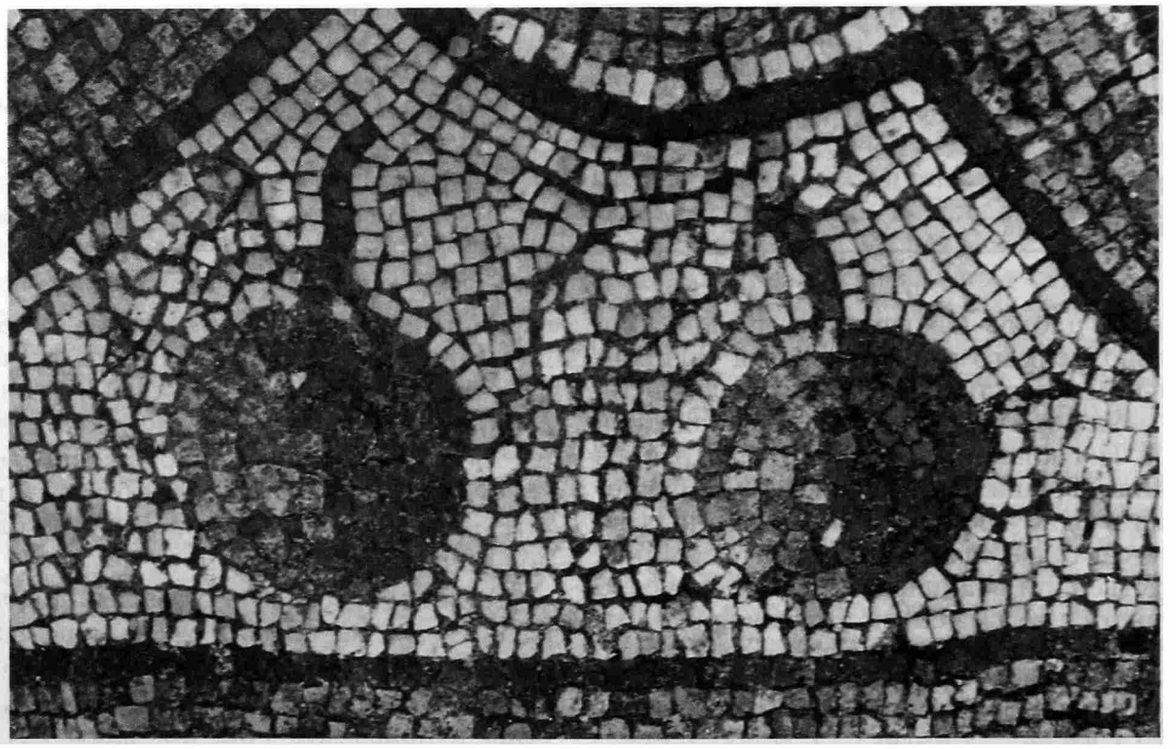


Рис. 3. Херсонес. Храм "Базилика в базилике". Яблоки, по-видимому, краснобокие на мозаичном полу.

ты 43,5 × 19 см. Плоды на дереве (с левой стороны) вполне по всем признакам принадлежат гранату, листья же, тройчатые, совсем нетипичны. Такой же формы листья и у дерева справа, но с плодами иной формы, принадлежавшими скорее всего вишне или черешне, т.е. совсем другому виду плодовых. Это уже стилизация, неточность автора. Что же говорят о гранате в Крыму письменные источники? В упомянутой ссылке на Феофраста сказано о кустах "раскидистого гранатника", растущих возле Пантикапея (Феофраст, IV, 5, *3*). К. Габлицль распространяется о гранатнике бо-

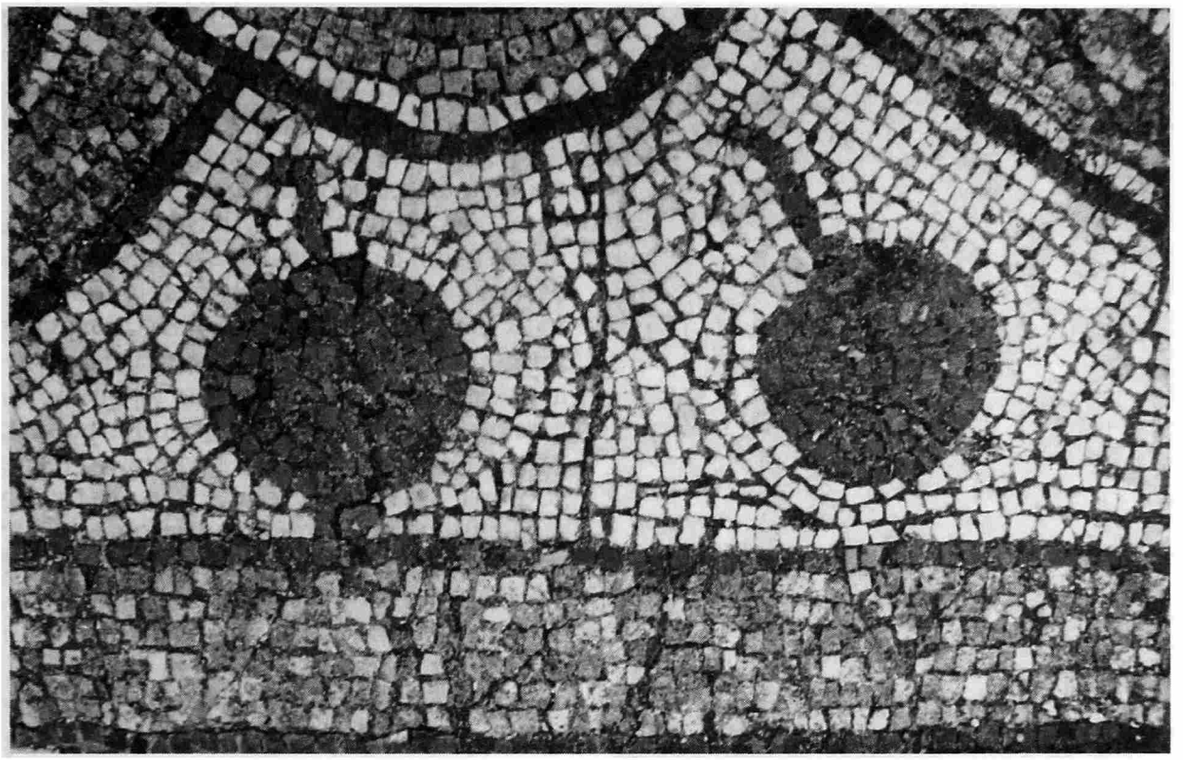


Рис. 4. Херсонес. Храм "Базилика в базилике". Плод граната с чашечкой (слева) и плод яблока (справа) на мозаичном полу.

лее подробно: "Гранаты (Punica granatus L.). Растут только на южных приморских садах между Балаклавою и Алуштою в довольном количестве; но они все лесные, из Анатолии привезенные, и для того мелки и большею частIю кислы; хотя и совершенно в Октябре месяце поспевают; а что принадлежит до их дерев, то оныя произрастают без вяклого старания с желаемым успехом" (Габлицль. 1803. С. 77).

По-видимому, гранаты в Крыму были как местные, но мелкоплодные, так и привозные с более крупными культурного типа плодами, о чем свидетельствует изображение на мозаике № 1. Во всяком случае, населению Херсонеса и те и другие гранаты, вероятно, были хорошо известны с давних пор. Кроме того, следует принять во внимание декоративность гранатовых кустов. Об этом их свойстве замечает и К. Габлицль: "деревья их составляют немалое украшение в садах красивыми своими цветами, коими они от половины Iюня до Августа изобилуют" (Габлицль, 1803. С. 77).

Лагенария. Горлянка, или ее еще называют посудная тыква, – широко распространенное в прошлом культурное растение. В диком виде пока не известна. Родина лагенарии – тропические страны Старого Света. Молодые плоды использовались как овощ, а зрелые как посуда самого различного назначения в домашнем обиходе. За это последнее ее особенно ценили древние земледельцы до изобретения глиняной и стеклянной посуды. О ней много упоминает Феофраст, приводя в примеры характер расположения семян внутри плода, строение и расположение цветков, морфологию корней (Феофраст, I, 11, *4*; 13, *3*; VII, 2, *9*). Колумелла писал о том, как выращивать горлянку в Италии (Ученые земледельцы..., 1970. С. 196). О горлянке также упоминал и Плиний. Следовательно, в Европу горлянка проникла очень давно и была известна и грекам, и римлянам. О ней упоминали европейские ботаники XVI в. и указывали, что "в прошлом она культивировалась больше, чем в настоящем". Какие же сведения о лагенарии в Крыму? Археологических ее находок нет. К. Габлицль упоминает горлянку как возделываемую в Крыму: "Бутылочные тыквы и долгошейки. Сеют в садах около Бахчисарая и по приморским местам" (Габлицль, 1803. С. 91).

На представленной на рис. 5 мозаике изображена горлянка наиболее распространенной бутылочной формы. Но плоды лагенарии бывают очень разнообразны: округлые, плоскоокруглые, овальные, овальные с перетяжкой посередине, бутылкообразные с горлышком различной длины и формы, часто изогнутым, и другие. Такое разнообразие – свидетельство искусственного отбора, производившегося человеком в древности, и самого разнообразного использования плодов. Ю.А. Кобякова перечисляет применение горлянок: тарелки, ложки, бутылки, вазы, посуда для хранения продуктов, ведра для перевозки воды, поплавки для ловли рыбы, трещотки для охраны полей, табакерки, шкатулки, клетки для птиц, музыкальные инструменты, различные игрушки,

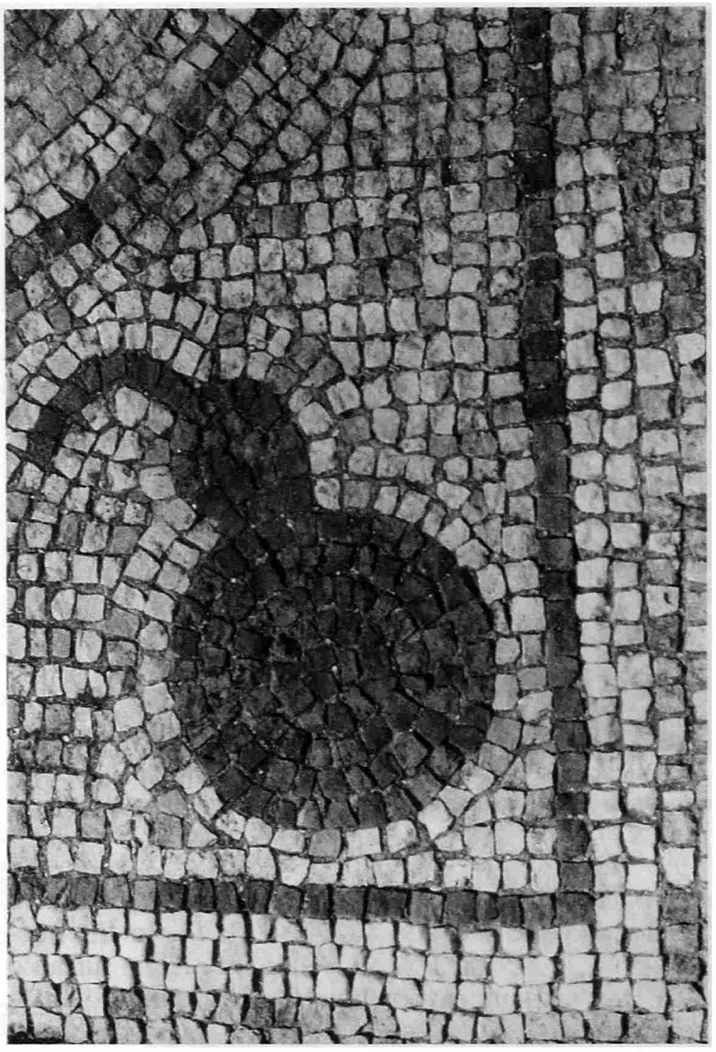


Рис. 5. Херсонес. Храм "Базилика в базилике". Плоды тыквы горлянки (лагенарии) на мозаичном полу.

кальяны, трубки и прочее (Кобякова, 1929–1930. С. 475–533). Молодые плоды употреблялись в пищу, а из семян получали масло.

Изображение на мозаике в храме VI в. свидетельство того, что горлянку в Крыму возделывали издавна и, по-видимому, использовали также разнообразно, но каких-либо вещественных доказательств этого пока не найдено. В археологических остатках обугленных семян горлянки не зафиксировано, несмотря на то, что они весьма характерны по морфологии и легко распознаются в ископаемом материале. В настоящее время имеется лишь единственная находка нескольких семян горлянки на территории Грузии, на поселении Гиэнос VI в. до н.э., т.е. эта находка значительно более ранняя. Таким образом, изображение на мозаике служит единственным доказательством того, что горлянка в Крыму возделывалась до XVIII в., т.е. до сведений, приведенных К. Габлицлем. При этом показана определенная форма плода, соответствующая описаниям, как наиболее распространенная.

Арбуз. Плоды арбуза на мозаичном полу (мозаика № 7) явно культурного типа. Их форма и окраска коры характерны для наиболее распространенных его сортов. Но в Крыму имеется и находка семян арбуза. Они были обнаружены в тарелках и чашках в погребении Херсонесского некрополя. С.Ф. Стржелецким опубликованы семена тыквенных – дыни и огурца и среди них четыре семени арбуза. Размеры и форма их типичны, но, к сожалению, датировка не указана (Стржелецкий, 1961. Рис. 60). К. Габлицль же приводит следующие сведения об арбузах в огородах Крыма: "Арбузы. Сеются во множестве в садах и на пашнях, белые и красные; но вообще не велики, и посредственной доброты; что происходит от части от свойства земли, не имеющей в себе примеса песку, для лучшего произрастания оных нужного, а отчасти, может быть и от того, что Татары не старались до сего времени достать из других мест лучших семянъ" (Габлицль, 1803. С. 92).

Следует сообщить, что, как полагают ботаники, культурный арбуз произошел от дикорастущего, обитателя пустынь Африки, Это растение с мелкими (5–7 см) очень часто горькими плодами. Однако находки крупных семян в долине Нила свидетельствуют о том, что во II тыс. до н.э. он выращивался в культуре (Keimer, 1924; Darby at al., 1977). Отсюда, предположительно, арбуз распространился по странам Ближнего Востока. В Северное же Причерноморье, в том числе и в Крым, арбуз был занесен греками-колонистами. М.К. Гольдгаузен – знаток культуры арбуза, обнаружила большое сходство между современными сортами арбузов и дынь Анатолии и распространенными в Причерноморье (Гольдгаузен, 1960. С. 231–252; 1962. С. 192–202). Но, возможно, предполагает цитируемый автор, семена арбуза проникли на территорию нашей страны и раньше из Закавказья. Раскопки на территории Армении в Кармир-блуре (VIII–VII вв. до н.э.) наряду со сведениями о многих других культурных растениях принесли и данные о семенах арбузов культурного типа (Пиотровский, 1950. С. 31). К тому времени, о котором писал К. Габлицль, многие районы юга Восточной Европы, в частности низовья Волги и Днепра, славились прекрасного качества арбузами.

Упадок же бахчеводства в Крыму, судя по описанию К. Габлицля, возможно связан со сменой этнического состава населения. Изображения плодов арбуза на мозаичном полу храма относятся ко времени до прихода нового населения в Крым. Представленные художником плоды относятся к крупным, округлой формы с полосатой окраской коры. Такого же типа плоды наиболее распространены на современных бахчах европейской части нашей страны, но описаны и для вилайетов Турции в начале нашего века (Жуковский, 1933).

Рис. 6. Херсонес. Храм "Базилика в базилике". Груши на мозаичном полу.

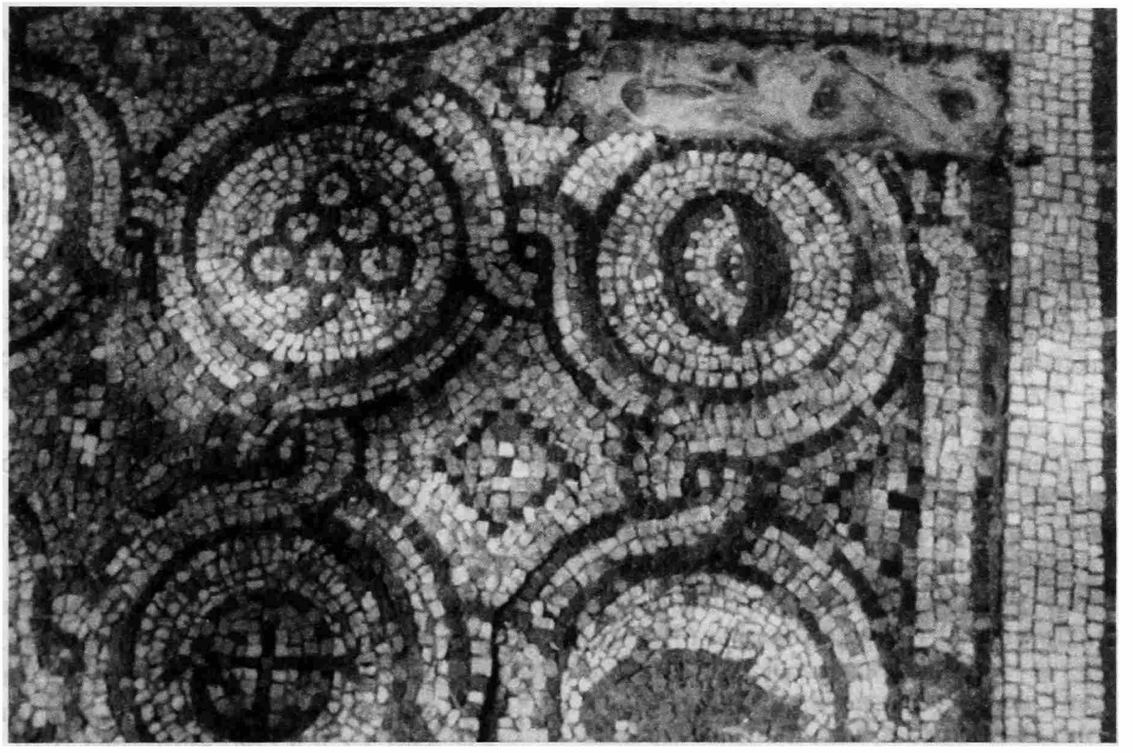


Рис. 7. Херсонес. "Загородный крестообразный храм". Гроздь винограда (слева) и разрезанный плод арбуза (справа) на мозаичном полу.

Обрамления мозаик № 5 и 6 гирляндами плюща не представляют чего-либо нового. Плющ (Hedera helix L.) широко распространен в приморских лесах Крыма. Это вечнозеленая лиана, не теряющая листья и зимой. Она издавна применялась для украшения садов, покрытия стен и оград, благодаря способности стеблей цепляться за опоры. Феофраст уделил много внимания описанию морфологии, изменчивости листьев, влиянию плюща на другие виды растений, вокруг стволов которых

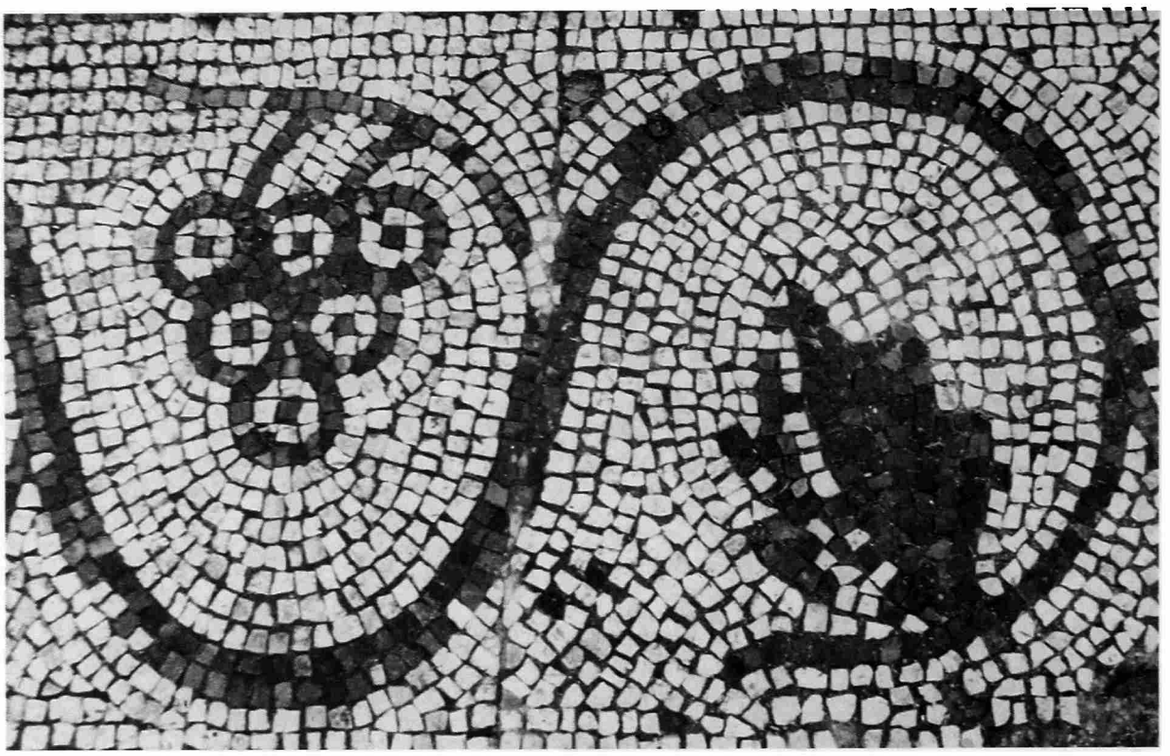


Рис. 8. Херсонес. "Загородный крестообразный храм". Гроздь (слева) и лист (справа) винограда на мозаичном полу.

он обвивается. В украшениях мозаик и на мраморе плющ присутствует очень часто. В Херсонесе изображения его ветвей с листьями имеются и на ряде других объектов.

Следует еще напомнить, что ряд растений Средиземноморья, упоминающихся в Библии, таких как маслина, лавр, виноград, чаще всего изображались на мраморах и мозаиках в храмах, даже когда в местах расположения сооружений эти растения и не использовались широко или вовсе не произрастали. К таким растениям следует отнести и гранат. По библейскому преданию кусты и плоды его служили украшением сада царя Соломона; это растение было как бы священным и в храмах старались его представить. Возможно, что изображение гранатового дерева с плодами на мраморе из раскопок Костюшко-Валюжанича обязано именно этой традиции.

Интересно отметить, что растительный орнамент изображался на мозаиках и фресках храмов в определенный исторический период – эпоху иконоборчества. В то время, как в горах Крыма возникали так называемые пещерные города – прибежища гонимых христиан, продолжавших поклоняться иконам, в Херсонесе почти во всех храмах VII–VIII вв. изображения святых были заменены растительными и геометрическими орнаментами, несущими в себе традиции искусства греческого и стран Передней Азии. Это искусство пустило столь глубокие корни в сознание херсонеситов, что сохранилось вплоть до позднего средневековья – XII–XIII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Габлицль К.И. Географическия Известия служащія к объяснению прежняго состоянія нынешней Таврической Губернии. СПб., 1803.

Гольдгаузен М.К. История возделывания арбуза в СССР // Труды Молдавского научно-исследовательского Института орошаемого земледелия и овощеводства. Т. II. Кишинев, 1960.

Гольдгаузен М.К. Из истории арбуза как культурного растения // Тр. Молдавского научно-исследовательского Института орошаемого земледелия и овощеводства. Т. IV. Вып. 1. Кишинев, 1962.

Жуковский П.М. Земледельческая Турция. М.; Л., 1933.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.

Кобякова Ю.А. Горлянка или посудная тыква // Тр. по прикладной ботанике. 1929–1930. Т. 23. Вып. 3.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН Арм. ССР и Гос. Эрмитажа 1939–1949 гг. Ереван, 1950.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961.

Ученые земледельцы древней Италии. Л., 1951.

Феофраст. Исследование о растениях. М., 1951.

Darby W.J., Ghalioungui P., Grivetti L. Food: the Gift of Osiris. V. 2. San Francisko, 1977.

Keimer L. Die Gartenpflanzen im alten Agypten. V. 1. Hamburg; Berlin, 1924.

The images of fruit and plants on the Chersonese mosaics

Z. V. Yanushevich

Summary

The work deals with the publication of the fruit, melons and gourds depicted on the mosaic floors in two of the Chersonese temples: the one called "The basilica inside basilica" of the 6th – the 9th cc. AD, and "The out-of-town cross-shaped temple" of the 12th c. The author succeeded in identification of several kinds of apples, pear, pomegranate, grapes, watermelon, and gourd (*Cucurbita Lagenaria*). Evidently, these plants were cultivated in the Crimea in the period in question.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 92–103

ПУБЛИКАЦИИ

МОГИЛЬНИК МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА В МОЛДАВИИ

© 2003 г. О. В. Ларина, В. А. Дергачев

Институт археологии и этнографии АН Молдовы, Кишинев

Могильник был открыт в 1997 г. в ходе исследования неолитического поселения кришского типа Сакаровка I. Могильник состоит из двух ям, содержавших индивидуальное (объект 40) и коллективное захоронение (объект 39) с остатками 20–22 погребенных. Многослойный памятник Сакаровка I (47°21′2″ с.ш. 28°12′59″ в.д.) располагается в 1.7 км к востоку – юго-востоку от небольшого села Сакаровка (административный центр с. Дрэгэнешть) Сынжерейского района Молдавии (рис. 1). По геоморфологическому районированию это лесостепная зона, область Бельцкой лугово-степной равнины, район Солонецкой холмисто-останцовой возвышенности.

Памятник занимает верхнюю часть и восточную кромку водораздела правого склона долины реки Солонец (абс. высота 220–230 м), покато спускающегося к западу и северу. С восточной стороны плато резко обрывается к урочищу "Ла стыне". Перепад высот достигает 100–110 м. Урочище представляет собой глубокую котловину-каньон, противоположный склон которого возвышается доминирующей над местностью горой Старый Дял (240.7 м). Вторая сходная котловина крутыми обрывистыми склонами лимитирует границы памятника с юга. Края склонов обрывистые, местами вертикальные, обнажены оползневыми процессами (рис. 2).

Неолитическое поселение вытянуто с севера на юг вдоль кромки дуги склона водораздела примерно на 200 м, а по склону с востока на запад простирается до 150 м. Его общая площадь не превышает 2 га.

Памятник открыт в 1977 г. В.М. Бикбаевым. Раскопки проводились в 1979 г. В.И. Маркевичем (1979. С. 487; 1987. С. 39–45). Начиная с 1989 г. исследовалось руководимой авторами Неолитической археологической экспедицией. За восемь полевых сезонов (1989–1992, 1995–1998 гг.) раскопано более 5000 км^2 площади, выявлен 51 объект различного вида и назначения. Из них 44 связаны с кришским горизонтом, два представлены погребениями мариупольского типа, пять – поздние нарушения – ямы без четкой культурной привязки. В юго-восточной части поселения залегают во взвешенном состоянии материалы позднемезолитической стоянки гребенниковского типа Сакаровка IV (Dergacev et al., 1991. P. 1–17; Larina, 1994. P. 47–51; Ларина и др., 1997. P. 63–68). Кришский горизонт характеризуется сложной структурой, включающей остатки наземных и углубленных построек жилого и хозяйственного назначения (рис. 3, *1*); каменные площадки-вымостки культового предназначения. Собрана исключительно богатая коллекция каменного и кремневого инвентаря (рис. 3, *8–20*), изделий из кости: кинжалы, проколки, шпатулы (рис. 3, *21–23*); роговая оправа серпа (рис. 3, *24*). Разнообразны типы форм столовой и кухонной посуды (рис. 3, *25–39*), включающие сосуды и буго-днестровского облика (рис. 3, *40–42*). Особого внимания заслуживает палеоботаническая часть коллекции (Кузьминова и др., 1998. P. 166–182).

По совокупности данных явственен синкретический характер материальной культуры, включающей: классические кришские традиции; элементы, идущие от группы Сатмар (Альфельдская линейная керамика) и Буго-Днестровской культуры. Время существования поселения определяется 3-й четвертью VI тыс. до н.э. (cal 5440–5440 BC).

Могильник представлен двумя погребальными ямами – объекты 39 и 40, которые располагались на ровном участке плато, в 20-25 м к западу от его восточного края, на участке, свободном от объектов неолита, остатки которых хорошо прослеживались в древности. И сейчас отдельные из них обнаруживаются по поверхностным скоплениям. В этой части памятника прослежена наименьшая толщина перекрывающих культурный слой накоплений (–0.25–0.35 м), так как происходил и происходит постоянный смыв верхнего почвенного слоя, подвергающегося ежегодным вспашкам. Черноземный слой представлен только горизонтом (А), лежащим непосредственно на голоценовом иллювиально-карбонатном суглинке (Вс). На границе этих слоев, в подошве пахотного слоя были обнаружены первые следы могильника.

Могилы примыкали вплотную друг к другу и были ориентированы с небольшим отклонением: север – юг (350°), параллельно восточному краю плато.

ОБЪЕКТ 39 (коллективная усыпальница). Могильная яма неправильно-овальной формы (2.10 × 1.24 м, глубиной 0,94 м от современной дневной поверхности) вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ. С северной, восточной и южной сторон расширяется небольшим подбоем, а с западной сооружен

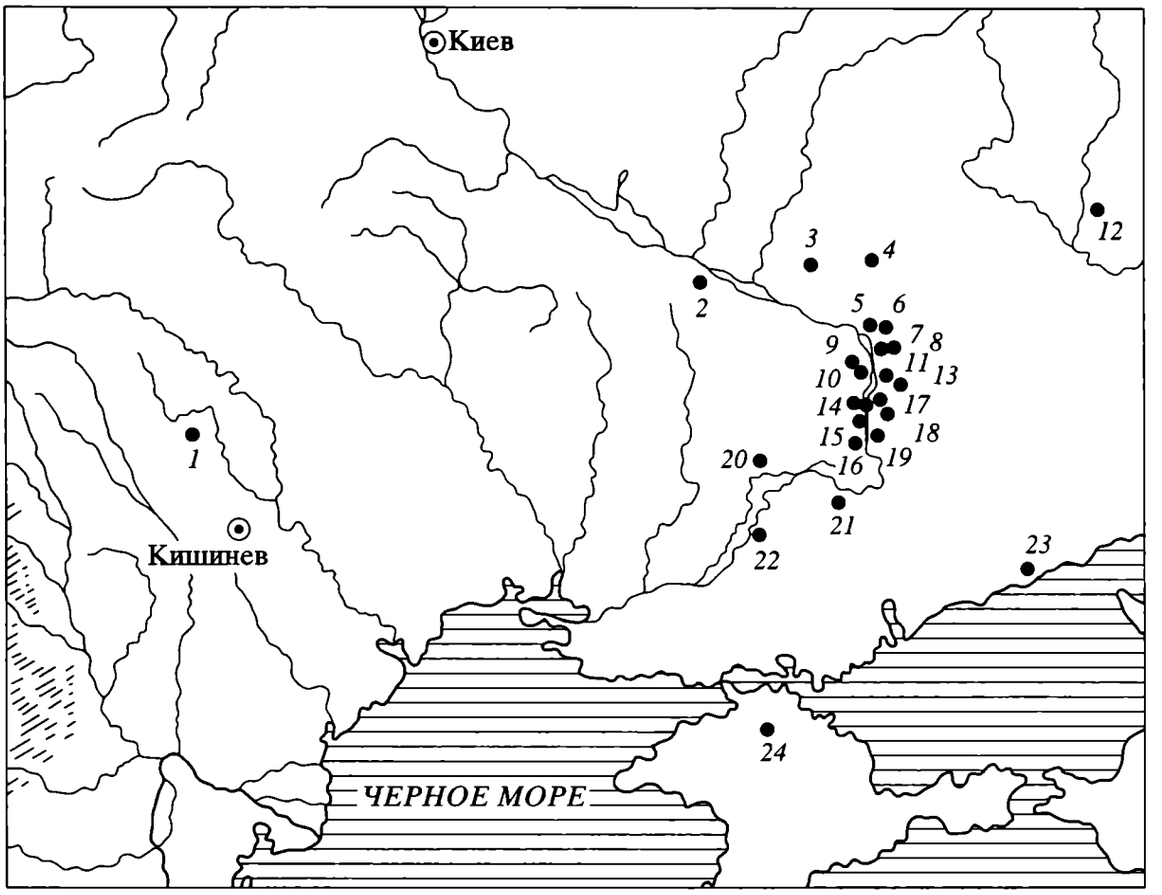


Рис. 1. Карта распространения могильников Мариупольского типа в Северном Причерноморье. *1* – Сакаровка I; *2* – Дереивка; *3* – Осиповка; *4* – Госпитальный холм; *5* – Игрень; *6* – Чапли; *7*, *8* – Васильевка; *9* – Никольский; *10* – Ненасытец; *11* – Клагуза Балка; *12* – Александрия; *13* – Марьевка; *14* – Вовниги; *15* – Виноградный; *16* – Собачки; *17* – Ясиноватка; *18* – Ясиноватое; *19* – Вильнянка; *20* – Капуловка; *21* – Лысая гора; *22* – Кайры; *23* – Мариуполь; *24* – Долинка; (*2*–*24* – по: Телегин, 1991. Рис. 1).

уступ-ступенька. Форма и размеры ямы изменялись по мере заполнения ее умершими. Отследим этот процесс в обратном порядке.

Начальный этап работ (–0.25–0.35 м) выявил скопление округлой формы 3,60 × 3,80 м, состоявшее в основном из разломанных детских костей, пережженных и измельченных до состояния щепочек костей животных, среди которых выделялась комлевая часть черепа крупного млекопитающего – бык (определение А.И. Давида). Грунт заполнения зольный с включением небольших кусочков обожженной глины, крупинок охры, обломков створок раковин (unio ?), перламутровых бус (8 шт.), подвесок из зубов оленя (3 шт.) и изделий из кремня (71 шт.). Какой-либо системы в их размещении не наблюдалось. Зубы же рыб (карповые) (14 шт.) локализовались в западной части скопления.

При углублении (–0.35–0.51) (рис. 4 *а*), под скоплением зубов были обнаружены длинные кости взрослого человека: три бедренные, сверху две большеберцовые. Под углом к ним размещались две плечевые, большеберцовая и фрагмент таза. Вначале создавалось впечатление сильно согнутых ног. Однако впоследствии стало ясно, что анатомическая последовательность не соблюдена. Расположение же костей было преднамеренным, поскольку в образовавшемся уголке разме-

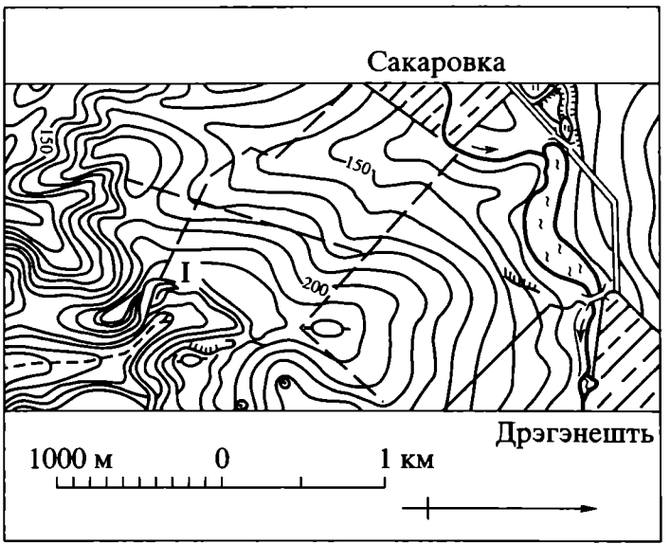


Рис. 2. Топосхема размещения могильника Сакаровка I.

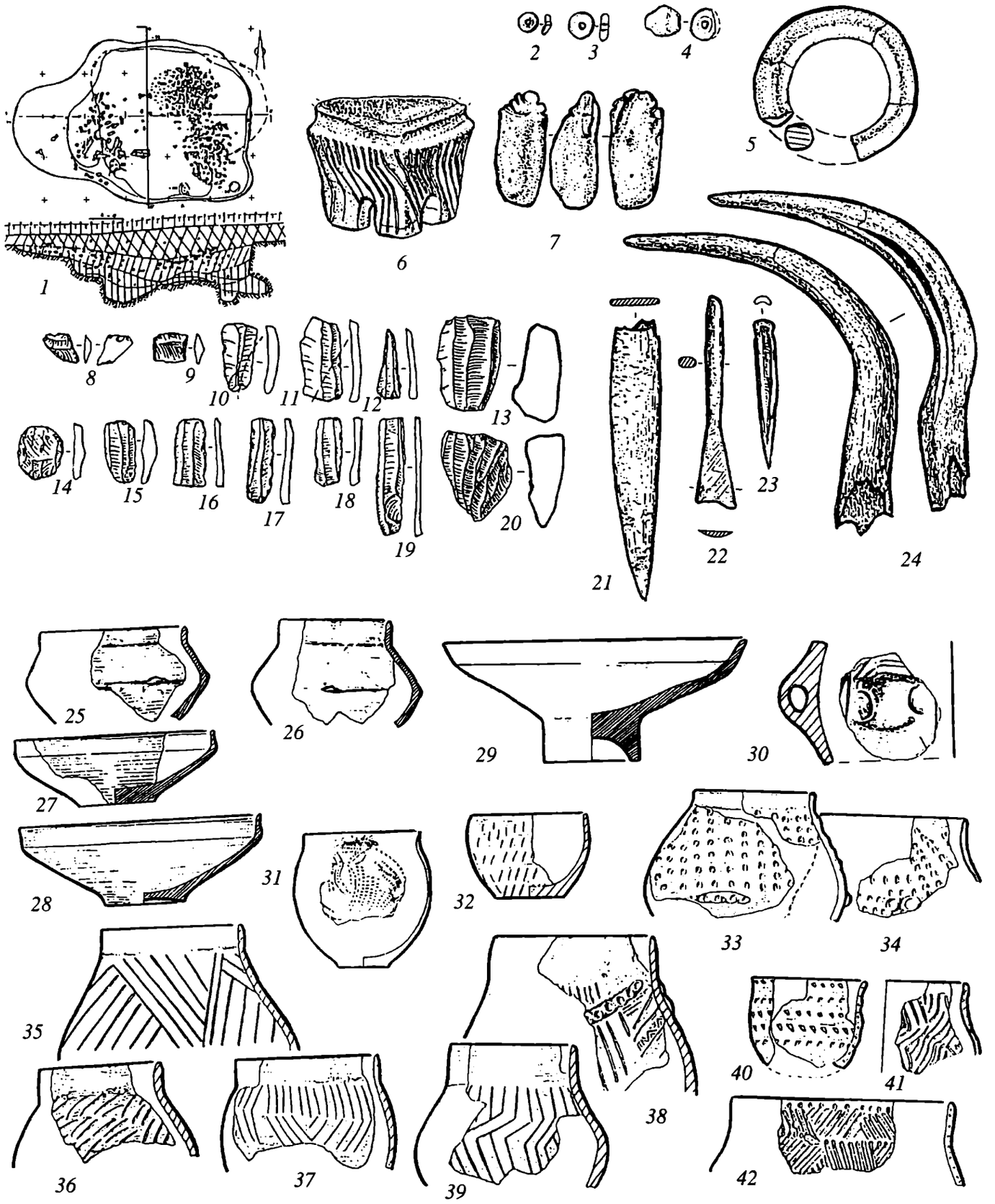


Рис. 3. Материалы неолитического (кришского) слоя поселения Сакаровка I. *1* – землянка; *2–7*; *25–42* – керамика; *8–20* – кремень; *21–24* – кость.

щался скелет младенца 6–9 месяцев[1] (скелет 1). Сверху его перекрыли малоберцовой и лучевой костями взрослых. Бедренная и большеберцовая кости принадлежали мужчине 20–24 лет (скелет 2), две бедренные, малоберцовая, две плечевые, лучевая и обломок таза женщины 25–35 лет (скелет 3).

Ребенок покоился на левом боку, лицевым отделом на восток. Ориентирован на север – северо-запад (330°). Сохранились кости правой ручки, чуть согнутые в локте, лежащие на ребрах. Череп украшали уложенные в ряд зубы рыб (6 шт.), а под левым виском подвеска из зуба оленя.

Восточнее захоронения ребенка обнаружены фрагменты и отдельные кости взрослых (ребра, плечевая, локтевая, ключицы, нижняя челюсть) и обломок длинной детской. У всех костей отмечалась тенденция наклона в восточном направлении. Заполнение состояло из золистого грунта с включением горелых костей животных и прожога в юго-восточной части.

Контур могильной ямы прослеживался более четко (в основном по заполнению) с южной и восточной сторон. Представлял собой подовальной формы пятно, вытянутое по линии З–В (2.0 × 1.3 м). В этих границах, в северо-западном углу предполагаемой могильной ямы на глубине –0.37 м был обнаружен череп взрослого человека. При углублении зачистки до –0.4 м общий контур в западной части исчез. Очертилось слабо гумуссированное заполнение могильной ямы объекта 40. Материалы объекта 39 сконцентрировались к востоку от него в отмеченных ранее пределах с южной и восточной стороны, расширяясь к северу.

Следующий уровень (–0.45 –0.7 м) (рис. 4*б*) выявил яму неправильно-овальной формы (2.10 × 1.4 м), вытянутую по линии С–Ю, представлявшую собой коллективное захоронение взрослых, подростков и детей, которое совершалось многократно по мере необходимости. Более ранние перекрыты более поздними и в основном разрушены. Судя по количеству черепов и отдельным костям скелетов, здесь погребено 16–18 индивидов, среди которых преобладают дети и подростки. Обратим внимание, что количество костей скелетов не соответствует количеству погребенных, учтенных по черепам. Последних больше.

Черепа размещены в северной части ямы, что указывает на основную ориентировку погребенных по линии север – юг. Лишь фрагменты черепных крышек детей до семи лет № 18/27[2] (–0.51–0.58 м) и № 19/67 (–0.64 м) обнаружены в южном конце могилы во взвешенном состоянии. Их перемещение произошло, вероятно, при вторичных вскрытиях камеры. Частично в анатомическом порядке сохранились два скелета детей в западной части могилы.

Погребенный № 4/61 (ребенок 7–9 лет) уложен на уступе-ступеньке у западной стенки ямы на глубине –0.47–0.57 м. Положение вытянуто на спине. Ориентирован по линии север-юг, лицевым отделом на юг. Руки, по всей вероятности, были вытянуты вдоль тела. Под черепом обнаружен кусочек охры.

Захоронение ребенка 6–8 лет (№ 5/63) совершено на глубине –0.6–0.65 м вытянуто на спине, головой на север. Сохранилась в анатомическом порядке правая половина тулова: правая рука вытянута вдоль тулова, кисть рядом с тазом. Кости стоп обеих ног сведены вместе. Под головкой правой бедренной кости отмечена подсыпка охрой. Скелет перекрыт сверху уложенными в ряд шестью черепами.

Над погребением № 5/63 с запада на восток совершены захоронения № 6/35, 31 (–0.51–0.59 м) ребенка 8–10 лет; № 7/53 (–0.57 м) ребенка 10–13 лет; № 9/38 (–0.56 м) молодого индивида неопределенного возраста; № 10/52 (–0.56–0.6 м) ребенка 7–9 лет; № 11/52, 25 (–0.56–0.66 м) женщины 35–45 лет. Ее нижняя челюсть (№ 25 по полевой описи) выявлена в южной части могилы. Погребение № 12/41 (–0.43–0.52) принадлежало молодому человеку 18–20 лет. Возле его черепа отмечена подсыпка охры.

На незначительном расстоянии от вышеописанного ряда погребенных размещена еще одна группа из четырех черепов, вплотную соприкасавшихся друг с другом. Для них едина и глубина залегания (–0.55–0.66 м): № 13/59 подросток 16–18 лет (женщина – ?); № 14/60 ребенок 5–6 лет; № 15/14, 17 ребенок 6–7 лет. Его нижняя челюсть (№ 17 по полевой описи) обнаружена в центральной части могилы. № 16/14 ребенок 9–10 лет.

В центре могилы на глубине –0.63–0.67 м беспорядочно располагались кости (бедренная, берцовая, плечевая, лучевая) мужчины 30–35 лет, обозначенные под № 8/8, 54, 57. Здесь же находилась нижняя челюсть ребенка 11–13 лет № 17/20.

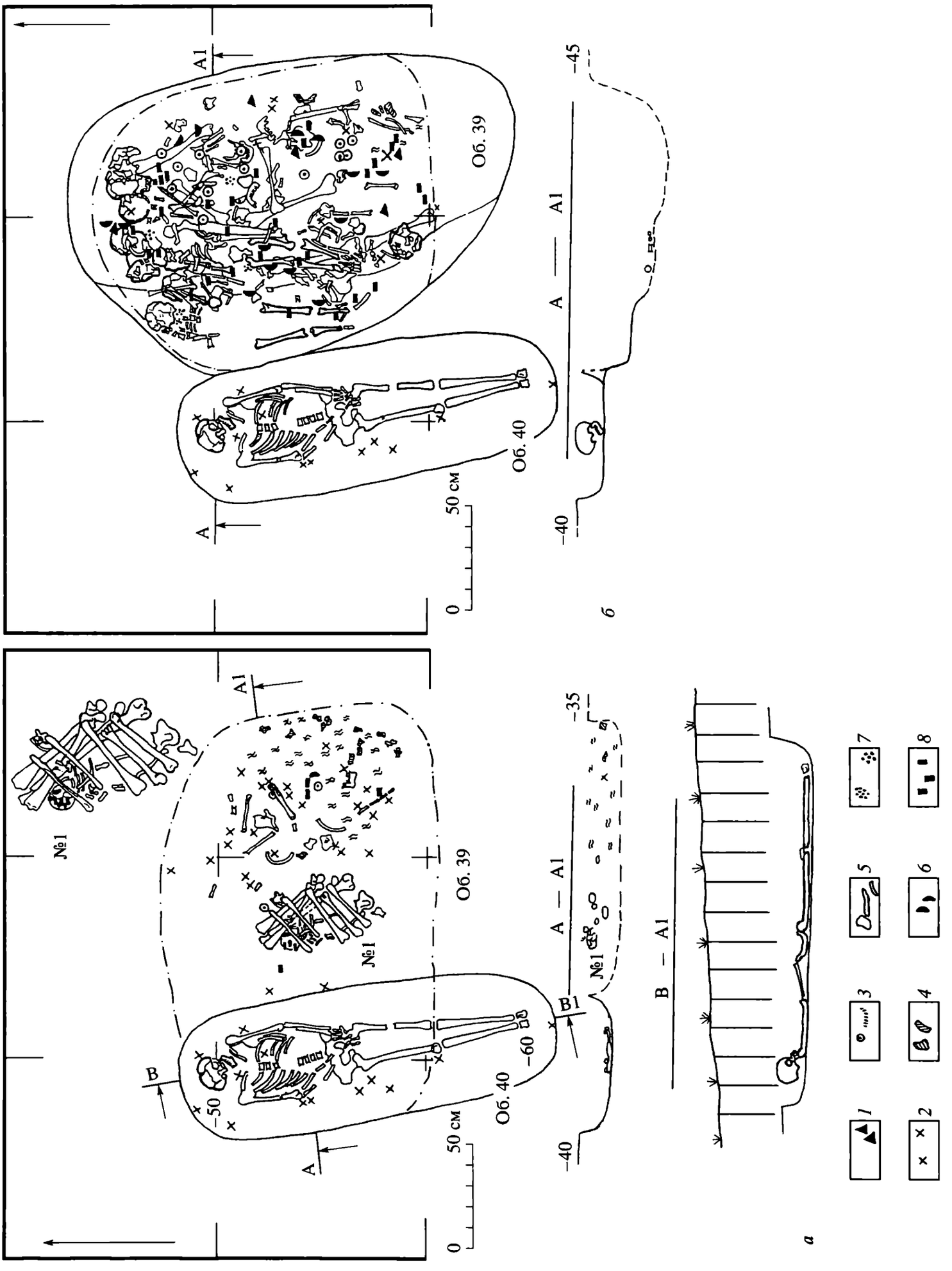
Заполнение юго-восточной части могилы состояло из пережженного золистого грунта с включением мельчайших обгоревших костей животных. Воздействие огня отмечено и на отдельных костях человека.

Кроме того, с этого уровня, из заполнения, выбрано 17 шт. подвесок из зубов оленя, 13 шт. бусин и 34 шт. зубов рыб. Конкретно с каким-либо погребением увязать их невозможно.

Под скелетом ребенка № 5/63, на глубине –0.65–0.74 м выявлено одиночное захоронение взрослого мужчины 20–24 лет (№ 20/68) (рис. 4*в*). Костяк уложен в центре ямы, вплотную к уступу, вытянуто на спине, головой на север. Строго на север ориентирован и корпус скелета, а сохранив-

[1] Антропологическим исследованиям материалов могильника посвящена статья в данном журнале.

[2] Вторая цифра после дроби – номер по полевой описи.


A1
Об. 39
A — A1
-45
Об. 40
50 см
0
A
-40
б
№1
A1
Об. 39
№1
A — A1
-35
№1
B1
B
-50
-60
Об. 40
50 см
0
A
-40
B — A1
1
2
3
4
5
6
7
8
а

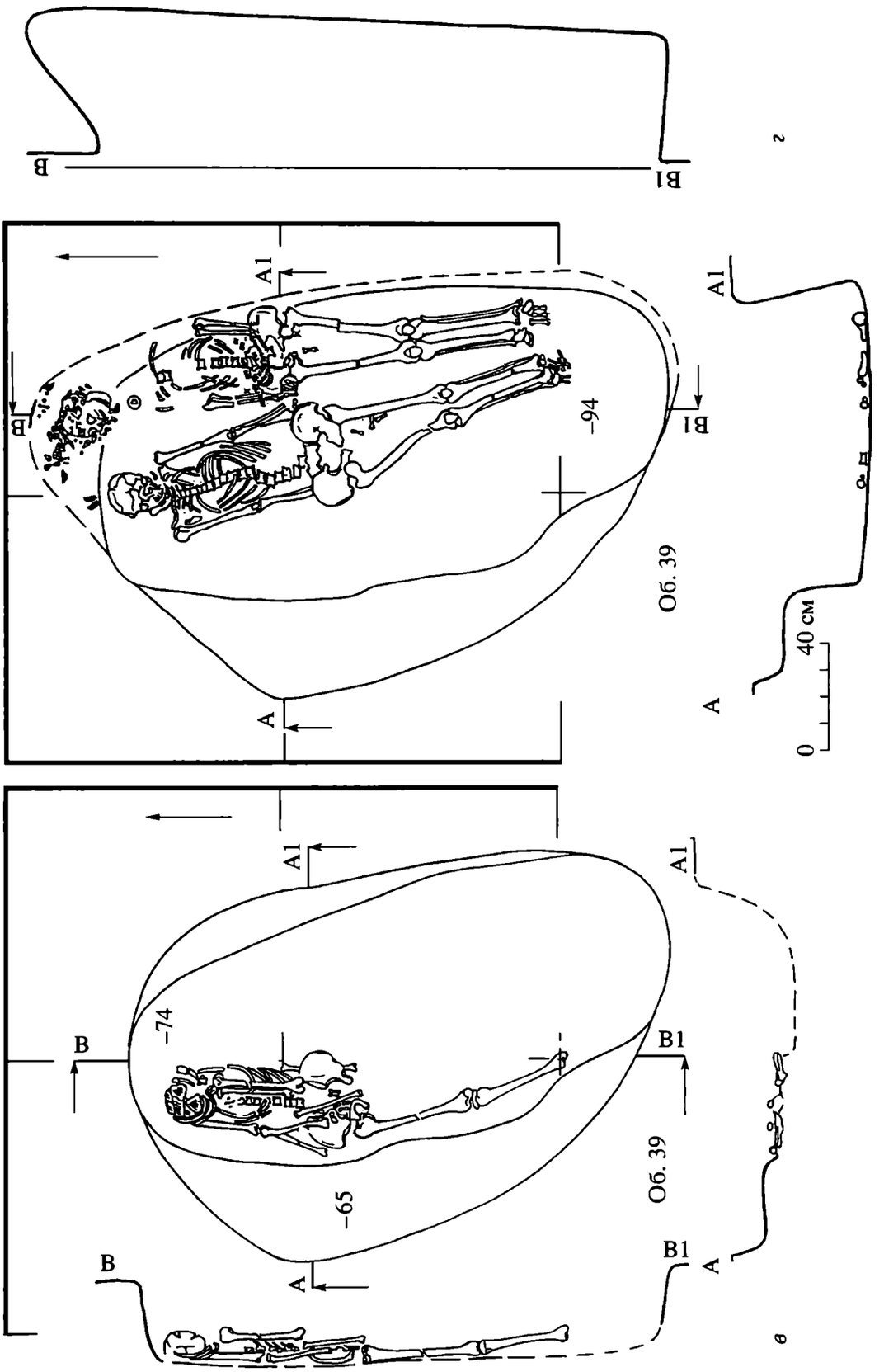


Рис. 4. *а* – Объект 39. Уровень – 0.34–0.51 м; объект 40. Уровень – 0.37–0.6 м. Здесь и далее на рис. 4 *а–г*: *1* – керамика; *2* – кремневые изделия; *3* – бусы и пронизи; *4* – кости животных; *5* – кости человека; *6* – подвески из зубов благородного оленя; *7* – охра; *8* – зубы рыб. *б* – объект 39. Уровень – 0.43–0.7 м. *в* – объект 39. Уровень – 0.65–0.74 м. Скелет № 20/68. *г* – объект 39. Уровень – 0.8–0.94 м. Скелеты № 21/69, 22/70.

шиеся кости правой ноги следуют за изгибом стенки уступа, чуть смещены к востоку. Костяк частично разрушен. Три ребра уложены возле лицевого отдела черепа, как бы обрамляя его. Хорошо сохранилась правая половина скелета: рука была вытянута вдоль тела и уложена кистью на правую половину таза. Длинные кости левой руки смещены. Кости же левой ноги были использованы при совершении захоронения младенца № 1. У коленного сустава правой ноги отмечена подсыпка охры. Инвентарь отсутствовал.

При определении дна могильной ямы под погребением № 20/68, выборке заполнения кротовин под слоем чистого материкового суглинка толщиной 0.15–0.2 м выявился новый уровень захоронений: парное погребение № 21/69 и № 22/70 на глубине –0.88–0.92 м, что соответствует и дну могильной ямы объекта 39 (рис. 4*г*).

Могильная яма сузилась до 1.0–1.1 м, западная стенка опустилась отвесно от края уступа с глубины –0.65 м. Восточная, северная и южная расширились ко дну подбоем до 0.05–0.3 м. Дно относительно ровное с незначительным понижением в южной части на глубине 0.9–0.94 м.

Оба костяка располагались в вытянутом на спине положении, вплотную друг к другу на глубине –0.88–0.92м. Ориентированы головой на север – северо-запад (350°). Костяк № 21/69 (мужчина 20–29 лет) у восточной стенки размещался частично в подбое. Он имел большую длину и более массивные кости, чем второй. Череп его уложен лицевым отделом вверх с поворотом к западу, ко второму погребенному. Грудная клетка и плечевые кости разрушены землероями. Кости рук предплечья располагались вдоль тела, кисть правой руки под тазом, кисть левой над левым крылом таза. Ноги костяка вытянуты, положены вплотную друг к другу.

Погребение сопровождалось обильным и разнообразным инвентарем. Возле затылочной и теменной кости отмечена подсыпка охры. На черепе размещались бусы пронизи (54 шт.), чередующиеся с подвесками из зубов оленя (66 шт.) (рис. 5, *1*, *2*). В области разрушенной грудной клетки найдены четыре бусины, четыре зуба рыб. Здесь же обнаружена высокая асимметричная трапеция, изготовленная на сечении крупной (1.7 см) пластины (рис. 6, *3*). Над тазовыми костями, вокруг крестца и ниже крестца размещались снизки бус пронизей. Запястья обеих рук также были украшены бусами: над, под и вдоль кости. Всего возле таза и кистей рук обнаружено 235 бусин. В области таза найдены также три кремневых предмета: мелкий отщеп, мелкий резцовый скол и обломок трапециевидного сечения пластины (0.7 см).

Второй костяк № 22/70 (мужчина (?) 20–24 лет), располагавшийся у западной стенки ямы, сохранился лучше. Череп лежал с небольшим наклоном вперед и влево. Челюсти сомкнуты. Кости рук вытянуты вдоль костяка, кисти под тазом. Ноги уложены рядом друг с другом, кости левой стопы налегают на кости правой. На ней обнаружена подвеска из зуба оленя. Две такие же подвески обнаружены за черепом погребенного. Под черепом с западной и северной стороны отмечена подсыпка красной охры. Под правой глазницей и у скулы найдены три зуба рыб и одна бусина. В области таза обнаружен мелкий отщеп (2.9 см).

Парное погребение № 21/69 и 22/70, при наличии обильного инвентаря, не сопровождалось тризной и вторично не вскрывалось.

В заполнении могильной ямы объекта 39, начиная с глубины –0.4 м до дна –0.88 м, найдено 12 мелких фрагментов керамики. Наибольшее их число (7 шт.) приходится на уровень массовых захоронений (–0.5–0.71 м), два обнаружены на глубине (–0.4 м), три в перекрывающем парное погребение грунте. Восемь из них, безусловно, связаны своим происхождением с культурным слоем неолитического поселения. На четырех фрагментах остановимся особо, хотя они не превышают в поперечнике 1.5–2 см. Три, обнаруженные в грунте засыпки нижних костяков напоминают скорее кусочки обожженной глины. Очень мягкие, оранжево-красноватого цвета, без примесей. Однородного обжига, крошатся. Один из них орнаментирован врезной линией и вроде бы наколами, второй ногтевым (?) углублением. Четвертый из этой серии найден выше, в заполнении тризны (–0.5 м). Поверхность его черная с серо-коричневыми пятнами, внутри с лощением. На ощупь мягкий. Тесто содержит примесь измельченной растительности. От "кришских" его отличает орнамент в виде бессистемных наколов.

ОБЪЕКТ 40. Одиночное погребение мужчины 25–35 лет. Совершено в яме удлиненно-овальной формы 1.8 × 0.67 м, ориентированной по линии ССЗ – ЮЮВ (350°). Стенки плавно закруглялись ко дну. Оно относительно ровное с понижением к югу (–0.37–0.6 м) (рис. 4*а*).

Погребенный лежал вытянуто на спине, черепом на затылке, ориентирован на север – северо-запад (350°). Кости обеих кистей рук сведены вместе на левом крыле таза. Ноги вытянуты, стопы отсутствуют.

В перекрывшем яму общем для объектов 40 и 39 грунте (с –0.32 м) и в заполнении погребения (–0.4–0.47 м) обнаружено 13 кремневых предметов: 11 отщепов, один обломок трапециевидного сечения (угловой резчик – ?) (рис. 6, *22*) и краевой скол (рис. 6, *23*). Среди отщепов семь мелкие (пять из них не превышают в поперечнике 1.5 см) и четыре чешуйки.

Заполнение ямы состояло из слегка гумуссированного суглинка, почти не отличающегося от окружающей материковой породы.

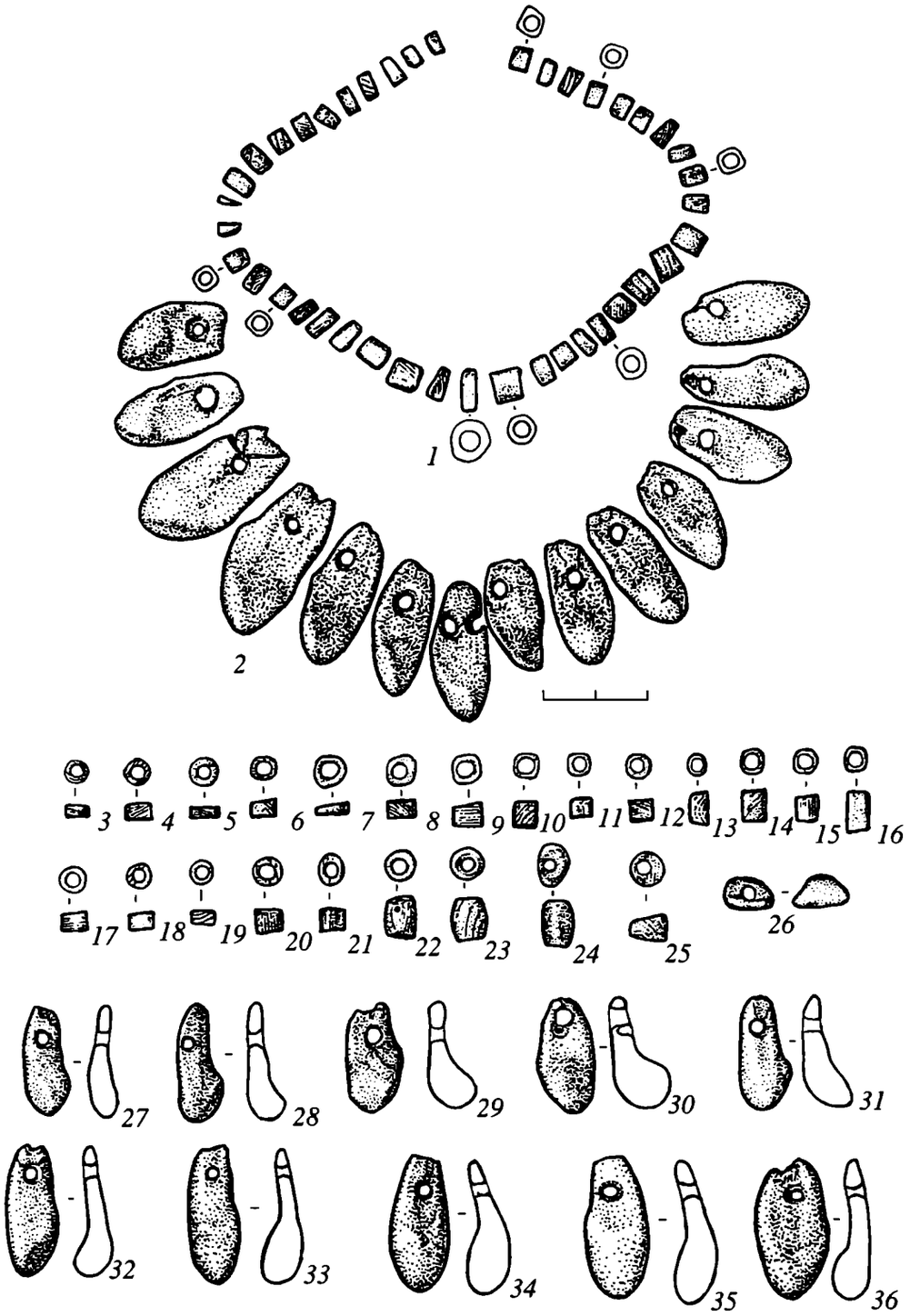


Рис. 5. Объект 39. Украшения. *1*, *3–26* – бусы и пронизи; *2*, *27–36* – подвески из зубов благородного оленя. *1*, *2* – на черепе, *3–16* – из области таза и костей рук погребенного № 21/69; *17–24*, *27–36* – из заполнения (–0.45–0.72 м), 25–26 – из заполнения (–0.25–0.3 м).

Общая характеристика могильника. Объекты 39 и 40 представляют собой, судя по особенностям погребального обряда, единый могильник, содержавший погребения 21–23 индивидов. Его рост происходил за счет новых захоронений в объекте 39. Он демонстрирует классический тип родового могильника: единый обряд, половые, возрастные и социальные (?) различия, трогательная забота взрослых о детях.

Материалы могильника позволяют достаточно точно определить этапы его функционирования. Начало положило парное захоронение в подовальной яме с подбоем на глубине –0.88–0.94 м (мужчина № 21/69 и мужчина ? № 22/70). Затем в эту же яму, но выше на 0.2 м был погребен мужчина № 20/68. При этом, вероятно, учитывалось размещение в могиле нижних тел. Костяк № 20/68

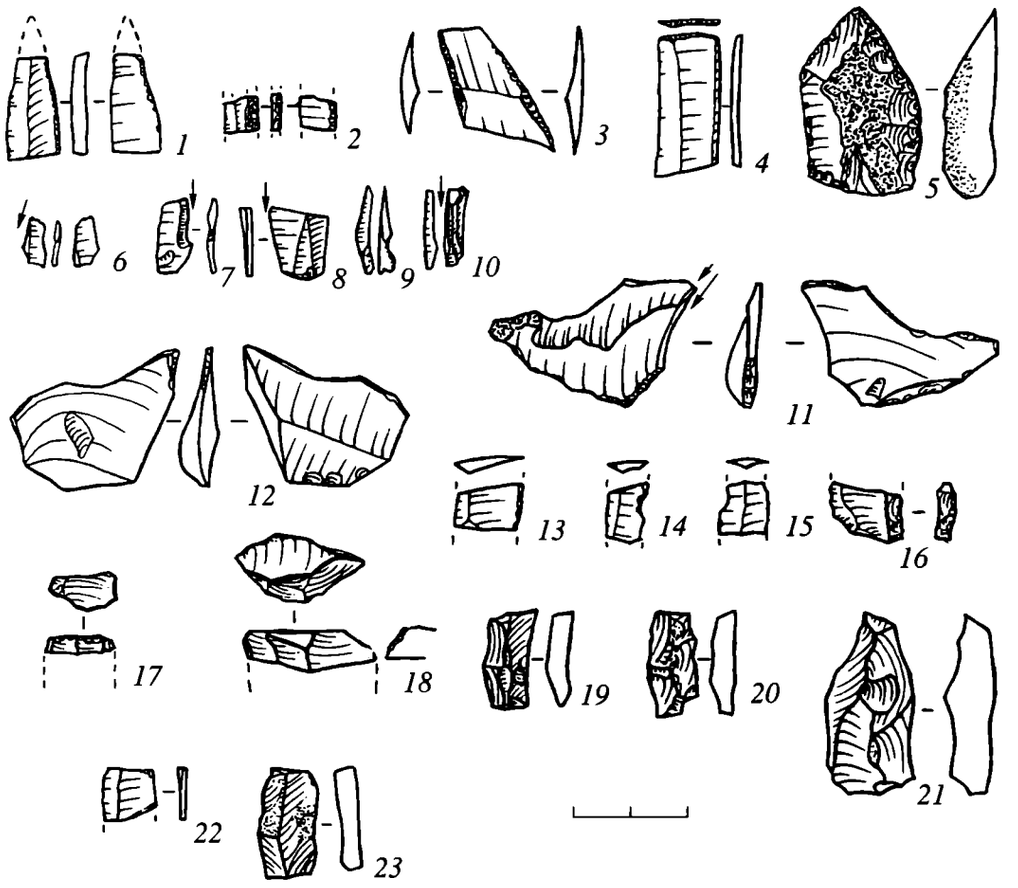


Рис. 6. Кремневые изделия. *1–21* – объект 39; *22*, *23* – объект 40.

сдвинут к западной стенке ямы, а парное нижнее к восточной.

Учет горизонтальных и вертикальных срезов в размещении черепов уровня массовых захоронений приводит к аналогичному выводу (рис. 7). Восточная группа черепов – погребений (№ 13/59; 14/60; 15/14, 17; 16/14) размещена точно над нижними костяками (№ 21/69; 22/70). Западная привязана к № 20/68. Можно проследить и этапы захоронений в этой группе. Непосредственно над мужским уложен ребенок № 5/63, затем ребенок № 7/53. Позже ребенок № 9/38; женщина № 11/52, 25; дети № 10/52; 6/35, 31 и ребенок № 12/41. Расширили могилу в западном направлении уступом специально для ребенка № 4/61.

Самым последним в объекте 39 погребен младенец № 1. Прослеженное на начальном этапе работ перекрывание могил общим заполнением позволяет предположить и более раннее совершение погребения в объекте 40. чем младенца № 1. Детское погребение закрыло могильник.

С погребением ребенка и прекращением функционирования могильника связана тризна, представленная костями животных, в основном остатками черепов быка, крупного и мелкого рогатого скота (определения А.И. Давида), моллюсками (створки раковин), зубами рыб.

Полевые наблюдения позволяют предположить, что после извлечения костей мужчины и женщины, из которых составился уютный "уголок" для младенца, горящая масса тризны была высыпана в частично вскрытую камеру, восточную ее часть. Отдельные фрагменты костей человека также несут на себе следы обжига, что предполагает горение прямо в яме.

Погребальный инвентарь. Преобладающими среди прочих категорий являются украшения и орудия труда.

Украшения представлены следующими видами: зубы рыб карповых, подвески из недоразвитых зубов благородного оленя, пронизи и бусы.

Зубы рыб обнаружены только в объекте 39–75 шт. Большая их часть найдена во взвешенном состоянии в грунте засыпки до уровня массовых захоронений, что, видимо, связано с разрушением костяков при вторичных погребениях и вскрытиях. Более трети всех зубов находились возле черепов, над и под ними. Во-первых, они украшали шапочку (?) младенца № 1–6 шт., десять найдены над и три на уровне его погребения. Еди-

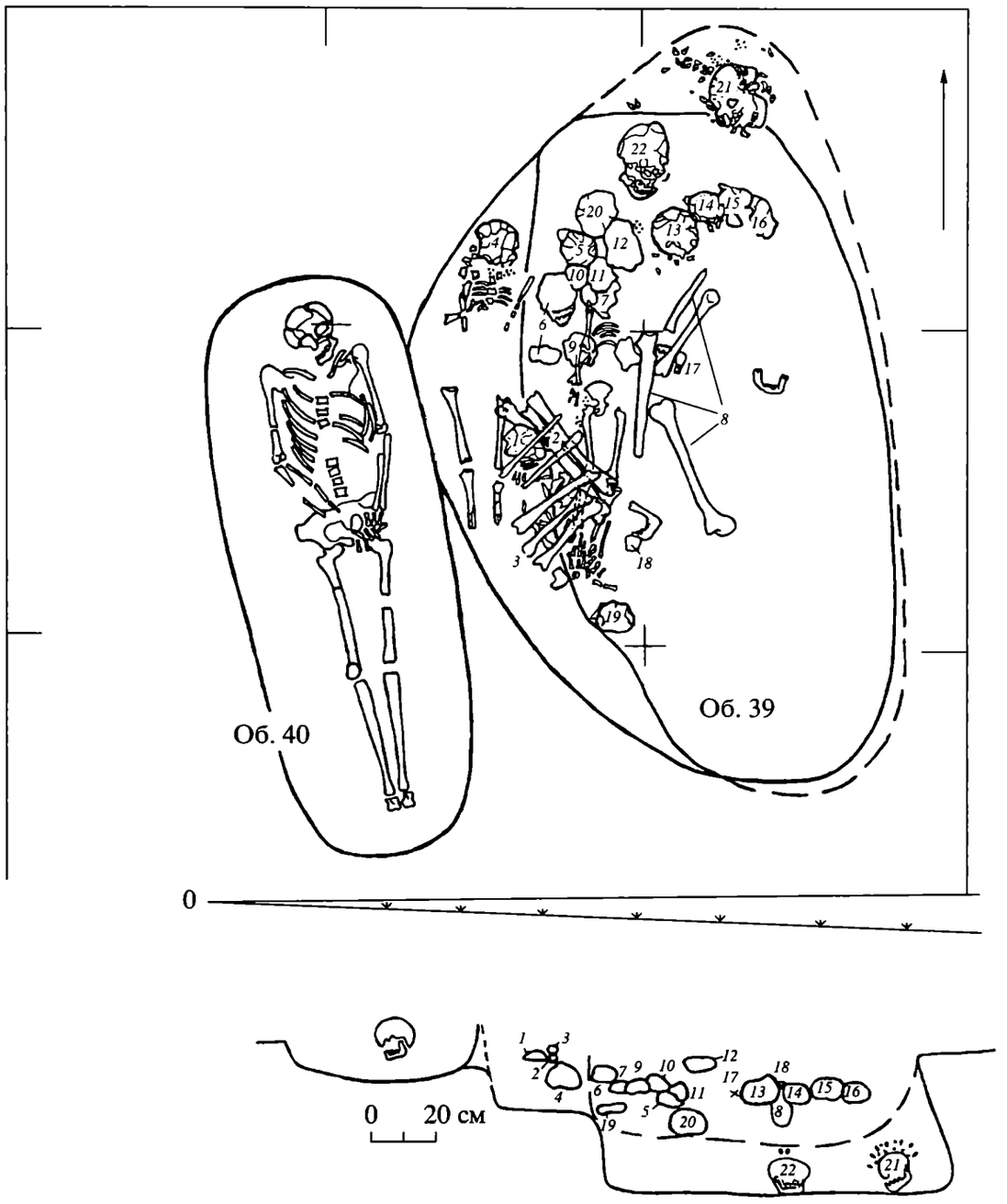


Рис. 7. Соотношение погребений и погребенных в объектах 39, 40.

ничные экземпляры зубов обнаружены возле черепов погребенных: № 5/63; 6/35, 31; 10/52 по 1 шт.; № 9/38; 13/59 по 2шт.; № 12/41; 14/60; 22/70 по 3 шт.; и в области грудной клетки № 21/69 – 4 шт.

Можно предположить, что эта часть инвентаря могла быть как украшением одежды, головных уборов погребенных, так и частью тризны, приношением даров (локализованное размещение зубов над костяком № 1).

Подвесок из недоразвитых зубов благородного оленя обнаружено 84 шт. Если учесть, что такие зубы имеют только олени-самцы и притом только по два, то материалы могильника свидетельство удачной охоты на 42 самцов. Подвески отличаются по своим размерам: небольшие высотой до 2 см (10 шт.), средние – от 2.1–2.9 см (40 шт.), остальные очень крупные – 2.7–3.0 см (34 шт.). Вероятно, за размерами зубов стоят размеры либо возраст самих животных. Любопытно здесь другое. Все мелкие и четыре штуки средних по размерам подвесок происходят из слоя, найдены во взвешенном состоянии и относятся к костякам с уровня массовых захоронений. Все же крупные и средние (34 и 36 шт. соответственно) украшали одежду конкретных, выделенных из общей массы погребенных. На черепе мужчины № 21/69 обнаружено 66 подвесок. Две у черепа и на стопе мужчины (?) № 22/70. одна на черепе младенца № 1.

Соответственно они могли украшать обувь и головные уборы.

Подвески снабжены сквозными отверстиями в корневой части зуба. Преимущественно применялось встречное сверление инструментом, ширина рабочего конца которого не превышала 1–2.5 мм.

Наиболее массовыми находками в могильнике являются пронизи и бусы, изготовленные из стенок раковин (перламутр) 339 шт. Из них 319 пронизи подокруглой формы, в профиле асимметричные, ширина стенок от 0.1 до 0.45 см. Диаметр выдержан стандартно –0.4–0.5 см, за исключением пяти штук с диаметром 0.35 см.

К разряду бусин отнесены предметы с шириной стенок от 0.5 до 0.85–1 см и диаметром 0.5–0.8 см. Их найдено 20 шт. По форме подквадратные, подокруглые, бочонковидные. Одна из них напоминает пуговицу с У-образной ножкой (рис. 5; 22–26).

Практически все пронизи (кроме 19 шт.) и подквадратные бусины украшали "рубашку" и "шапочку" мужчины № 21/69 – 311 шт. Одна бусина пронизка была на "шапочке" мужчины (?) № 22/70. Остальные 19 шт. пронизей и шесть бусин (бочонкообразные, пуговицевидная) найдены в заполнении с верха (–0.28 м) до уровня массовых захоронений (–0.72 м), и конкретно ни с одним из погребенных не увязываются.

Производственный инвентарь представлен исключительно кремневыми изделиями 139 шт. Сырьем служил меловой кремень, характерный для памятников этого региона. В коллекции превалируют отщепы 103 шт. (74%), пластины представлены исключительно сечениями и обломками 34 шт. (24.3%). Имеются два микрорезцовых скола (1.7%). Среди отщепов преобладают мелкие 72 шт. (70%) (среди них более половины 38 шт. (53%) не превышают в поперечнике 1.5 см) и чешуйки 26 шт. (25.2%). Средних по величине отщепов 5 шт. (4.8%). В пластинчатых сколах представлены мелкие (микро) 6 шт. (19.6%), средние 24 шт. (70.6%). Сечений крупных 3 шт. (8.8%).

Лишь 11 предметов (7.8%) отнесены к изделиям со вторичной обработкой. Среди них выделяются боковой скребок на стрельчатом отщепе, пластина с ретушированным концом на средней по размерам заготовке, высокая асимметричная трапеция (рис. 6, *3–5*). Предметы размещались у дна объекта 39.

Общий облик кремневой индустрии – явная его микролитоидность: ударные площадки и краевые сколы с односторонних микролитических нуклеусов (рис. 6, *16*, *17*), обилие чешуек и мелких отщепов, большое число изделий с микрорезцовыми сколами.

* * *

Могильник Сакаровка I по основным признакам погребального обряда: форма ям, использование их для вторичных захоронений, положение погребенных, инвентарь соответствует могильникам так называемого Мариупольского типа (Телегин, 1991. С. 91.). Однако при обзоре особенностей погребального обряда этих могильников приходится констатировать, что ни один из них не имеет прямых аналогий с Сакаровкой I. Наиболее близкое соответствие намечается с могильниками Поднепровья, Надпорожья и Запорожья: Ясиноватка (ранние погребения А), Вильнянка (ранний пласт А), Вовниги 2, Никольский (ямы В, Г, Д, Е) (Телегин, 1991. С. 76–79, 89). Эти могильники и наиболее ранние погребения в них отнесены Д.Я.Телегиным к этапу А, точнее к его более позднему подразделу А-2.

Основным типом могил являются здесь ямы "гнезда" подовально-вытянутой формы размером 2.2–2.5 × 1.5–1.0 м. Содержали они от одного до 10–11 погребенных. Скелеты их иногда слегка окрашены. Засыпка над погребениями обычно темно-серого цвета, без примеси охры. Кремневый инвентарь микролитический (Телегин, 1991. С. 28, 29). Отдельные погребения ориентированы на север (Вильнянка I, Вовниги II). Довольно стабилен и тип украшений: зубы рыб, подвески из зубов оленя и, как более поздний признак, кольцевые пронизи и бусы.

Однако в их обряде отсутствует тризна. Она появляется лишь на этапе "расцвета" и совершенствования погребального ритуала в Днепро-Донецком междуречье на этапе В-1 (Телегин, 1991. С. 30). По сумме этих признаков, формально-типологически могильник Сакаровка I занимает промежуточное положение между этапами А-2 и В-1. Мы все же склонны определить его место в конце раннего А-2 этапа существования памятников этого типа на Днепре.

У специалистов нет единого мнения в трактовке культурной принадлежности могильников Мариупольского типа, особенно ранней начальной фазы их существования. Связано это с неоднозначной трактовкой Днепро-Донецкой культуры (Телегин, 1991; Телегин, Титова, 1998; Васильев, Синюк, 1985. С. 24–27; Котова, 1994. С. 51–58). Д.Я.Телегин относит могильники этого типа и времени к Надпорожской культуре, определяя дату концом V – началом IV тыс. до н.э. (Телегин, 1991. С. 25), тогда как Н.С. Котова относит их к первым периодам Нижнедонской и Азово-Днепровской культур и датирует 4-й четвертью – концом V тыс. до н.э. (Котова, 1994. С. 35–37). При калибровке даты будут соответствовать примерно рубежу V тыс. до н.э. (Телегин, Титова, 1998. Рис. 15).

Для территории Карпато-Днестровского ареала это время соответствует культурной нестабильности, периоду смены эпох. С исторической карты исчезает позднеолитическая культура линейно-

ленточной керамики (КЛЛК), носители которой стали одной из подоснов нового культурного явления эпохи энеолита Кукутень-Триполье. Видимо, на это смутное время и приходится движение части населения с берегов Днепра на запад, за Днестр. Начало этого процесса археологически прослежено для более раннего времени: продвижение днепро-донецкого населения на запад в период существования Буго-Днестровской культуры самчинской фазы (Маркевич, 1974. С. 158).

Исследование поздненеолитического могильника Сакаровка I открывает новую страницу в первобытной истории края, представляя ее более сложной и разнообразной, чем было принято считать до сих пор. Новый археологический источник ставит перед нами более сложные проблемы, решать которые будет интересно специалистам от Волги до Прута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. № 1. Ковель, 1994.

Кузьминова Н.Н., Дергачев В.А., Ларина О.В. Палеоботанические исследования на поселении Сакаровка I // Revista arheologică. 1998. № 2.

Ларина О.В., Вехлер К.-П., Дергачев В.А. и др. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău, 1997.

Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.

Маркевич В.И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции // АО–1978. 1979.

Маркевич В.И. Неолит // История МССР. Кишинев, 1987.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники Мариупольского типа. Кишинев, 1991.

Телегин Д.Я., Титова Е.Н. Поселения Днепро-Донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Киев, 1998.

Dergacev V., Sherratt A., Larina O. Resent Results of Neolithic research in Moldavia (UdSSR) // Oxford Journal of Archeology. 1991. V. 10. № 1.

Larina O. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova // Tracodacica. 1994. V. XV. № 1–2.

The cemetery of Mariupol type in Moldavia

O. V. Larina, V. A. Dergachev

Summary

The discussed cemetery was discovered in 1997 in the course of excavations at the Neolithic settlement Sakarovka I. The site is situated in central Moldavia at a distance of 2 km to SEE from the village Sakarovka (Syngerey region) and the Solonets river, the tributary of the Reut (Fig. 1). It is disposed on the upper portion of the watershed plateau and its edge, on the right-hand slope of the river valley, and from the east is cut up the canyon-depression (Fig. 2). The excavated in 1989–1992 and 1995–1998 area of the necropolis reaches 5 thousand sq. m. The majority of finds originate from the cultural deposit of the dwelling site attributed to Kris culture (Fig. 3), the cemetery was superimposed over it. Two burial pits (Nos. 39 and 40) were investigated. They were situated closely to each other and oriented according the axis NNW – SSE (350°) (Fig. 4). The orientation of the dead was the same. Pit 40 contained single burial of a man placed in supine position, head pointing NNW (Fig. 4A). Pit 39 contained multiple subsequent burials, the total number of the dead was 20–22 individuals, 5 male, 2 female, 3 juveniles, 12 infants (Fig. 4 Б–Г). The bodies were placed mainly in supine position and oriented to N – NW (350–360°), four layers of the skeletons were cleared up. In the burial rite ochre was applied, it included also funeral feast. Grave goods were represented by flint artefacts (Fig. 6) and personal ornaments (Fig. 7). The basic indications of the burial rite the cemetery Sakarovka I is attributed to the necropolises of Mariupol type, such as Yasinovatka, Vilnyanka, Vovnigi 2, and should be dated back to the end of the early (A 2) and the beginning of the middle (B 1) stages of existence of the discussed sites on the Dnieper, or the late 4th millennium BC (according to: Telegin, 1991. P. 30).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 104–118

ПУБЛИКАЦИИ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА САКАРОВКА I

© 2003 г. С. И. Круц*, А. П. Бужилова**, А. М. Варзарь***

*Институт археологии НАН Украины, Киев

**Институт археологии РАН, Москва

***Институт археологии и этнографии АН Молдовы, Кишинев

Могильник Сакаровка I был открыт Неолитической экспедицией Академии наук Молдовы под руководством В.А. Дергачева и О.В. Лариной в 1997 г. на средненеолитическом поселении кришского типа Сакаровка I. Он расположен на севере Молдовы, в 1.7 км к ЮВВ от с. Сакаровка Сынжерейского района.

Были исследованы две могильные ямы (объекты 39, 40) с захоронениями, совершенными по обряду, характерному для могильников Днепро-Донецкого междуречья мариупольского типа.

Неолитическое поселение Сакаровка I, как считают авторы раскопок, связано с проникновением традиций древнейшей этно-культурной общности Старчево-Криш-Кереш в первой половине – середине VI тыс. до н.э., вступившей в соприкосновение с местными традициями носителей буго-днестровской неолитической культуры. Памятник представляет собой смешение традиций пришельцев с запада и местного населения. Исследователи (Ларина, Дергачев, см. в настоящем издании) рассматривают материалы поселения Сакаровка I как особый культурный феномен – культура Сакаровка.

Скелетные останки из обеих могильных ям (объекты 39, 40) были собраны авторами раскопок в коллекцию, которая хранится в Институте археологии и этнографии АН Молдовы. Материал плохой сохранности представляет собой в основном мелкие обломки черепов, челюстей, разрушенные трубчатые кости, обломки ребер, позвонков и других частей скелета в перемешанном состоянии, за исключением нескольких скелетов, найденных в непотревоженном виде, сохранность которых менее фрагментарна. Среди разбитых и перемешанных костей из заполнения коллективной ямы (объект 39) в результате тщательного визуального анализа по скоплениям обломков черепов, нижних и верхних челюстей, трубчатых костей можно было определить еще как минимум 15–16 особей различного пола и возраста (табл. 1).

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Плохая сохранность костного материала и отсутствие целых черепов тем не менее позволили, после тщательной реставрации, воссоздать один череп № 70 (рисунок). Кроме того, были реставрированы две черепные крышки мужских черепов (№ 68, 69) и одна нижняя челюсть женского (№ 25). Измерения ограничены основными размерами черепного свода, многие из них приблизительны (табл. 2).

В среднем, черепа некрупные, стенки свода довольно тонкие, не более 5 мм. Развитие надпереносья несколько выше среднего, разница между продольным диаметром от глабеллы и от офриона достигает в среднем 5.3 мм; надбровные дуги не заходят в область надглазничного треугольника; височные линии выражены слабо. Затылочный рельеф, сохранившийся только на одном черепе, – средний. Сосцевидные отростки также средние, не превышающие 2 баллов, насколько можно судить по фрагментам. Продольный диаметр варьирует от малого до большого, поперечный – от среднего до очень большого.

В выборке присутствуют мезокранная и брахикранная формы черепной коробки. Для брахикранной формы характерно широкое и низкое лицо с широкими и низкими орбитами (табл. 2).

Лоб широкий. Высокий указатель изгиба лобной кости, определяя кривизну (выпуклость) ее, указывает на значительную уплощенность латерального участка лба мужских черепов сакаровского могильника, характерную для большинства неолитических серий днепро-донецкой культуры, в отличие от современных, у которых этот указатель ниже. Несмотря на большие размеры лба и выше среднего развитое надбровье, сакаровские мужские черепа не создают впечатление массивности, что подтверждается и размерами нижних челюстей.

Нижние челюсти мужских черепов некрупные, среднешироокие. Толщина тела небольшая при значительной высоте. Низкий и средний указатель толщины тела также указывает на отсутствие массивности. Ветвь челюсти широкая, высота в одном

Таблица 1. Половозрастные определения серии из Сакаровки

Номер индивидуума*	Пол	Возраст, лет	Номер костей по полевой описи и сохранность
Объект 39:			
1	Ребенок	0–1	1а: кости младенца
2**	Мужчина	20–29 (20–24)	Кости над младенцем (левые бедренная и большеберцовая) от скелета № 68 (см. 20)
3	Женщина	25–35 (25–29)	1б: кости над младенцем (2 бедренные, 2 большеберцовые, 2 плечевые кости, обломок малоберцовой, два фрагмента черепа) + (?) № 55 лучевая правая
4	Ребенок	7–9	№ 61: фрагменты костей черепа, зубы, фрагменты позвонков шейного отдела
5	»	6–8	Скелет № 63: фрагменты свода черепа, разрозненные зубы, фрагменты трубчатых костей
6	»	8–10	№ 35: фрагменты черепа, нижней челюсти, отдельные зубы
7	»	10–13	№ 53: фрагменты черепа
8	Мужчина	30–39 (30–34)	Скопление мужских костей: № 54 (правая лучевая), 57 (правая плечевая), 8 (правая бедренная и фрагмент левой бедренной), 9 (фрагмент левой бедренной) + фрагмент челюсти из кв. 64/ы
9	Ребенок-подросток?	?	№ 38: мелкие фрагменты черепа
10	Ребенок	7–9	№ 52: фрагменты черепа
11	Женщина	30–39 (35–39)	№ 52: фрагменты черепа, разрозненные коренные зубы + + № 25: фрагменты черепа, нижняя челюсть
12	Подросток (юноша?)	18–20	№ 41: фрагменты челюсти, разрозненные зубы
13	Подросток (девушка?)	16–18	№ 59: мелкие фрагменты черепа
14	Ребенок	5–6	№ 60: фрагменты черепа, нижней челюсти
15	»	6–7	14(1): фрагмент черепа+17(1): фрагмент нижней челюсти
16	»	9–10	14(2): фрагмент черепа+17(2): фрагмент нижней челюсти
17	»	11–13	№ 20: мелкие фрагменты черепа, челюсти + разрозненные зубы
18	»	1–4	№ 27: фрагменты черепа, челюстей, разрозненные зубы
19	»	5–7	№ 67: мелкие фрагменты костей черепа, разрозненные молочные зубы
20**	Мужчина	20–24	Скелет № 68: череп, нижняя челюсть, фрагменты ключиц, правая бедренная и большеберцовая, фрагменты таза (см. 2)
21	Мужчина	20–29 (20–24)	Скелет № 69: череп, кости предплечья, фрагменты парных бедренных и большеберцовых костей, мелкие фрагменты верхних и нижних конечностей
22	Мужчина?	20–24	Скелет № 70: череп, нижняя челюсть, ключицы, позвонки из грудного и поясничного отделов, фрагменты костей верхних и нижних конечностей, разрозненные кости стопы и кисти
Объект 40:			
23	Мужчина	25–34 (30–34)	Объект 40: фрагменты свода черепа, нижняя челюсть, разрозненные зубы, левая плечевая, фрагменты локтевой, лучевой, кости кисти, парные бедренные, большеберцовые, фрагменты таза, фрагменты ребер

* Соответствует нумерации, принятой в статье Лариной, Дергачева настоящего издания.
** Останки одного индивида.

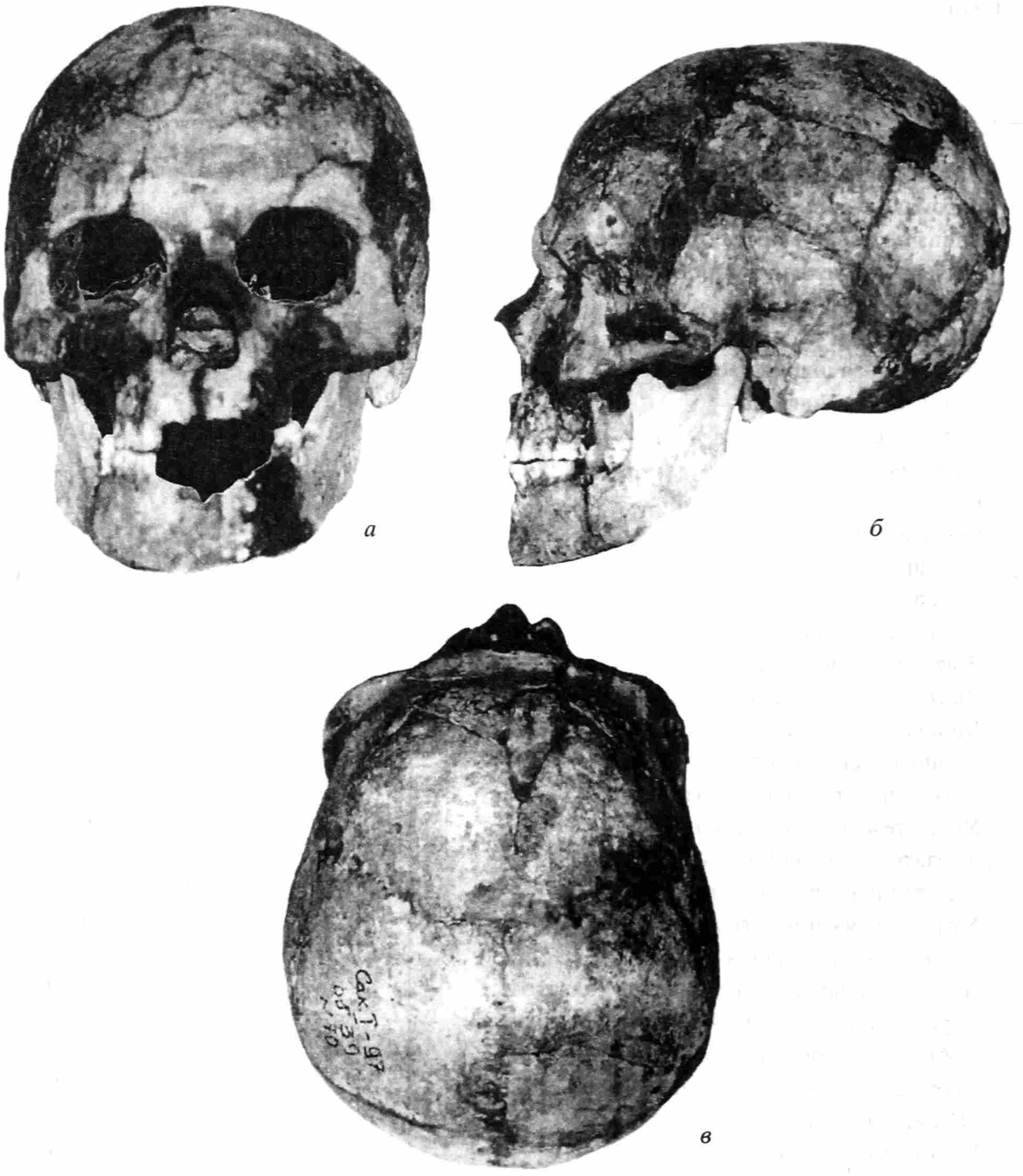
Таблица 2. Индивидуальные измерения черепов из серии Сакаровка

Номер по Мартину	Признак	Инвентарный номер			
		№ 68	№ 69	№ 70	№ 25
1	Продольный диаметр	180?	188	178	–
1b	Продольный диаметр	174?	183	174	–
8	Поперечный диаметр	140?	–	151	–
17	Высотный диаметр базион-брегма	–	–	128?	–
20	Высотный диаметр порион-брегма	–	–	110	–
5	Длина основания черепа	–	–	103?	–
9	Наименьшая ширина лба	?? < 90	100	100	–
10	Наибольшая ширина лба	113?	117?	123	–
11	Ширина между аурикулярными точками	–	–	141	–
12	Ширина затылка	–	–	129	–
29	Лобная хорда	107.5	113	112	–
30	Теменная хорда	116	126	113?	–
31	Затылочная хорда	–	–	90?	–
23a	Горизонтальная окружность через офрион	520?	–	520	–
24	Поперечная дуга порион-брегма-порион	–	–	324	–
25	Сагитальная дуга	–	–	364?	–
26	Лобная дуга	120	126	129	–
27	Теменная дуга	135	135?	131?	–
28	Затылочная дуга	–	–	104?	–
FS	Высота изгиба лба	18.0	22.5	24.8	–
45	Скуловой диаметр	–	–	134?	–
40	Длина основания лица	–	–	112?	–
48	Верхняя высота лица	–	–	65	–
47	Полная высота лица	–	–	111	–
43	Верхняя ширина лица	–	–	113	–
46	Средняя ширина лица	–	–	93?	–
55	Высота носа	–	–	48.1	–
54	Ширина носа	–	–	23.3	–
51	Ширина орбиты от Mf левой	–	–	43.8	–
51	Ширина орбиты от Mf правой	–	–	43.8	–
51a	Ширина орбиты от дакриона левой	–	–	41.8	–
51a	Ширина орбиты от дакриона правой	–	–	41.2	–
52	Высота орбиты левой	–	–	31.4	–
52	Высота орбиты правой	–	–	32.1	–
–	Бималярная ширина	–	–	104.1	–
–	Высота назиона над биорбитальной шириной	–	–	16.7	–
–	Зигомаксилярная ширина	–	–	92.4	–
–	Высота субспинале над зигоспинальной шириной	–	–	23.3?	–
MC	Максиллофронтальная ширина	–	–	20.8	–
MS	Максиллофронтальная высота	–	–	7.8	–
DC	Дакриальная ширина	–	–	22.3	–
DS	Дакриальная высота	–	–	11.8	–
32	Угол профиля лба от назиона	–	–	82°	–
–	Угол профиля лба от глабеллы	–	–	75°	–
72	Общий лицевой угол	–	–	80°?	–
73	Средний лицевой угол	–	–	81°?	–

Таблица 2. Окончание

Номер по Мартину	Признак	Инвентарный номер			
		№ 68*	№ 69	№ 70	№ 25
74	Угол альвеолярной части	–	–	77.5°?	–
77	Назомалярный угол	–	–	144.5°	–
zm	Зигомаксилярный угол	–	–	126.5°	–
68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков	106	116	101	96
79	Угол ветви нижней челюсти	131?	131	125°?	132
68	Длина нижней челюсти от углов	80	86	85	74
70	Высота ветви	59?	61	63?	54
71a	Наименьшая ширина ветви	34	34	37	30
65	Мыщелковая ширина	130?	112	124?	121
66	Угловая ширина	105?	93	104?	104
67	Передняя ширина	47	47	48.5?	44
69	Высота симфиза	–	–	–	27?
69(1)	Высота тела	27	35	30	26
69(3)	Толщина тела	8	9.3	11	10
8:1	Черепной указатель	77.8	–	84.8	–
17:1	Высотнопродольный указатель I	–	–	71.9	–
20:1	Высотнопродольный указатель II	–	–	60.5	–
20:8	Высотно-поперечный указатель	–	–	71.3	–
9:10	Лобный указатель	79.7?	85.5?	79.7	–
9:8	Лобно-теменной указатель	64.3?	–	64.9	–
28:27	Затылочно-теменной указатель	–	–	85.4	–
11:8	Ушно-теменной указатель	–	–	94.0	–
29:26	Указатель изгиба лобной кости	89.6	89.7	87.5	–
30:27	Указатель изгиба теменной кости	85.9	93.3?	86.3	–
31:28	Указатель изгиба затылочной кости	–	–	86.5	–
11:8	Указатель выступания лица	–	–	108.7	–
48:17	Вертикальный черепно-лицевой указатель	–	–	50.0	–
45:8	Горизонтальный черепно-лицевой указатель	–	–	88.7	–
9:45	Лобно-скуловой указатель	–	–	73.1	–
48:45	Верхний лицевой указатель	–	–	47.9	–
47:45	Общий лицевой указатель	–	–	82.8	–
54:55	Носовой указатель	–	–	48.4	–
52:51	Орбитный указатель от Mxf левый	–	–	71.7	–
–	Орбитный указатель от Mxf правый	–	–	73.3	–
52:51a	Орбитный указатель от дакриона левый	–	–	75.1	–
–	Орбитный указатель от дакриона правый	–	–	77.9	–
DS:DC	Дакриальный указатель	–	–	52.9	–
–	Зигомаксилярный указатель	–	–	25.2	–
–	Биорбитальный указатель	–	–	16.6	–
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	–	–	37.5	–
–	Нижний край грушевидного отверстия	–	–	F. pr.	–
–	Надпереносье (по Мартину 1–6)	4	4–5	4	–
–	Надбровные дуги (1–3)	2	2–3	2	–
–	Наружный затылочный бугор (по Брока 0–5)	–	3–4	–	–
–	Сосцевидный отросток (1–3)	1–2	2–3	2	–
–	Форма черепа сверху	Ovoid	Ovoid	Sphenoid	–

* Измерения черепных крышек № 68 и 69 проведены С.И. Круц, измерения всех нижних челюстей и черепа № 70 выполнены А.М. Варзарем.



Череп № 70 из могильника Сакаровка I.

случае небольшая, в другом – очень большая. Нижняя челюсть женского черепа небольшая и очень широкая, со средними размерами толщины и высоты тела, с невысокой и среднешироκой ветвью (табл. 2).

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Наибольшее количество костных остатков принадлежало детям и подросткам, возраст которых устанавливался в основном по фрагментам челюстей с сохранившимися зубами. Трубчатые кости настолько разрушены, что провести измерения было невозможно, за исключением двух фрагментов – диафизов правой и левой большеберцовой костей подростка (№ 44, 45, табл. 3).

Кости верхних конечностей мужских скелетов в основном средней длины, со сглаженным рельефом. Все размеры наибольшей длины плечевых костей относятся к классу больших величин, тогда как наименьшие окружности небольшие (табл. 4). Указатель прочности в выборке устойчив. Диаметр середины диафиза относится к среднему классу при незначительном варьировании. Об уплощенности диафиза мужских скелетов свидетельствует значительная разница между наибольшим и наименьшим диаметрами. Другая тенден-

ция наблюдается по размерам скелета № 70, где форма сечения диафиза более округлая, что отмечено и на женских плечевых костях.

Кости предплечья (локтевая и лучевая) сохранились плохо. Определить их длину можно было только на двух мужских и одном (только лучевая) женском. Они среднедлинные с небольшими по величине окружностями диафизов. Указатель сечения лучевой кости небольшой. Указатели платолении для локтевой кости весьма противоречивы – для правой стороны характерна платоленя, для левой – эуроленя, что объясняется, возможно, широкой индивидуальной изменчивостью при малом объеме выборки (табл. 4).

Нижние конечности измерены на шести скелетах. Бедренные кости сохранились несколько лучше, чем большеберцовые. Они сравнительно длинные, обхватные размеры также значительные, указатель массивности высокий. Развитие пилястра большое, характерна эуримерия. На женском скелете платимерия сочетается со слабым развитием пилястра.

Большеберцовые кости в основном представлены фрагментами. Только на одной кости возможно было измерить длину, размер которой относится к категории больших величин. Наименьшая окружность средняя. Указатель прочности, вычисленный для одной кости, относится к среднему классу. По указателю платикнемии большеберцовые кости характеризуются мезокнемией.

В целом кости верхних и нижних конечностей из Сакаровского могильника характеризуются сравнительной грацильностью – небольшие окружности диафизов, невысокие указатели массивности и прочности, за исключением бедренных костей, преобладание скелетов с округлой формой поперечного сечения диафизов, слабое развитие мышечного рельефа, хотя на некоторых скелетах иногда отмечается и повышенное его развитие.

Из-за плохой сохранности костей не все указатели пропорций были определены. Плече-бедренный (на двух мужских скелетах) и луче-берцовый (на одном мужском) указатели относятся к низким величинам, указывающим на большую длину нижних конечностей по сравнению с верхними (табл. 5).

Рост определялся по двум формулам (Л. Мануврие, М. Троттер и Г. Глезер) в целях большей сопоставимости с данными других авторов (Алексеев, 1966). Рост, вычисленный для мужской группы по Л. Мануврие, колебался от средних до больших величин по рубрикации Мартина (табл. 5).

Таблица 3. Измерения большеберцовых костей подростка (№ 44–45) из могильника Сакаровка

Нумерация признаков по В.П. Алексееву (1966)	Правая	Левая
8. Наибольший сагиттальный диаметр середины диафиза	22	23
8а. Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	19	19.5
9. Ширина середины диафиза	26	27.5
9а. Ширина диафиза на уровне питательного отверстия	21	20
10. Окружность середины диафиза	65	65
10б. Наименьшая окружность диафиза	63	–

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для демографического анализа использованы данные о 22 индивидуумах, половозрастная идентификация которых не вызывает сомнения у исследователей. Учитывая эту информацию, можно предположить, что в могильнике на протяжении определенного времени были захоронены 4 мужчин, 2 женщины, 1 взрослый неопределенного пола (муж.?), не менее 13 детей и 2 подростков.

По мнению авторов раскопок, могильник Сакаровка принадлежит к кругу погребальных памятников мариупольского типа, поэтому в нашей работе была предпринята попытка оценки демографических параметров серии Сакаровка на фоне синхронных групп из памятников мариупольского типа: Васильевка II, Васильевка V, Вовниги I, Вовниги II, Вильнянка, Дереивка, Капуловка, Никольское и Ясиноватка (Кондукторова, 1957; Сурнина, 1961; Потехина, 1981; 1988; 1999; Телегин, 1991).

Для выбранных 10 неолитических серий были построены таблицы смертности (дожития) и вычислены некоторые дополнительные демографические параметры (компьютерная версия программы Д.В. Богатенкова). Анализ показателей вероятности дожития каждой возрастной подгруппы и вероятности смерти по возрастным интервалам позволил оценить репрезентативность выборок. Серии из могильников Васильевка II и V, Вовниги I и II, Никольское и отчасти Сакаровка имеют слегка деформированную структуру из-за неравномерной представленности возрастных интервалов. Тем не менее эти выборки не нуждаются в моделировании, так как кривые анализируемых показателей приближаются к теоретическим.

Величина показателя среднего возраста умерших в изученных неолитических группах лежит в интервале 28.2–41.5 лет. Разброс значений широк, поскольку охватывает несколько возрастных категорий. С учетом последнего выделяются два варианта: к первому относятся серии Вильнянка и Сакаровка, ко второму – оставшиеся группы (табл. 6). Первый вариант характеризуется низким показателем возраста умерших, и его значения равны 28–29 лет, второй – включает популяции с показателем, укладывающимся в сред-

Таблица 4. Индивидуальные и средние размеры длинных костей из могильника Сакаровка

Признаки	Мужчины										Пол не определен		Женщины					
	№ 2, 8, 56		№ 68		№ 69		объект 40		средние		№ 70		№ 1б		№ 52–25		средние	
Номер по Алексееву, 1966	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость																		
1	333	–	320?	–	–	–	–	–	326.5/2	–	–	315	–	–	–	–	–	–
2	330?	–	–	–	–	–	–	–	330/1	–	–	311	–	–	–	–	–	–
3	51	–	–	–	–	–	–	–	51/1	–	48	47	–	–	–	–	–	–
4	66	–	65	–	–	–	–	–	65.5/2	–	–	58	–	–	60	60	60/1	60/1
5	24.5	23	22.5	–	–	–	27	–	24.7/3	–	21	22	20.5	19	22	20.5	21.3/2	19.8/2
6	17.5	16	17	–	–	–	19	–	17.8/3	–	21	20.5	15.5	15	17.5	18	16.5/2	16.5/2
7	63	60	60	–	–	–	64	–	62.3/3	–	58	57?	55	56	55	54	55/2	55/2
7a	69	65?	65	–	–	–	75	–	69.7/3	–	62	65	60	58	63	61	61.5/2	59.5/2
6:5	71.4	69.5	75.6	–	–	–	70.4	–	72.5/3	–	100	93.2	75.6	79	79.6	87.8	77.6/2	83.4/2
7:1	18.9	–	18.8	–	–	–	–	–	18.9/2	–	–	18.1?	–	–	–	–	–	–
Лучевая кость																		
1	–	247	–	250	253	–	–	–	253/1	248.5/2	234	–	228	–	–	–	228/1	–
2	–	241	235	235	239	–	–	–	237/2	238/2	224	220	219	–	–	–	219/1	–
4	–	16	14	13	18	–	–	–	16/2	14.5	14	14.5	14.9	–	–	–	14.9/1	–
5	–	12	11	12	11	–	–	–	11/2	12/2	11	11	10.5	–	–	–	10.5/1	–
3	–	40	35	38	37	–	–	–	36.5/2	39/2	37	36	36	–	–	–	36/1	–
5:4	–	75	78.6	92.3	61.1	–	–	–	69.9/2	83.4/2	78.6	75.9	72.4	–	–	–	72.4/1	–
3:2	–	16.6	14.9	16.2	15.5	–	–	–	15.2/2	16.4/2	16.5	16.4	16.4	–	–	–	16.4	–
Локтевая кость																		
1	–	–	–	265	–	267	–	–	–	266/2	–	–	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	238	–	235	–	–	–	236.5/2	224	–	–	–	–	–	–	–
11	–	12	11	11	–	13.5	12.5?	–	11.8/2	12.3/2	13.5	13.5	–	–	–	–	–	–
12	–	14.5	14	16	–	16	20?	–	17/2	16/2	14	15	–	–	–	–	–	–
13	–	–	15	18.5	–	17	–	–	15/1	17.8/2	17.5	18.5	–	–	–	–	–	–
14	–	–	20	20	–	22.5	–	–	20/1	21.3/2	21	21	–	–	–	–	–	–
3	–	–	34	35	–	33	–	–	34/1	34/2	33	33	–	–	–	–	–	–
3:2	–	–	–	14.7	–	14	–	–	–	14.4/2	14.7	–	–	–	–	–	–	–
11:12	–	82.8	78.6	68.8	–	84.4	60.3?	–	69.5	76.6	96.4	90	–	–	–	–	–	–
13:14	–	–	75	92.5	–	75.6	–	–	75/1	84.1	83.3	88.1	–	–	–	–	–	–

Таблица 4. Окончание

Признаки	Мужчины										Пол не определен		Женщины					
	№ 2, 8, 56		№ 68		№ 69		объект 40		средние		№ 70		№ 16		№ 52–25		средние	
Номер по Алексееву, 1966	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
Бедренная кость																		
1	482?	485	472	–	–	–	450?	–	468/3	485/1	453	455?	440?	–	–	–	440/1	–
2	477	476	465?	–	–	–	–	–	471/2	476/1	448	450	–	–	–	–	–	–
21	84?	83	78	77?	–	84?	–	–	81/2	81.3/3	74	72?	–	–	–	–	–	–
6	33	34	30.5	32	34	33.5	33	32.5	32.6/4	33/4	32.5	32.5	26	25.5	–	–	26/1	25.5/1
7	27	27.5	24	24.5	27.5	25	26	26.5	26.1/4	25.9/4	23	24	23.5	24.5	–	–	23.5/1	24.5/1
9	32	33	31	31.5	31	30	30	30	31/4	31.1/4	28	29.5	28	29	–	–	28/1	29/1
10	30	27.5	25	26	27	27	28	28.5	27.5	27.3/4	25.5	25	22.5	21.5	–	–	22.5/1	21.5/1
8	92	94	85	87	94	90	92	91	90.8/4	90.5/4	88	90	75	76	–	–	75/1	76/1
8:2	19.3	19.7	18.3	–	–	–	–	–	18.8/2	19.7/1	19.6	20	–	–	–	–	–	
6+7/2	12.6	12.9	11.7	–	–	–	–	–	12.1/2	12.9/1	12.4	12.6	–	–	–	–	–	–
6:7	122.2	123.6	127.1	130.6	123.6	134	126.9	122.6	125/4	127.7/4	141.3	135.8	110.6	104.1	–	–	110.6/1	104.1/1
10:9	93.8	83.3	80.7	82.5	87.1	90	93.3	95	88.7/4	87.7/4	91.1	84.8	80.1	74.1	–	–	80.1/1	74.1/1
Большеберцовая кость																		
1	–	–	–	–	380?	–	–	–	380/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1a	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	–	–	73	–	75?	71?	–	–	74/2	71/1	68?	73?	–	–	–	–	–	–
6	52	53	–	–	–	–	–	–	52/1	53/1	–	–	–	–	–	–	–	–
8	35?	33.5	31	31?	33	35	35	–	33.5/4	33.2/3	31	30	26	26	–	–	26/1	26/1
8a	40.5	–	32.5	34?	40	39.5	38.5	38	37.9/4	37.2/3	35	34	31	–	–	–	31/1	–
9	23?	23.5	24.5	24	22.5	24.5	23	–	23.3/4	24/3	22.5	22.5	19.5	20.5	–	–	19.5/1	20.5/1
9a	25	–	25	24?	24.5	23.5	23	23	24.4/4	23.5/3	25	24	22.5	–	–	–	22.5/1	–
10	90	88	85	84	89	90	88	–	88/4	87.3/3	85	81	71	72	–	–	71/1	72/1
10в	80	83	74	–	74	77	78	–	76.5/4	80/2	75	–	70	–	–	–	70/1	–
10в:1	–	–	–	–	19.5?	–	–	–	19.5/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9a:8a	–	–	76.9	70.6?	61.3	59.5	59.7	60.5	69.1/2	62.4/3	71.4	70.6	72.6	–	–	–	72.6/1	–
10:1	–	–	–	–	23.4	–	–	–	23.4/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Малоберцовая кость																		
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	360?	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 5. Пропорции скелета и длина тела у индивидов из серии Сакаровка

Признаки	Мужчины										Пол не определен		Женщины	
	№ 2, 8, 56		№ 68		№ 69		объект 40		средние		№ 70		№ 1б	
	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
H1:F2	69.8	–	68.8	–	–	–	–	–	69.3	–	–	70	–	–
R1:T1	–	–	–	–	66.6?	–	–	–	66.6	–	–	–	–	–
Рост по Л. Мануврие	170.5	170.6	167.3	169.2	170.2	169.7	167.7*	–	168.9	169.8	166.1	165.6	161.2	–
Рост по М. Троттер и Г. Глезер	176.0	175.5	172.8	174.5	174.0	176.0	170.0*	–	172.5	175.3	169.3	170.0	162.7	–

* Определение роста по одной кости.

Таблица 6. Демографические показатели для неолитических групп из памятников мариупольского типа

Показатели	Васильевка II	Васильевка V	Вовниги I	Вовниги II	Вильнянка	Дереивка	Капуловка	Никольское	Сакаровка	Ясиноватка
Средний возраст умерших	37.3	35	41.5	36.2	28.2	37.8	35.8	34.7	29.7	39.4
Доля детской смертности	0	0	21.7	16.9	34.0	14.2	19.1	25.6	59.1	20.3
Доля смертности людей старше 50 лет	15.4	15.8	13	12.4	2.1	8.8	9.4	8.9	0	18
Длина поколения	26.7	27.2	27.9	26.7	25.4	27.5	27.1	27.3	24.8	27.5
Общий размер семьи (кол-во чел-к)	2.6	3.1	3.1	3.4	6.7	3.2	3.6	4.1	9.4	–
Возраст умерших мужчин/женщин	41.9/40	40.8/39	47.3/30.2	36.9/40.3	29/33.8	46.5/35.5	42.8/31	44.4/38.5	29/33.3	42.8/38.7

ние для неолитического времени значения признака (35–40 лет).

Сравнительный анализ продолжительности жизни среди мужчин и женщин палеопопуляций мариупольского типа также позволяет выделить два варианта. К первому относятся Сакаровка, Вильнянка и Вовниги II, где средняя продолжительность жизни у женщин выше, чем у мужчин. Ко второму – остальные группы, в которых отмечается закономерное для эпохи превышение продолжительности жизни у мужчин по сравнению с женщинами (табл. 6).

Попробуем оценить своеобразие серий Вильнянка и Сакаровка, оценив другие демографические показатели. Так, в этих сериях отмечается высокий процент детской смертности от 34 до 59%, тогда как в остальных выборках он не больше 26% (табл. 6). Вильнянка и Сакаровка объединяются и практическим отсутствием людей старше 50 лет, в то время как в сериях Дереивка, Капуловка и Никольское их около 9%, в Вовниги I и II, – 13–14%, а в Васильевке II и V, Ясиноватке – 15–16%.

Сакаровка и Вильнянка дают самые высокие показатели общего размера семьи (9–10 и 6–7 человек, соответственно), а остальные группы демонстрируют средние значения – 3–4 человека в семье. Коэффициент зависимости неработоспособного населения по отношению к работоспособному для Сакаровки и Вильнянки наибольший в представленных сериях. Длина поколения во всех исследованных группах варьирует в допустимых пределах (табл. 6).

Как указывалось выше, серия Сакаровка представлена несколько деформированной выборкой, что, на первый взгляд, и влияет на особенности демографических параметров. Однако демографический профиль Сакаровки наиболее близок Вильнянке – выборке, не имеющей половозрастной деформации. Вероятно, демографические особенности популяций Сакаровки и Вильнянки следует рассматривать как более или менее объективные.

Таким образом, сравнительный анализ неолитических групп из могильников мариупольского типа дает возможность говорить о двух вариантах

биологического развития популяций. К первому, характеризуемому низкой продолжительностью жизни, высокой детской смертностью и более продолжительной жизнью женщин по сравнению с мужчинами, относятся Сакаровка и Вильнянка. Ко второму типу, обусловленному более или менее высоким уровнем продолжительности жизни, заниженной детской смертностью и более высокой продолжительностью жизни мужчин по сравнению с женщинами, относится большинство выборок из памятников мариупольского типа. Последние, очевидно, являются "классическими" неолитическими сериями.

ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализ маркеров физиологического стресса по материалам серии Сакаровка дает дополнительную информацию для реконструкции занятий и образа жизни популяции. Так, отсутствие кариеса и его последствий позволяют говорить о сбалансированной диете с достаточным уровнем белков и углеводов. Очевидно, доля сахарозы и фруктозы была умеренной. Отсутствие зубных патологий, признаков анемии, цинги и рахита у детей также указывает на сбалансированное питание. Среди особенностей питания группы следует назвать вероятное присутствие в диете орехов. Так, у молодого мужчины (№ 69) на первых коренных зубах верхней челюсти отмечены незначительные отломы коронок, возможно, вследствие надкуса чего-то твердого (орехи и проч.).

Уровень гельминтозов невысок, так как нет признака Cribra orbitalia. Анализ последствий лихорадок и других патологий, включающих стрессовый механизм задержки ростовых процессов, показал, что и эти заболевания были исключительно редки. У нас есть единичные свидетельства нарушения ростовых процессов в детском возрасте: эмалевая гипоплазия у женщины 30–39 лет (№ 25) на зубах нижней челюсти (возраст образования 1–1.5 года) и линии Гарриса у ребенка 8–10 лет (№ 44, 45), молодого мужчины 20–29 лет (№ 46). Следует обратить внимание, что пищевых ресурсов в группе было достаточно, поскольку образование эмалевой гипоплазии в 1–1.5 года – время обычного перехода детей от молочной диеты ко взрослой пище (Бужилова, 1998).

Анализ физической активности населения Сакаровки позволяет говорить только об общей недифференцированной нагрузке на скелет. Такой вариант развития характерен для охотников-собирателей и населения с комплексным типом хозяйствования. Для Сакаровки известны единичные наблюдения, где отмечается более дифференцированный уровень формирования мышечной компоненты и "натруженности" суставных поверхностей. Так, зафиксировано развитие усиленного костного рельефа в области присоединения ягодичных и икроножных мышц у молодой женщины (в комплексе скопления костей № 1), дельтовидной мышцы на плечевой кости у мужчины 20–29 лет (объект 40) и у мужчины 25–35 лет (№ 57), у индивидумма № 70.

Отмечено уплощение суставной площадки на шейном позвонке у молодого мужчины 20–25 лет (№ 68) вследствие механической нагрузки. По данным Т. Моллесон (Molleson, 1994), такое повреждение отмечается у индивидуумов из-за регулярного ношения тяжести на голове, например корзин, тюков и проч.

Два случая травм, обнаруженных в мужской группе, не дифференцируют тип физической активности. Это заживший перелом в нижней трети лучевой кости у молодого мужчины (№ 68). У другого мужчины 20–29 лет (№ 69) в области левого голеностопного сустава отмечены последствия травмы: на малоберцовой кости рядом площадь соответствующей суставной площадки увеличена из-за смещения кости. Характер повреждений указывает на случайность полученных травм (неудачное падение). Однако травмы фиксируются только у мужчин, что является косвенным свидетельством большей мобильности этой части населения Сакаровки.

В той части коллекции, которая не поддается дифференциации по индивидуумам, был обнаружен фрагмент первого шейного позвонка (№ 11?). Дуга позвонка разрушена при жизни или в момент смерти индивида, края дефекта острые, что позволяет с большой долей условности предположить вариант декапитации (отчленение головы). Локализация разрушения на уровне первого шейного позвонка указывает, что декапитация могла быть осуществлена в момент вертикального положения жертвы (Manchester, 1978; Масленников, Бужилова, 1999). К сожалению фрагментарность выявленного наблюдения не позволяет провести более обстоятельную реконструкцию событий. Остается лишь напомнить, что в отдельных могильниках мариупольского типа, например Осиповке, фиксировались расчлененные скелеты, в могильниках Вовниги 2, Васильевка 2 и Ясиноватка – трепанированные черепа (Гохман, 1966; Телегин, 1991; Потехина, 1999). Последнее, по мнению И.Д. Потехиной (1999), совершалось, вероятно, с ритуальной целью.

В связи с этими наблюдениями следует отметить, что на некоторых трубчатых костях нижних и верхних конечностей взрослых особей в серии Сакаровка встречаются вертикально ориентированные сколы по диафизам и горизонтальные в области метафизов, возможно, вследствие преднамеренного разрушения. Особенно отчетливо искусственный характер разломов виден на фрагментах локтевой кости (разбит верхний эпифиз) мужского скелета (№ 64/*ы*) и на двух фрагментах

левой плечевой кости (разбиты эпифизы) женщины (№ 1б).

О неслучайности выделенных наблюдений в первом случае (№ 64/*ы*) говорят некоторые дополнительные факты. Так, в этом же квадрате под № 65/*ы* найдены мелкие фрагменты обожженных трубчатых костей. К сожалению, сохранность ткани не позволяет определенно отнести их к человеческим. Тем не менее свидетельства преднамеренного разрушения костей в сочетании с использованием огня для сожжения костей животного или человека дают основание поднять вопрос о существовании некоего погребального (?) ритуала в группе. К сожалению, археологические свидетельства этого отсутствуют.

Напротив, для второго случая (№ 1б) мы располагаем отчетливыми доказательствами совершенного ритуального обряда. Напомним, что останки женщины № 1б и мужчины № 68 были использованы в захоронении младенца (скопление костей № 1). Как указывают исследователи этого могильника (Ларина, Дергачев, в настоящем издании), при расчистке погребения младенца обнаружилось, что костяк располагался в углу сложной треугольной конструкции, состоящей из трех бедренных, положенных на них двух большеберцовых и под углом к ним плечевых костей взрослых мужчины и женщины. Сверху детский костяк был перекрыт малоберцовыми костями женщины. Как видим, плечевые кости женщины были не просто изъяты, а намеренно разрушены при перезахоронении.

АНАЛИЗ КРУГА БИОЛОГИЧЕСКИХ РОДСТВЕННИКОВ

Для оценки круга родственных связей был предпринят анализ фенотипических признаков, передающихся по наследству. Они встречены в небольшом количестве: метопизм у женщины (№ 52); пальцевидные вдавления у ребенка 9–10 лет (№ 35, 31) и мужчины 20–25 лет (№ 68). Возможно, последние родственники. У молодого мужчины (№ 69) отмечена значительная стертость коронок передних зубов, вероятно из-за неправильного прикуса. Другого характера нарушение прикуса фиксируется у мужчины из одиночного захоронения объекта 40: наблюдается асимметричное стирание поверхности зубов.

На плечевых костях трех скелетов (№ 70, 52 и объект 40) встречено прободение локтевой ямки – межмыщелковое отверстие. Эта аномалия обычно встречается в 1–2% случаев в популяции, в серии Сакаровка же этот признак демонстрирует значительное превышение значений. Вероятно, означенные индивиды могут рассматриваться с определенной долей условности как родственники.

Характерная форма и изгиб кончика корня передних зубов отмечена у двух индивидов № 68 и 70, что позволяет нам говорить об их возможной родственной связи.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Антропологические материалы из могильника Сакаровка I – самые древние на территории Молдовы, кроме синхронного единичного захоронения на поселении Цикиновка, представленного фрагментами черепа и костей посткраниального скелета, принадлежавшего женщине пожилого возраста "довольно грацильного типа", по определению М.С. Великановой (1975. С. 27).

Своеобразное географическое расположение могильника Сакаровка I в зоне влияния нескольких крупных неолитических культурных образований с территории юго-восточной части Европы с одной стороны, и с другой – балкано-дунайского ареала вызывает необходимость обращения к антропологическим материалам из неолитических могильников этих культур. И, прежде всего, к материалам из могильников, относящихся к группе мариупольского типа.

Сравнительный демографический анализ позволил выделить два независимых варианта биологического развития неолитических популяций на юге Восточной Европы. Один – свойственен большинству евразийских популяций каменного века, второй – представляется несколько более специализированным за счет образования определенной демографической структуры. К последнему варианту относятся палеогруппы Сакаровка и Вильнянка из круга памятников мариупольского типа.

Аналогичное распространение двух вариантов биологического развития популяций фиксируется в неолитических группах Ближнего Востока (Левант). На этой территории распространены в равной степени варианты как одиночных, так и групповых (массовых) захоронений. Население, практиковавшее групповые захоронения, делится на: 1) группы с невысокой продолжительностью жизни (около 30 лет), высокой детской смертностью (до 40%), малочисленностью или отсутствием людей зрелого и пожилого возраста; 2) группы с закономерной для эпохи продолжительностью жизни, невысокой детской смертностью и представленностью людей пожилого возраста (Smith et al., 1984).

Антропологические серии Сакаровка и Вильнянка в полной мере соответствуют группам первого типа, отмеченного исследователями в Леванте, причем даже абсолютные значения демографических параметров этих популяций близки показателям для антропологических серий Ближнего Востока. Следует отметить, что современ-

Таблица 7. Некоторые признаки на черепном своде: сравнительные данные

Признаки	Памятники мариупольского типа				Мезолит		Неолит (культура Боян)
	Сакаровка I	Ясиноватка*	Никольское*	Дереивка*	Вовниги*	Васильевка III*	Черника*
Разность продольных диаметров от глабеллы и офриона	5	4.2	4.4	4.2	5.6	5.6	–
Надбровье по Мартину (балл 1–6)	4	4.4	4.1	3.7	3.7	3.4	2.9
Сосцевидные отростки (балл 1–3)	2	2.9	2.8	2.8	2.7	2.7	–
23a. Горизонтальная окружность через офрион	520	542	–	–	–	–	–
9. Наименьшая ширина лба	96.7	103.1	101.9	101.5	101.2	98.2	98.1
29:26. Указатель изгиба лба	88.9	84.9	89.6	88.5	88.8	88.2	–
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	18.3	21.8	20.8	21.3	21.0	21.2	–

* Сравнительные данные: Гохман, 1966; Зиневич, 1967; Потехина, 1999; Nekrasov, Cristescu, 1963.

ный демографический профиль неурбанизированных групп (популяций слабо развитых стран) с высоким потенциалом репродуктивности и низкой продолжительностью жизни наиболее близок выделенному варианту развития (Бужилова, 1997). Конечно, для современных популяций уровень дожития значительно выше, чем мы фиксируем в неолитических группах, однако демографический профиль имеет очевидную аналогию.

Реконструкция особенностей жизнедеятельности сакаровской популяции по данным палеопатологии подчеркивает, что тип хозяйствования был не дифференцированным и приближался к комплексному. На это указывают и обнаруженные разнообразные варианты двигательной активности взрослого населения, не сформировавшего специализированных опорно-двигательных комплексов.

По результатам палеопатологического анализа не выявляется каких-либо негативных факторов, влияющих на развитие популяции Сакаровка. Вкупе с полученными демографическими показателями проанализированные данные свидетельствуют о благополучной адаптации группы, состоящей в основном из биологических родственников.

Попробуем проанализировать антропологическое своеобразие населения Сакаровки. Буго-днестровская культура, расположенная к востоку от территории Молдовы, связанная своим происхождением с неолитом балкано-дунайского круга, антропологическими материалами пока не представлена. Хотя некоторые исследователи предполагают, что ее население по физическому типу не отличалось от балканского неолитического населения (Великанова, 1975; Телегин, 1991).

Население днепро-донецкой культуры антропологически исследовано достаточно полно (Дебец, 1966; Кондукторова, 1957; 1960; 1973; Сурнина, 1961; Гохман, 1966; Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Мкртчян, 1984; Потехина, 1988; 1999 и др.). Несмотря на некоторую морфологическую неоднородность в рамках гиперморфного протоевропеоидного типа, оно характеризовалось крупными размерами черепов, значительной массивностью длинных костей, максимальной степенью развития мышечного рельефа, высокорослостью.

Фрагментарность антропологического материала из Сакаровки ограничивает возможности для сравнения с таким представительным материалом, как днепро-донецкий.

Абсолютные размеры основных диаметров сакаровских черепов, такие как продольный и поперечный диаметры, ширина лба, хорды и дуги черепного свода, в основном укладываются в размах вариаций черепов из мариупольских могильников, хотя последние, конечно, крупнее.

К числу признаков, объединяющих сакаровские и мариупольские черепа, относится строение лба: его ширина, измеренная всего на двух черепах, и высокий указатель изгиба кости, указывающий на ее значительную уплощенность, за исключением материалов Ясиноватского могильника, где фиксируется более выпуклый лоб (табл. 7).

Исследуя ясиноватские черепа, И.Д. Потехина (1999) распределила их по двум хронологическим периодам, что позволило заметить некоторую закономерность, несмотря на общую массивность, ослабления рельефа на некоторых черепах и появления мезобрахикранных форм на втором этапе развития могильника, преобладающих в Капуловском (Зиневич, Круц, 1968) и характерных для сакаровских черепов.

Попытаемся сопоставить некоторые имеющиеся данные, выражающие степень массивности.

По развитию надбровья сакаровские черепа сходны с черепами из Никольского, Ясиноватки, не превышая в выраженности дереивские и вовнигские. Сосцевидные отростки развиты меньше, чем у днепро-донецких, не превышая балл 2. Развитие затылочного рельефа определено только на одном черепе – не менее 3 баллов и не выходит за рамки вариаций на черепах вышеозначенных могильников. Но все эти признаки описательные и до некоторой степени субъективные. Более объективным показателем может быть разница между продольным диаметром от глабеллы и продольным диаметром от офриона. В сакаровском могильнике она составляет 5.3 мм, приближаясь к таковой в Вовнигах и мезолитической Васильевке III (по 5.6 мм), превышая разницу в Ясиноватке и Дереивке (по 4.2 мм), Никольском (4.4 мм) и даже Васильевки II (4.9 мм).

Следует, конечно, не забывать малое количество сакаровских черепов и возможную некоторую неточность размеров. В то же время, сакаровские черепа уступают по толщине кости свода черепа (лобная кость) черепам из мариупольских могильников. Толщина сакаровских черепов не более 5 мм, тогда как, например, в Дереивском могильнике она составляет от 6 до 9 мм, в отдельных случаях 10–12 мм (Зиневич, 1967. С. 50); то же отмечает и И.Д. Потехина, исследовавшая черепа из неолитических могильников Ясиноватка, Никольское и др. (Потехина, 1999).

Известны значительные антропологические материалы эпохи неолита с сопредельных территорий. Так, для территории Румынии и Болгарии на протяжении эпохи неолита был характерен в основном узколицый, достаточно грацильный мезодолихокранный антропологический тип, квалифицируемый исследователями (О. Некрасова, П. Боев, М. Кристеску и др.) как средиземноморский с примесью других. Наиболее смешанный антропологический состав наблюдается в могильниках культуры Хаманджия (Чернавода), но средиземноморские антропологические формы, по определению румынских антропологов, преобладают. Грацильный, довольно низкорослый антропологический тип характерен также для неолитического населения Греции. Узколицесть, мезодолихокрания были присущи и племенам линейно-ленточной керамики, распространенным на обширной территории Средней Европы. В антропологическом отношении они были необычайно однородны и сходны с населением Средиземноморья в эпоху неолита.

Сравнение неполных черепных крышек из Сакаровского могильника с таким обширным антропологическим материалом вряд ли может дать какой-либо конкретный результат – формы сакаровских черепов укладываются в размах вариаций балкано-дунайского неолита. Более информативными в данном случае могут быть длинные кости конечностей сакаровских костяков, представленные большим количеством.

Данные, полученные при исследовании длинных костей конечностей из могильников мариупольского типа, таких как Дереивка, Вовниги, Васильевка II, Госпитальный Холм, свидетельствуют о том, что население днепро-донецкой культуры отличалось гораздо более крупными, продольными и обхватными размерами длинных костей конечностей, и соответственно большим ростом, чем сакаровское (табл. 8). Население Балканского полуострова в неолите отличалось в основном грацильностью и небольшим ростом, характерным вообще для средиземноморской расы.

Рост сакаровцев относится к категории выше средних величин у мужчин и большой (вычисленный только на одном неполном скелете) у женщин, т.е. также заметно больший, чем в средиземноморских группах. Превышая по основным размерам скелеты балканских неолитических серий, сакаровские в то же время не достигают величин днепро-донецких, за исключением длины бедренной кости. Иными словами, сакаровцы занимают промежуточное положение между массивными днепро-донецкими группами и грацильными средиземноморскими Балкано-Дунайского региона по отсутствию выраженной массивности, приближаясь к последним (табл. 8).

Поиски аналогий подобному сочетанию признаков на посткраниальных скелетах сакаровского могильника обратили наше внимание на более ранние антропологические материалы мезолитического времени, происходящие, с территории Приднепровья, а именно на материалы могильника Васильевка III (Гохман, 1966).

Малое количество скелетов из Васильевки III и плохая сохранность, равно как и сакаровских, не позволяет настаивать на их полном сходстве, но нельзя не обратить внимание на совпадение в абсолютных размерах длинных костей конечностей, указателях прочности и массивности, длины тела, пересчитанного по формуле Мануврие (табл. 8).

Мезолитическое население Украины, а конкретнее ее южных территорий, было неоднородным в антропологическом отношении. И.И. Гохман выделяет три морфологических варианта, отражающие локальные особенности, в пределах местного протоевропейского варианта, сложившегося на основе позднепалеолитических групп типа Брюнн-Пшедмост в процессе длительного контакта с переднеазиатскими формами (Гохман, 1966. С. 95, 127). Наличие, как минимум, двух компонентов усматривают Т.С. Кондукторова и Ю.Д. Беневоленская – протоевропейского и мезоморфного, близкого к средиземноморской комбинации признаков (Кондукторова, 1957; Беневоленская, 1990). Присутствие древнесредиземноморского варианта

Таблица 8. Основные размеры и рост населения каменного века на юге Европы

Признаки	Сакаровка I, неолит	Васильевка III, мезолит	Выхватинцы, позднее Триполье	Серии из могильников мариупольского типа, min–max	Неолитические серии Средиземноморья, min–max	Серии линейно-ленточной культуры Средней Европы, средние размеры
H1	326.5	334.0	321.2	338.0–352.0	296.4–304.8	309.4
H7	62.8	62.0	64.7	64.0–77.0	58.5–64.0	–
R1	243.5	–	252.0	264.4–267.7	222.9–237.5	233.0
R3	36.3	40.5	38.0	42.1–51.5	–	–
F1	464.2	463.0	446.0	458.2–489.8	420.3–422.8	434.0
F8	90.2	88.2	86.4	94.2–102.0	83.2–87.8	–
T1	380	384.3	374.6	388.5–410.5	335.2–352.3	343.5
T10	87.4	–	74.0	82.8–86.5	74.9–75.3	–
Рост по Л. Мануврие	168.4	170.1*	167.9	169.8–172.9	158.0–167.1	165.6

* Подсчитано по индивидуальным данным.

отмечал и Г.Ф. Дебец (1955), исследуя Волошский могильник.

Наиболее показательным в этом отношении может быть могильник Васильевка III, в котором выделенные антропологические варианты подтверждались и археологически – мезоморфный средиземноморский или "узколицый" тип был более характерен для наиболее поздних вытянутых погребений (Гохман, 1966). А поскольку частичная преемственность между мезолитическим и неолитическим населением не оспаривается антропологами (Гохман, 1966; Потехина, 1999), то возможно население с мезоморфными средиземноморскими чертами, представленное в мезолитическом могильнике Васильевка III, продолжало существовать и в более позднее неолитическое время в Северном Причерноморье, примером чего может служить Сакаровский могильник на территории Молдовы. Этот вывод, основанный на небольшом скелетном материале, безусловно, требует более основательного подтверждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Остеометрия. Методы антропологических исследований. М., 1966.

Беневоленская Ю.Д. Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии населения Северо-Восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетический процесс. Рига, 1990.

Бужилова А.П. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте (по антропологическим и историческим материалам древнерусского населения) // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., 1997.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975.

Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.

Дебец Г.Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошское // СЭ. 1955. № 3.

Дебец Г.Ф. О физическом типе населения днепро-донецкой культуры // СА. 1966. № 1.

Зиневич Г.Л. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

Зиневич Г.Л., Круц С.І. Антропологічна характеристика давнього населения територи Україні. Київ, 1968.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I // Советская антропология. 1957. № 2.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологічні матеріали вовнизьких позньонеолітичних могильники // Материали з антропологи Україні. 1960. Вип. I.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.

Ларина О.В., Дергачев В.А. Могильник мариупольского типа Сакаровка I в Молдавии // РА. 2003. № 2.

Масленников А.А., Бужилова А.П. "Ифигения на Меотиде" (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье) // Древности Боспора. № 2. М., 1999.

Мкртчян Р.А. Палеоантропологические материалы неолитических погребений могильника "Госпитальный холм" // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.

Потехина И.Д. К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

Потехина И.Д. Краниологические материалы из могильника Ясиноватка на Днепре // СА. 1988. № 4.

Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев, 1999.

Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Вольнянского неолитического могильника // ТИЭ. 1961. Т. 82.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.

Manchester K. Executions in West Yorkshire // Scient Presentes. 1978. № 5.

Molleson T. The Eloquent Bones of Abu Hureyra. The daily grind in an early Near Eastern agricultural community left revealing marks on skeletons of the inhabitants // Scientific American. 1994.

Necrasov O., Cristescu M. Contribution a l'etude anthropologiqe des sqelettes neolithiqes la culture Boian // ASUI. 1963. T. 9.

Smith P., Ofer Bar-Yosef, Sillen A. Archcaeological and skeletal evidence for dietary change during the late pleistocene/early holocene in the Levant // Paleopathology at the Origins of Agriculture / Eds Cohen M.N., Armelagos G.J. London, 1984.

The anthropological materials from the Neolithic cemetery Sakarovka I

S. I. Kruts, A. P. Buzhilova, A. M. Varzar'

Summary

In the paper the results of anthropological examination of the materials from the Neolithic cemetery Sakarovka I are presented. According to the anthropological data the characteristic features of the people buried in the cemetery are reconstructed, the variants of probable provenance and formation of anthropological characteristics of the ancient population are discussed.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 119–127

ПУБЛИКАЦИИ

КИММЕРИЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИАЗОВЬЯ

© 2003 г. Ю. В. Болтрик, С. В. Махортых

Институт археологии НАН Украины, Киев

Киммерийский период на территории Северного Причерноморья, отмеченный крупными сдвигами в социально-экономической и духовной жизни обитавшего здесь населения, принадлежит к числу наиболее интересных в древней истории региона. Свое название он получил по имени народа – киммерийцев, древнейших обитателей восточноевропейских степей, зафиксированных письменной традицией. Сами же киммерийцы, будучи одними из наиболее ярких представителей ранних кочевников, имели неоднородный состав, включавший ряд кочевнических группировок. К наиболее известным из них принадлежат черногоровская и новочеркасская группы памятников.

Основным источником изучения предскифского периода в степной зоне Северного Причерноморья являются погребальные памятники. Количество открытых здесь захоронений за последние два десятилетия увеличилось в несколько раз. Но публикация материалов существенно отставала от пополнения источниковедческой базы. Предлагаемая статья, посвященная публикации новых черногоровских погребений из бассейна р. Молочной, частично восполняет этот пробел.

В 1985 г. Приазовской экспедицией Института археологии НАН Украины в 2 км к северо-востоку от с. Высокое Мелитопольского р-на Запорожской области на водоразделе рек Малый и Большой Утлюк был исследован небольшой курган № 5 высотой 1 м. Выявленное в нем киммерийское погребение 3 было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы в 3 м к северо-востоку от центра. На глубине 1.15 м от вершины прослежено деревянное перекрытие, состоящее из плах шириной 0.05–0.10 м, положенных вдоль погребения на расстоянии 0.05–0.07 м друг от друга. Захоронение было совершено в яме овальной в плане формы (1.55 × 0.96 м), ориентированной по линии ЮВ–СЗ на глубине 1.25 м от вершины кургана (рис. 1, *1*). Дно могилы посыпано мелом.

Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку головой на юго-восток. Левая рука была отброшена в сторону, согнута в локте, кисть направлена к тазовым костям. Правая рука тоже слегка согнута в локте, кисть лежала на левой руке. В месте пересечения кистей найдены следующие предметы: оселок, кремень, минерал. Ноги погребенного были согнуты в коленях, левая образовывала тупой угол с позвоночником, правая – прямой. За головой погребенного, ближе к восточной стенке стояли лепной лощенный и деревянный сосуды с костью животного, а также деревянное блюдо с остатками заупокойной пищи. Здесь же обнаружен железный нож. В районе черепа найдена золотая пластина.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНВЕНТАРЯ, СОПРОВОЖДАЮЩЕГО УМЕРШЕГО.

1. Оселок – каменный точильный, сравнительно узкий продолговатый брусок, прямоугольный в поперечном сечении. На одном из концов имеется сквозное отверстие. Длина 9 см, ширина 2.2 см, толщина 1 см (рис. 1, *8*).

2. Отщеп из светлого серого кремня размерами 1.8 × 1.3 см (рис. 1, *4*).

3. Изделие (?) из мягкого зернистого минерала. Длина 6 см, высота 4.5 см (рис. 1, *7*).

4. Лощенный сосуд корчагоподобной формы сохранился частично. Дно плоское, хорошо выделенное, корпус приземистый, плечики подчеркнуты мягким ребром. Поверхность серого цвета, лощение хорошего качества. Высота сохранившейся части и диаметр дна сосуда 8.5 см, наибольший диаметр тулова 20 см (рис. 1, *6*).

5. Деревянный сосуд с прямыми, слегка отогнутыми стенками размерами 26.5 × 23 см и высотой 5 см (рис. 1, *3*).

6. Деревянное блюдо подовальной формы размерами 35.6 × 30 см и высотой 2.5 см (рис. 1, *2*).

7. Железный однолезвийный черешковый нож листовидной формы длиной 10.5 см, шириной 2 см (рис. 1, *9*).

8. Тонкая золотая пластина – прямоугольная с загнутым концом. На внешней поверхности легкое рифление. Размеры 0.7 × 0.5 см (рис. 1, *5*).

В 1989 г. Приазовской экспедицией ИА НАН Украины в кург. № 2, образованном двумя слившимися насыпями, было открыто еще одно черногоровское погребение. Курган входил в состав группы "Заячьи могилы", занимающей западный край плато левого берега р. Тащенак и находившейся в 7 км к северо-западу от железнодорожной станции г. Мелитополь (рис. 2). На западном краю

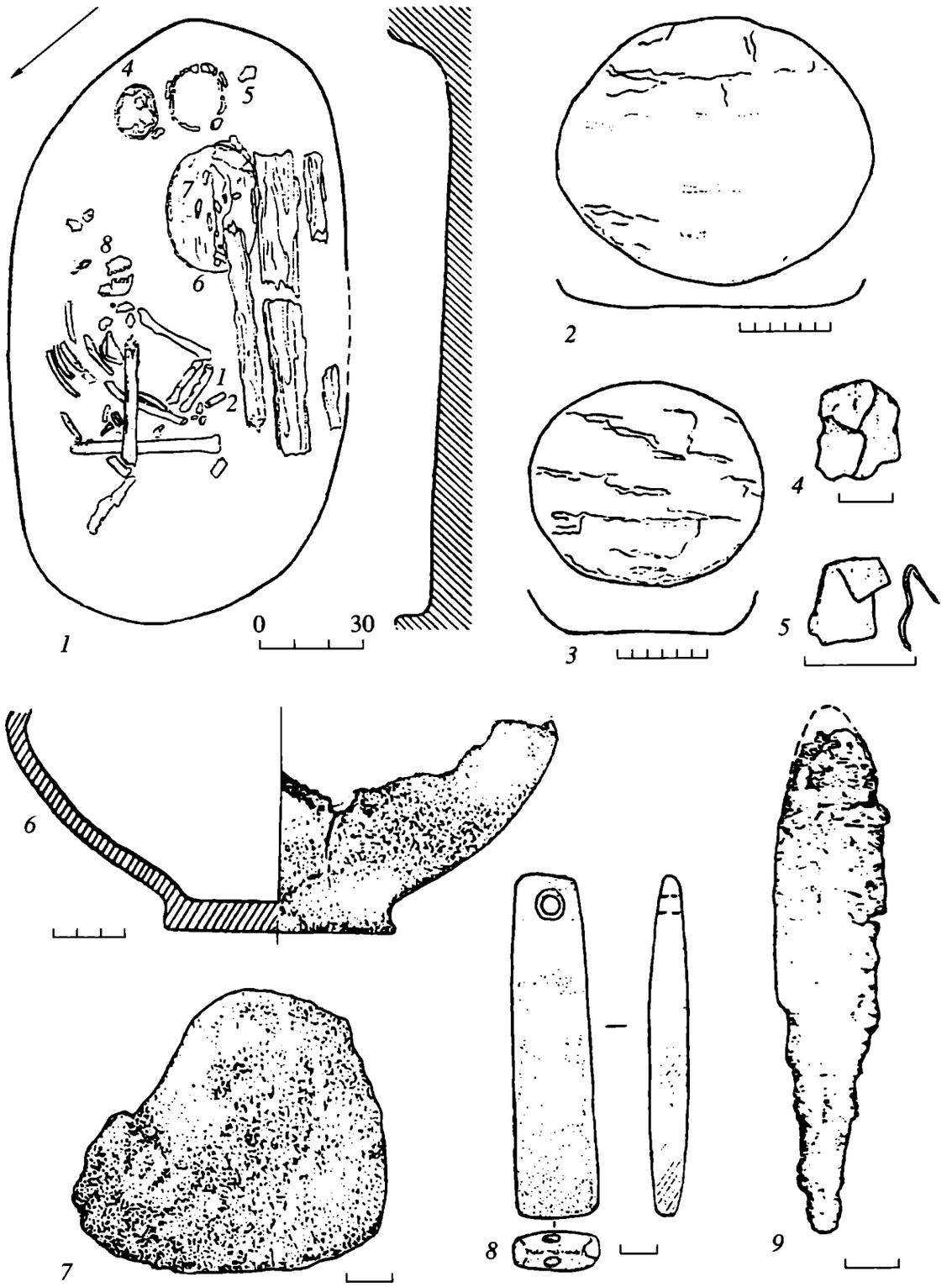


Рис. 1. Общий вид и инвентарь погр. 3 в кург. 5 у с. Высокое (чертеж и реконструкция деревянных сосудов выполнены Н.А. Гаврилюк).

группы находился скифский курган Тащенак (Болтрик, Фіалко, 1991). Хронологический диапазон функционирования кургана 2 достаточно широк – от эпохи средней бронзы до кочевников средневековья. Причем наиболее древние насыпи, составляющие его основу, были возведены носителями катакомбной культуры. Интересующее нас киммерийское погр. 3 располагалось в насыпи на глубине 0.85 м от поверхности. Оно стало заметным по появлению мелких камней (песчаник) под пахотным слоем и вкраплениям глины в черноземе. Границы могилы проследить не удалось. Возмож-

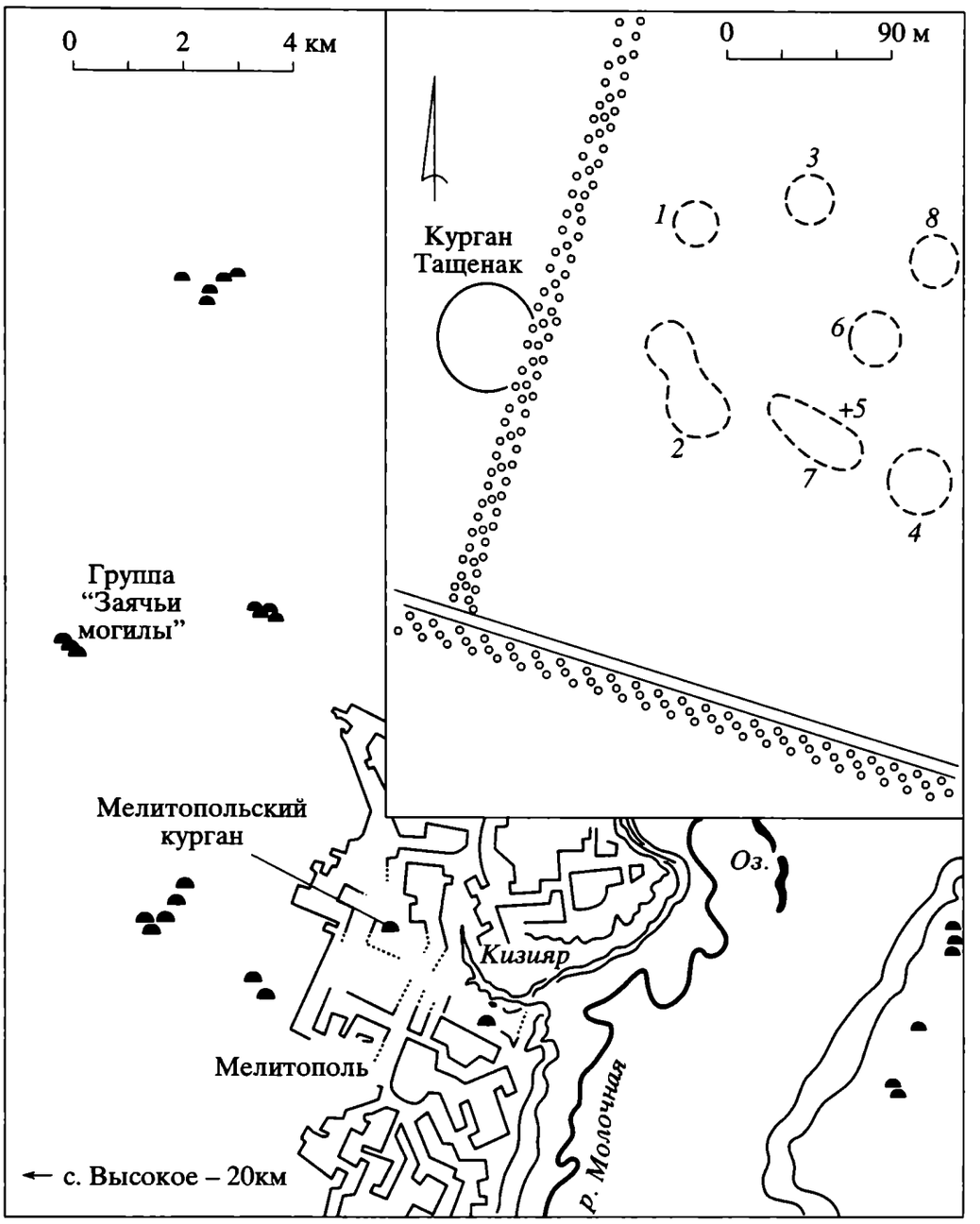


Рис. 2. Схема расположения курганных групп к западу и северо-западу от г. Мелитополь. На врезке – план курганной группы "Заячьи могилы" (пунктирной линией показаны насыпи распахивающихся курганов; крестиком отмечено пятно – курган без насыпи).

но, яма была перекрыта деревом, поскольку в ее заполнении встречались мелкие фрагменты древесного тлена. Погребенный лежал на спине скорченно, с подогнутыми вправо ногами, правая под тупым углом к туловищу, левая под острым. Руки согнуты в локтях, кисти расположены внизу живота. Умерший ориентирован головой на восток (рис. 3, *1*). Дно устлано растительной подстилкой (камка). Слева от головы покойного находились кости животного, справа – фрагменты лепного горшка, за головой – бронзовая бляшка, а по обе стороны черепа, у висков – бронзовые подвески. В области живота, у кистей рук – зеленоватая глина.

От головы вдоль правой руки, доходя до уровня колена, прослежена деревянная палка (?), при расчистке которой был найден железный черешковый наконечник предположительно стрекала, а также костяные наконечники стрел – три целых и два фрагментированных, бронзовая "лопаточка", кусочки красноватой порошковой массы.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ.

1. Фрагменты (пять стенок и два обломка венчика) лепного сосуда с рыхлым, тестом, шероховатой поверхностью со следами расчесов от заглажи-

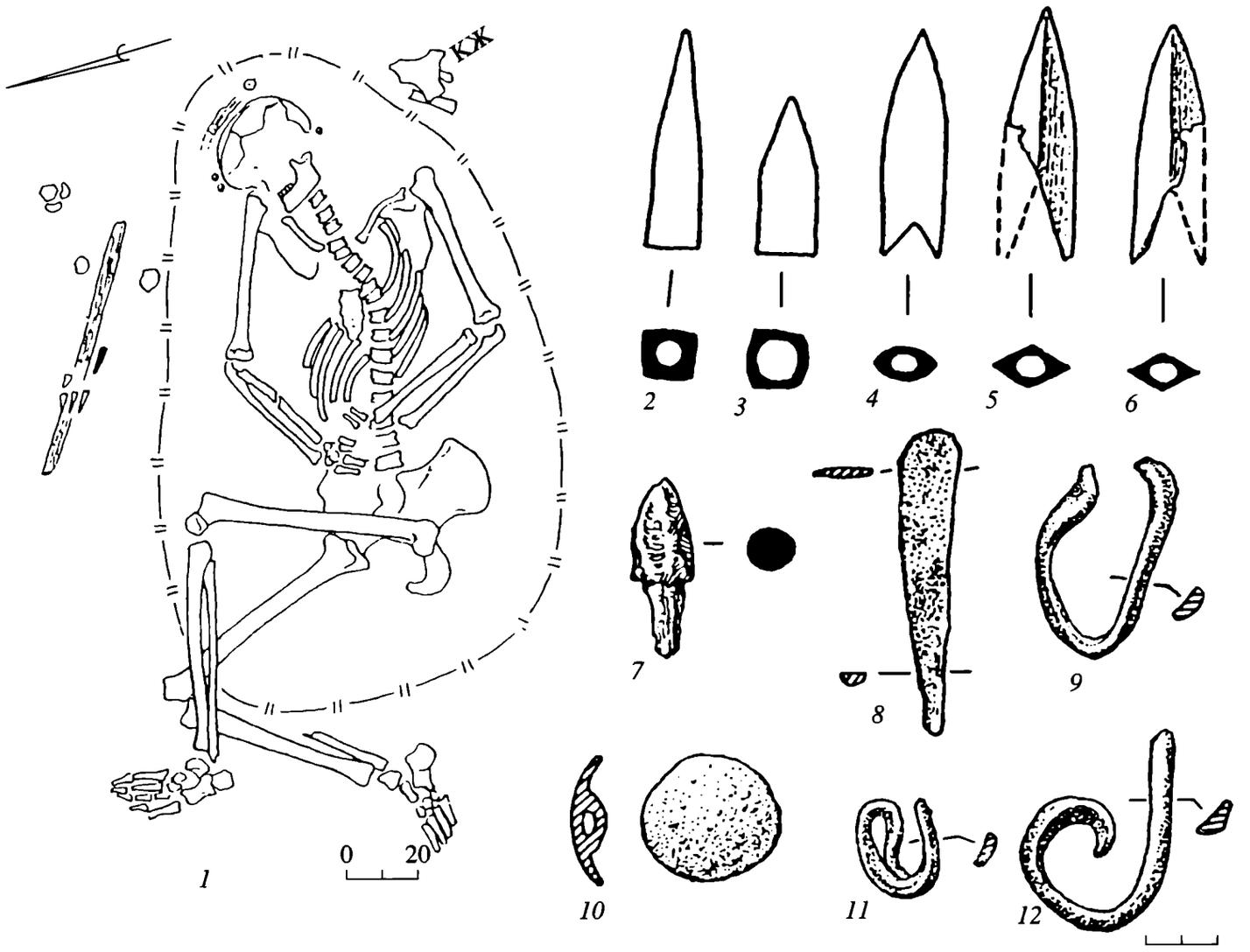


Рис. 3. Общий вид и инвентарь погр. 3 в кург. 2 группы "Заячьи могилы".

вания. Плоско срезанный венчик слегка отогнут наружу.

2. Бронзовая полусферическая бляшка с петелькой на обороте, диаметром 1.9 см, высотой 0.4 см (рис. 3, *10*).

3. Бронзовые височные подвески: а) из плоской в сечении проволоки, свернутой в полтора оборота, размером 1.5 × 1.1 см; б) овальная с несомкнутыми концами подвеска из такой же проволоки, как предыдущая, размером 2.8 × 1.6 см; в) спиралевидная с длинным концом из подтреугольной в сечении проволоки, высота подвески 3 см (рис. 3, *9*, *11*, *12*).

4. Железный черешковый наконечник. Общая длина 2.5 см, длина головки 1.4 см, диаметр основания головки 0.8 см (рис. 3, *7*).

5. Костяные втульчатые наконечники стрел представлены двумя типами. Первый (3 экз.) – ромбические или уплощенно-ромбические в сечении, с выемкой в основании. Длина 3.1–3.5 см, ширина 0.9–1.1 см. Второй (2 экз.) – четырехгранные, квадратные в сечении наконечники с плоским основанием. Длина 2.2–3.0 см, ширина 0.8 см (рис. 3, *2–6*).

6. Бронзовый предмет из расклепанной проволоки в виде "лопаточки" длиной 4.3 и шириной 0.8 см (рис. 3, *8*).

Обряд погребения рассматриваемых захоронений практически не выходит за рамки стандартов черногоровского погребального ритуала. Предскифские погребальные комплексы впервые были выделены в самостоятельную группу памятников черногоровского типа А.И. Тереножкиным (1976), благодаря работам которого, а также некоторых других исследователей (Шарафутдинова, Дубовская, 1987. С. 27–38; Отрощенко, 1989. С. 111, 112), достаточно четко определены критерии их отбора. Для интересующей нас группы памятников обычны впускные подкурганные погребения в подбоях или грунтовых ямах. Скорченные и ориентированные в большинстве случаев на восток костяки покоятся преимущественно на левом бо-

ку, реже на спине или правом боку, иногда с завалом на грудь (ничком). В положении рук выделяются сочетания, когда левая рука вытянута вдоль тела, а правая согнута в локте, или обе руки вытянуты вперед к коленям ног, либо согнуты в локтях с кистями перед черепом. Ноги зачастую согнуты под прямым или тупым углом в тазобедренных суставах и под острым – в коленных. Помимо характерной керамики, в погребениях фиксируется напутственная пища, главным образом кости овцы, бронзовые или костяные детали конской узды, металлические ножи, каменные оселки, бронзовые или кожаные очелья, деревянная посуда с металлическими оковками и некоторые другие категории инвентаря.

Оба рассматриваемых погребения сопровождались глиняными сосудами, располагающимися неподалеку от черепа. Из-за плохой сохранности удалось реконструировать форму только одного из них. Сосуд из погр. кург. 5 у с. Высокое по всей вероятности относится к корчажкам типа Зимогорье–Ясырев, основной территорией распространения которых является Приазовье и бассейн Нижнего Дона (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. С. 58. Табл. XXII, *6*; Дубовская, 1985. С. 167. Рис. 1, 2). Среди характеризующих эту посуду признаков выделяются следующие: цилиндрическое горло, раздутое в средней части тулово и небольшое выступающее дно, диаметр которого примерно равен диаметру венчика.

Исследователи определяют истоки данного типа посуды (некоторые экземпляры которой украшены богатым геометрическим орнаментом) в генетической линии развития позднебронзовой керамики кобяковской культуры Нижнего Дона (Копылов, Лукьяшко, 1995. С. 139).

Помимо керамической посуды, в погр. 3 кург. 5 у с. Высокое зафиксированы остатки двух деревянных сосудов. Один из них восстанавливается как чаша, а второй как блюдо-поднос. Деревянная посуда относится к категориям инвентаря, характеризующим собственно степную киммерийскую культуру Северного Причерноморья. Сравнительно широкое ее распространение у "черногоровцев" по всей вероятности объясняется подвижным образом жизни этого кочевого народа.

Деревянные сосуды встречены в 16% черногоровских погребений (Отрощенко, 1989. С. 112). Эта подборка нуждается в конкретизации как исходя из современного уровня накопления источников, так и распределения киммерийских памятников по отдельным территориальным подгруппам. Среди черногоровских древностей Крыма и Самаро-Орельского междуречья деревянные сосуды либо вообще не встречены, либо представлены единичной находкой. Более многочисленны они в Дунай-Днестровской, Приднепровской, Восточно-украинской и Южно-Побужской территориальных подгруппах распространения черногоровских памятников, составляя там соответственно 13, 15, 19 и 23%. В целом же применительно к Северному Причерноморью сегодня можно говорить о присутствии деревянной посуды в 13% выявленных там черногоровских погребений. Несколько выше (18%) это соотношение для опубликованных и надежно атрибутируемых черногоровских памятников Нижнего Дона, количество которых, однако, почти втрое уступает аналогичным памятникам Северного Причерноморья.

Отметим, что наши подсчеты расходятся с данными О.Р. Дубовской, предпринявшей попытку определить удельный вес наиболее общих категорий инвентаря (в том числе и деревянной посуды) в погребениях со скорченными костяками черногоровских памятников Северного Причерноморья (Дубовская, 1993. С. 155. Рис. 75). С одной стороны, это связано с исследованиями последних лет в результате которых число скорченных погребений черногоровского типа увеличилось. Однако не менее важное значение имеет и проведенный одним из авторов этой статьи критический анализ источников, используемых О.Р. Дубовской в своих построениях. Причем это касается не только деревянной посуды, а и целого ряда других категорий инвентаря черногоровских комплексов.

Так, О.Р. Дубовская без каких-либо оговорок причисляет к группе черногоровских – захоронения, которые либо вообще не относятся к предскифскому времени, например Плавни кург. 1, погр. 3 (Андрух и др., 1985), либо их черногоровская принадлежность в силу нарушенности или отсутствия данных о погребальной обрядности, представляется необоснованной – Камышеваха (Тереножкин, 1976. С. 49); Красное, кург. 2, погр. 7, Луганское (Шаповалов, 1971. С. 191–193); Николаевка, кург. 3, Новая Одесса III, кург. 2, погр. 1 (Гребенников и др., 1984. С. 38) и т.д. Обращают на себя внимание и другие необъяснимые лакуны в сводке О.Р. Дубовской, когда, она называет среди черногоровских основное погр. 2 в кург. 5 у с. Суворово, в то время как выявленное в этом же кургане впускное черногоровское погр. 1 не упоминается ею вовсе. Одно и то же погр. 2 в кург. 1 у пос. Первомайский фигурирует в работах О.Р. Дубовской как на картах распространения черногоровских, так и новочеркасских памятников (Дубовская, 1993. С. 151. Рис. 72; 1997. С. 185. Рис. 1). Отмеченные выше ошибки и погрешности (список которых, к сожалению, можно продолжить и далее) в систематизации предскифских комплексов Северного Причерноморья, естественно отразились на точности подсчетов и статистике данных, приводимых в различных работах О.Р. Дубовской.

Кроме находки в кургане у с. Высокое, деревянные блюда овальной в плане формы известны еще в трех черногоровских комплексах Северно-

го Причерноморья (Висунск, кург. 1, погр. 2; Зимогорье, кург. 2, погр. 5; Калиновка, кург. 1, погр. 2) (Тереножкин, 1976; Гребенников и др., 1984. С. 44. Рис. 4, 5; Дубовская, 1985. С. 167. Рис. 1, *3*). Еще одно деревянное блюдо, также найденное в черногоровском захоронении, выявлено на Нижнем Дону (погр. 4, кург. 2 Веселовской группы (Мошкова, Максименко, 1974). За исключением одного случая (Висунск), когда деревянное блюдо по краю было оббито небольшими медными пластинками прямоугольной формы, сосуды этого типа как правило не украшались металлическими оковками. Однако на них всегда фиксировались кости животных.

Обращает на себя внимание довольно редкий факт присутствия в одном черногоровском захоронении (погр. 3 в кург. 5 у с. Высокое) сразу трех сосудов: двух деревянных и одного глиняного. Аналогичные случаи зафиксированы еще в двух черногоровских комплексах Северного Причерноморья (Зимогорье, кург. 2. погр. 5; Калиновка, кург. 1, погр. 2.). Судя по количественным и качественным характеристикам погребального инвентаря, сопровождающего перечисленные выше причерноморские памятники (лук, колчан со стрелами, бронзовые подвеска, бляшка, и др.), а также захоронение с блюдом из кург. 2 группы Веселовская 1 на Нижнем Дону (нож, топор, украшение), все они принадлежали родоплеменной знати киммерийцев.

Симптоматично, что аналогичная ситуация имела место и в позднебронзовых "богатых" срубных погребениях Украины, содержащих деревянную посуду (Отрощенко, 1984). Среди характеризующих ее типов выделяются и блюда-подносы. Они отмечены по всей степной полосе от Присивашья до севера Днепропетровской области. Как и в предскифский период на них всегда фиксировались кости животных. Деревянная посуда, сопровождаемая бронзовыми пластинами, известна и в погребениях белозерской культуры Северного Причерноморья (Каиры, Лиманское, Хаджилар).

Восстановить технологические приемы изготовления деревянных сосудов по сохранившимся остаткам сложно. Можно лишь предполагать, что часть из них выдалбливали или вырезали из цельного куска дерева, выбирая для этого наиболее качественные участки древесины – каповые (Ляшко, 1994. С. 147. Рис. 43, *4*, *7*).

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным относить деревянные блюда к числу предметов материальной культуры, имеющих корни в культурной традиции эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья.

Бронзовые полусферические бляшки с гладкой поверхностью и петлей на обороте, подобные найденной в погр. 3 кург. 2 у г. Мелитополь, встречены в черногоровских погребениях Северного Причерноморья (Желтый Яр, кург. 2, погр. 12; Висунск, кург.1, погр. 2; Золотая балка, погр. 3) и Нижнего Дона (кург. 3, погр. 10 на Беглицкой косе; кург. 28, погр. 3 Крепинский II) (Тереножкин, 1976. С. 44. Рис. 2, *7*; Ильюков, Казакова, 1988. С. 108. Рис. 17, *11*). Находки блях этого типа на поселении белозерской культуры Чобручи, а также в погр. 6, кург. 1 у с. Красногвардейское, сопровождающемся белозерским кинжальчиком и относящемся к рубежу поздней бронзы – началу раннего железа (Агульников, Чеботаренко, 1990. С. 91. Рис. 1, *13*; Березин, Калмыков, 1998. С. 60. Рис. 9, *3*) не только свидетельствуют о распространении их в степных памятниках юга Восточной Европы последних веков II – начала I тыс. до н.э., но и о возможных белозерских истоках данной категории материальной культуры.

Небольшая бляха, аналогичная описанным выше, найдена и в новочеркасском погр. 9 кург. 5. Койсугского могильника в области грудной клетки костяка, лежащего вытянуто и ориентированного головой на запад (Кореняко, Максименко, 1978. С. 179. Рис. 4, *4*). Данный факт является еще одним свидетельством синхронного бытования черногоровских и новочеркасских древностей, причем не только в конце VIII – начале VII в. до н.э., как это предполагал А.М. Лесков, а на более продолжительном отрезке времени. Ссылка О.Р. Дубовской на находку бронзовой бляшки, якобы еще в одном "новочеркасском" погр. 3 в кург. 3 у с. Красный Подол Херсонской области, является ошибочной (Дубовская, 1997. С. 197). Согласно архивным данным, в заполнении этой ограбленной и нарушенной грабителями могиле на разных глубинах были обнаружены фрагменты неопределенных железных предметов, свинцовая проволока, кости и зубы коня, а также бронзовая пуговица, рисунок и описание которой отсутствуют. В тексте отчета о раскопках это захоронение отнесено к эпохе позднего средневековья (Кубышев, 1974. С. 22).

Широкое распространение гладких бронзовых блях с петлей на оборотной стороне отмечено в памятниках "классического" новочеркасского облика (последняя четверть VIII – начало VII вв. до н.э.), известных как на Северном Кавказе, так и в степных и лесостепных районах Северного Причерноморья (Махортих, 1996. С. 11. Рис. 1, *14*, *15*; 2, *4*; 4; Скорый, 1999. С. 114. Рис. 8, *5–9*; 23, *6–8*). В отличие от более ранних черногоровских находок они, как правило, отличаются значительными размерами (в среднем 4.2–5.5 см) и функционально связаны с уздечными наборами, чем, вероятно, и объясняется увеличение их количественного присутствия в одной могиле.

Костяные наконечники стрел, происходящие из погр. 3 кург. 2 близ г. Мелитополь имеют аналогии как среди черногоровских (Васильевка, кург. 1. погр. 3; Высокая могила, погр. 5; Зимогорье, кург. 2, погр. 5; Кисличеватое, кург. 4, погр. 7;

Красное, кург. 5, погр. 3), так и в новочеркасских комплексах юга Восточной Европы (Барановка, кург. 10, погр. 11; Зольное, Соколово III, кург. 5, погр. 9; Царский, кург. 39. погр. 4).

Подобные костяные наконечники обоих типов найдены и на лесостепных чернолесских городищах второй ступени ее развития – Субботовском, Адамовском, Калантаевском (Тереножкин, 1961. С. 95. Рис. 66).

Помимо костяных в упомянутом выше захоронении у г. Мелитополь был найден и железный черешковый наконечник, являющийся уникальным для киммерийских памятников Северного Причерноморья. Прямые аналогии ему неизвестны. С определенной долей условности его можно считать особой разновидностью специфических орудий или атрибутов власти – жальцевых стрекал хронологический и куультурно-территориальный диапазон бытования которых является достаточно широким (Отрощенко, Черных, 1998). По всей вероятности, этой находке функционально близок короткий костяной полый цилиндр с прочно вставленным в него железным заостренным стержнем из киммерийского всаднического захоронения у с. Зольное в Крыму (Щепинский, 1962. С. 61. Рис. 7, *1*).

Железному ножу из погр. 3 кург. 5 у с. Высокое ближайшие соответствия известны в материалах из черногоровского погр. 10 кург. 2 у с. Владимировка и погр. 2 кург. 1 у с. Пешково (Гордин, Потапов, 1991. С. 37. Рис. 9, *4*; Колотухин, 2000. С. 19. Рис. 9, 11) Примечательно, что между собой эти находки объединяют не только общие морфологические признаки, но и их местоположение в могилах. В то время как в большинстве черногоровских комплексов они находились у пояса умерших и являлись предметами личного обихода, в перечисленных вьше случаях ножи встречены среди жертвенной пищи (Махортых, 1997. С. 11, 12). Подобная традиция широкое распространение получает в скифское время, хотя зарождается она в предскифский период.

К числу хозяйственно-бытовых предметов, очевидно, относится и выявленное в Мелитопольском захоронении оригинальное бронзовое изделие в виде лопаточки. Аналогии ему нам не известны, однако присущие этой вещи миниатюрность и форма характерны для некоторых ножей предскифской эпохи (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 367. Табл. 62, *20*; Скорый, 1999. С. 119. Рис. 13, *7*).

Среди заслуживающих внимания деталей погребального обряда рассматриваемых черногоровских захоронений бассейна р. Молочной следует отметить помещение в могилу довольно крупных фрагментов минеральных веществ (Высокое) или же комочков глины ("Заячьи могилы"). Подобные случаи имеют место и в черногоровских памятниках Нижнего Дона. Например, в погр. 13 из кург. 10 в могильнике Балабинский 1 у поясницы умершего лежал кусок минерального вещества типа серы овальной в плане формы размерами 10 × 6 см. Комочки глины (диаметров до 7 см) с вкраплениями песка и извести, а также меловой предмет цилиндрической формы встречены в погр. 21 кург. 30 в могильнике у с. Высочино VII; в погр. 38 из кург. 4 в Куйсугском могильнике и в погр. 8 кург. 1 у с. Пешково (Потапов, 1999. С. 66). Нельзя исключать, что истоки этой черногоровской традиции уходят в эпоху поздней бронзы и связаны со срубной культурой. Так в погр. 2 кург. 7 у с. Башмачка в Поднепровье, помимо деревянного блюда с напутственной пищей у поясницы был найден крупный кусок мела треугольной формы, на котором лежали три фаланги животного (Волкобой и др., 1981. С. 47).

Часть находок в рассматриваемых комплексах представлена металлическими украшениями. Золотое изделие из погребения у с. Высокое, очевидно, является декоративным компонентом кожаной ленты-очелья, относящейся к важнейшим этнографическим деталям головного убора "черногоровцев" (Гошко, Отрощенко, 1986).

Бронзовые височные подвески из погр. 3 в группе "Заячьи могилы", отличающиеся достаточным своеобразием, с определенной долей условности могут быть сопоставлены с парными бронзовыми подвесками из черногоровских погребений Приазовья (Кременевка, кург. 2, погр. 4) и Нижнего Дона (Беглицкая коса, кург. 3, погр. 10). По наблюдениям О.Р. Дубовской, височные подвески и серьги относятся к числу наиболее устойчивых типов украшений черногоровских памятников северо-восточного Причерноморья (Дубовская, 1993). Вместе с тем сомнительным представляется вывод исследовательницы о том, что находки в захоронениях серег-подвесок в одном экземпляре – черта, характерная для воинской субкультуры черногоровцев, когда мужчины-воины носили одну серьгу, а женщины – две (Дубовская, 1985. С. 169, 170). Данному предположению противоречат парные находки однотипных серег-подвесок в воинских мужских погребениях черногоровского типа у с. Целинное в Крыму и с. Чечелиевка на Кировоградщине.

Заметим также, что находки височных колец в погр. 3 из кург. 3 у пгт. Слободзея и в других киммерийских захоронениях степной зоны Восточной Европы (например, погр. 1 из кург. 14 у хут. Веселая Роща на Ставрополье) противоречат утверждению О.Р. Дубовской об отсутствии серег-подвесок в погребениях новочеркасского типа.

Остальной инвентарь рассматриваемых погребений: точильный брусок и кремневый отщеп достаточно обычен для погребений предскифского времени Северного Причерноморья. По мнению А.И. Тереножкина, отщеп для высекания огня является почти обязательной принадлежностью ким-

мерийцев (Тереножкин, 1976. С. 95). Оселки, подобные публикуемому, хорошо известны в таких степных предскифских могилах, как Висунск, Высокая могила и т.д. (Тереножкин, 1976. С. 32. Рис. 6, *2*; Гребенников и др., 1984. С. 44. Рис. 4, *9*).

Черногоровская группа памятников датировалась А.И. Тереножкиным в свое время 900–750 гг. до н.э. (Тереножкин, 1976). Однако значительный рост источников настоятельно требует внесения корректив и уточнений в этом вопросе. Выделение группы черногоровских погребений со скорченным трупоположением на боку (Березки; Вильногрушевка, кург. 11, погр. 2; Облои, кург. 3, погр. 1; Спасское, кург. 3, погр. 3; Рошканы, кург. 3, погр. 4 и др.), синхронизирующейся по инвентарю с позднейшими новочеркасскими памятниками, позволяет говорить о бытовании черногоровских памятников и на заключительном этапе предскифской эпохи (последняя четверть VIII – начало VII в. до н.э.) (Махортых, 1999. С. 80).

В целом же киммерийские памятники юга Восточной Европы подразделяются одним из авторов этой статьи на три хронологических горизонта: ранний, средний и поздний. Рассмотренные в этой работе черногоровские комплексы относятся к среднему хронологическому горизонту, основной период бытования которого приходится на VIII в. до н.э. В плане относительной хронологии (на основании корреляции выявленного в нем колчанного набора, парных височных подвесок и маленькой бляшки с петелькой, расположенной в центре обратной стороны щитка) захоронение из Заячьих Могил выглядит более архаичным, чем погребение у с. Высокое. Однако хронологический разрыв между этими двумя комплексами вряд ли был значительным.

Публикуемые комплексы дополняют немногочисленную серию памятников предскифского времени из бассейна р. Молочной и, надеемся, займут достойное место в изучении истории и культуры региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М., Чеботаренко Г.Ф. Поселение белозерской культуры Чобручи // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1990.

Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. М., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР. 13.06.85. № 21 110.

Березин Я.Б., Калмыков А.А. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Дослідження скіфського "царського" кургану Тащенак // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Ч. 1. Київ, 1991.

Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., Андросов А.В. Могильник у села Башмачка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.

Гордин И.А., Потапов В.В. Предскифские захоронения у с. Пешково // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991.

Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.

Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Клюшинцев В.Н. Погребения предскифского периода в южном Побужье // Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев, 1984.

Дворниченко В.В., Кореняко В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. 1985. № 2.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. Донецк, 1993.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк, 1997.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов-н/Д., 1988.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. Симферополь, 2000.

Копылов В.П., Лукьяшко С.И. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. 1995. Вып. 4.

Кореняко В.А., Максименко В.Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3.

Кубышев А.И. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА НАН. Украины 1974/8.

Ляшко С.Н. Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев, 1994.

Махортих С.В. Скарби VIII–VII ст. до н.е. на півдні Східної Європи // Археологія. 1996. № 4.

Махортых С.В. Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М., 1999.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч. II. М., 1974.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции в 1970 году // Археологические материалы Нижнего Подонья. М., 1974.

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.

Отрощенко В.В. Особенности погребений черногоровской группы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.

Отрощенко В.В., Черных Л.А. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-н/Д., 1998.

Потапов В.В. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. 1999. № 1.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев, 1999.

Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Шаповалов Т.А. Погребение предскифского времени в кургане Стрижена Могила // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей. Кемерово, 1987.

Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

The Cimmerian burials from the West Azov littoral

Yu.V. Boltrik, S.V. Makhortykh

Summary

The paper is devoted to the publication of the new Cimmerian burial assemblages from the West Azov littoral: burial 3 in mound 5 near the village Vysokoe, burial 3 in mound 2 of the kurgan group Zayach'i Mogily. Proceeding from the analysis of the burial rite and the funeral gifts which furnished the graves, the authors attribute the discussed complexes to Chernogorovo group of the sites of the pre-Scythian period and date them to the 8th c. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 128–134

ПУБЛИКАЦИИ

О НОВОМ ВАРИАНТЕ ЛУЧКОВЫХ ФИБУЛ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2003 г. А. С. Скрипкин

Волгоградский государственный университет

В сарматских погребениях фибулы относятся к наиболее точно датирующимся категориям находок. В большинстве публикаций, касающихся датировок сарматских погребальных комплексов с фибулами, авторы обычно обращаются к известной работе А.К. Амброза, посвященной этой категории находок на территории Восточной Европы (Амброз, 1966). С момента выхода в свет этой работы прошло уже достаточно много времени и естественно, что отдельные ее положения в свете новых материалов требуют коррективов. Это, в частности, касается лучковых фибул, часто встречаемых в сарматских погребениях.

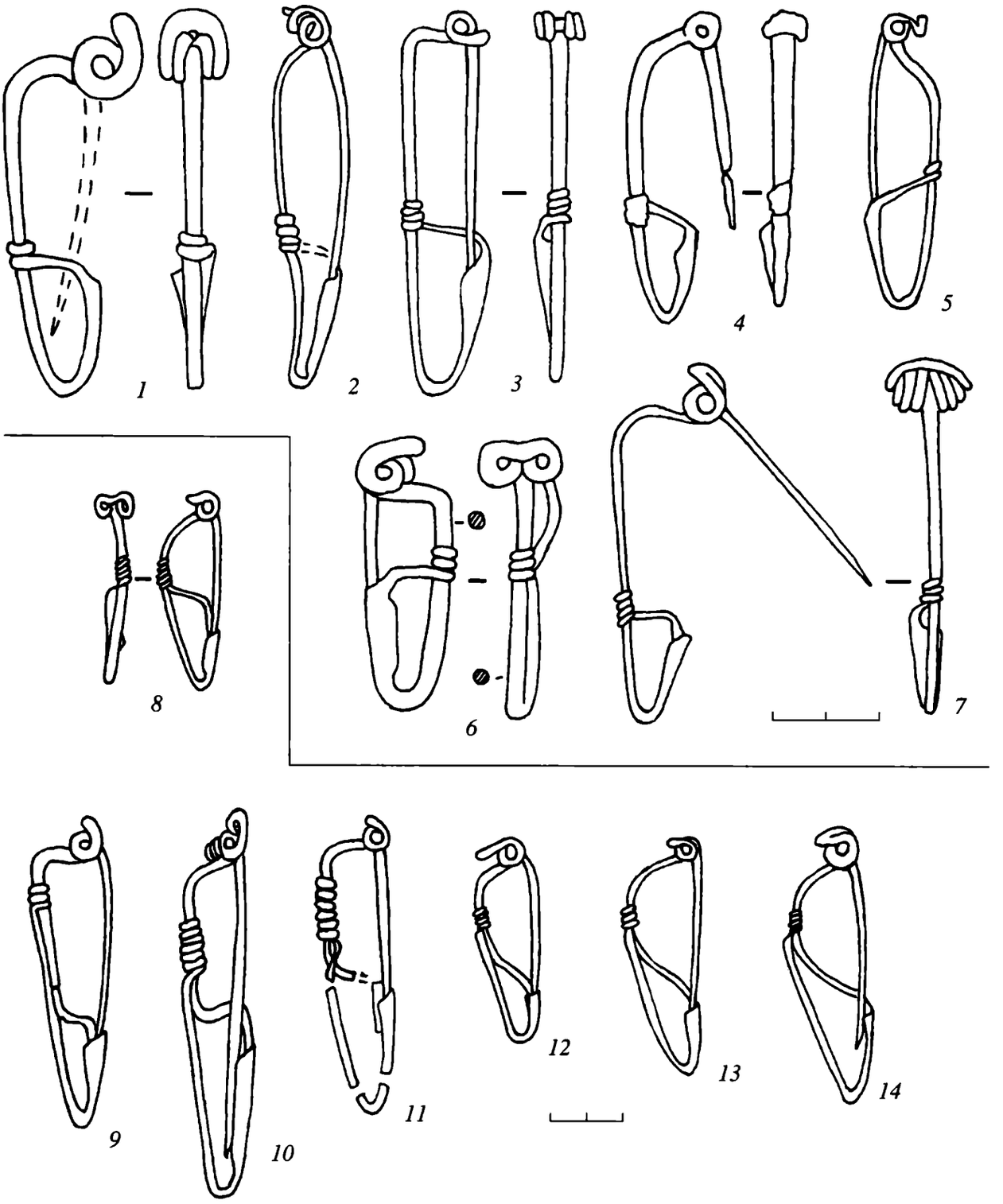
По основным особенностям конструкции А.К. Амброз разделил эти фибулы на несколько серий. Нас в первую очередь будут интересовать наиболее распространенные проволочные одночленные фибулы (серия I). А.К. Амброз выделил пять вариантов этой серии фибул, назвав отличительные признаки каждого их них. Наиболее ранний первый вариант, который он датировал I в. н.э. с акцентом на первой его половине, отличается слабой проковкой ножки, чаще с плавным, иногда с более крутым, изгибом спинки, с короткой завязкой, обычно располагавшейся посередине дужки. Но, судя по ссылкам на иллюстрации, изгиб спинки фибул этого варианта, всегда был плавный, дугообразный (рис. 1, *8*). Последующие варианты отличались усилением проковки ножки, увеличением длины намотки, большим изгибом дужки. У пятого варианта дужка уже нависает над пружиной. По А.К. Амброзу, все варианты этой серии лучковых фибул совокупно датируются с I по III в. н.э.

После выхода в свет работы А.К. Амброза сложилось устойчивое представление о том, что лучковые одночленные фибулы были распространены в первые три века н.э. Сам А.К. Амброз в определении времени существования каждого из вариантов этой серии фибул исходил из совокупной даты комплексов, в которых они были найдены, обычно в интерпретации авторов публикаций и раскопок.

Одной из первых попыток несколько удревнить дату появления лучковых подвязных фибул на материалах Беляусского могильника предпринял Б.Ю. Михлин, который высказал мнение о том, что ранний их вариант (1-й вариант, по А.К. Амброзу) мог датироваться и концом I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 205). Появление лучковых фибул во второй пол. I в. до н.э. считал возможным М.Ю. Трейстер (1982. С. 151).

Однако вплоть до последнего времени точка зрения о том, что лучковые фибулы датируются исключительно первыми веками н.э., оставалась незыблемой. Так позднескифские комплексы с совместными находками фибул среднелатенской конструкции и лучковых из могильника у с. Красный Маяк были датированы авторами публикации по лучковым фибулам I в. н.э. (Гей, Бажан, 1990. С. 134–142). Открытые на Иловле бесспорно раннесарматских погребений с лучковыми фибулами И.В. Сергацков счел возможным датировать началом I в. н.э или даже его первой половиной. В датировке комплексов этой культуры, окончание которой еще недавно датировали II в. до н.э., основную роль сыграло представление о дате ранних типов лучковых фибул (Сергацков, 1995. С. 148–158; 2000. С. 150–157). В.П. Глебов, учтя новейшие находки раннего варианта лучковых фибул, в том числе и с монетами, допускал возможность их датировки временем до рубежа эр, в то же время на основании все тех же лучковых фибул 1-го варианта, по А.К. Амброзу он предложил датировать завершение раннесарматской культуры "в пределах второй пол. I в. до н.э. (вероятно, ближе к концу столетия) – первой пол. I в. н.э." (Глебов, 2000. С. 181).

К настоящему времени появилась группа ранних лучковых фибул, которые по своим признакам, как мне представляется, не нашли должного отражения в классификации А.К. Амброза. В статье в качестве примера я привожу семь экземпляров таких фибул (рис. 1, *1–7*), происходящих из сарматских погребальных комплексов и отличающихся следующими признаками: спинка низкая с сильным прогибом у пружины, в ряде случаев она нависает над пружиной (рис. 1, *1,7*) или изогнута под прямым углом (рис. 1, *3, 6*), или изгиб этот достаточно очевиден (рис. 1, *2,4,5*); проковка ножки очень слабая или вообще отсутствует; завязка, обеспечивающая крепление приемника к спинке, в несколько витков (2–4 витка); тетива пружины верхняя; спинка и игла располагаются практически параллельно друг другу. Это фибулы из погр. 1 кург. 3 могильника Черебаево; погр. 1 кург. 31 Ливенцовка VII; погр. 2 кург. 6 Писаревка II; погр. 9 кург. 1 Петрунино II;



1–7 – фибулы из сарматских погребений (*1* – Черебаево, кург. 3, погр.1; *2* – Ливенцовка VII, кург. 31, погр. 1; *3* – Писаревка II, кург. 6, погр. 2; *4* – Петрунино II, кург. 1, погр. 9; *5* – Шаумяна, кург. 13, погр. 1; *6* – Перегрузное I, кург. 16, погр. 1; *7* – Северо–Западный, кург. 1, погр. 3); *8* – первый вариант лучковых фибул по А.К. Амброзу. *9–11* – среднелатенские фибулы, "неапольский" вариант по Б.Ю. Михлину; *13*, *14* – среднелатенские фибулы, "беляусский" вариант по Б.Ю. Михлину.

погр. 1 кург. 13 Шаумяна; погр. 1 кург. 16 Перегрузное; погр. 3 кург. 1 Северо-Западный. Видимо, сарматских комплексов с фибулами этого варианта было несколько больше, но о некоторых из них трудно судить, поскольку они сохранились во фрагментированном состоянии, например из погр. 3 кург. 4 могильника Петрунино II или погр. 9 кург. 10 могильника Барановка I на Иловле (Сергацков, 2000. С. 164, 165). Возможно, к этому варианту относились фибулы, найденные в погр. 2 кург. 7 Быковского могильника в Волгоградском Заволжье (Смирнов, 1960. С. 191. Рис. 9, *3*) и в погр. 8 из

кург. 4 могильника Найденовский в Ростовской области (Глебов, 2000. С. 171. Рис. 1). Но не имея полной информации о них, я не счел возможным включить их в свою сводку. По внешнему виду выделенный вариант фибул довольно близко напоминает некоторые конструкции среднелатенских фибул, особенно их "неапольский" вариант, которые также имеют низкую спинку с сильным изгибом у пружины. Особенности формы рассматриваемых здесь фибул не соответствуют сложившимся представлениям об их эволюции. Сильная прогнутость спинки, иногда с нависанием ее над пружиной, считалась признаком, характеризующим поздний вариант лучковых фибул (Амброз, 1966. С. 51; Скрипкин, 1977. С. 102; Косяненко, 1987. С. 53–58).

Посмотрим, как могут датироваться охарактеризованные выше лучковые фибулы по материалам тех комплексов, в которых они были найдены. В некоторых из них находились вещи, которые имеют достаточно или относительно точные даты. Так, например, в ограбленном погр. 1 из кург. 13 могильника Шаумяна на Дону с фибулой (рис. 1, *5*) были обнаружены две монеты, одна из которых Митридата VI Евпатора (90–80 гг. до н.э.), другая – Асандра (49–45 гг. до н.э.), что позволяет датировать это погребение по крайней мере второй пол. I в. до н.э. В.П. Глебов, анализировавший эту находку, ссылается на мнение С.И. Безуглова, высказанное им в пока не опубликованной работе, что вероятность значительного запаздывания этих монет в погребении очень мала и что попали они туда скорее всего в 40–30 гг. до н.э. (Глебов, 2000. С. 180).

Фибула из погр. 3 кург. 1 могильника Северо-Западный под Ростовом (рис. 1, *7*) была обнаружена вместе с "мегарской" чашей, наибольшее распространение которых приходится на II в. до н.э. (Шелов, 1969. С. 220–240). В меньшем количестве они встречаются и в первой половине I в. до н.э. (Внуков, Коваленко, 1998. С. 61). Предположительно "мегарская" чаша из этого комплекса относится к одному из поздних вариантов (Глебов, 2000. С. 171).

Значительный интерес в отношении датировки представляет комплекс, включающий два погребения в деревянных колодах, находящихся в одной могильной яме из могильника Писаревка II, кург. 6, погр. 1, 2. Здесь в одной из колод (погр. 2) вместе с фибулой (рис. 1, *3*) была обнаружена бронзовая ажурная пряжка со сценой нападения пантеры на верблюда. Пряжки с аналогичной сценой или с лежащим верблюдом, заключенным в рамку, происходят из сарматских погребений, обычно датирующихся II–I вв. до н.э. (Королькова, 1999. С. 79, 80; Скрипкин, 2000а. С. 141, 142; 2000б. С. 24, 25). Другой вещью в этом комплексе, которая может дать относительную дату – это железный кинжал, относящийся к числу парадных. Он имел деревянные ножны, покрытые золотой фольгой, его ручка также была украшена орнаментированной золотой полоской. Клиновидная форма лезвия и фрагменты разрушенного навершия свидетельствуют скорее всего о том, что этот кинжал имел серповидное навершие. В таком случае его можно отнести к серии парадных кинжалов, достаточно широко представленных в сарматских погребениях II–I вв. до н.э. (Мордвинцева, Шинкарь, 1999. С. 138–148; Зуев, 2001. С. 174–179). Кроме того, в писаревском погр. 2 была найдена золотая накладная пластина, по мнению автора раскопок В.И. Мамонтова, являющаяся украшением колчана. Ближайшая аналогия ей – золотая пластина, украшавшая ножны кинжала, происходит из погр. 4 кург. 27 Жутовского могильника, К этому следует добавить, что в жутовском погребении, так же как и в писаревском, была найдена витая золотая лента, имеющая в том и другом случаях отношение к колчану. Жутовское погребение достаточно убедительно может быть включено в группу сарматских погребений, датирующихся II–I в. до н.э. В.И. Мордвинцева предлагала более узкую его дату конец II – начало I в. до н.э. (Мордвинцева, 1994. С. 99).

Единственной находкой в писаревском погребении, не согласующейся в хронологическом отношении с уже перечисленными вещами, является бронзовое зеркало с валиком по краю, клиновидным штырем для насадки ручки и полуовальной выпуклостью в центре диска. Это зеркало относится к типу, который условно принято называть "бактрийским". В сарматских памятниках Волго-Донского региона их сейчас известно более двух десятков экземпляров, причем в большинстве своем они датируются I в. н.э. (Скрипкин, 1990. С. 152). В Северном Причерноморье зеркала этого типа датируются I – началом II в. до н.э. (Симоненко, 2000. С. 142). До сих пор не было отмечено ни одного случая нахождения зеркал этого типа в одном комплексе с мечем, имеющим серповидное навершие, и ажурной пряжкой. Правда в случае с мечем из писаревского погр. 2 мы предполагаем, что он имел серповидное навершие.

На Кубани этот тип зеркал, по И.И. Марченко, появляется гораздо раньше на рубеже II–I вв. до н.э., наибольшее распространение они получают в I в. до н.э. и существуют до середины I в. н.э. (Марченко, 1996. С. 23). Знакомство с комплексами, опубликованными И.И. Марченко, в состав которых входят зеркала рассматриваемого типа, позволяет считать, что на Кубани появление таких зеркал происходит по крайней мере в I в. до н.э.

Зеркала рассматриваемого типа были распространены на достаточно большой территории. Они известны в Средней Азии, Иране, Индии и даже во Вьетнаме. Б.А. Литвинский в работах, опубликованных им в 70-е годы прошлого века, полагал, что эти зеркала зарождаются в Средней Азии,

скорее всего в Бактрии в III в. до н.э., а широкое распространение они получают там в II–I вв. до н.э. Он же предложил условно называть этот тип зеркал "бактрийским" (Литвинский, 1971. С. 46; 1978. С. 81–85).

В более позднее время Б.А. Литвинский пересматривает свою точку зрения на датировку зеркал с умбоном, отнеся ее к I в. до н.э. – III(IV?) в. н.э. (Литвинский, Седов, 1984. С. 56).

Ю.А. Заднепровский, основываясь на находках этих зеркал на территории Индии, пришел к выводу, что они там существовали в основном с I в до н.э по II в. н.э. Это время совпадает с периодом становления и расцвета Кушанского государства. Он также полагал, что этим же временем рассматриваемые зеркала датируются на всей территории их распространения: в Афганистане, Средней Азии и у сарматов от Южного Урала до Дона. Вопрос о первоначальном месте их появления он оставлял открытым (Заднепровский, 1993. С. 88–92).

Из предыдущих раскопок в волго–донском регионе только одно зеркало аналогичного типа было обнаружено в погр. раннесарматской культуры. Это женское погребении 9 из кург. 8 в могильнике близ с. Заплавное Волгоградской области (Мошкова, 1963. С. 42. Табл. 28, *22*). Оно было найдено вместе с костяным навершием гребня, украшенного головками коньков, находка весьма характерная для раннесарматского времени. В этом кургане находилось девять близких по времени сарматских погребений. Материалы их не выразительны, однако, например, в погр. 3 был найден железный кинжал с серповидным навершием и колчан с 30 экземплярами железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, что с определенной долей вероятности может свидетельствовать о его времени (Шилов, 1958. С. 64–71). Гребень, кинжал с серповидным навершием вкупе с исключительно железными черешковыми наконечниками стрел – позволяют датировать по крайней мере погр. 3 и 9 позднепрохоровским временем, видимо, того же времени и остальные сарматские погребения в этом кургане.

Возможно, этого же типа и фрагментированное зеркало из раннесарматского погр. 8 кург. 30/6 у хут. Попов (Столяр, 1958). Однако остается неизвестным была ли у него ручка, и если была, то какую форму она имела, поскольку в сарматских погр.х встречаются зеркала с умбоном в центре диска и прямой ручкой (тип 6.5, по моей классификации), дата которых не совпадает с датой зеркал с таким же умбоном, но клиновидной ручкой, о которых и идет речь (Скрипкин, 1990. С. 152).

Таким образом, погребение 2 с лучковой фибулой и с определенными чертами раннесарматской культуры из писаревского кург. 6 вполне может быть датировано I в. до н.э. А найденное в нем зеркало с валиком и полусферической выпуклостью на диске и клиновидным штырем для ручки следует считать одной из наиболее ранних находок зеркал этого типа в сарматских памятниках волго-донского региона.

Из семи приведенных в статье комплексов с лучковыми фибулами четыре по набору вещей и некоторым деталям погребального обряда определенно относятся к раннесарматской культуре (Ливенцовка VII, кург. 31, погр. 1; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Петрунино II, кург.1, погр. 9; Северо–Западный, кург. 1, погр. 3). Особенно выразительным в этом плане является петрунинское погребение. Здесь во впускном погребении в продолговатой яме было обнаружено бронзовое зеркало с валиком по краю диска и штырем для ручки, меч с серповидным навершием, костяная проколка, горшок, орнаментированный пучками полос, опускающихся от горла к дну. Все эти вещи типичные для раннесарматской культуры, но они не могут уточнить дату фибулы, обнаруженной вместе с ними. Единственно, на что следовало бы обратить внимание, это на находки из другого раннесарматского погребения (№ 14) в том же кургане, скорее всего, погр. 9 и 14 близки между собой по времени. Погребение 14, на мой взгляд, имеет более определенную дату, благодаря найденной в нем бронзовой ажурной пряжке со сценой нападения пантеры на верблюда того же типа, что и в писаревском погребении только с более схематичным изображением. Подобные пряжки, как уже отмечалось, датируются II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2000а. С. 141, 142). Мне пока не известно ни одной такой пряжки в сарматских погребениях, убедительно датируемых I в. н.э.

Все четыре раннесарматских комплекса с лучковыми фибулами являются впускными в более ранние курганы. В двух случаях погребенные были ориентированы головой в южный сектор и столько же в северный

Три комплекса (Черебаево, кург. 3, погр. 1; Перегрузное кург. 16, погр. 1; Шаумяна, кург. 13, погр. 1) не имеют достаточно выраженных черт в плане отнесения их к той или иной сарматской культуре, хотя в большей степени они тяготеют к среднесарматской культуре. Во впускном черебаевском погребении был найден короткий (49 см) железный меч с кольцевым навершием, что в большей степени характерно для среднесарматской культуры, так как в раннесарматских погребениях встречающиеся мечи этого же типа имеют как правило гораздо большие размеры. Интересно перегрузнинское погребение женщины с ребенком в прямоугольной яме с округлыми углами, которое являлось основным и единственным в кургане. Среди бус, найденных в нем, было несколько плакеток из египетского фаянса с изображением скарабеев. Все это свидетельствует вроде бы о среднесарматском возрасте этого погребения. При всем при этом

погребенные в нем были ориентированы головами не в традиционный для этой культуры южный сектор, а в северный. Погребение в курганной группе Шаумяна было совершено в широкой прямоугольной яме (2,8 × 2,1 м) под индивидуальной насыпью. К сожалению, оно оказалось ограбленным, что не дает более полного представления о деталях его обряда. Есть мнение, что это "типичное захоронение начала среднесарматской культуры" (Глебов, 2000. С. 179).

Выше я обращал внимание на северную ориентировку погребенных. Совокупно, если учесть, что в одном случае положение погребенного не установлено (Шаумяна, кург. 13, погр. 1), она встречена в половине погребений, в трех из шести. Это интересный факт, так как ориентировка погребенных головой в северный сектор не является типичной чертой ни для раннесарматской, ни для среднесарматской культур в волго–донском регионе. Однако в сарматских комплексах с узкой датой II–I вв. до н.э. северная ориентировка погребенных преобладает на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье (Глебов, 1993. С. 22–24; Симоненко, 1993. С. 23). Совокупный процент погребений с северной ориентировкой, строго датируемых тем же временем, в Поволжье и Подонье составляет около 20, тогда как в комплексах I в. н.э. эта ориентировка встречается как исключение. Такая черта для рассматриваемых погребений с фибулами, как преобладание сооружения их в более древних курганах (5 случаев из семи), также характерна для раннесарматского времени. Ко всему следует добавить, что пока не отмечено ни одного случая нахождения рассматриваемого здесь варианта лучковых фибул в диагональных погребениях, широкое распространение которых приходится на I–II вв. н.э. Погребение из могильника Шаумяна, имевшее широкую яму, оказалось ограбленным, и положение в нем погребенного не прослежено.

Подводя итоги этой части рассуждений, необходимо отметить, что встречаемость рассматриваемого варианта фибул в комплексах с различными типами вещей и некоторые черты, имеющие отношение к погребальному обряду, не исключают возможность датировки их временем до рубежа эр. Это мнение находит подтверждение во все более увеличивающемся числе случаев нахождения в одном комплексе ранних лучковых фибул с фибулами среднелатенской схемы. В первую очередь это позднескифские могильники: Усть-Альминский (Зайцев, 1997. С. 156–166), Красный Маяк (Гей, Бажан, 1990. С. 134–142), Битак (раскопки А.Е. Пуздровского, 1990 г., материалы не опубликованы).

Видимо, в позднескифских погребальных памятниках Крыма начинают встречаться первые образцы лучковых фибул (Зайцев, 1997. С. 165; Зайцев, Мордвинцева, 2001[1]). Так в Усть-Альминском некрополе в склепе № 390 было совершено 30 погребений, разделяемых на три горизонта. К нижнему горизонту относится находка фибулы среднелатенской схемы "неапольского" варианта и двух лучковых железных фибул. В следующем горизонте было обнаружено еще две бронзовые лучковые фибулы, которые по форме очень близки приведенным выше фибулам из сарматских погребений. Ю.П. Зайцев отметил, что совместное нахождение среднелатенских фибул "неапольского" варианта с лучковыми фибулами сопровождалось другими относительно ранними находками для позднескифской культуры. Дата всех захоронений склепа № 390, по его мнению, конец II – середина I в. до н.э. Верхнюю дату ограничивает амфорный материал, обнаруженный в провале камеры. Ю.П. Зайцев делает вывод о том, что первые лучковые фибулы в позднескифских памятниках могли появиться еще в конце II в. до н.э. и сосуществовать некоторое время с латенскими. Прототипами для них были фибулы "неапольского" варианта, являвшиеся сугубо местным типом застежек (Зайцев, 1997. С. 165, 166).

Идею о зависимом происхождении лучковых фибул от среднелатенских высказывал еще А.К. Амброз (1966. С. 9, 48), теперь она существенно подкрепляется конкретными находками. Выше уже говорилось, что выделенные мною в отдельный вариант лучковые фибулы обладают рядом черт, сближающих их со среднелатенскими фибулами "неапольского" варианта (рис. 1, *9–11*). Вероятно, промежуточное положение между среднелатенскими и лучковыми фибулами занимают фибулы так называемого "беляусского" варианта, которые во многом сходны с лучковыми фибулами, сохраняя только лишь среднелатенский способ завязки ножки (рис. 1, *12–14*).

Наблюдения показывают, что ранние образцы лучковых фибул, копируя форму среднелатенских фибул, в морфологическом отношении не обладают единством (фибулы из Усть–Альминского склепа № 390; Битакских склепов № 105 и 124). Это естественно для раннего периода становления типа, когда его отличительные признаки только формируются.

Сосуществование среднелатенских и ранних образцов лучковых фибул было, видимо, достаточно долгим. Этот период времени характеризовался постепенным замещением первых фибул вторыми. Так в погр. 80 Нижне-Гниловского некрополя лучковая и среднелатенская фибула "неапольского" варианта найдены вместе с вещами, достаточно хорошо датирующимися I в. н.э.[2] В Северном При-

[1] Случаи парадоксальной хронологии в варварских памятниках Северного Причерноморья II–I вв. до н.э. // Доклад, прочитанный на научном семинаре "Античность и варварский мир". Краснодар, июнь 2001 г.

[2] Устное сообщение автора раскопок В.К. Гугуева.

черноморье известны случаи отдельных находок фибул среднелатенской схемы в комплексах, датирующихся первыми веками н.э., когда лучковые фибулы являлись уже в этих местах ведущим типом (Кропотов, 2001. С. 182–189). Да и в Западной Европе фибулы среднелатенской конструкции в ряде случаев доживают до I в. н.э. (Скрипкин, 1997. С. 116–120). Но все эти случаи есть лишь reminiscentia ушедшего прошлого.

Что касается общей даты выделенного нового варианта лучковых фибул в сарматских погребениях, то она, видимо, должна определяться в рамках I в. до н.э. – начала I в. н.э. Наиболее поздней из них является находка фибулы в перегрузнинском кург. 16, возможно, это относится и к фибуле из черебаевского кург. 3, но в отношении даты первой можно высказаться более определенно. Уже отмечалось, что перегрузнинское погребение сооружено под индивидуальной насыпью и в нем были найдены бусы из египетского фаянса, чаще встречаемые в I в. н.э. Кроме того, в погребении найден еще бронзовый браслет с конусовидными шишечками на концах, имеющий достаточно много аналогий в памятниках I в. н.э. в Крыму и на Нижнем Дону (Арсеньева, 1970. С. 138; Косяненко, 1987. С. 50).

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее, находки лучковых фибул в раннесарматских погр.х волго–донского региона все чаще используются как доказательство существования раннесарматской культуры какое–то время в I в. н.э., однако, как показывают вышеизложенные факты, убедительных оснований для этого пока нет. Полагаю, что наступило время основательной типологической и хронологической проработки всего фибульного материала Северного Причерноморья и прилежащих к нему районов. К этому обязывает как накопившийся новый материал, так и увеличившаяся возможность получения независимых датировок различных типов фибул по другим, достаточно хорошо датируемым категориям находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30.

Арсеньева Т.М. Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.

Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Глебов В.П. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону // Вторая Кубанская археологич. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1993.

Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000.

Заднепровский Ю.А. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и Южного Вьетнама // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7.

Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.

Зуев В.Ю. К разработке хронологии сарматских древностей II–I вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Матер. междунар. научн. конф. Ч. 2. СПб., 2001.

Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. 1999. № 34.

Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2

Кропотов В.В. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.

Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.

Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3.

Мордвинцева В.И. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8.

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический сборник. Вып. 2. Волгоград, 1999.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Д1–10.

Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1.

Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симоненко А.В. Китайские и "бактрийские" зеркала у сарматов Северного Причерноморья // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Київ, 2000.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина "На рубеже эр" (Санкт–Петербург, 1994) // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000б. Вып. 3.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.

Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попов в 1950–1951 гг. // МИА. 1958. № 62.

Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Вып. II. Краснодар, 1982.

Шелов Д.Б. Находки в Танаисе "мегарских" чаш // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969.

Шилов В.П. Отчет о работах Астраханской экспедиции // Архив ИА РАН. 1958. Р-1. № 1850.

Concerning the new variant of the arc fibulae from the Sarmatian burials in the Volga and the Don interfluve

A. S. Skripkin

Summary

In the publication the author makes an attempt to single out the new variant of the arc fibulae originating from the Sarmatian burials discovered in the Volga and the Don basins (Fig. 1, 1–7). The artefacts are typified by some indications observed in the fibulae of the Middle La Tène sequence, namely, those attested to the Neapolis and Belyaus variants. The analysis of the chronological position of the burials yielding the discussed fibulae, as well as analogous artefacts from the late Scythian sites of the Crimea enables the author to date the beginning of their production in the North Pontic area to much earlier period. He suggests the 1st c. BC as the date for this event, instead of the early 1st c. AD, as it was believed before.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 135–154

ПУБЛИКАЦИИ

ПОДВЯЗНЫЕ ФИБУЛЫ В ВАРВАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

© 2003 г. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева

Крымский филиал ИА НАН Украины, Симферополь

Подвязные проволочные фибулы – категория вещей, характерная исключительно для культур Северного Причерноморья и прилегающих территорий.

Фибулы подвязной конструкции были рассмотрены О. Альмгреном и М. Эбертом, которые высказали предположение об их самостоятельном развитии из фибул среднелатенской схемы (Almgren, 1897. S. 71–74; Ebert, 1911. S. 232). А.И. Фурманская присоединилась к этой точке зрения при публикации коллекции фибул из раскопок Ольвии (Фурманська, 1953. С. 82).

Развернутую типологию подвязных фибул в их хронологическом развитии впервые предложил А.К. Амброз (1966. С. 48–57). В основу его типологической классификации был положен принцип хронологической сменяемости типов. Эволюцию лучковых подвязных фибул он рассматривал на примере пяти вариантов. Каждый последующий вариант представлялся как смена предыдущего, т.е. каждому типу фибулы соответствовал определенный хронологический период. Абсолютные даты фибул определялись А.К. Амброзом в соответствии с хронологическими рамками комплексов, в которых они были найдены. При этом исследователь исходил из существующих в то время датировок и предполагал, что в будущем они могут быть уточнены (Амброз, 1966. С. 13). Первый, наиболее ранний вариант был датирован им I в. н.э., преимущественно его первой половиной (Амброз, 1966. С. 48). Появление же подвязной конструкции отнесено к концу I в. до н.э. (Амброз, 1966. С. 55, 56, 92).

Хронологическая и типологическая схема развития подвязных фибул А.К. Амброза была безоговорочно принята в отечественной науке, а попытки скорректировать ее были единичны. Б.Ю. Михлин понизил дату застежек среднелатенской схемы до конца II – рубежа II–I вв. до н.э., а лучковые фибулы подвязной конструкции осторожно предложил датировать концом I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 200, 205). Удревнить датировки А.К. Амброза позволили наблюдения над стратиграфией и планиграфией погребальных комплексов Беляусского некрополя, предоставившие данные для их точной относительной хронологии, а также присутствие в них большого количества импортной керамики. В более поздней совместной работе О.Д. Дашевская и Б.Ю. Михлин датировали несколько нестандартных фибул с нижней подвязкой концом II – первой половиной I в. до н.э. (Дашевская, Михлин, 1983. С. 132–135).

Несмотря на появление данных статей, эволюционная схема А.К. Амброза продолжала использоваться для хронологических построений в отечественных исследованиях практически без изменений. Однако подвязные фибулы все чаще стали находить в комплексах раннего культурного облика, обычно датирующихся II–I вв. до н.э. Этот факт послужил основанием для выводов об омоложении некоторых археологических культур (Гей, Бажан, 1990. С. 138; Скрипкин, 1992. С. 4–9; 1997. С. 116–119; Сергацков, 1995; 2000а. С. 165–167, 243), хотя существуют и другие мнения по поводу датировок таких комплексов (Глебов, 2000. С. 181).

В ситуации с сарматскими погребениями Поволжья фибулы в большинстве случаев действительно оказываются чуть ли не единственным надежным датирующим материалом. Поэтому находки фибул подвязной конструкции ранних вариантов в погребениях раннесарматской культуры с необходимостью должны были инициировать вывод о повышении ее конечной даты. Иначе обстоит дело с северопричерноморскими (рис. 1) комплексами, абсолютная дата которых может быть более четко обоснована благодаря находкам в них других, не менее информативных в хронологическом отношении предметов.

Рассмотрим несколько примеров.

В склепе № 124 Битакского могильника[1] (рис. 1, *1*; рис. 2), содержавшем останки шести человек, при последнем погребении была обнаружена *крупная железная фибула с широкой 7-витковой пружиной, изогнутой под прямым углом спинкой и длинным подвязным приемником, осью пружины служил бронзовый стержень* (рис. 2, *9*; рис. 3, *3*). Это погребение сопровождали гончарная чашка (рис. 2, *4*; рис. 4, *24*) и бронзовая пряжка с неподвижным крючком-выступом (рис. 2, *11*;

[1] Авторы выражают благодарность А.Е. Пуздровскому за разрешение использовать неопубликованные материалы.

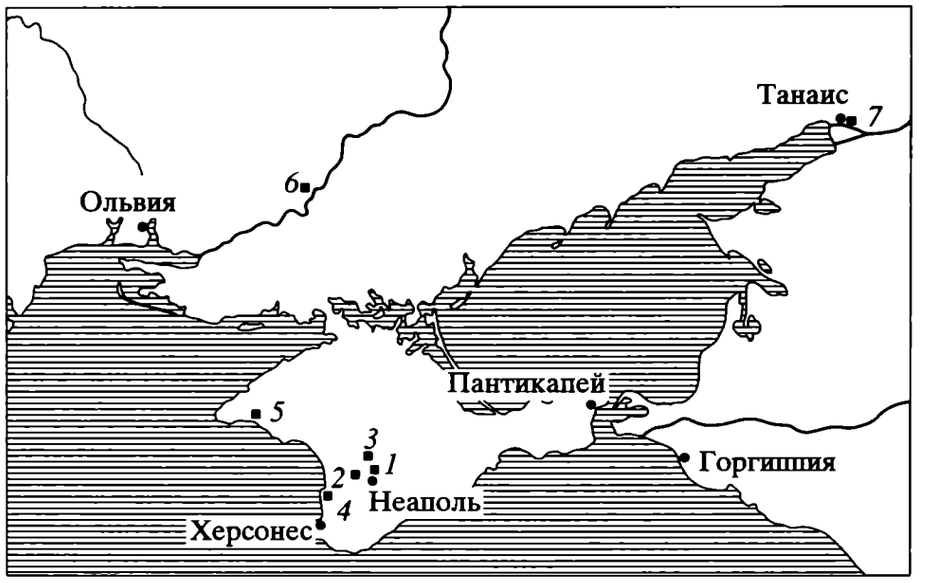


Рис. 1. Комплексы с фибулами подвязной конструкции в Северном Причерноморье. *1* – Битак; *2* – Кольчугино; *3* – Дмитрово; *4* – Усть-Альма; *5* – Беляус; *6* – Красный Маяк; *7* – Северо-Западный I.

рис. 5, *12*). Более ранние захоронения склепа сопровождались характерным набором предметов, среди которых особо следует отметить две бронзовые фибулы среднелатенской схемы: "неапольского" варианта (рис. 2, *7*; рис. 3, *2*) и с треугольно расширенным концом ножки (рис. 2, *2*; рис. 3, *1*).

Склеп № 4 Дмитровского могильника[2] (рис. 1, *3*; рис. 6) содержал останки девяти человек, из которых два последних костяка сохранились в анатомическом порядке. Среди костей более ранних захоронений была найдена *бронзовая фибула с 14-витковой пружиной с железной осью и подвязным приемником*, аналогичная железной фибуле из битакского склепа № 124 (рис. 6, *8*; рис. 3, *7*). Вместе с фибулой обнаружены веретенообразный унгвентарий (рис. 4, *21*; рис. 6, *10*), бронзовое зеркало (рис. 4, *3*; рис. 6, *9*), железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 6, *7*; рис. 4, *5*), четыре бронзовых браслета (рис. 6, *1–3*, *12*), выразительный набор бус (рис. 6, *11*; рис. 7, *1*), железный нож, бронзовый наконечник ножен (рис. 5, *2*; рис. 6, *5*), железная пряжка с неподвижным язычком-выступом (рис. 5, *10*; рис. 6, *6*).

В склепе № 105 Битакского могильника (рис. 1, *1*; рис. 8) среди костных останков трех наиболее ранних мужских погребений найдены: *железная фибула с 4-витковой пружиной, плавно изогнутой спинкой и подвязным приемником* (рис. 3, *5*; рис. 8, *2*), бронзовая фибула среднелатенской схемы с треугольно расширенным концом ножки (рис. 3, *4*; рис. 8, *15*), три массивных железных поясных крюка с отпечатками кожаных ремней (рис. 5, *7–9*; рис. 8, *5–7*), фрагменты железных ножей (рис. 8, *3*, *20*), три бронзовых пластинчатых наконечника ножен (рис. 8, *1*, *4*, *10*; рис. 5, *3–5*), бронзовая пряжка с неподвижным язычком-выступом и два бронзовых кольца, составлявшие один поясной набор (рис. 5, *17–19*; рис. 8, *13–14*, *19*). Среди находок из трех более поздних погребений склепа, которые сохранились в анатомическом порядке, следует отметить массивную лепную шаровидную курильницу на ножке (рис. 4, *22*; рис. 8, *12*).

Склеп № 97 Битакского могильника (рис. 1, *1*; рис. 9). В центральной части камеры обнаружены частично сдвинутые и перемешанные кости не менее пяти погребенных. Среди них найдена *массивная железная фибула с 4-витковой пружиной, изогнутой под прямым углом спинкой и нижней подвязкой* (рис. 3, *6*; рис. 9, *4*). Из других находок наиболее показательны: краснолаковая чашка (рис. 4, *23*; рис. 9, *2*), бронзовое навершие с зооморфными окончаниями (рис. 4, *4*; рис. 9, *6*), железный нож в бронзовом пластинчатом наконечнике ножен (рис. 5, *1*; рис. 9, *7*) и четыре бронзовых наконечника стрел с остатками древок (рис. 4, *6–7*; рис. 9, *8*, *11*, *13*). Наиболее позднее погребение сохранилось у входа в анатомическом порядке. На его тазовых костях лежал поясной набор, состоящий из бронзовой восьмеркообразной пряжки (рис. 5, *13*; рис. 9, *15*) и двух бронзовых колец (рис. 5, *14*, *15*; рис. 9, *16*).

Кург. 4, погр. 9 у с. Кольчугино[3] (рис. 1, *2*; рис. 10). В Т-образной катакомбе были последовательно захоронены два человека. Более раннее погребение сопровождала *крупная бронзовая фибула с 9-витковой пружиной, в которую была вставлена деревянная (!) ось, и подвязным приемником необычной конструкции* (рис. 3, *12*; рис. 10, *1*). С более поздним погребением связаны желез-

[2] В первой публикации склепа при его описании были допущены неточности (Высотская, Махнева, 1983. С. 68, 69).

[3] См.: Щепинский, 1970.

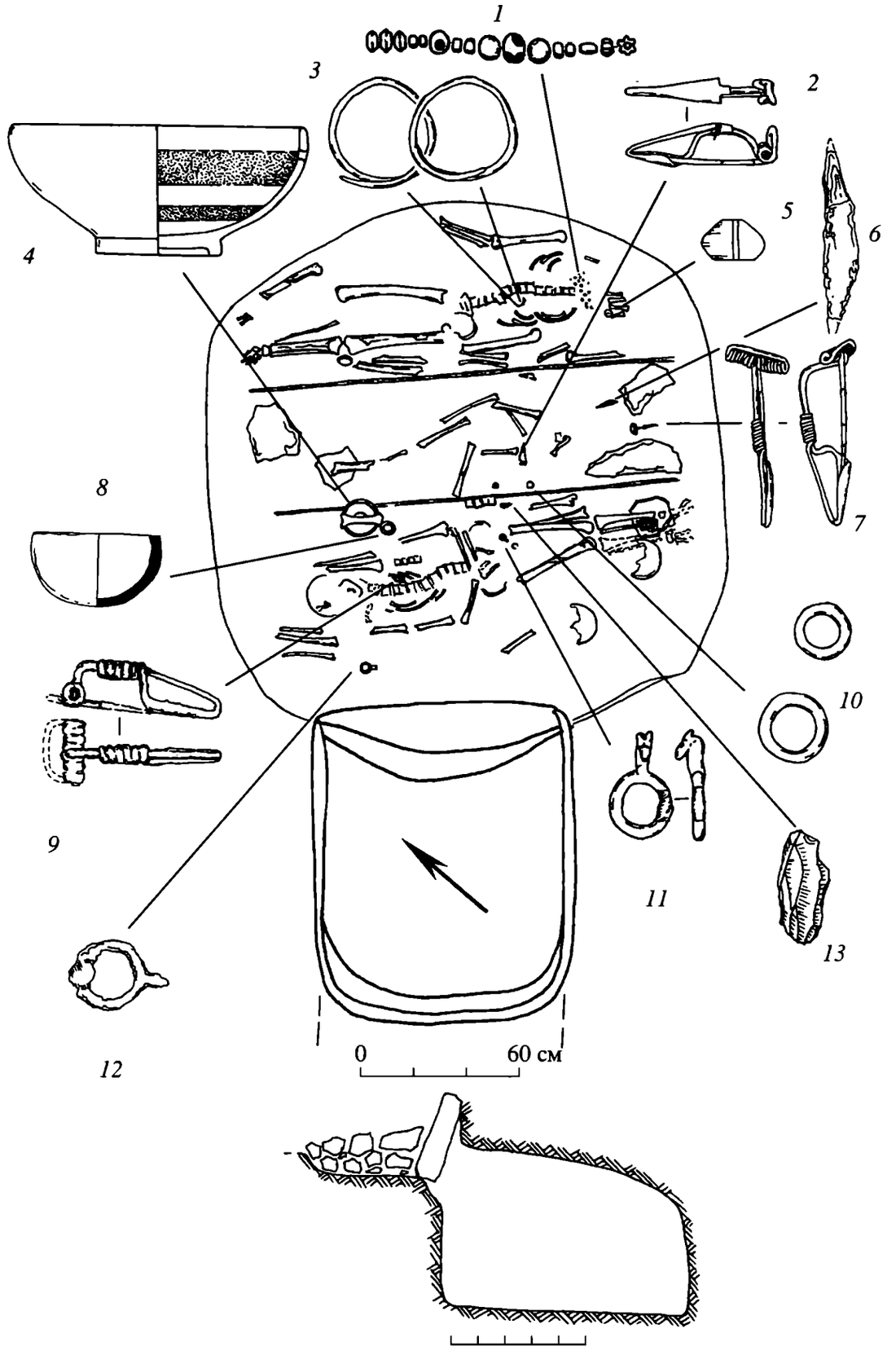


Рис. 2. Склеп № 124 Битакского могильника.

ный нож, лепной кувшин и наконечник копья (рис. 10, *2*, *3*).

Склеп № 390 Усть-Альминского некрополя (Зайцев, 1997а) (рис. 1, *4*; рис. 11). Из нижнего, наиболее раннего горизонта происходят фрагменты *двух железных фибул с подвязным приемником* (рис. 3, *9*; рис. 11, *2*). В одном из захоронений среднего горизонта обнаружены *две миниатюрные*

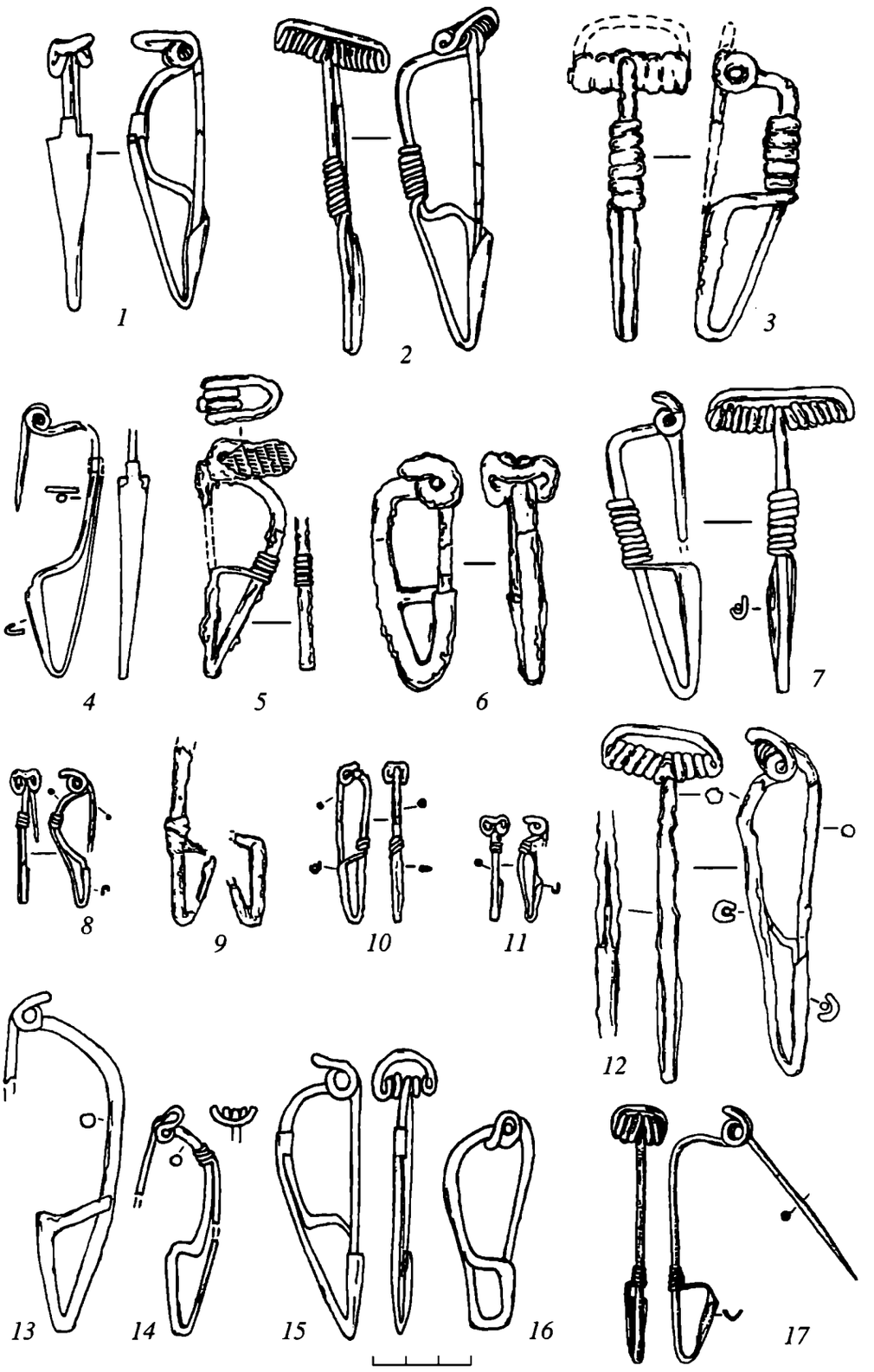


Рис. 3. Фибулы. *1–3* – Битак, склеп № 124; *4–5* – Битак, склеп № 105; *6* – Битак, склеп № 97; *7* – Дмитрово, склеп № 4; *8–11* – Усть-Альма, склеп № 390; *12* – Кольчугино, кург. 4 погр. 9; *13*, *14* – Красный Маяк, склеп № 44; *15*, *16* – Красный Маяк, склеп № 47 (по: Гей, Бажан, 1990); *17* – Северо-Западный I, кург. 1, погр. 3 (по: Власкин, 2000).

бронзовые фибулы с подвязным приемником (рис. 3, *10*, *11*; рис. 11, *26*, *27*). После окончания совершения захоронений в склепе свод камеры рухнул, а образовавшийся провал был заполнен грунтом, в котором обнаружено большое количество керамических сосудов. Показательно, что в средней части этого заполнения зафиксирована двуствольная ручка светлоглиняной широкогорлой ам-

Рис. 4. Предметы из погребений. *1*, *14–16*, 20 – Северо-Западный I, кург. 1 погр. 3 (по: Власкин, 2000); *2*, *4*, *6–7*, *23* – Битак, склеп № 97; *3*, *5*, *19*, *21* – Дмитрово, склеп № 4; *8*, *22* – Битак, склеп № 105; *9–13*, *17–18* – Усть-Альма, склеп № 390 могильника; *24* – Битак, склеп № 124.

форы, а в нижней – фрагменты ручки родосской амфоры с остатками прямоугольного клейма, буролакового блюда, украшенного пальметками и концентрическими насечками, венчик и ручка буролакового канфара, украшенная цилиндрическим налепом (Зайцев, 1997а. С. 156, 157).

Хронологические позиции перечисленных комплексов можно определить различными путями.

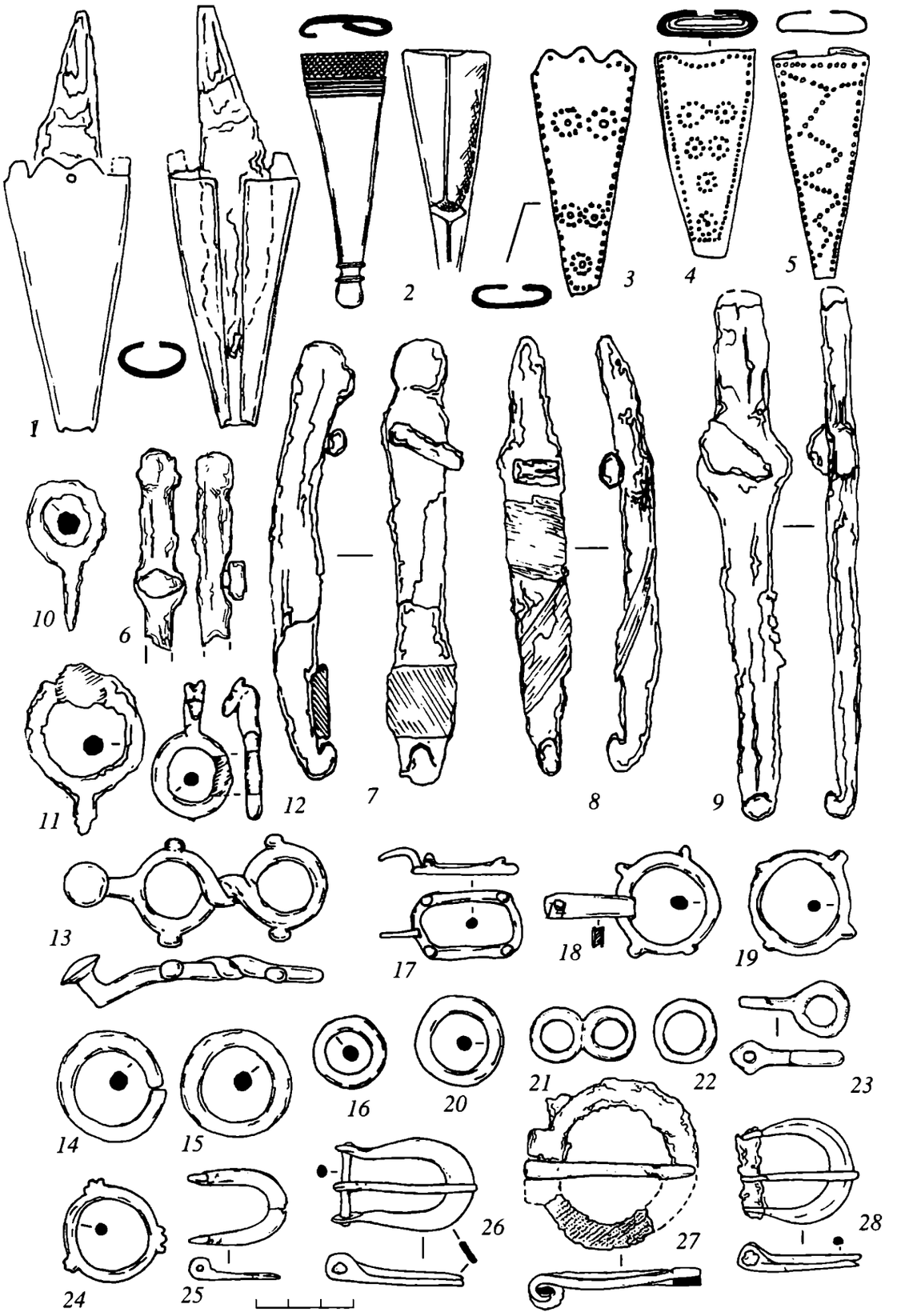


Рис. 5. Предметы из погребений. *1, 13–15, 24* – Битак, склеп № 97; *2, 10* – Дмитрово, склеп № 4; *3–5, 7–9, 17–19* – Битак, склеп № 105; *6, 21–23, 25–28* – Усть-Альма, склеп № 390; *11–12, 16, 20* – Битак, склеп № 124.

Первое направление – это традиционное определение даты погребения по вещам, которые в нем встречены. Другое – это комплексное сопоставление периодизации городищ и связанных с ними некрополей и на этом основании выделение узко датированных этапов их функционирования. Для получения объективной картины логично использовать оба метода.

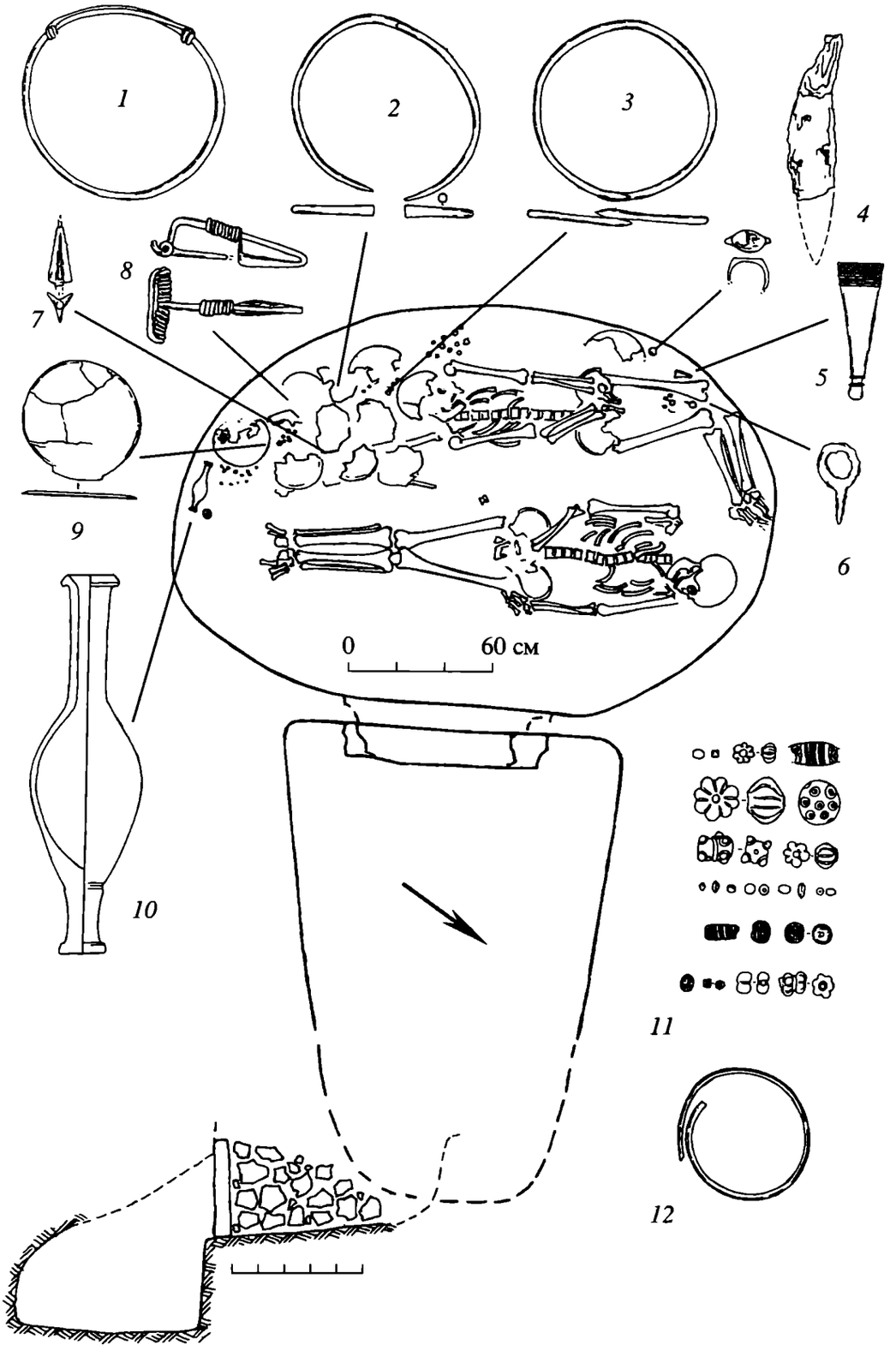


Рис. 6. Склеп № 4 могильника Дмитрово.

В публикуемых комплексах встречены следующие типы погребального инвентаря, которые можно рассматривать в роли хроноиндикаторов.

Керамика (рис. 4). В битакском склепе № 105 найдена *курильница* классического позднескифского типа (рис. 4, *22*). Они известны только в Крыму и считаются наиболее ярким признаком позднескифской культуры. О.Д. Дашевская в специальной работе датирует такие сосуды II–I вв. до н.э. При этом крупные сосуды с гладким корпусом она считает наиболее ранними. Сосуды, украшенные резным орнаментом, датируются концом II – первой половиной I в. до н.э. Затем их размер и массивность уменьшаются, а орнаментация ста-

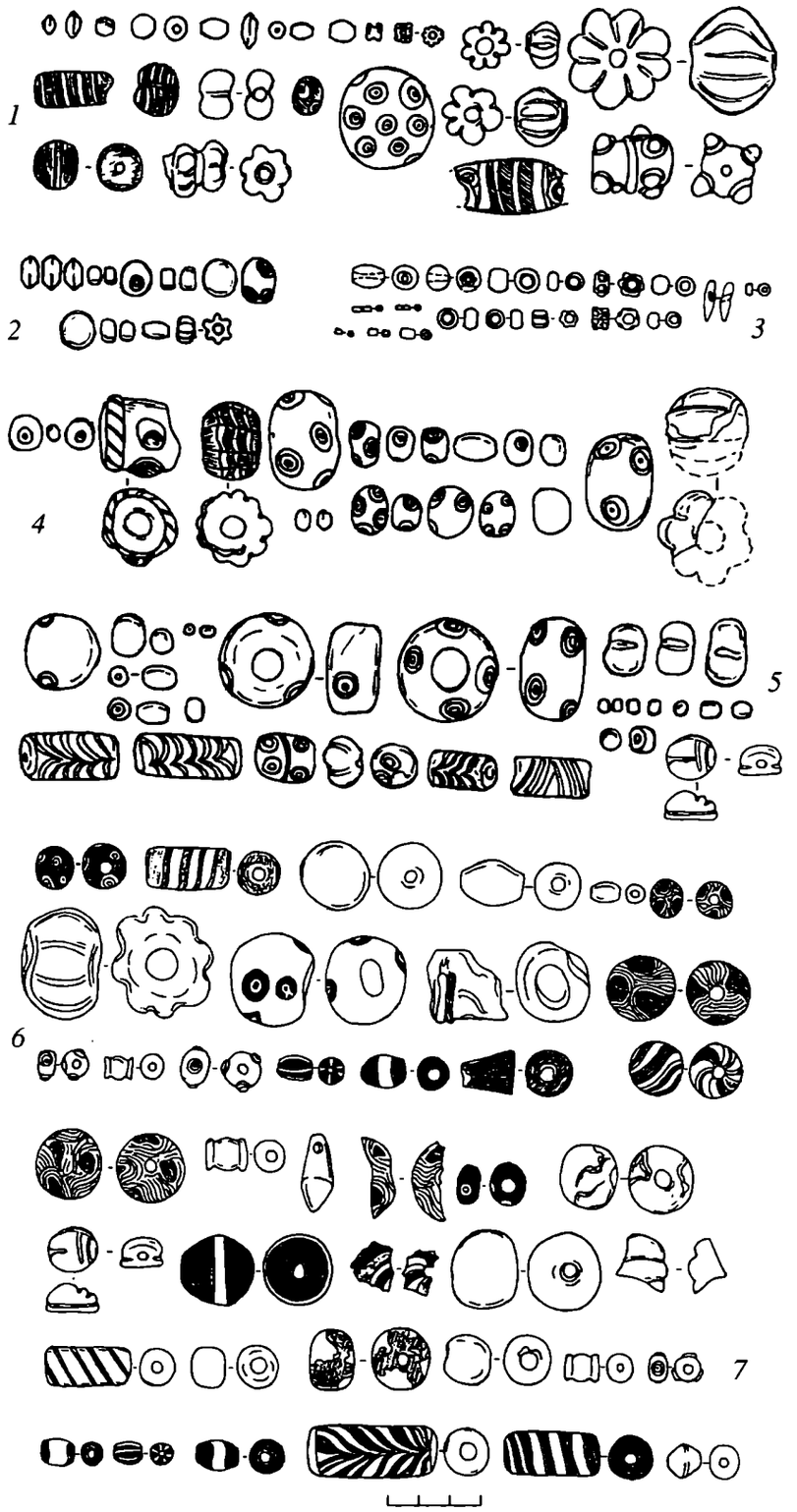


Рис. 7. Наборы бус. *1* – Дмитрово, склеп № 4; *2* – Битак, склеп № 124; *3* – Северо-Западный I, кург. 1 погр. 3 (по: Власкин, 2000); *4* – Битак, склеп № 97; *5* – Красный Маяк, склепы № 44, 47 (по: Гей, Бажан, 1990); *6* – Усть-Альма, склеп № 390 (нижний ярус); *7* – Усть-Альма, склеп № 390 (средний ярус).

новится более сложной (Дашевская, 1980. С. 27). На основании современных данных эта схема может быть откорректирована. Представительная выборка фрагментов курильниц, подобных битакской, происходит из культурных отложений Южного дворца Неаполя скифского, которые надежно датированы последней третью II в. до н.э. (Зайцев, 1997б. С. 46. Рис. 5). По нашим наблюдениям, уже в первой половине I в. до н.э. стенки у таких курильниц становятся значительно тоньше, изменяется форма ножки.

В Дмитровском склепе № 4 обнаружен *унгвентарий* веретенообразной формы с высоким узким горлом и низкой ножкой (рис. 4, *21*). Такие

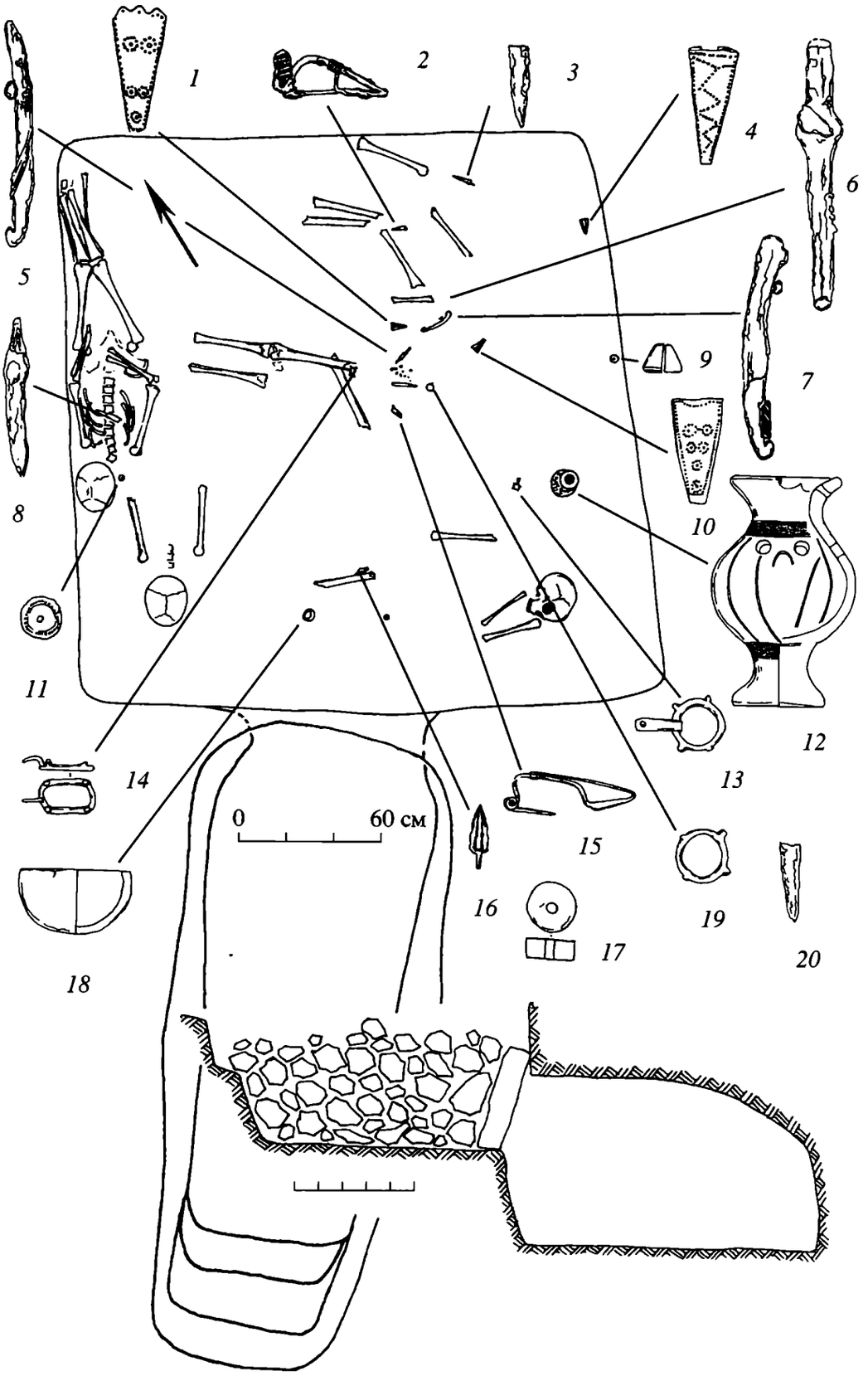


Рис. 8. Склеп № 105 Битакского могильника.

флаконы были широко распространены на территории Северного Причерноморья и всего античного мира (Погребова, 1961. С. 197, 198; Парович-Пешикан, 1974. С. 110, 111; Сымонович, 1983. Табл. 13, *1–3*; Марченко, 1996. С. 41; Anderson-Stojanović, 1987). Дмитровский унгвентарий относится к типу Д по классификации С. Другу, который в Македонии датируется 140–130 гг. до н.э. (Drougou, 1991. Вклейка), а в некрополе Тарента – вторая пол. II в. до н.э. (Hempel, 2000. S. 432.

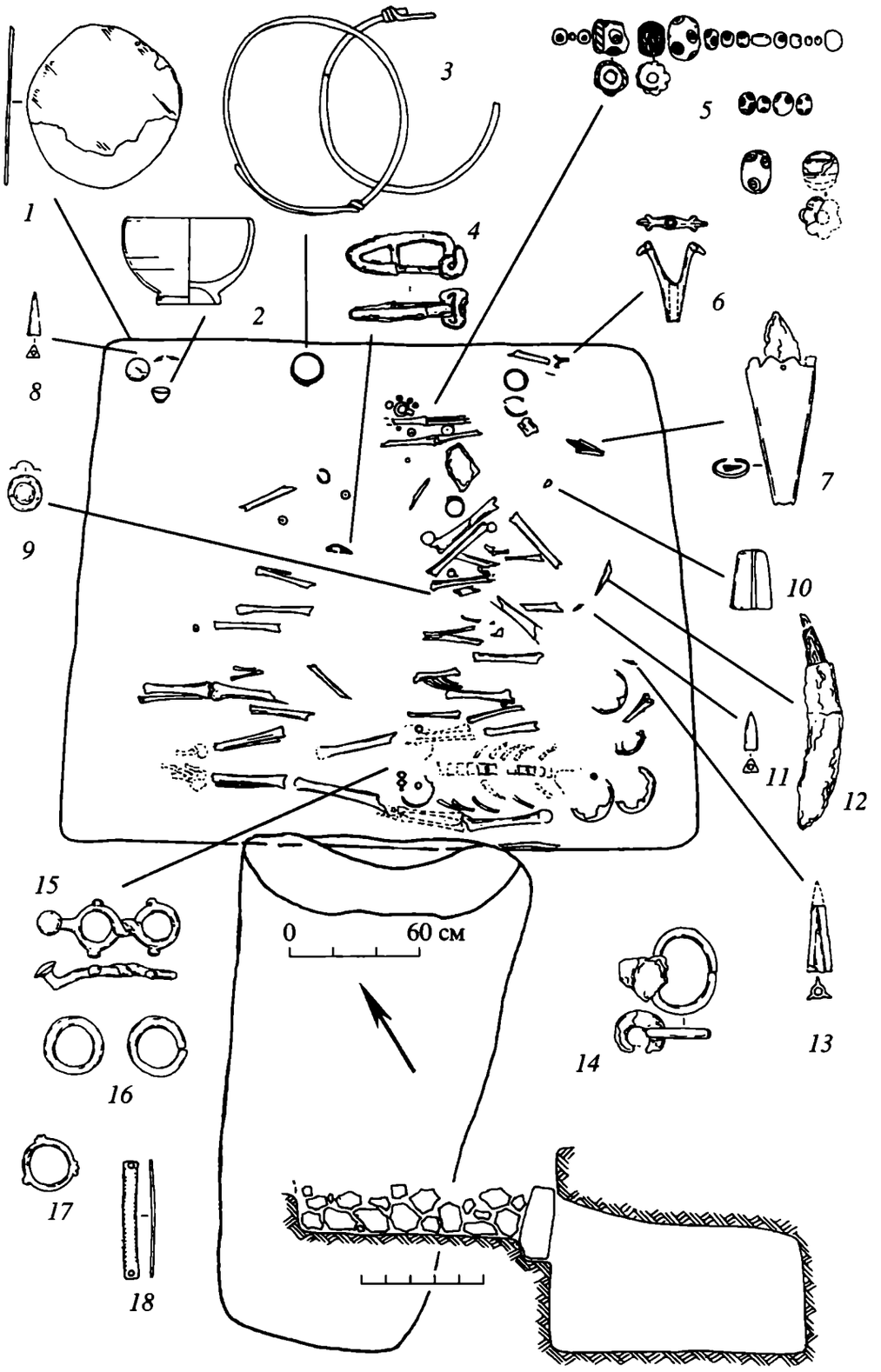


Рис. 9. Склеп № 97 Битакского могильника.

Phase E2). Такие же флаконы найдены в гробницах 1 и 2 Артюховского кургана (Максимова, 1979. Арт. 34, 92). Эти две гробницы являются одними из наиболее надежно и узко датированных комплексов С. Причерноморья позднеэллинистического периода (140–125 гг. до н.э.) (Максимова, 1979. С. 8). Аналогичные флаконы известны также в отложениях Южного дворца Неаполя скифского, где они найдены вместе с родосскими клеймами (рис. 12, *46–48*) V хронологической группы 150–108 гг. до н.э. по В. Грэйс или 145–114 гг. до н.э. по Г. Финкельштейну (Finkielsztejn, 2000. P. 219).

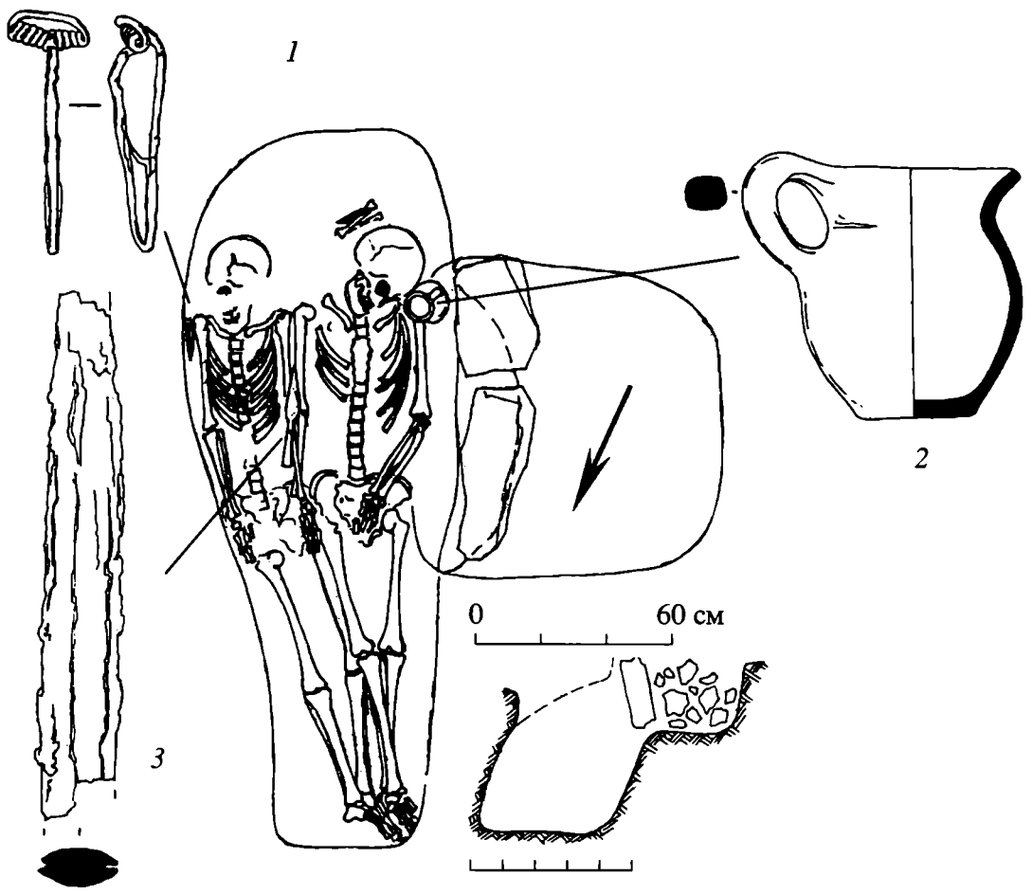


Рис. 10. Погр. 9 кург. 4 у с. Кольчугино.

В сарматских и позднескифских комплексах, некрополях греческих городов и поселений унгвентарии сами выступают в роли хроноиндикаторов. Нужно отметить, что ситуация с их хронологическими позициями в Северном Причерноморье неоднозначна. Большинство датировок построено на принципах эволюционного их развития и сменяемости типов (например: Tompson, 1934; Парович-Пешикан, 1974. С. 110, 111; Марченко, 1996. С. 41–44), хотя упомянутые комплексы Артюховского кургана и Неаполя скифского демонстрируют более сложную картину одновременного сосуществования нескольких типов этих сосудов во второй пол. II в. до н.э. Существует также тенденция широко датировать веретенообразные флаконы, найденные в сарматских погребениях (Raev, 1986. P. 41[4]; Скрипкин, 1984. С. 223; Марченко, 1996. С. 41–44 и др.). При этом, как видно, античные памятники дают более узкую их дату. Можно было бы традиционно объяснить это противоречие "запаздыванием" данных предметов в варварской среде. Однако ценность таких сосудов нельзя преувеличивать, особенно вблизи античных центров (Танаис, города и поселения Таманского полуострова и пр.), где располагается большинство сарматских захоронений с унгвентариями, в то время как в сарматских погребениях Поволжья их находки единичны (Мордвинцева, 1994. С. 99; Мордвинцева, Шинкарь, 1991. С. 148. Рис. 6, *3*). Малое их количество может объясняться не труднодоступностью и дороговизной подобных вещей в варварской среде, а другими причинами. Унгвентарии – специфический сосуд для хранения ароматических масел. Логично предположить, что у варваров греческий обычай использования ароматических масел, в том числе в погребальном обряде, не получил широкого распространения. Отсюда и редкость находок таких сосудов. Таким образом, для широкой датировки веретенообразных флаконов нет оснований. Видимо, следует ограничить время их бытования в Северном Причерноморье второй пол. II – рубежом II–I вв. до н.э., поскольку надежно датированных комплексов I в. до н.э. с такими флаконами пока не известно[5].

[4] Ссылка Б.А. Раева на то, что такие флаконы имеются в крымских комплексах I в. н.э. (Raev, 1986. P. 41. Note 389; Высотская, 1972. С. 126. Рис. 146) не точна. На с. 126 у Т.Н. Высотской воспроизведены комплексы со стеклянными бальзамариями и амфорами III в. н.э., а рисунка № 146 в монографии нет.

[5] Известен комплекс (Алитуб, к. 3, п. 20), который вроде бы позволяет однозначно датировать подобный флакон I в. до н.э. (Захаров, 2000. С. 30, 38), поскольку он найден вместе со сковородкой типа Айлесфорд. Первоначальная дата этих сковородок (150–50 гг. до н.э.) была омоложена до 90–50 гг. до н.э. (Graue, 1974. S. 170. Abb. 55; Raev, 1986. P. 17), а сарматские комплексы с этими сосудами – до второй пол. I в. до н.э. (Раев, 1993. С. 174). Однако при обращении авторов к первоисточникам, в том числе к материалам некрополя Орнавассо, оказалось, что есть больше оснований доверять прежним датировкам.

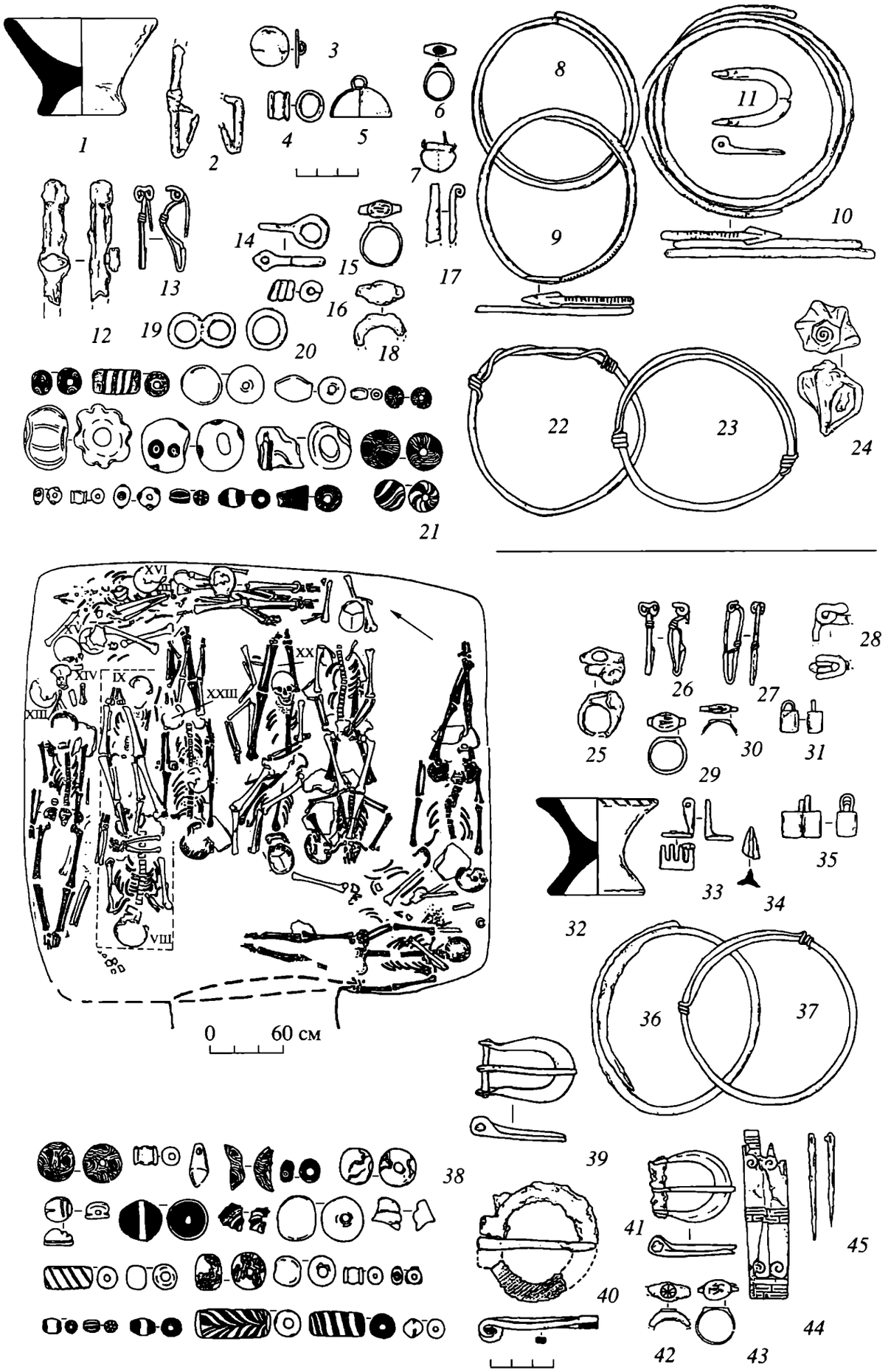


Рис. 11. Склеп № 390 Усть-Альминского могильника. *1–24* – средний ярус; *25–45* – нижний ярус.

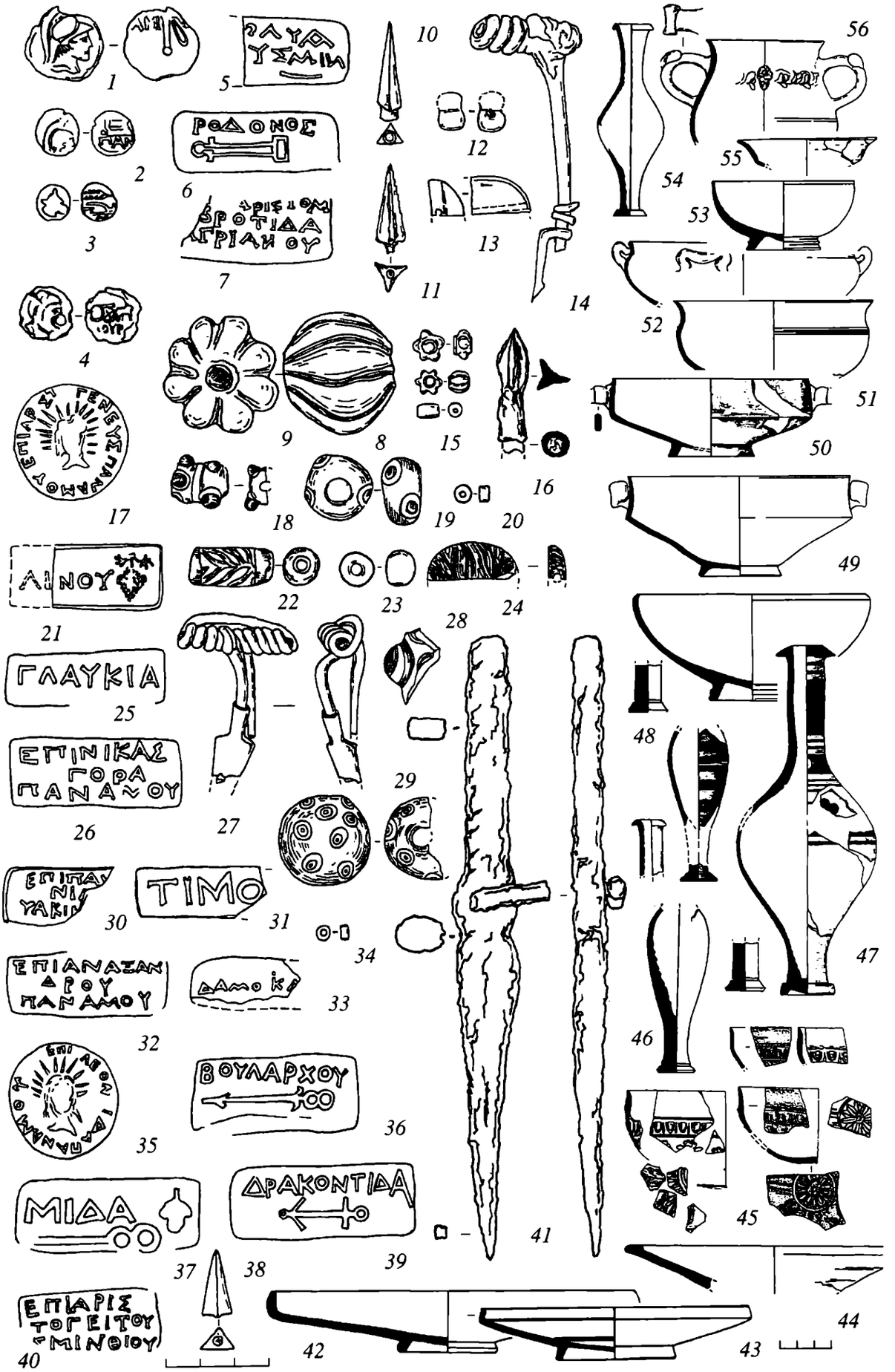


Рис. 12. Некоторые находки из Южного дворца Неаполя скифского (по: Зайцев, 1995а; 1997б; 1999а).

В склепе № 124 Битакского могильника обнаружена гончарная *чашка* из красно-коричневой, хорошо отмученной глины с известковыми включениями (рис. 4, *24*). На внутренней поверхности чашки нанесены две полосы росписи красной краской или жидким лаком. Точные аналогии этому сосуду не известны. Форма чашки не дает данных для узкой датировки, поскольку такие сосуды известны с III в. до н.э. по III в.н.э., поэтому в данном случае важен факт и характер ее росписи. Традиция покрывать сосуды черными и красными полосами краски или лака характерна для эллинистического времени. Наиболее близкие битакскому сосуды происходят из погр. 15 кург. 1 у с. Вилино Бахчисарайского р-на и из могилы 54 Восточного некрополя Неаполя скифского раннего хронологического горизонта (Раскопки В.Н. Хоменко и И.И. Лободы 1985 г., материалы не опубликованы). Близкие по оформлению тарелки О.Д.Дашевская датирует II в. до н.э. (Дашевская, 2001. С. 92, 93).

Из битакского склепа № 97 происходит миниатюрная полусферическая *чашка* с вертикальным венчиком и кольцевым поддоном, покрытая тусклой лаковой обмазкой оранжевого цвета (рис. 4, *23*). Круг аналогий этому сосуду настолько широк, что не имеет смысла датировать его по особенностям формы. Многие исследователи при публикации погребальных комплексов традиционно относят керамику с лаковым покрытием подобного качества, цвета и оттенков к I в. до н.э. – I в. н.э. (Михлин, 1980. С. 211, 213; Корпусова, 1983. С. 38–43). Покрытие с такими же характеристиками отмечено не менее чем на половине сосудов из материалов Южного дворца Неаполя скифского последней трети II в. до н.э. Например, два таких сосуда найдены in situ в слое пожара 1, который датируется 130-ми гг. до н.э. (Зайцев, 1998. № 23, 25).

Детали поясных наборов

В Крыму *пряжки с неподвижным язычком* (рис. 5, *10*, *11*, *17*) традиционно относятся ко II–I вв. до н.э. (Погребова, 1961. С. 124, 125. Рис. 9–11; Сымонович, 1983. С. 96. Табл. XXXIX; Дашевская, 1991. С. 36; 2001. Рис. 2, *10*; Внуков, Лагутин, 2001. Рис. 2, *11*, *16*, *40*; Зайцев, 2001. Рис. 8, *5.1*, *5.2*).

Восьмеркообразные пряжки и пряжки с боковым выступом (рис. 5, *13*) в сарматских памятниках датируются III–I вв. до н.э. (Мошкова, 1961. С. 293–307; 1963. С. 40), причем А.С. Скрипкин отнес их к первой хронологической подгруппе "вещей 1 списка", т.е. к началу упомянутого периода (Скрипкин, 1990. С. 171. Рис. 49).

Пряжек с зооморфным крючком (рис. 5, *12*) известно немного. Такие изделия были найдены: в Восточном некрополе Неаполя скифского (Сымонович, 1983. Табл. XXXIX, *4*), Беляусском некрополе (Дашевская, 2001. С. 94. Рис. 2, *17*) и в известном комплексе у с. Марьевка Николаевской области (Iakounina-Ivanova, 1927. Fig. 2). Наиболее точно датируется комплекс с такой пряжкой из Беляуса (склеп № 39): вторая пол. – последняя четверть II в. до н.э. (Дашевская, 2001. С. 95). Такие пряжки известны также в Югославии (Marić, 1962. Tabl. III, *14*), где были датированы концом II – первой пол. I в. до н.э. (Marić, 1962. S. 71).

Подковообразные пряжки (рис. 5, *25*, *26*, *28*) обычно датируются II–I вв. до н.э. (Погребова, 1961. С. 126). Две подобные пряжки найдены в погребениях XXV и XXVIII мавзолея Неаполя скифского, предположительно рубежа II–I вв. до н.э. – первой пол. I в. до н.э. (Зайцев, 1995б. С. 215).

Поясные (портупейные) крюки. В битакском склепе № 105 найдены три массивных железных пластинчатых крюка (рис. 5, *7–9*) с характерными отпечатками кожаных ремней на внутренней поверхности. Верхняя часть подобного крюка обнаружена среди костей наиболее ранних погребений склепа № 390 Усть-Альминского некрополя (рис. 5, *6*). Находки таких крюков in situ позволяют интерпретировать их в качестве портупейных. Эти предметы в Крыму традиционно датируются II–I вв. до н.э. (Сымонович, 1983. С. 85). Однако есть основания уточнить их датировку. Так, портупейный крюк найден в слое пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского, датирующегося 130-ми гг. до н.э. (рис. 12, *41*). Изделия такой же конструкции в большом количестве известны в погребениях III–I вв. до н.э. Прикубанья (Марченко, 1996. Рис. 56, *16*; 57, *4*; 98, *9*; 110, *1*) и Центрального Предкавказья, где они названы колчанными крюками (Абрамова, 1993. С. 76, 77). Крюки подобной конструкции были чрезвычайно широко распространены в европейских культурах латенского круга (Godłowski, 1974. Tab. XI; Brandt, 2001. Taf. 15, *1*; 17, *5*; 8, *2*) периодов C1–D1 (250–60 гг. до н.э.).

Наконечники ножен. В склепе № 97 Битакского могильника найден бронзовый пластинчатый наконечник кожаных ножен с фигурным верхним краем (рис. 5, *1*). В него был вставлен железный нож с остатками деревянной ручки. Три таких же предмета с остатками кожаных футляров внутри происходят из склепа № 105 того же могильника. Все они украшены пунсонным орнаментом (рис. 5, *3–5*). Наконечник, конструктивно более сложный, также с остатками кожаного футляра (рис. 5, *2*), обнаружен в склепе № 4 могильника Димитрово.

Такие предметы ранее интерпретировались как оконцовки ремней (Сымонович, 1983. С. 95; Дашевская, 1991. С. 36). Однако находка ножа в одном из них позволяет однозначно определить их назначение как наконечников кожаных футляров ножей. В подтверждение такой интерпретации можно привести находки аналогичных наконечников боевых ножей в Болгарии, где они обнаруже-

ны в комплексах позднеэллинистического времени (Теодосиев, Торбов, 1995. Обр. 16, 21, 32).

Все без исключения находки таких предметов в Северном Причерноморье происходят из комплексов II в. до н.э. – рубежа II–I вв. до н.э. (Зайцев, 1999а. С. 137. Сноска 59). В Центральном Предкавказье известны два аналогичных предмета, которые были определены М.П. Абрамовой как обкладки каких-то кожаных футляров. Они относятся к наиболее ранней из выделенных ею хронологических групп – III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 77, 78). Два подобных наконечника недавно были опубликованы среди материалов могильника типа Поянешты-Лукашевка (Смирнова, Мегей, 2000. Рис. 5, *36*; 7, *55*). Авторами публикации эти предметы были ошибочно определены как наконечники ножен римских гладиусов типа Майнц и датированы концом I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. (Смирнова, Мегей, 2000. С. 170, 171), что послужило основанием для повышения верхней даты могильника. Приводимые авторами предметы аналогичны позднескифским, наконечники же гладиусов типа Майнц (Bishop, Coulston, 1993. Fig. 38, 2) от них существенно отличаются.

Предметы вооружения. Четыре *бронзовых наконечника стрел* (рис. 4, *6–7*) из склепа № 97 Битакского могильника сами по себе несомненно датируются IV–III вв. до н.э. (Степи..., 1989. Табл. 31, *23*, *24*). Показательно, что они были положены в склеп в качестве боевого оружия, поскольку были найдены с остатками древков во втулках. Этот комплект можно рассматривать как полноценный набор, малочисленность которого является характерной чертой позднескифских захоронений ранней группы. Исходя из этого, значительный хронологический разрыв даты наконечников и комплекса, в котором они найдены, вряд ли возможен.

Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел из Дмитровского склепа № 4; (рис. 4, *5*) и битакского склепа № 105 (рис. 4, *8*) отличаются вытянутыми пропорциями головки и узкими лопастями, что в большей степени характерно для раннего периода распространения железных черешковых наконечников. В целом, такие наконечники стрел датируются II в. до н.э. – I в. н.э. (Мошкова, 1963. С. 82; Литвинский, 1965. С. 77. Рис. 24; Марченко, 1996. С. 66).

Бусы (рис. 7). Представительные наборы бус происходят из склепа № 4 могильника Дмитрово (рис. 7, *1*), склепов № 124 (рис. 7, *2*) и № 97 (рис. 7, *4*) Битакского могильника, и из нижнего и среднего ярусов склепа № 390 Усть-Альминского некрополя (рис. 7, *6*, *7*).

Традиционно для датировки бус принято использовать работу Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982). В последнее время в археологической литературе стало распространенной практикой составлять корреляционные схемы для уточнения даты комплексов, основанные на этой работе (Марченко, 1996. С. 146; Храпунов и др., 1997. С. 100–119; Сергацков, 2000а. С. 144–156. Табл. 1–19; 2000б. С. 115–117 и др.). Однако выводы, сделанные с помощью таких методов, нельзя считать корректными по нескольким причинам. Датировки типов бус в своде Е.М. Алексеевой даются списком, без обоснования. Информация по датировке комплексов, которую использовала исследовательница, изначально неравноценна. Наряду с хорошо документированными и датированными погребениями (некрополи Ольвии, Беляуса, Новоотрадного, Фанагории, Кеп, Тирамбы и Беглицкой косы) были привлечены депаспортизованные, часто смешанные комплексы (материалы раскопок XIX – первой пол. XX в., особенно Херсонеса и Пантикапея) (Алексеева, 1975. С. 10). Отсюда неизбежны случаи широких или неточных датировок, которые корректируются современными исследованиями (Марченко, 1996. С. 146–149; Столярова, 2001. С. 194–222). Кроме того, при поиске аналогий по Е.М. Алексеевой, исследователи практически никогда не обращаются к первоисточнику, а также часто игнорируют разницу между датировкой типа по одному или по многим комплексам. В ссылках и те, и другие выглядят уже одинаково.

Попробуем датировать бусы из публикуемых комплексов иначе – исходя из наблюдений, сделанных при полевых исследованиях и обработке музейных коллекций из позднескифских комплексов Крыма. На современном уровне изучения материала узко ограничить время бытования какого-либо типа бус нереально. Это возможно только для локальных групп памятников. В публикуемых погребениях встречены практически все типы бус (рис. 12, *9*, *12*, *15*, *18–20*, *22*, *23*, *29*, *34*), найденные в слоях Южного дворца (последняя треть II в. до н.э) и ранних захоронениях мавзолея (Погребова, 1961. Рис. 37, 38; Зайцев, 1999а. С. 138. Рис. 4). На наш взгляд, в данном случае важны не хронологические позиции каждого типа бус в отдельности, а состав их наборов, который абсолютно соответствует упомянутым неапольским находкам.

Зеркала. В рассматриваемых комплексах найдены два зеркала одного типа – круглые, плоские, небольшого диаметра, без ручки, вырезанные из тонкого бронзового листа (рис. 4, *2*, *3*). Эти зеркала относятся к типу VI по А.М. Хазанову, (1963. С. 58), отделу I типу 1 по М.Г. Мошковой (1963. Табл. 27), типу 1 варианту 1, по А.С. Скрипкину (1990. С. 93. Рис. 34, 44) и т.д. Они в большом количестве встречаются в памятниках позднескифской и сарматской культур. Их датировки варьируют в диапазоне от III–II вв. до н.э. до I в. н.э., причем большинство исследователей отдает предпочтение I в. до н.э. – I в. н.э. Данный тип зеркал является самым простым из возможных и скорее всего существовал на

протяжении нескольких веков практически без изменений (Хазанов, 1963. Рис. 1).

Навершие-"вилочка". Найдено в битакском склепе № 97 (рис. 4, *4*). Подобные предметы изредка встречаются в памятниках скифского и позднескифского времени (Фиалко, Болтрик, 2000. С. 287–294). Назначение их окончательно не выяснено, скорее всего это были какие-то ритуальные предметы. В позднескифской культуре они известны только в ранней группе памятников (Дашевская, 1991. Табл. 74, *7–9*).

Перстни. В представленной выборке погребений имеется 10 перстней, из которых пять бронзовых (рис. 4, *10*, *12*, *13*, *18*, *19*) и три железных цельнометаллических, один железный с бронзовой вставкой (рис. 4, *11*) и один бронзовый с гранатовой вставкой (рис. 4, *9*). Из этих перстней все бронзовые экземпляры, а также бронзовый щиток железного перстня украшены врезными изображениями. Мода на цельнометаллические перстни характерна для III–II вв. до н.э. (Трейстер, 1985. С. 130; Литвиненко, 1991. С. 15). Их истоки, вероятно, следует искать в перстнях "птолемеевского" типа. Кольца с гранатовыми вставками встречаются, начиная со II–I вв. до н.э. (Дашевская, 1991. С. 39).

Фибулы. Кроме фибул подвязной конструкции в публикуемых комплексах были найдены фибулы других типов. Из усть-альминского склепа № 390 происходит миниатюрная проволочная фибула "беляусского" варианта (рис. 3, *8*). В склепе № 124 Битакского могильника обнаружены классический экземпляр проволочной среднелатенской фибулы "неапольского" варианта (рис. 3, *2*) и бронзовая фибула среднелатенской схемы с треугольно расширенным концом ножки (рис. 3, *1*). В склепе № 105 того же могильника найдена аналогичная фибула (рис. 3, *4*).

Фибулы *"беляусского" варианта* среднелатенской конструкции выделены Б.Ю. Михлиным, который датирует их первой пол. I в. до н.э. или в пределах всего столетия (Михлин, 1980. С. 201).

Современные датировки *"неапольского" варианта* среднелатенских фибул определяются в диапазоне конца II – 3-ей четверти I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 200), или более широко II–I вв. до н.э. (Захаров, 1989. С. 45). Как отметил Б.Ю. Михлин, из 12 фибул, которые послужили в свое время А.К. Амброзу для датировок, четыре происходят из наиболее ранних погребений мавзолея, а остальные не датируются (Михлин, 1980. С. 200). По современным хронологическим разработкам, все упомянутые погребения мавзолея относятся к последнему десятилетию II в. до н.э. – рубежу II–I вв. до н.э. (Зайцев, 1999а. С. 137. Рис. 4; 2001. С. 41–44). Такую же дату (посл. четв. II в. до н.э.) определила О.Д. Дашевская для захоронений склепа № 39 Беляусского некрополя, где фибула "неапольского" варианта сопровождала наиболее позднее погребение (Дашевская, 2001. С. 95)[6]. Наконец, фрагмент аналогичной фибулы найден в слое разрушения Южного дворца Неаполя скифского (рис.12, *14*).

Фибулы с *треугольно расширенным концом ножки* были отнесены А.К. Амброзом к 3 варианту "зарубинецких", из них только одна происходит из С. Причерноморья – мавзолей Неаполя скифского (Амброз, 1966. С. 17). К.В. Каспарова отмечает, что причерноморские фибулы этого варианта ближе не "зарубинецким", а "копьевидным" застежкам из Югославии (Каспарова, 1977. С. 75, 76; Еременко, 1997. С. 174). В настоящее время известно около 10 находок фибул такой конструкции из памятников Крыма. Все они подтверждают наблюдение К.В. Каспаровой (см., например: Marić, 1962. S. 69. Sl. 3). Современная их датировка – второй пол. II в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 203; Зайцев, 1999а. Рис. 1, Е1; 2001. С. 46. Рис. 6, *13*).

Таким образом, хронологические позиции большинства находок позволяют датировать публикуемые комплексы второй пол. II – началом I в. до н.э. Из них большинство захоронений можно датировать более узко: вторая пол. – последняя четверть II в. до н.э. И только один склеп (Усть-Альма, № 390) – несколько более поздний (рубеж II–I вв. до н.э. – первая пол. I в. до н.э.) (Зайцев, 1997а. С. 166).

Обратимся теперь к особенностям погребального обряда рассматриваемых комплексов. По целому ряду черт они относятся к наиболее раннему культурно-хронологическому пласту позднескифских древностей:

1. Использование склепов-катакомб, неустойчивость их типов: разнообразие форм камер, Т-образное и осевое расположение камеры по отношению ко входной яме. Малый объем погребальной камеры. Очень высокая отвесная ступенька между дном погребальной камеры и входной ямой. Забивка входной ямы камнем.

2. Коллективность погребений. Отсутствие их выраженной ярусности. Устойчивая тенденция сдвигания и преднамеренного нарушения анатомического порядка более ранних захоронений. По-

[6] Фибулы похожей схемы в небольшом количестве известны в Малой Азии, где одна из застежек найдена вместе с серебряной драхмой каппадокийского царя Ариобарзана I (95–63 гг. до н.э.). Сводка их опубликована Х. Поленцом (Polenz, 1978). Этот факт послужил поводом для предположения о том, что фибулы "неапольского" варианта попали в Северное Причерноморье с армией Митридата VI Евпатора (Еременко, 1997. С. 175). Заметим, что из малоазийских находок только пять экземпляров сопоставимы с северопричерноморскими (Polenz, 1978. Abb. 1; 3, 2–5), в то время как только в Крыму они известны в гораздо большем количестве. Отсюда можно предположить, что ситуация с заимствованием конструкции скорее была обратной.

следнее погребение в склепе остается непотревоженным[7].

3. Малое количество вещей при погребенных – деталь обряда. Сравнительная редкость керамики; значительная часть сосудов представлена туалетными флаконами, курильницами и светильниками. Ограниченность предметов вооружения при частой встречаемости воинской гарнитуры – ременных наборов, портупейных крюков, поясных блях, наконечников ножен[8].

На примере двух наиболее изученных могильников Центрального Крыма – Битакского (Пуздровский, 2001. Рис. 1) и Восточного некрополя Неаполя скифского (Сымонович, 1983. Рис. 1, 2) хорошо видно, с каких участков начинался рост некрополей. Их занимают склепы-катакомбы (в том числе публикуемые битакские комплексы), для которых характерны все перечисленные признаки погребального обряда.

Сочетание рассмотренных категорий инвентаря с данными погребального обряда однозначно позволяет соотнести этот пласт древностей с материалами Южного дворца (рис. 12) и мавзолея Неаполя скифского последней трети II в. до н.э. – рубежа II–I вв. до н.э. (Зайцев, 1997б. С. 37–46; 1999б. С. 65, 66).

В итоге возникает очевидное противоречие между хронологическими позициями погребений и найденных в их составе фибул подвязной конструкции. Эту проблему можно решать двумя путями. Первый путь – повышение даты комплексов вслед за общепринятыми датировками фибул. Второй – пересмотр времени возникновения фибул данной конструкции. В данном случае совершенно очевидна неприемлемость первого пути, так как это повлекло бы значительные передвижки целых культурно-хронологических пластов, имеющих прочные привязки в относительной и абсолютной хронологии. Другими словами, есть все основания признать факт появления фибул подвязной конструкции, в том числе лучковых, не позже конца II в. до н.э. – рубежа II–I вв. до н.э., что подтверждает предположения О.Д. Дашевской и Б.Ю. Михлина (1983. С. 135).

Ранние фибулы подвязной конструкции представлены большим количеством разновидностей. Две из них наиболее близки "неапольскому" варианту среднелатенских фибул (рис. 3, *3*, *7*). Их сближают: крупный размер, изогнутая под прямым углом спинка, длинная многовитковая пружина и большое количество витков намотки свободного конца приемника на спинку. Единственное отличие – нижняя подвязка. Такая же железная фибула была обнаружена при раскопках святилища Гурзуфское седло (Новиченкова, 2000. С. 156. Рис. 2, *4*).

Еще один вариант, близкий "неапольскому", представлен фибулой из Кольчугино (рис. 3, *12*). Особенность ее составляет своеобразное крепление приемника к спинке. Средняя часть спинки фибулы была сначала расклепана, затем ее края загнули вниз и зажали между ними свободный конец ножки.

Железная фибула из битакского склепа № 105 имеет значительное сходство со среднелатенскими застежками "беляусского" варианта (рис. 3, *5*). У нее плавно изогнутая спинка и короткая двухвитковая пружина с высокой тетивой. В данном случае разница опять только в нижней подвязке.

Две миниатюрные фибулы с нижней подвязкой приемника из склепа № 390 Усть-Альмы (рис. 3, *10*, *11*) очень близки еще одному варианту среднелатенской конструкции – "кара-тобинскому", известному пока только на позднескифских памятниках Западного и Северо-Западного Крыма (Внуков, Лагутин, 2001. С. 117). Разница между ними также заключается только в конструкции подвязки.

Железная фибула с приваренной к спинке нижней подвязкой из битакского склепа № 97 (рис. 3, *6*) сочетает в себе элементы подвязной и рамчатой конструкции. До сих пор единственный экземпляр рамчатых фибул был известен в Северном Причерноморье в некрополе Беляуса, где датировался нач. I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 204).

Как видно, картина с конструкцией наиболее ранних подвязных фибул выглядит более сложной, чем представлено в схеме А.К. Амброза (1966. С. 48). Практически все фибулы из нашей выборки, несмотря на их очевидное различие, формально подпадают под описание А.К. Амброза, который иллюстрирует свой текст изображениями нескольких фибул – из них только одна целая (Амброз, 1966. Табл. 8, *3*). Именно таким обычно и представляют первый вариант фибул с нижней подвязкой. Как показывает пример крымских материалов, вариантов развития подвязной схемы было гораздо больше.

Выводы, сделанные на основании анализа публикуемых комплексов, находят свое подтверждение и в других памятниках Северного Причерноморья.

В 1990 г. были опубликованы два комплекса из могильника Красный Маяк (рис. 1, *6*), в которых зафиксировано сочетание фибул среднелатенской схемы и лучковых подвязных (Гей, Бажан, 1990. С. 134-142). Авторы публикации сочли возможным отнести эти комплексы к I в. н.э. на основании присутствия в них подвязных фибул. По

[7] Таким образом, малое количество вещей, найденное при сдвинутых костяках, не является результатом ограбления.

[8] Наиболее поздний из публикуемых комплексов усть-альминский склеп № 390 демонстрирует сочетание признаков, характерное как для ранней группы, так и для более поздних памятников. Камера этого склепа отличается большими размерами. Захоронения нижнего яруса были нарушены и сдвинуты к стенкам, тогда как последующие погребения перекрывали друг друга и составляли уже нетронутые ярусы.

их мнению, датировку по фибулам подкрепляют наборы бус, хронологические позиции которых были определены по своду Е.М. Алексеевой. В соответствии с такими выводами ими было пересмотрено время возникновения позднескифской культуры на Нижнем Днепре, дата которой была повышена с III–II вв. до н.э. до рубежа эр (Гей, Бажан, 1990. С. 138). Однако, как было показано, достаточных оснований для подобных выводов пока нет. И по обряду, и по составу вещей эти два комплекса вполне соответствуют крымским материалам ранней группы.

В 1995 г. в кург. 1 могильника Северо-Западный I, г. Ростов-на-Дону (рис. 1, *7*) было исследовано погр. 3 (Власкин, 2000. С. 9–11. Рис. 1–3), в комплексе которого наряду с мегарской чашкой (рис. 4, *20*) и цельнометаллическими перстнями (рис. 4, *14–16*) была найдена бронзовая подвязная фибула (рис. 3, *7*). Автор публикации широко датировал погребения кургана сер. I в. до н.э. – сер. I в. н.э., а в качестве наиболее вероятной их даты назвал рубеж эр (Власкин, 2000. С. 19). Как видно, при датировке комплекса автор отдает предпочтение фибуле. В то же время найденная там мегарская чашка (рис. 4, *20*) не была датирована исследователем, а приведенные им аналогии относятся к концу III–II вв. до н.э. (Власкин, 2000. С. 17). Дата эта вполне соответствует современным разработкам по рельефной керамике: чуть более одного процента таких чаш относится к последней четверти III в. до н.э., остальные сосуды, вне зависимости от центра производства датируются в пределах II – начала I вв. до н.э. (Коваленко, 1998. С. 15). Сомнительно, что всего в 20 км от античного города в течение века использовали глиняную чашку, пусть даже очень красивую. Это подтверждают новые находки мегарских чаш в меотских захоронениях Прикубанья (Лимберис, Марченко, 2000. С. 12) Учитывая возможность ранней датировки фибул подвязной конструкции, комплекс из Северо-Западного I можно уверенно датировать второй пол. II – началом I в. до н.э.

ВЫВОДЫ

1. Фибулы подвязной конструкции появляются в Северном Причерноморье во второй пол. – последней четверти II в. до н.э.

2. Подвязные фибулы не являются прямым результатом эволюционного развития застежек среднелатенской схемы. В эпоху позднего эллинизма в Северном Причерноморье сосуществуют несколько различных конструктивных схем (надвязная и подвязная проволочные, щитковые фибулы-броши), а также их гибридные формы. В результате "стихийного поиска" подвязная конструкция оказалась оптимальной и распространилась повсеместно. Произошло это, предположительно в первой пол. I в. до н.э., что демонстрируют, например, материалы усть-альминского склепа № 390.

3. Характерной чертой варварского погребального обряда последних веков до н.э. является редкость находок фибул в погребениях вообще. Очевидно, это связано с погребальными традициями и, возможно, особенностями костюма. С рубежа эр ситуация меняется, и фибулы становятся обычной находкой в захоронениях. Очевидно, что подавляющее большинство подвязных лучковых фибул первого варианта действительно относятся ко времени после рубежа эр. Ранние же экземпляры можно определять по культурному контексту, и не использовать их в качестве хроноиндикаторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975; 1978; 1982. Вып. Г1-12.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.

Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.

Внуков С. Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972.

Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в юго-западном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.

Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Матер. IV Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000.

Дашевская О.Д. О скифских курильницах // СА. 1980. № 1.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1-7.

Дашевская О.Д. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма. М., 2001.

Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами Беляусского могильника // СА. 1983. № 3.

Еременко В.Е. "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995а.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский во II в. до н.э. – III в. н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1995б.

Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-

археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997а.

Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя скифского // ВДИ. 1997б. № 3.

Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.

Зайцев Ю.П. Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ. 1999а. № 2.

Зайцев Ю.П. Два сюжета из эллинистической хронологии Неаполя скифского // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999б.

Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. М. , 2001.

Захаров А.В. Погребение раннесарматского времени с бронзовой фибулой из Правобережного Подонья // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов, 1989.

Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане "Крестовый" // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-н/Д, 2000.

Каспарова К.В. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1977. Вып. 18.

Коваленко С. А. К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. "Мегарские" чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000.

Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. 1991. № 1.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 3.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3.

Мордвинцева В.И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 1994.

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999.

Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1961. № 78.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10.

Новиченкова Н.Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское седло // РА. 2000. № 1.

Паровић-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. № 96.

Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001.

Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов, 1993.

Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000а.

Сергацков И.В. О конечной дате раннесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000б.

Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.

Скрипкин А.С. Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина "На рубеже эр" (СПб., 1994) // Stratum plus + ПАВ. СПб., Кишинев, 1997.

Смирнова Г.И., Мегей В.Ф. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) // Stratum plus. № 4. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. 2000.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Столярова Е.К. Бусы из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. М., 2001.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.

Теодосиев Н., Торбов Н. Тракийски могили от късноелинистическата епоха при Търнава, Белослатинско // Известия на музеите в Северозападна България. Т. 23. Враца, 1995.

Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.

Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В. Двурожковые вилочки из погребальных памятников Скифии // Скифы и сарматы в VI–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Фурманська А.І. Фібули з розкопок Ольвії // Археологія. 1953. Т. VIII.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.

Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции Института АН УССР в 1970 г. // Научный архив Крымского филиала ИА НАНУ. 1970. Б/н.

Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlischen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und Südrussischen Formen. Leipzig, 1897.

Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 1987. № 1.

Bishop C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment. London, 1993.

Brandt J. Jastorf und Laténe. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischer Eisenzeit // Internationale Archäologie. 2001. Bd. 66.

Drougou S. Hellenistic Pottery from Macedonia. Thessaloniki, 1991.

Ebert M. Zur Geschichte der Fibel mit umgeschlagenen Fuss // Praechistorische Zeitschrift. 1911. B. III. Heft 3/4.

Finkielsztejn G. Amphores importées au Levant Sud à l'époque hellénistique // Ε' ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ ΣΥΝΑΝΤΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ. Αθηυα, 2000.

Godłowski K. Okres Lateński w Europe. Krakow, 1974.

Graue J. Die Gräberfelder von Ornavasso. Eine Studie zur Chronologie der späten Latène- und frühen Kaiserzeit // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Beiheft 1. Hamburg, 1974.

Hempel K.G. Keramik des 2. und 1. Jhs. v. Chr. aus der Nekropole von Tarent // Ε' ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ ΣΥΝΑΝΤΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ. Αθηυα, 2000.

Iakunina-Ivanova L. Une trouvaille de l'âge de la Téne dans la Russie méridionale // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Journal for East European and North-Asiatic Archaeology and Ethnography. V. I. Helsinki, 1927.

Marić Z. Vir kod Posušja // Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu. Arheologija. Nova serija. T. XVII. Saraevo, 1962.

Polenz H. Gedanken zu einer Fibel vom Mittellatèneschema aus Káyseri in Anatolien // Bonner Jahrbücher. B. 178. Köln; Bonn; Wien, 1978.

Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. International Series. 1986. № 278.

Thompson H.A. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 1934. V. III. № 4.

The fibulae with bindings in the barbarian burials of North Pontic area in the late Hellenic period

Yu. P. Zaitsev, V. I. Mordvintseva

Summary

The work is devoted to publication of the late Hellenistic assemblages containing the fibulae with bindings. The assemblages are dated in accordance with the accompanying grave goods cross-checked by the chronological sequences of dwelling sites and related necropolises. The following conclusions are put forward. 1. The fibulae with bindings came into being in North Pontic area in the second half – the last quarter of the 2nd c. BC. 2. The fibulae in question are not the result of evolution of the fastenings included into the La Tène sequence. In the late Hellenistic epoch a number of different fibulae constructive patterns and their hybrid shapes coexisted in North Pontic zone. The construction with bindings had emerged as a result of spontaneous search and turned to be the optimal one, thus spreading all over the region. This is supposed to have occurred in the first half of the 1st c. BC. 3. Fibulae are rarely discovered in burials of the last centuries BC, this fact is interpreted as a characteristic feature of the barbarian burial rite. Evidently, it is somehow connected with the standards of burial ritual, and, possibly, construction of costume. The situation had changed since the first centuries AD, when fibulae become usual component of grave furniture. The early artefacts can be identified according to their cultural context; generally, fibulae should be used as chronological markers with certain limitations.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 155–164

ПУБЛИКАЦИИ

КИТАЙСКИЙ СЕЛАДОН ИЗ БОЛГАРА

© 2003 г. М. Д. Полубояринова
Институт археологии РАН, Москва

Селадоном называют фарфоровидную китайскую керамику, покрытую светлой голубовато-зеленой поливой. Китайское название селадона "лунцюань" происходит от названия местности в провинции Чжэцзян. Как и другие виды китайского фарфора, селадон принесли в IX в. на Ближний Восток арабы, которые называли его "мартабани". Позже эти сосуды попали в Европу, где в XVII–XVIII вв. получили название "селадон" по имени героя сентиментального романа, украшавшего свой костюм светло-зелеными лентами. Считается, что лучшие китайские селадоны относятся к династии Сун (970–1279 гг.) и династии Мин (1368–1644 гг.), а промежуточный период монгольской династии Юань (1279–1368 гг.) дает менее ценные изделия (Кверфельд, 1940. С. 12). При этом все исследователи отмечают трудности в определении дат селадона, так как производство его было очень традиционно. Считается, что состав черепка все-таки со временем менялся, и настоящее белое тесто появилось лишь в XIII в. (Арапова, 1977. С. 31. Прим. 46).

Особенность селадона состоит в том, что цвет поверхности готового изделия получается в результате соединения железистых частиц фарфоровидной массы со шпатовой глазурью (Кверфельд, 1940. С. 12). Позже, когда был найден более дешевый способ достигать того же эффекта, посуду, подражающую селадону, стали делать из обычного фарфора и покрывать ее зеленоватой глазурью. Для полного сходства участки дна, покрытые поливой, окрашивались холодным способом в рыжие тона, тогда как у настоящих селадонов этот красновато-коричневый цвет появлялся из-за выступания частиц железа из теста без поливы во время обжига (Кверфельд, 1940. С. 27). Китайцы называют красноватые днища селадоновых сосудов "железная пята"[1].

Селадон высоко ценился в средневековом мире, поэтому его пытались воспроизводить в керамических мастерских Каира, Самарры, в ремесленных центрах Ирана и, наконец, Золотой Орды. Помимо находок настоящего селадона в золотоордынских городах, в том числе в Болгаре, постоянно встречается кашинная посуда, покрытая светло-зеленой поливой – подражание селадону (Булатов, 1968. С. 108, 109).

В настоящей статье рассмотрен китайский селадон из раскопок Болгарского городища 1963–1990 гг., который хранится в фондах Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника и насчитывает более 350 фрагментов. Все находки селадона относятся к золотоордынским слоям (вторая пол. XIII–XIV вв.). Селадон дает большое разнообразие оттенков: светло-зеленый, серо-зеленоватый, голубовато-зеленоватый, темно-серый, серо-голубоватый, серый, зеленовато-желтый. Найдены и обесцвеченные в пожаре фрагменты.

Из-за отсутствия целых форм классификация сосудов проведена в основном по венчикам, некоторые экземпляры удалось реконструировать графически. Чаще всего встречаются чаши с различно оформленным краем (рис. 1–4). Выделяются полусферические чаши с ровным прямым венчиком, усеченно-конические чаши, раскрытые кверху чаши со слабо отогнутым венчиком, округлые чаши с краем, наклоненным внутрь, с прямым вертикальным венчиком, с завернутым наружу краем, чаши с широким отогнутым бортиком, наклоненным или горизонтальным (в месте отгиба – ребро). Всего чаш, представленных фрагментами, в коллекции около 70 экз. Диаметр их от 5 до 34 см, преобладают чаши диаметром 14–24 см. Толщина стенок неравномерна: у дна толще, к краям – тоньше. Крупные чаши имеют стенки толщиной 0.5–0.8 см, маленькие – 0.25–0.40 см. Встречаются большие чаши с тонкими (0.4 см) стенками (рис. 3, *4*). Высота чаш восстанавливается не всегда. Она колеблется в пределах 5–18 см и зависит от величины и формы чаши.

Украшение чаш осуществлялось деталями формы и различными орнаментами. Некоторые чаши имеют фестончатый край (10 экз.). Фестоны шириной 2–3 см (у одной чаши – 1.2 см) образованы узкими вдавлениями через равные промежутки по краю сосуда (рис. 1, *2*). Иногда этим вдавлениям соответствуют выпуклые радиальные "ребра" на внутренней поверхности чаши. На внешних поверхностях некоторых чаш с фестончатым краем от вершины фестонов идут радиальные линии или ложбинки ко дну; подобная чаша найдена при раскопках Кара-Корума (Евтюхова, 1965. С. 242.

[1] Сообщение заведующей отделом Китая Государственного Музея Востока Л.А. Шмотиковой.

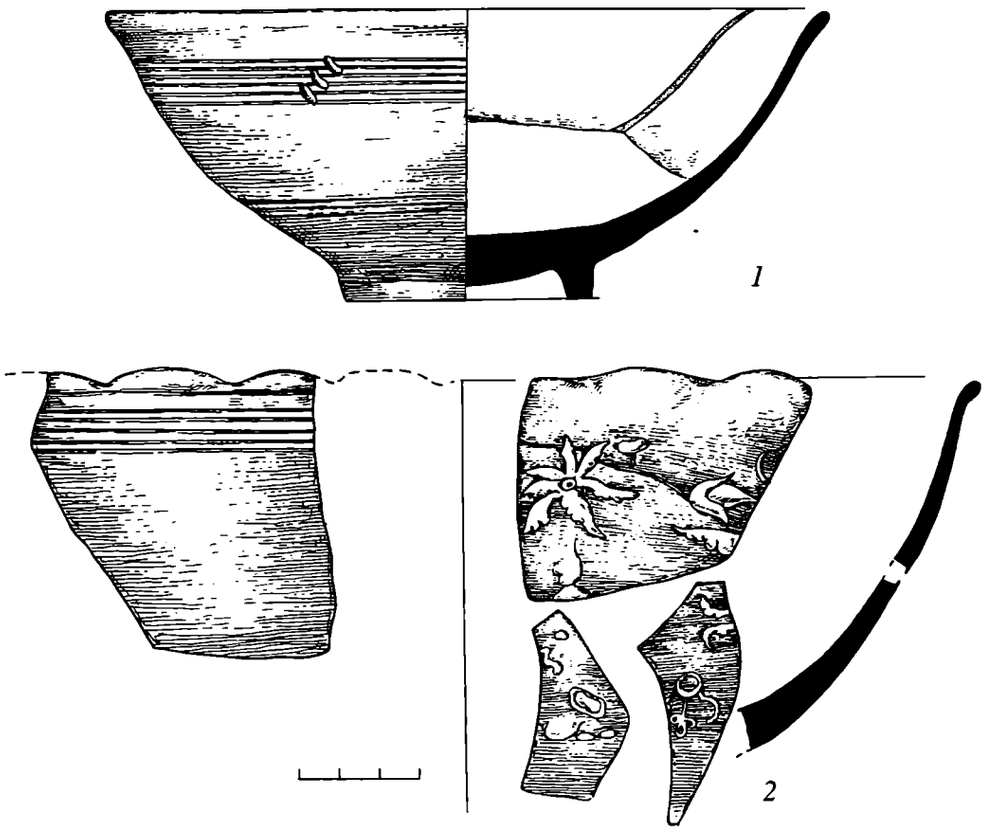


Рис. 1. Селадоновые чаши (реконструкция): *1* – с подглазурной гравировкой внутри и снаружи и штампом снаружи; *2* – с подглазурной гравировкой снаружи и подглазурным рельефом внутри.

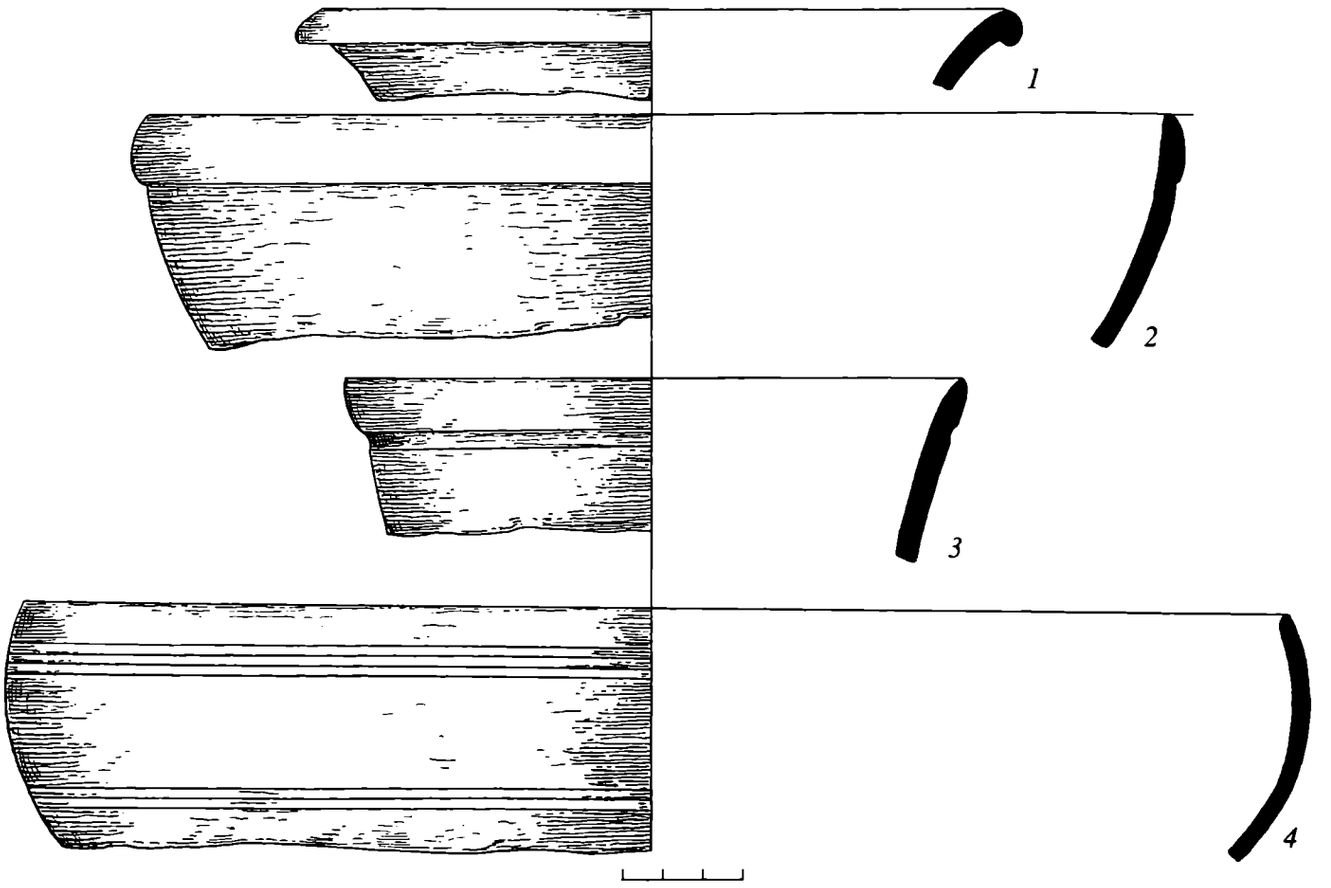


Рис. 2. Венчики селадоновых чаш.

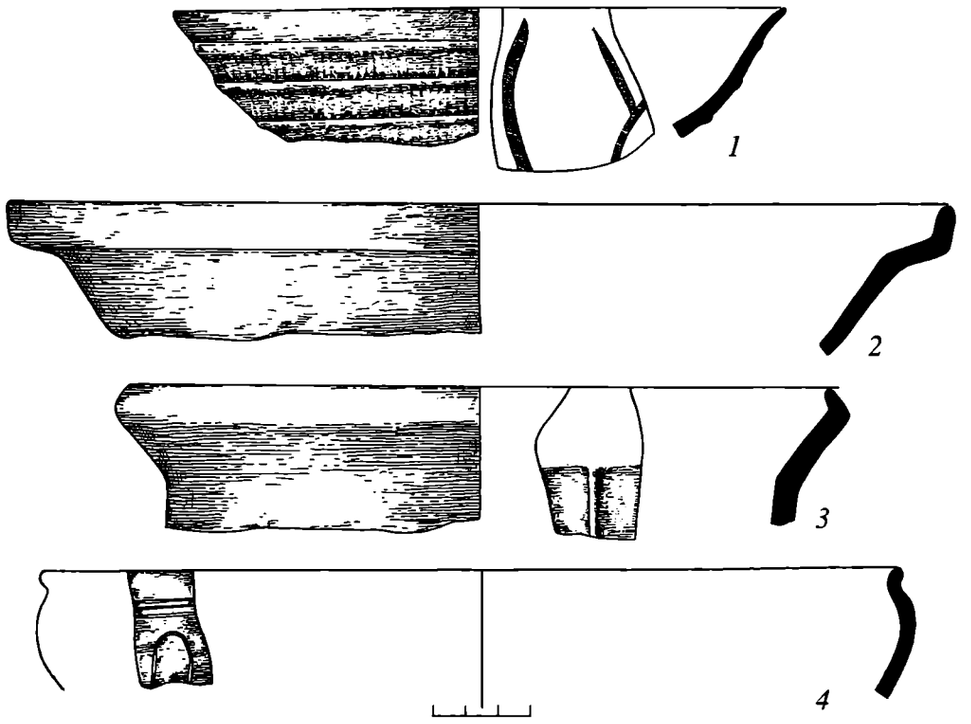


Рис. 3. Венчики селадоновых чаш.

Табл. XXVI, *5а,б*). Один фрагмент имеет следы, видимо, вторичного использования – фестоны выпилены по готовому сосуду и поэтому лишены поливы по краю. Обломок селадонового сосуда с фестончатым краем был найден в Московском Кремле (Панова, 1986. С. 229. Рис. 4). Фестонами украшались и отогнутые бортики чаш. Здесь фестоны более широкие (до 4 см) и имеют волнообразную форму (рис. 5, *1*, *2*). Подобные фестоны получались другим способом – возможно, вырезались ножом при вращении сосуда на гончарном круге. Похожая, но более сложная обработка края встречена на селадоновом блюде из коллекции Ардебильской мечети в Иране (Pope, 1956. Рис. 29, *619*).

Довольно часто встречаются чаши ложкóвой формы – выпуклые или углубленные ложки́, как лепестки цветка расходятся радиально от дна к краям. Ложковые чаши встречены нескольких видов:

1. Чаша в горизонтальном разрезе представляет собой многолепестковую розетку, т.е. выпуклым ложкам снаружи соответствуют углубления на внутренней поверхности (4 сосуда). Такова маленькая светло-зеленая пиала диаметром 10 см, высотой около 5 см, с толщиной стенок 0.25 см (рис. 6). Остальные чаши такой формы имели диаметр 18–20 см при толщине стенок 0.3–0.4 см.

2. Наружная поверхность чаши также выпуклая, ложковая, а внутренняя – гладкая. Рельеф, образующий ложки́, слабый (11 сосудов). Внутренняя ровная поверхность часто бывает украшена подглазурной гравировкой; на одном обломке дна такой чаши подглазурный рельеф (рис. 7, *2*). Размеры чаш самые разные.

3. На внутренней поверхности чаши выпуклые ложки (3 сосуда). На внешней – гравированные радиальные линии соответствуют границам между ложка́ми (рис. 5, *7*).

4. Внутри чаши вогнутые ложки́, а наружная поверхность гладкая (рис. 5, *6*).

Встречены фрагменты сосудов с ребристой наружной поверхностью; грани плоские и вогнутые (9 сосудов). В двух случаях грани идут горизонтальными зонами. Внутренняя ровная поверхность ребристых чаш часто украшена подглазурной гравировкой.

Подглазурная гравировка и подглазурный рельеф (в очень редких случаях – надглазурный) украшают почти все чаши. Среди них наиболее сохранившиеся и богато орнаментированные следующие экземпляры.

Хорошо реконструируется полусферическая чаша темно-серого цвета (рис. 1, *1*) диаметром 18 см, высотой 7 см, с диаметром поддона 7 см, высотой поддона 0.9 см, дно в центре утолщенное – 1.2 см, стенки толщиной 0.3–0.6 см. Внутри чаша украшена подглазурной гравировкой в виде свободно изогнутых линий, снаружи двумя полосами многорядного орнамента. Верхняя полоса в 1.2 см от края состоит из шести линий, нижняя на 2 см ниже – из трех. Верхнюю полосу пересекает штамп из трех овальных ямок.

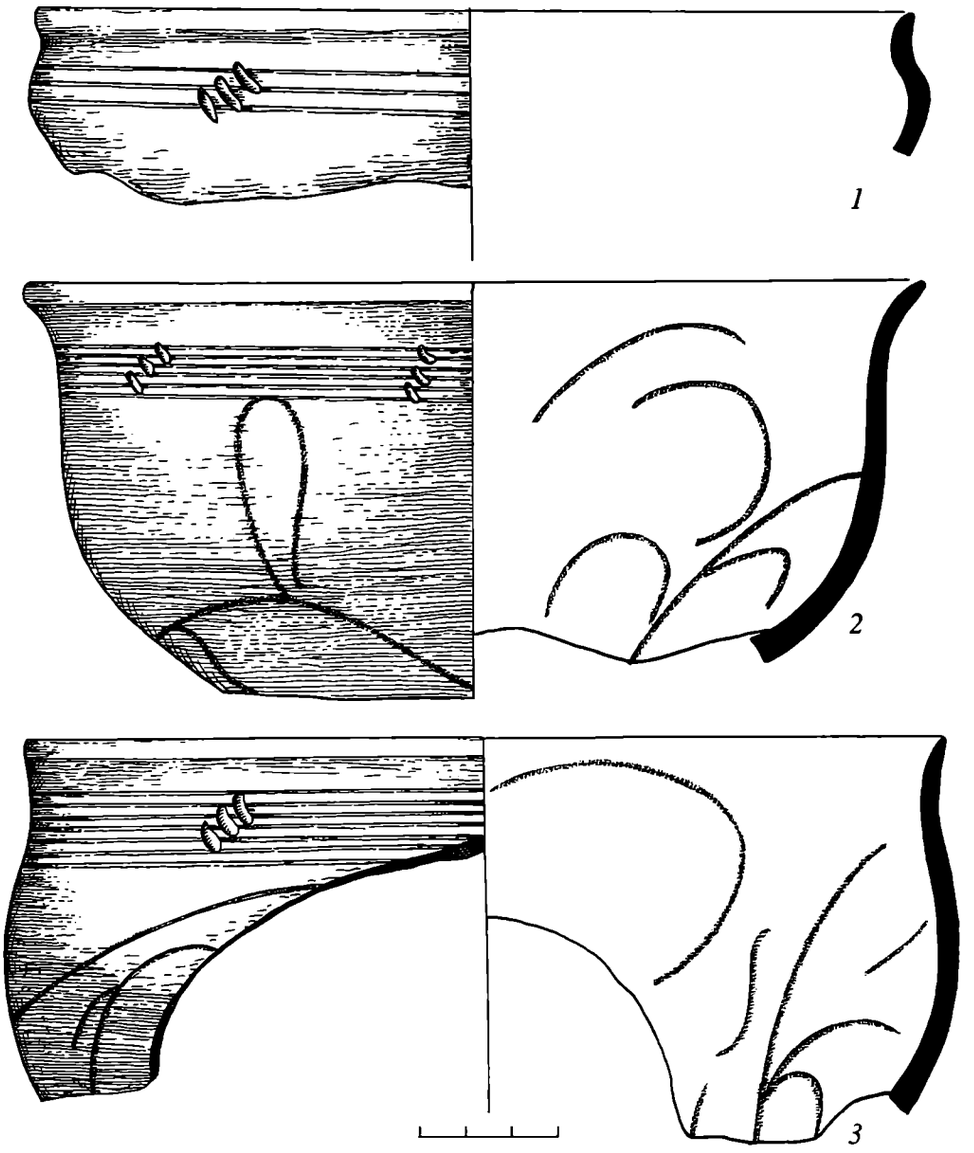


Рис. 4. Селадоновые чаши с подглазурной гравировкой внутри и снаружи и со штампом.

Очень интересна по орнаменту зеленоватая чаша с фестончатым краем. Диаметр 26 см, высота примерно 13–14 см, стенки тонкие (0.4 см), но ко дну утолщаются (1.2 см). Снаружи на чаше – полоса из нескольких линий, а внутри растительный орнамент, выполненный подглазурным рельефом: цветок, бутон, стебли. Изображение реалистично (рис. 1, *2*).

Фрагменты еще двух светло-зеленых чаш со слегка отогнутым венчиком не позволяют определить их высоту и диаметр поддона. Диаметр устья 20 см, толщина стенок 0.4–0.9 см. Чаши орнаментированы и внутри, и снаружи. По внешней поверхности – линейный орнамент: одиночная линия и полоса из нескольких линий с отпечатками штампа из трех овальных ямок. Штамп встречен на трех фрагментах одной чаши, т.е. он повторяется на сосуде несколько раз. Ниже полосы изогнутые гравированные линии. Внутри чаш гравировкой изображены растительные побеги, имеющие овальные завершения – листья (?) (рис. 4, *2*, *3*).

Одна из чаш округлой формы со слегка наклоненным внутрь венчиком имеет фестончатый край (рис. 5, *3*). У другой такой чаши диаметром 28 см, с толщиной стенок 0.4 см, снаружи проходят две полосы линейного многорядного орнамента (рис. 2, *4*). Среди немногочисленных маленьких чаш (пиал) с вертикальным венчиком обработкой внешней поверхности выделяются две. У одной – это горизонтальная ложбинка, от которой отходят вертикальные ложбинки (рис. 8, *7*), у другой, с фестончатым краем, – бордюр из гравированных миндалевидных фигур (рис. 8, *6*).

Чаши с широким отогнутым бортиком встречаются как больших размеров – диаметр 24–32 см, так и маленькие – диаметр 11–13 см, иногда они имеют слабо выраженную ложкóвую внешнюю

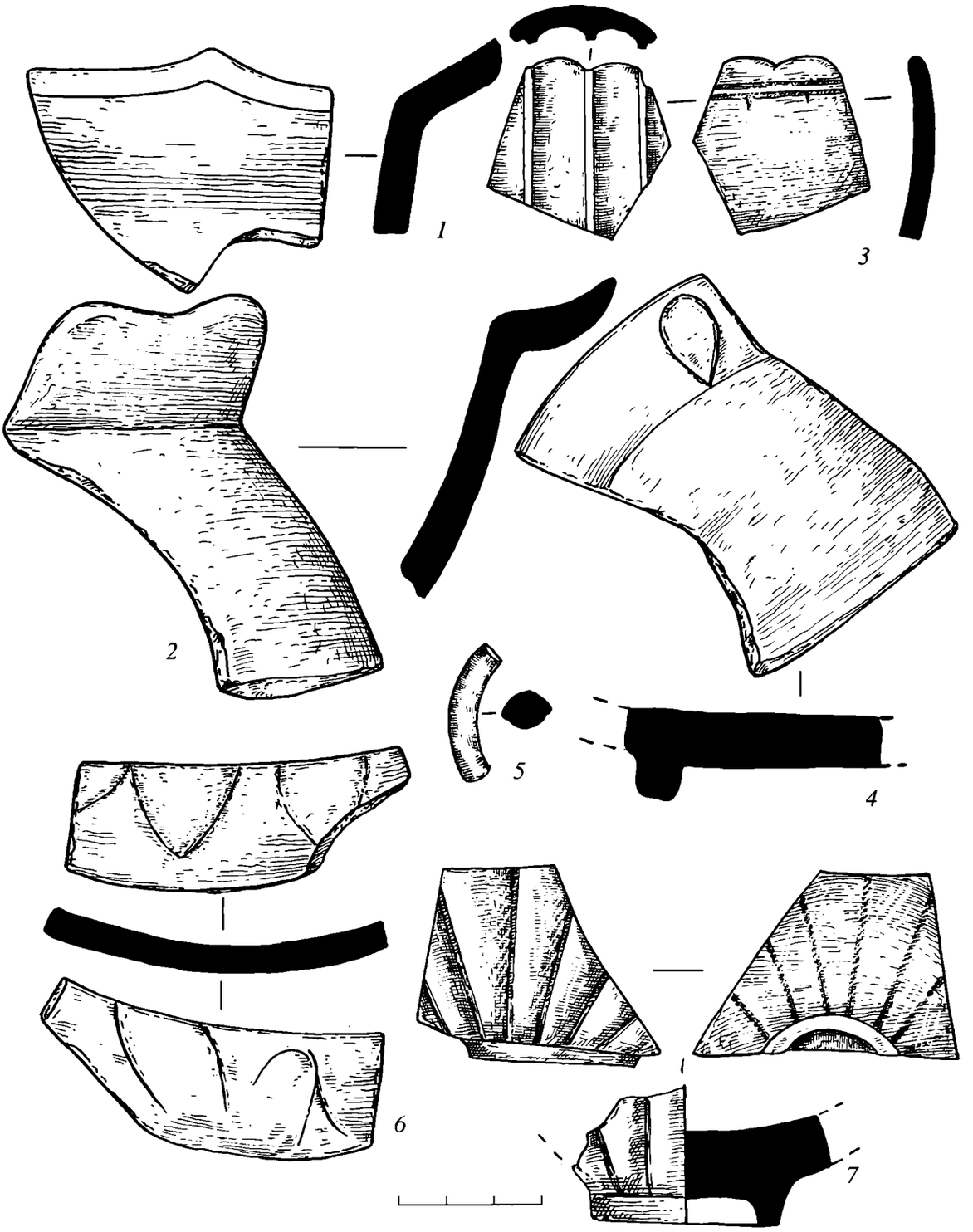


Рис. 5. Фрагменты селадоновых сосудов.

поверхность (рис. 7, *2*) и волнообразно-фестончатый край (рис. 5, *1*, *2*).

Блюда и блюдца имеют отогнутый горизонтально бортик и небольшую высоту. Пять фрагментов принадлежат блюду темно-серого цвета диаметром 24 см, высотой 2.5 см, с шириной бортика 0.8 см, толщиной стенок 0.5–0.6 см, диаметром поддона 6 см. По внутренней (верхней) стороне блюдо украшено надглазурным рельефом красного цвета (рис. 7, *1*). Орнамент помещен на дне блюда и на стенках на расстоянии 2.0–3.5 см от края. На самом крупном фрагменте орнамент состоит из большой волюты и изогнутых линий, на остальных обломках трудно понять рисунок, хотя кусочки налепленных красных нитей видны. Подобная орнаментация изредка встречается на фрагментах селадона в золотоордынских центрах Нижнего Поволжья. Известна она и по публикации: например, блюдо темно-серого селадона с изображени-

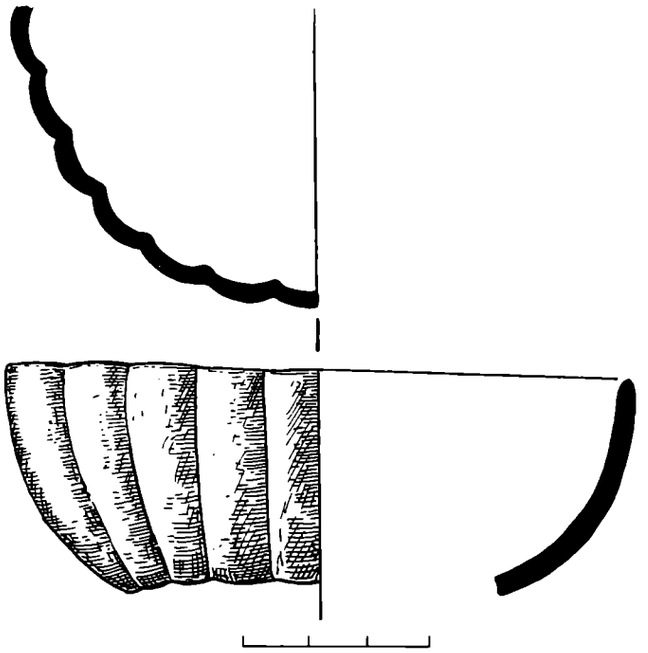


Рис. 6. Селадоновая чашечка с ложкóвой поверхностью.

ем дракона, выполненным красными налепными нитями, относящееся к эпохе монгольской династии Юань (Beurdeley C., Beurdeley M., 1974. P. 157. Pl. 46).

Таким образом, по верхним частям можно выделить основные формы селадоновых сосудов: чаши, блюда, блюдца.

Почти все описанные сосуды не сохранили донцев. Рассмотрим отдельные 35 экз. донцев селадоновых сосудов, содержащиеся в коллекции. Все донца селадоновых сосудов имеют кольцевой поддон диаметром от 3 до 19 см. Поддоны, как правило, невысокие 0.5–1.0 см, причем большинство имеет высоту 0.5 см. Всего несколько экземпляров дают большую высоту 1.1–1.5 см. Донца имеют разную толщину и, отчасти, форму. Они могут быть:

Ровные по толщине, плоские сверху и снизу (рис. 5, *4*, *7*).

Плоские сверху (внутри сосуда) и выпуклые снизу (рис. 1, *1*).

Плоские сверху и с маленьким коническим выступом в центре снизу (рис. 8, *11*). Толщина донцев в центре 0.8–1.7 см.

Выпуклые сверху и снизу (рис. 8, *5*).

Дно сосуда и поддон бывают покрыты поливой и бывают лишены ее. Поливой может быть покрыто все дно и весь поддон, или все дно, кроме нижней поверхности кольцевого поддона, или поливой покрыт весь сосуд снизу, кроме центрального кружка, ограниченного поддоном, или лишь его центральной части. Иногда, наоборот, центральная часть дна покрыта поливой, а полоса вдоль внутреннего контура поддона оставлена свободной.

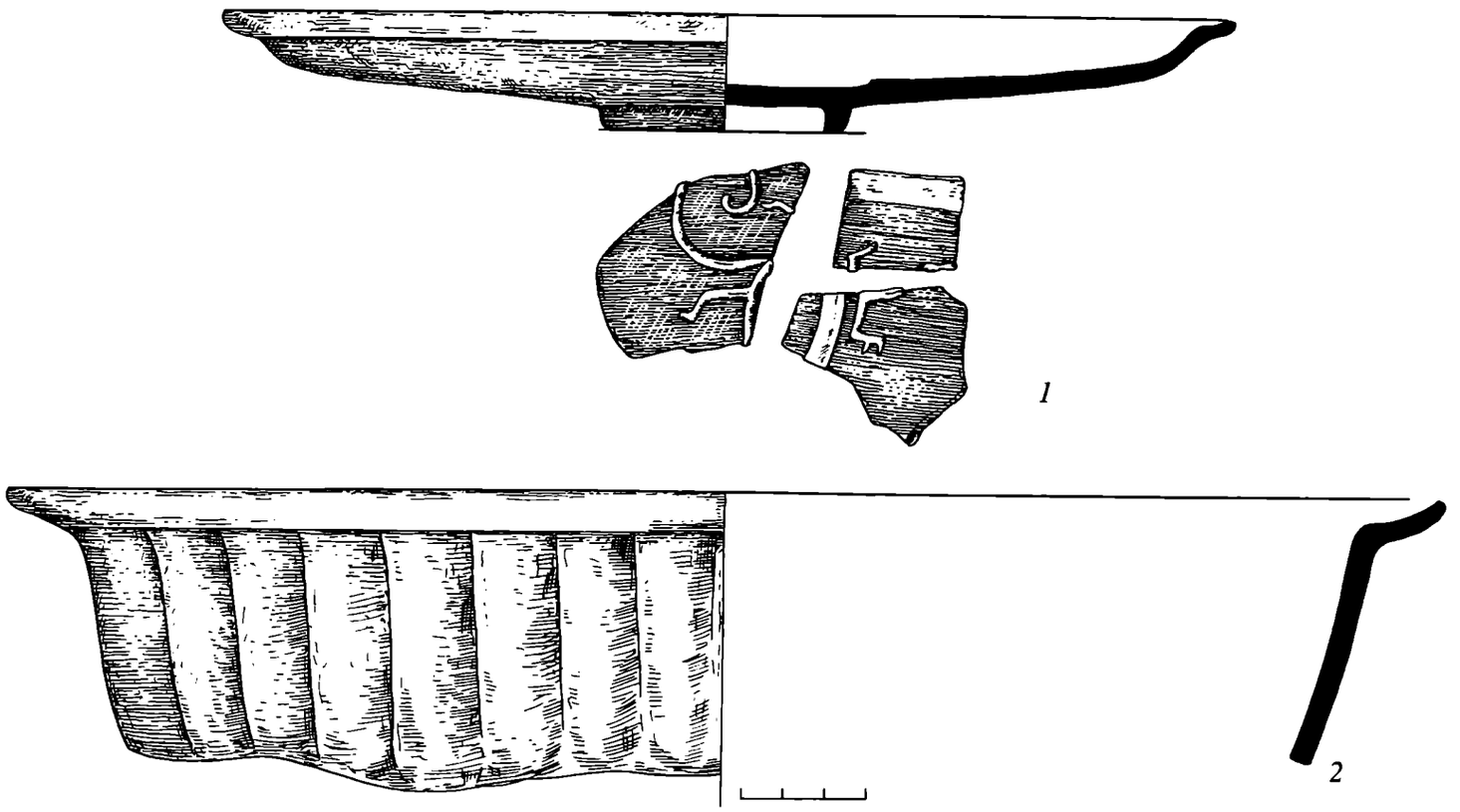


Рис. 7. Блюдце с надглазурным рельефом и чаша со следами подглазурного рельефа внутри на дне и с ложкóвой внешней поверхностью.

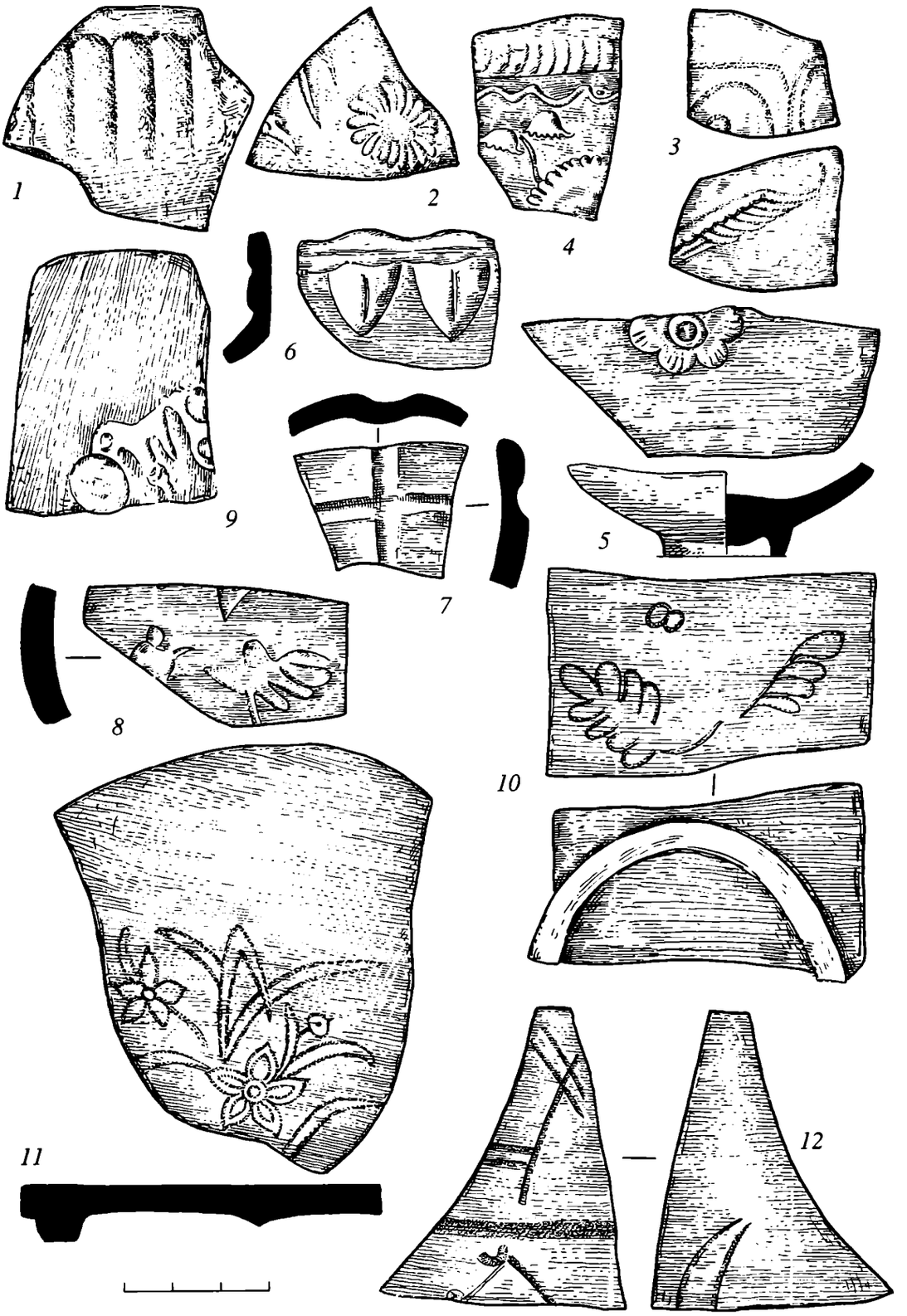


Рис. 8. Фрагменты селадоновых сосудов с рельефом и гравированным орнаментом.

В тех случаях, когда дно лишено поливы, на нем часто заметны концентрические круги – след обработки на гончарном круге. Иногда открытая поверхность дна или поддона имеет красновато-бурый цвет, при том, что в изломе черепок обычного для селадона серовато-белого цвета. Это явление, отмеченное выше, характерно и для более поздних селадонов (Арапова, 1977. С. 21), и для некоторых видов фарфора (Евтюхова, 1965. С. 221).

Всего одним обломком представлены ручки селадоновых сосудов (рис. 5, *5*). Ручка изогнутая, овальная в сечении, с боковыми ребрами. Диаметр сечения 0.6 × 0.9 см. Одна ручка есть в болгарской коллекции китайского фарфора с кобальтовой

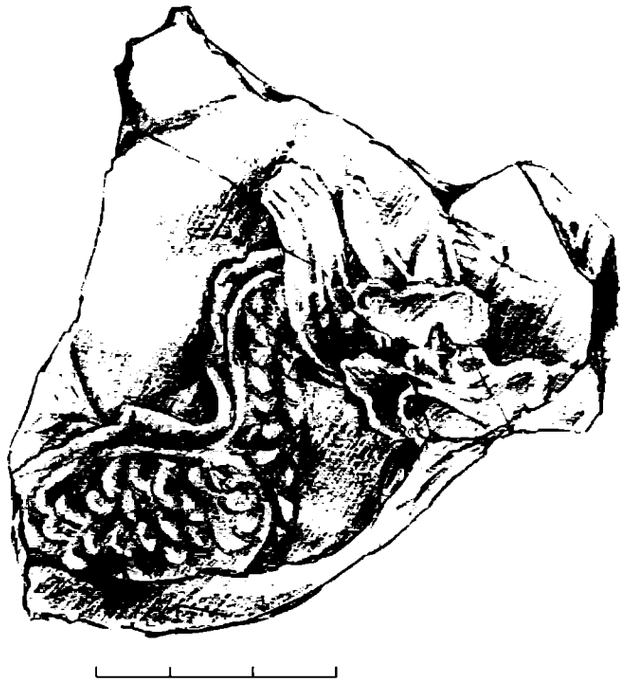


Рис. 9. Фрагмент дна блюда с рельефным подглазурным изображением дракона.

росписью. Она менее изогнутая, в сечении круглая. Подобные ручки могли принадлежать небольшим закрытым сосудам – чайникам, вазам или кувшинам (Арапова, 1977. С. 41. № 13; С. 63. № 54).

Орнаментация селадоновых сосудов осуществлялась, как было упомянуто, способом подглазурного и надглазурного рельефа и подглазурной гравировки. При сочетании с подглазурной гравировкой рельеф обычно занимает внутреннюю поверхность, а гравированный узор – внешнюю. Эта закономерность объясняется тем, что именно внутренняя поверхность чаши и блюда воспринималась как основная и украшалась поэтому более сложным и нарядным орнаментом, каким является рельеф по сравнению с гравировкой. Такое восприятие открытых форм сосудов прослеживается с древности до наших дней. Орнаментация наружной поверхности обычно более скромная, чем внутренней.

Подглазурный рельеф селадоновых сосудов часто бывает настолько невнятен, что по маленькому фрагменту нельзя определить характер орнамента. В целом преобладают растительные мотивы и элементы геометрического орнамента. Наиболее интересно из болгарских находок рельефное изображение дракона на обломке дна зеленоватого блюда (рис. 9). Диаметр поддона 10 см. Дно снизу плоское, а сверху немного выпуклое. Стенки отходят от дна почти горизонтально, т.е. блюдо очень плоское. Толщина стенок у поддона 0.6 см. У дракона раскрытая пасть, два круглых глаза, рога и большое мохнатое ухо (?). Изогнутая шея и спина покрыты рельефной чешуей, по хребту идет острый гребень. За спиной дракона у самого края обломка как будто начинается крыло. Драконы – довольно частый персонаж в росписи китайского фарфора и все они имеют те же признаки, что и болгарский (Pope, 1957. Pl. 15, 53, 62). Встречаются и рельефные изображения – например, два извивающихся дракона на фарфоровой чаше X в. (Gray B., 1953. Pl. 17A). На золотоордынском Селитренном городище в 2000 г. был найден фрагмент селадонового блюда с изображением дракона, выполненным в высоком рельефе (Бурханов, 2001).

Растительный орнамент, выполненный подглазурным рельефом, изображает цветы, листья, побеги. Чаще он носит реалистический характер, иногда схематизирован, но всегда очень красив и тонок. Наиболее декоративно изображение распустившегося цветка и бутона, по-видимому орхидеи, внутри довольно глубокой чаши светло-зеленого селадона с фестончатым краем (рис. 1, *2*). На других мелких фрагментах этой чаши изображены рельефно овалы, кружки, трилистники. Очень красиво и близко к натуре изображение цветов в центре другой чаши зеленоватого селадона. Диаметр поддона довольно велик – 13 см, видимо, это крупный сосуд, форма которого неясна, так как стенки не сохранились. Изображены нарциссы – два распустившихся цветка, бутон и длинные узкие листья. Цветы нежны и изящны. Более крупный цветок очерчен двойным контуром (рис. 8, *11*).

На одном из двух фрагментов зеленоватой чаши (рис. 8, *2*) очень реалистичное рельефное изображение многолепесткового цветка – хризантемы и листьев. На другом фрагменте – ободок из выпуклых арочек, опоясывающих центральный кружок дна (рис. 8, *1*). Снаружи гравировкой даны радиально расходящиеся от поддона линии, что должно имитировать ложко́вую поверхность. Схематичные цветки – розетки встречены на двух обломках сосудов также зеленоватого цвета. Один – половина дна пиалы (диаметр поддона 3 см); цветок, вероятно, семилепестковый, помещен в центре дна (рис. 8, *5*). Концы лепестков цветка покрыты штриховкой, видимо для того, чтобы они выглядели изогнутыми. Другой фрагмент – от стенки, на нем слабым рельефом также изображена розетка с кружком в середине. Все три описанных цветка имеют одинаковый размер (2 см в диаметре). Подобное изображение в центре сосуда выпуклого многолепесткового цвета – хризантемы – встречено на чаше серо-белого фарфора из нашей коллекции, а также на чашке голубого фарфора из Кара-Корума (Евтюхова, 1965. С. 247. Табл. XXVIII, *2*) и на селадоновой чашечке из Ардебильской коллекции (Pope, 1957. Pl. 128).

На некоторых фрагментах можно распознать элементы растительного орнамента, выполненного рельефом, например трилистника – асимметричного цветка на тонком стебле (рис. 8, *8*).

Подглазурная гравировка – самый распространенный способ орнаментации селадона. Она отмечена на фрагментах 47 сосудов. Из 47 сосудов с подглазурным гравированным рисунком, у 22 она помещена на внешней поверхности, у 17 – по внутренней, а у 8 экз. и по внешней, и по внутренней.

По *внешней поверхности* орнамент большей частью линейный, проведенный вдоль края венчика. Линий обычно несколько – от 2 до 6, и они сгруппированы в пояс (15 сосудов). В нескольких случаях полосу многорядного орнамента под венчиком чаш пересекает косо поставленный штамп из трех ямок. На одном сосуде под линейным орнаментом помещен пояс из гравированных овалов, на другом – ниже линейного орнамента вертикальные штрихи, соответствующие центральной оси выпуклых ложкóв на внутренней поверхности (рис. 5, *6*). Иногда встречаются гравированные линии, радиально расходящиеся от поддона к венчику, такие линии, проведенные по мягкому тесту, создают некоторый рельеф на внешней поверхности, имитирующий ложки (2 экз.). На одной из стенок снаружи волютообразная линия, на другой – изогнутая глубокая черта.

На *внутренней поверхности* гравированные узоры чаще всего предстают в виде прямых или изогнутых линий, образующих свободный рисунок (13 фр.), в виде овальных или яйцевидных фигур (2 фр.), широких скобок (1 фр.) в виде пальмовой ветки (рис. 8, *10*).

Гравированный орнамент и по внешней, и по внутренней поверхности чаш отмечен на обломках восьми сосудов. У двух снаружи – полоса многорядного линейного орнамента с отпечатками штампа из трех овальных ямок. У одной из чаш вся поверхность внутри и снаружи покрыта гравировкой в виде свободно извивающихся побегов. У другой чаши сохранилась только одна изогнутая линия на внутренней поверхности, а на внешней – второй пояс линейного орнамента, помещенный ниже. На фрагментах двух сосудов с обеих сторон гравированные абстрактные фигуры.

Особенно хочется отметить фрагмент селадонового сосуда, у которого снаружи гравирован узор в виде арочек, а внутри тонкий рисунок изображает крыло птицы или пальмовый лист (рис. 8, *3*). Похожее изображение есть на тарелке белого фарфора, где оно выполнено слабым подглазурным рельефом. Узор похож на раскрытые крылья журавля, подобный журавль среди цветов изображен гравировкой на фарфоровой чаше Танской эпохи из Британского музея (Gray, 1953. Pl. 43).

Селадон составляет большую часть найденного в Болгаре китайского фарфора. Число его фрагментов в пять раз превышает все другие типы фарфоровых сосудов. Способы формования изделий из теста, приемы орнаментации, видимо, были одинаковы (Полубояринова, в печати). Сосуды прессовали в формах, подсушивали, обрабатывали на гончарном круге. Орнамент – рельеф и гравировка – выполнялись резцом. Некоторые детали формы и орнамента могли отливать отдельно и прикреплять к сосуду жидким тестом. Обжиг производился дважды: слабый перед нанесением поливы и, более сильный, уже в глазурованном виде. Изготовление селадона, как и других видов китайского фарфора, требовало высокого мастерства и глубокого знания традиционных секретов.

Появление селадона на Средней и Нижней Волге относится к концу XIII–XIV вв. Сильная власть золотоордынских ханов, контролировавших огромную территорию Евразии, укрепила и наладила трансконтинентальные торговые связи, и прекрасный китайский фарфор стали доставлять в города Золотой Орды. На Руси, где находки селадона все чаще фиксируются в крупных городах (Коваль, 1997. С. 183–185), этот товар, вероятно, появился через посредство купцов Болгара, возможно, и минуя Хорезм (Панова, 1986. С. 229).

При всем богатстве и красочности золотоордынской поливной керамики привезенный селадон представлял собой непревзойденный образец, которому старались подражать и который очень высоко ценился, судя по его находкам в богатых жилищах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Т.Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV – первая треть XVIII века. Л., 1977.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4.

Бурханов А.А. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 2000 году. Казань, 2001.

Евтюхова Л.А. Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.

Кверфельд Э.К. Фарфор. Л. 1940.

Коваль В.Ю. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Панова Т.Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском кремле // СА. 1986. № 1.

Полубояринова М.Д. Китайский фарфор Болгарского городища. (В печати).

Beurdeley C., Beurdeley M. La Ceramique chinoise. 1974.

Gray B. Early chinese pottery and porcelain. London, 1953.

Pope J.A. Chinese Porcelains from the Ardebil Shrine. Wachington, 1956.

The Chinese celadon from Bolgar

M. D. Poluboyarinova

Summary

The term celadon is applied to porcelain-like Chinese pottery covered with light bluish-green glaze. It differs from the other kinds of Chinese porcelains in mode of obtaining specific colouring of surface. In the paper more than 350 fragments of the Chinese celadon are analysed. The finds originate from the cultural deposits of the fortified site Bolgar and date from the second half of the 13th – the 14th cc. The discussed pottery is represented mainly by bowls of different size, flat dishes and saucers. The vessels are decorated with overglaze relief and engraving, as well as various details of their shape. Of special interest is the dish of deep-grey colour with underglaze relief performed in red colour. Another dish is adorned with relief underglaze decoration depicting dragon. The celdaon vessels, like other kinds of Chinese porcelain were manufactured in special moulds, then dried and improved by processing on potter's wheel. The vessels were roasted twice, before and after coating with glaze. Celadon vessels had appeared in the Volga basin simultaneously with the other kinds of Chinese porcelains, in the epoch of the Golden Horde, when the khans' strong power had created favourable conditions for functioning trade routes of transcontinental exchange.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 165–181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р.Д. Голдина. ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ УДМУРТСКОГО НАРОДА. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 1999. 464 с.

Человечество стремится к познанию мира, но не только того, который является современной реальностью, но и его истории, как недавней, так и отдаленной, независимо от того – история эта великих государств или история малых народов.

Рецензируемая книга принадлежит перу Р.Д. Голдиной – создателя археологической школы Удмуртского университета. Римма Дмитриевна – статьями, книгами, подготовкой учеников и другими деяниями – сделала в науке уже немало. Но погрузившись в новый труд, весомо ощущаешь интеллектуальный "запас прочности" не только у автора, но и у возглавляемого ею коллектива археологов УдГУ.

Упорный и кропотливый труд по сбору, систематизации и осмыслению археологических источников Камско-Вятского междуречья, осуществленный археологами УдГУ в последней трети XX в., стал базой для осуществления столь масштабного проекта. Настоящая книга подводит итог изысканий археологов УдГУ на рубеже XX и XXI веков. Вполне естественно, что ответственный и нелегкий труд по обобщению всех наработок археологической школы Удмуртского университета взяла на себя ее лидер – Р.Д. Голдина. Хотя работа адресована прежде всего преподавателям вузов, школ и студентам, она, несомненно, вызовет интерес у специалистов, а также у всех тех, кто неравнодушен к древнему и средневековому прошлому Удмуртского Прикамья.

Сам жанр книги соединяет в себе монографическое исследование и учебное пособие. Труд Голдиной, пожалуй, сродни известным монографическим очеркам А.П. Смирнова (1952), А.В. Збруевой (1952) и П.Н. Третьякова (1966). Правда, название книги, на наш взгляд, не совсем точно отражает ее содержание. Менее всего это "Древняя и средневековая история удмуртского народа": по сути мы имеем дело с очерками археологии Камско-Вятского междуречья (от палеолита до XIV в.). В большинстве очерков об археологических культурах каменного, бронзового и раннего железного веков автор ограничивается пределами Камско-Вятского междуречья, хотя, судя по ее этногенетической концепции, ареал прапермян был значительно шире, нежели междуречье Камы и Вятки.

Рецензируемая книга является археологическим исследованием, хотя при ее написании – помимо основных археологических источников – использовались данные лингвистические, письменные, фольклорные, антропологические, этнографические, топонимические и др. (см. главу I). Однако смежные научные дисциплины, привлекаемые, в частности, при обсуждении этногенетических проблем, играют явно вспомогательную роль.

Мы полагаем, что Р.Д. Голдина излишне резко критикует модель финно-угорской предыстории А.Х. Халикова (1967). Мы сознаем необходимость ревизии отдельных звеньев данной модели, но говоря о ней как о ненаучной и фантастичной (с. 32, 33), автор ставит под удар и предложенное ею соотношение древа развития уральской общности и археологических культур (с. 397, 398), которое, как и модель Халикова, является не менее уязвимым. Необходимо отметить, что каждая из этих моделей основана на своей археологической "правде", и уже в силу этого, не будучи комплексным междисциплинарным исследованием, подвержена критике. Вне всякого сомнения, Голдиной удалось выявить предковые культуры современных пермских народов – и это одно из важнейших достоинств книги, однако совмещение данных археологических культур с этапами распада финно-угорской и прапермской этнолингвистических общностей может рассматриваться только в качестве рабочей гипотезы. В этой связи остается сожалеть, что в рецензируемом труде не получили отклика модели финно-угорской и пермской предыстории, предложенные в последние годы В.В. Напольских (1997) и С.К. Белых (1995; 1998). Экспертиза данных палеоисторических моделей является весьма актуальной задачей волго-уральской археологии: она, несомненно, поможет снять большинство разногласий между археологами, лингвистами и антропологами (Косарев, Кузьминых, 2000).

В главе II Р.Д. Голдина стремится выявить глубинные истоки удмуртского народа и обращается к древнейшим этапам истории финно-угорского населения Приуралья. Дан пространный экскурс в историю происхождения человечества и его расселения по земле. Правда, большую часть этого раздела можно было бы опустить, ограничившись обсуждением проблемы освоения человеком севера и северо-востока Восточно-Европейской равнины.

Автору видится два пути продвижения человека на Урал и в Приуралье: с юго-запада Европы по Волге и из Средней Азии. Здесь же прозвучал достаточно дискуссионный тезис о том, что "в эпоху позднего палеолита оформились основные черты уральской общности..." (С. 51), который нуждается в весьма основательной аргументации. По крайней мере, многими исследователями – археологами и лингвистами – данная общность выделяется не ранее мезолитической эпохи, тем более что далее (С. 69, 70) говорится о том, что мезолитические памятники Приуралья и Зауралья, "представляя известное единство", отражают материальное проявление уральской этнической общности.

В книге дан также довольно обстоятельный обзор мезолитических памятников Прикамья, исследованных прежде всего Т.М. Гусенцовой и А.Ф. Мельничуком. Однако вне его остался тесно с ним связанный пласт своеобразных мезолитических древностей Волго-Вятского междуречья, выявленный в последние десятилетия В.В. Никитиным (1996), которому удалось показать неоднородный, симбиозный характер культуры мезолитического населения этого региона, впитавшего традиции уральской и волго-окской общностей. Корреляция этнокультурных процессов, протекавших в мезолите в обширной области между Волгой и Камой, представляется тем более важной, если мы возводим прауральскую общность к этой эпохе и подчеркиваем преемственность культуры палеолитического, мезолитического и неолитического населения в Приуралье.

Рассматривая древности неолитической эпохи Камско-Вятского междуречья, Р.Д. Голдина отмечает все усложняющийся ход этнокультурного процесса, который видится ей во

взаимодействии носителей трех неолитических культур: гребенчатой (волго-камской), ямочно-гребенчатой (балахнинской) и накольчатой керамики. На многих поселениях керамика этих культур залегает в единых комплексах, однако основу их составляет гребенчатая. Волго-камский неолит – в лице культур гребенчатой (КГК) и ямочно-гребенчатой керамики (КЯГК) – рассматривается Голдиной как еще не распавшаяся финно-угорская общность (см. рис. 192). В то же время признание финноязычности носителей КЯГК "раздвигает" рамки финно-угорской общности в неолите до берегов Балтики. Автор констатирует, что финноязычность племен КЯГК признается большинством исследователей (С. 91). Но тем же большинством (в том числе и Р.Д. Голдиной) признается преемственность КГК и гаринской; кроме того, В.В. Никитину (1996) удалось показать, что основой волосовских этнокультурных образований на Средней Волге было население КЯГК. Как быть в таком случае с признанием того, что волго-камский неолит является археологическим аналогом финно-угорской общности, а волосово-гаринская область эпохи раннего металла – финно-пермской (см. рис. 192)?

Глава III посвящена очерку истории населения Камско-Вятского междуречья в эпоху раннего металла и бронзы. Что касается названия главы, то бронзовый век – будь то ранний, средний или поздний – есть составная часть эпохи раннего металла (Черных, 1978). Кроме того, предложенное автором разделение культур Приуралья на два блока ("эпоха энеолита" и "эпоха бронзы") не соответствует современным представлениям о периодизации эпохи раннего металла. Структура первого раздела явно должна была быть иной. К условно энеолитическим могут быть отнесены только аборигенные образования (новоильинская, борская, гаринская, юртикская, волосовская и другие культуры), в которых наблюдаются относительно несложные приемы металлургии и металлообработки, сохраняется охотничье-рыболовческий характер экономики и которые не входят в систему Циркумпонтийской металлургической провинции (Chernych, 1988; Кузьминых, 1993).

Известно, что становление металлообработки у постнеолитических племен Приуралья в известной мере произошло под влиянием производства балановской и абашевской культур, что чирковские древности есть "дитя" балановско-волосовского "брака". Вероятно, именно эти факты явились для Р.Д. Голдиной основанием для рассмотрения данных культур наряду с аборигенными в рамках энеолитической эпохи. Но как в таком случае быть с сейминско-турбинскими древностями, исторические судьбы которых в Волго-Уралье были тесно переплетены с абашевскими, ведь следуя логике автора, их также необходимо отнести к энеолиту. Однако памятники сейминско-турбинского типа – в отличие от абашевских – рассматриваются во втором разделе вместе с культурами конца бронзового века. Следуя всеобщей периодизации эпохи раннего металла (Черных, 1978), в этом разделе было бы правомернее рассмотреть также балановскую, абашевскую и, возможно, чирковскую культуры, производственная деятельность которых была частью систем Циркумпонтийской и Евразийской металлургических провинций среднего и начала позднего бронзового веков. Если же за эпохами энеолита и бронзы в данной книге кроется некое хронологическое размежевание двух, тесно взаимодействующих блоков культур, то это требовало соответствующего разъяснения.

В очерке культур бронзового века Р.Д. Голдиной удалось главное, а именно показать панораму многообразия этнокультурных образований этой эпохи. Полагая, что все они в той или иной мере участвовали в культурогенезе пермского ананьинского мира, автор призывает объединить культуру Волго-Камья конца бронзового века в одну культурно-историческую общность (С. 161). Однако данный призыв вряд ли будет услышан специалистами, поскольку источниковедческая верификация позднебронзовых древностей в настоящее время еще далека от разрешения, тем более что одни из них (балым-карташиха, атабаево, луговская, малмыжская/буйская, сусканская, черкаскульская и др.) явно тяготеют к миру андроноидных культур. О формировании культурно-исторической общности, но в самом финале бронзового века, могут свидетельствовать лишь древности типа маклашеевки, быргынды (вернее, той ее части, что является аналогом маклашеевки), ерзовки и курмантау.

К сожалению, целостная картина культурогенеза бронзового века Волго-Камья, отражающая современный этап археологических исследований, еще не создана, и это не могло не сказаться на представлениях Р.Д. Голдиной о бронзовом веке Камско-Вятского бассейна. Концептуально она стремится дистанцироваться от халиковского видения древней истории региона (в том числе и эпохи поздней бронзы), опираясь по преимуществу на идеи и разработки, к которым пришли в 60–80-е годы исследователи, вышедшие из научных школ О.Н. Бадера и В.Ф. Генинга. Это касается прежде всего хронологии, периодизации и верификации ряда археологических культур и памятников. В частности, Голдиной вряд ли следовало соглашаться с представлением о том, что в Волго-Камье в конце бронзового века существуют наряду с буйской (бассейн Вятки) приказанская, луговская, курмантау и ерзовская культуры (см. рис. 67). Проблема верификации этих культур уже давно вызывает наибольшую разноголосицу мнений среди специалистов, изучающих бронзовый век, поэтому в настоящей книге, адресованной широкому кругу читателей, было бы корректнее ограничиться характеристикой локального своеобразия позднебронзовых древностей, нежели опираться на концепции 60–80-х годов, пересмотр которых является одной из актуальных задач археологии бронзового века Волго-Камья.

Ряд неточностей, закравшихся в данной главе, казалось бы, связан с некими традиционными представлениями, сложившимися в нашей науке, но, с позиции современного археологического знания, они явно требуют пересмотра. В их числе – утверждение о навыках земледельческого труда в энеолите (С. 110), балановской и абашевской культурах (С. 130, 139) и о плужном земледелии в срубной культуре (С. 165). Столь ответственные выводы требуют не косвенных, а прямых доказательств в виде зерен злаков – карбонизированных или отпечатков на керамике. В Волго-Уральском регионе последние обнаружены только в памятниках финала бронзового века (Лебедева, 1996), причем в Прикамье выявлен пока что единственный памятник такого рода – раскопанная А.В. Збруевой Луговская стоянка близ Елабуги. Нельзя согласиться с тем, что древнейшие медные изделия VIII–VII тыс. до н.э. связаны с юго-западным Ираном (С. 96). Географическая зона использования древнейшего самородного металла включала в себя более значительный район Ближнего Востока – от Анатолии и Сиро-Палестины на западе до Иранского Хузистана на востоке (Черных, 1972. С. 16–27; Рындина, 1983. Рис. 1). Сомнительными являются утверждения о том, что памятники балановской культуры занимают в основном Волго-Окское междуречье (С. 125)[1], что чирковских древностей нет на Ветлуге и Вятке (С. 130)[2], что Зуево-Ключевские могильник и поселение оставлены

[1] Известно, что распространены в основном в правобережных районах Среднего Поволжья, бассейнах Мокши, Суры и Свияги.

[2] См. ранние горизонты Богородского и Ройского городищ.

первыми скотоводами и земледельцами Прикамья (С. 135)[3], что абашевцы впервые освоили коренные меднорудные месторождения Урала (С. 141)[4], что первый памятник бронзового века на Вятке – поселение Буй 1 – открыт и исследован В.П. Денисовым в 1955 г. (С. 156)[5].

В главе IV даны очерки ананьинской и пьяноборской культурно-исторических общностей (VШ в. до н.э. – V в. н.э.), с которыми Р.Д. Голдина связывает формирование древнепермской общности и консолидацию в ее рамках древнеудмуртского объединения (см. рис. 192). Древности раннего железного века изучаются в Камско-Вятском междуречье уже около 150 лет, и все этапы их исследования автором подробно освещены. Сама археологическая составляющая в этих очерках менее всего вызывает вопросов: в книге представлена ясная, лаконичная и исчерпывающая характеристика памятников ананьинской и пьяноборской эпох. При этом активно используются материалы памятников, еще не в полной мере введенные в научный оборот (Буйское, Аргыжское и Кривоборское городища, Тарасовские селище 1 и могильник).

Автор убеждена в том, что к формированию древних удмуртов прямое отношение имеют нижнекамский, среднекамский и бельский варианты ананьинской культурно-исторической общности (АКИО). В Удмуртском Прикамье изучены все типы памятников этой общности. Наиболее распространенными из них являются городища, которые автор идентифицирует с административными и культовыми центрами. Погребальный обряд населения АКИО реконструируется по материалам Зуевского, Першинского и некоторых других могильников. Исследования, проведенные на поселенческих и погребальных памятниках, позволили Р.Д. Голдиной охарактеризовать материальную и духовную культуру ананьинского населения. Особое место в ее обзоре занимают металлические и костяные изделия, а также керамика. Анализ этих категорий находок позволил сделать определенные выводы о хозяйственном и этнокультурном развитии ананьинского общества.

Автор полагает, что основой хозяйственно-культурного типа населения АКИО была многоотраслевая экономика (С. 199). С этим можно согласиться, но с одной оговоркой: экономика ананьинского населения Удмуртского Прикамья базировалась прежде всего на придомном животноводстве; роль земледелия была явно второстепенной. Предположение о широком распространении подсечно-огневого земледелия в ананьинскую эпоху (С. 193) при отсутствии достаточных зерновых материалов вновь базируется на косвенных свидетельствах. Но были ли орудиями рыхления так называемые палки-копалки с костяными наконечниками (см. рис. 91, 7), предстоит еще доказать, изучив следы сработанности у этих орудий (трассологический анализ). Во всяком случае, есть свидетельства их иного применения: А.А. Чижевский в могильнике Мурзиха 2 зафиксировал их в качестве втоков наконечников копий. Некоторые из этих предметов, в том числе изображенные в книге Р.Д. Голдиной (см. фото между С. 160, 161), – без выщербин и с залощенным до блеска рабочим краем. По наблюдению трассолога А.Н. Усачука, они не могли использоваться в качестве земледельческих орудий. Обращает также на себя внимание отсутствие или небольшое количество такого рода наконечников в археологических культурах соседних регионов (дьяковская, городецкая и др.), имеющих навыки земледелия и столь же "костеносных", как и АКИО.

Внедрение подсечно-огневой системы земледелия предполагает широкое освоение не только приречных, но и глубинных участков Камско-Вятского междуречья – и соответствующей системы расселения. На наш взгляд, коллективное подсечное земледелие укоренилось в Прикамье лишь в последующую – пьяноборскую эпоху, когда действенным орудием подсеки стал железный топор. Поселенческие памятники АКИО приурочены в основном к крупнейшим водным магистралям региона – Каме и Вятке. Их травостойные поймы позволяли обеспечить запас кормов для зимнего стойлового содержания крупного рогатого скота и лошадей. Сами реки, а также пойменные озера и старицы, вероятно, способствовали сохранению в рамках многоотраслевой экономики оседлорыболовческого уклада, традиционного для аборигенных культур с мезолитической эпохи. Р.Д. Голдина справедливо обращает внимание на специфический набор промысловой фауны в приуральских памятниках АКИО (С. 196), который свидетельствует о возросших масштабах пушной охоты в ананьинскую эпоху по сравнению с бронзовым веком, а также целенаправленной охоте на медведя, но не из-за потребности в мясе, а прежде всего его добыче как животного – непременного "участника" связанных с ним жертвенных церемоний. С особым отношением ананьинского и гляденовского населения к медведю автор связывает широкое распространение в Прикамье культа медведя и появление святилищ с черепами и другими костями этого животного.

Р.Д. Голдина считает, что экономическое и социальное развитие ананьинского общества привело к имущественному расслоению, возникновению внутри него, а также на степной границе нестабильной обстановки. Это привело к формированию воинского сословия и вызвало к жизни институт вождей (С. 200). Свидетельством тому, по мнению автора, материалы погребальных памятников, появление парадного оружия и надгробных стел. Действительно, социально-экономическое развитие АКИО и активизация товарного обмена вызвали существенные перемены внутри ананьинского общества, однако их роль, как нам представляется, автор несколько преувеличивает, недооценивая фактор этнокультурной нестабильности, вызванный миграционными процессами той эпохи. Заметные палеоклиматические и палеоландшафтные изменения (повышенная увлажненность и заболачивание лесов) в бореальной зоне Северной Евразии в конце II – середине I тыс. до н.э. (Алешинская, Спиридонова, 2000) и – как следствие этого – миграционный поток таежных популяций, приуроченный прежде всего к основным речным системам севера и северо-востока Европы, изменили этнокультурную картину всего Волго-Камья (Кузьминых, 2000а).

В этой связи полемика о культурогенезе вятского ананьина (С. 190, 193), вернее, критика взглядов В.Н. Маркова (1994), выступившего с пересмотром традиционной концепции формирования вятских древностей АКИО, не может быть признана убедительной. Тем более мы не можем разделить убежденность Голдиной в том, что взгляды Маркова относятся к разряду научных заблуждений. Мы сможем с этим согласиться, если нас убедят в том монографические исследования памятников конца бронзового и раннего железного веков Вятского бассейна, завершаемые учениками автора Л.А. Сенниковой, Е.М. Черных и В.В. Ванчиковым. В то же время необходимо отметить, что Р.Д. Голдина както легко согласилась с В.Н. Марковым в том, что знаменитая стела из Ананьино – фальшивка XIX в. (С. 201). Сам Марков

[3] Вопрос о земледельцах спорный вообще, но первыми скотоводами на Каме правомернее назвать все же племена балановской культуры.

[4] Хотя они использовались еще носителями аборигенных энеолитических культур – суртандинской, аятской, липчинской.

[5] В действительности еще в 1923 г. М.Г. Худяков произвел раскопки Малмыжской стоянки, на которой был найден известный нож карасукского типа.

судит о ней по литературным источникам: воочию стелу он не исследовал. Его идея – до заключения экспертов – пока что даже не гипотеза, а научный пиар.

Р.Д. Голдина является убежденным сторонником отождествления населения АКИО с древнепермским единством. По мнению одного из авторов рецензии (Кузьминых, 2000б; Косарев, Кузьминых, 2000), связь АКИО только с древнепермскими племенами слишком прямолинейна. Западные группы населения АКИО, несомненно, имели отношение к этно- и культурогенезу финно-волжских народов. Приведенный Голдиной состав древнепермской лексики будто-то бы иллюстрирует общественно-экономические отношения, реконструируемые по археологическим материалам раннего железного века (С. 205). Не будучи специалистами в данном вопросе, не беремся судить обо всех приведенных словах, но некоторые из них с археологическими реалиями явно расходятся. Например, слова "лемех", "оброк", "аренда", "князь", "сталь" и ряд других скорее всего соответствуют эпохе средневековья, но не раннего железного века. Необходимо указать также на явно ошибочное представление о том, что железо появляется в Северной Евразии во второй пол. II тыс. до н.э. у племен срубной, абашевской и предкавказского варианта катакомбной культур (С. 166). Как известно (Терехова и др., 1997. С. 30–41), еще по крайней мере в III тыс. до н.э. кузнецами ямной и афанасьевской культур использовалось железо метеоритного происхождения. Широкое распространение кричного железа происходит в конце бронзового века – в срубной, белозерской, бондарихинской и других культурах, но не абашевской.

Следующую за ананьинской пьяноборскую общность (III в. до н.э. – V в. н.э.) Р.Д. Голдина рассматривает как древнеудмуртское объединение. Она полагает неоправданным выделение на прикамских материалах череды археологических культур, сменяющих одна другую, как это предлагал в свое время для постаньинских древностей В.Ф. Генинг и против чего решительно возражали в 60–70-е годы А.П. Смирнов (1963) и Ю.А. Краснов (1974). В то же время Голдина оперирует территориальными археологическими культурами (см. рис. 97), которые, по ее мнению, и составляют пьяноборскую общность. Такой подход к периодизации этих древностей в известной мере "примирил" взгляды Генинга и его оппонентов.

Среди культур пьяноборской общности в Удмуртском Прикамье лучше всего изучена чегандинская. В числе ее выдающихся памятников – Тарасовский могильник, который к настоящему времени является наиболее крупным раскопанным финно-угорским могильником эпохи первобытности – 1879 могил (С. 212). Очерк чегандинских древностей вобрал в себя новейшие разработки как самого автора, так и Б.Б. Агеева, Т.И. Останиной, О.А. Казанцевой и других исследователей. Р.Д. Голдина убеждена в плавном развитии материальной культуры прикамского населения вплоть до V в., и в этой связи мазунинские комплексы, вероятно, вполне правомерно не отделяются ею от чегандинских (С. 226). Особое внимание уделено автором характеристике женского костюма и керамического комплекса чегандинской культуры.

В бассейне реки Вятки Р.Д. Голдиной выделяется худяковская культура – вятский вариант пьяноборской общности. В нее включены памятники, которые В.Ф. Генинг относил к азелинской культуре III–V вв., а также более ранние памятники III в. до н.э. – III в. н.э., открытые в последние десятилетия. При этом памятники III–V вв. выделяются в азелинский этап худяковской культуры. Однако остается непонятным, почему вне ареала данной культуры остались азелинские древности западных и юго-западных районов Волго-Вятского междуречья (см. рис. 97). В то же время ареал худяковской культуры, на наш взгляд, неоправданно расширен в северном и северо-восточном направлениях.

Если очерк чегандинской культуры основан на надежной источниковой базе, то худяковской, при всей правомерности ее выделения, требует подкрепления новыми материалами, особенно обоснование выделения раннего – первомайского этапа. Призыв автора – отбросить сомнения относительно лакуны между ананьинскими и худяковскими памятниками (С. 229), к сожалению, не может быть поддержан, поскольку постаньинские материалы в бассейне Вятки весьма невыразительны. Хронология керамических комплексов Кривоборского, Буйского и Никульчинского городищ не ясна. Погребальных древностей ранее рубежа эр на Вятке пока что нет, что ставит под сомнение выделение раннего этапа культуры (III–I вв. до н.э.). Другое дело – выделение ошкинского и азелинского этапов, хронология которых обеспечена надежными поселенческими и погребальными комплексами.

Отдавая дань уважения исследователям вятских древностей 20–30-х годов, отметим, что в текст и список литературы (С. 226, 458) закралась ошибка, которую мы поначалу приняли за описку, а именно: в качестве исследователя Азелинского могильника называется М.Г. Худяков, однако на самом деле это его младший брат – сотрудник Малмыжского музея тех лет Иван Георгиевич Худяков (1922).

К кругу памятников пьяноборской общности отнесена кара-абызская культура в северо-западной Башкирии. На основе работ А.Х. Пшеничнюка в книге дан лаконичный, но емкий очерк данной культуры. Однако вне его осталось обсуждение вопроса о том, проявляется ли угорское наследие в мазунинской культуре, в сложении которой наряду с группами чегандинского населения участвовали и кара-абызские. Вопрос этот закономерно встает в связи с предполагаемой угорской принадлежностью гафурийско-убаларских древностей, которые вместе с ананьинскими явились одним из компонентов формирования кара-абызского культурного комплекса.

В бассейне реки Тулвы Р.Д. Голдиной выделяется среднекамский (красноярский) вариант пьяноборской общности. К настоящему времени О.А. Казанцевой учтено 122 памятника этой поры (см. рис. 121). Ранее некоторые из них В.Ф. Генинг выделял в рамках самостоятельной осинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э., а В.А. Обориным и Ю.А. Поляковым они рассматривались как южный вариант гляденовской общности. Однако материалы новых поселенческих и погребальных памятников, исследованных Камской и Камско-Вятской экспедициями Пермского и Удмуртского университетов, анализ погребального обряда, украшений, керамики, конструктивных особенностей домостроения привели Голдину к выводу о том, что по всем основным признакам эта группа памятников ближе к пьяноборской общности, нежели гляденовской. Как и в отношении худяковской культуры, проблематичным остается выделение горизонта ранних – постаньинских – древностей красноярской культуры.

Обращаясь к вопросам хозяйства и общественных отношений пьяноборской эпохи, Р.Д. Голдина пишет о том, что, начиная с этого времени, в Прикамье все большее распространение получает подсечно-огневая система земледелия. С ее внедрением заметно изменяется характер расселения камских финнов. Именно в эту эпоху начинают осваиваться водоразделы и глубинные районы Камско-Вятского междуречья. Но, судя по всему, подсечно-огневая система земледелия еще не стала преобладающей в этот период. Сохраняется комплексная система ведения хозяйства, которая, кстати, в данное время характерна и для поволжских финнов (Вих-

ляев, 2000. С. 34). Совершенно справедлив вывод Голдиной о том, что в условиях лесной зоны только многоотраслевая экономика обеспечивала прожиточный минимум населения заключительной фазы раннего железного века. Следует согласиться с автором и в том, что разложение первобытнообщинного строя в Прикамье шло в форме военной демократии (С. 259).

Завершает эту главу очерк о начале эпохи Великого переселения народов в Прикамье. В Восточной Европе с этой эпохой связан переход от раннего железного века к средневековью. Хронологические рамки данного периода в различных регионах определяются по-разному. Р.Д. Голдина прикамские древности этой эпохи относит к III–VII вв. Автором фиксируются по меньшей мере три волны миграций в Прикамье. Первая (III в.) и вторая (конец IV в.) осуществлены в южные районы Нижнего Прикамья и на Вятку протославянскими популяциями (именьковские и близкие к ним древности), третья (конец IV в.) – угорским населением в Северное Прикамье (С. 277). Автор права в том, что эти миграции придали мощный импульс социально-экономическому развитию древних пермян, а также существенно изменили вектор этнокультурных процессов в регионе.

Р.Д. Голдина высказывает предположение о западных параллелях ряда погребений Азелинского и Суворовского могильников (С. 262), хотя из дальнейшего описания складывается впечатление, что причины выделения данных захоронений носят скорее всего не этнокультурный, а социальный характер. Налицо захоронения воинов и племенной знати, имевших в своем обиходе предметы иноземного происхождения и не отличающихся по погребальному обряду от остальных захоронений этих могильников. Проблематично относить погребения с оружием Тарасовского могильника к захоронениям пришлого населения, ибо предметы вооружения быстро заимствовались в регионе в века как предшествующие, так и последующие, образуя своего рода "интернациональный" пласт материальной культуры.

Интерпретация биобрядности Тураевского могильника как результата смешения двух этнических компонентов оставившего его населения выглядит вполне обоснованной. Представляется также верным наблюдение автора о перемещении какой-то части степного зауральского населения в Прикамье в III–VII вв. Р.Д. Голдина связывает его с угорскими по своей этнической принадлежности группами – выходцами из среды саргатской археологической культуры. Необходимо отметить, что этот процесс, по всей видимости, не ограничивался временем великого переселения народов, а начался раньше – еще на рубеже эр. Примером тому появление своеобразных Кипчаковских курганов в Приуралье и памятников андреевско-писеральского типа в Среднем Поволжье.

Значительная часть книги посвящена исследованию средневековой истории и культуры удмуртского народа (глава V). При этом Голдина обращается к материалам прежде всего Камско-Вятской экспедиции УдГУ, хотя весомую роль в ее анализе играют также источники, полученные в ходе полевой деятельности УдИЯЛИ и опубликованные В.А. Семеновым, М.Г. Ивановой и А.Г. Ивановым. В раннем средневековье, по мнению автора, на территории Прикамья существовал ряд археологических культур, носители которых оказали существенное влияние на сложение удмуртского этноса. Например, в южной части Камско-Вятского междуречья такой культурой в VI–IX вв. была верхнеутчанская, которая, как полагает Р.Д. Голдина, испытала культурное воздействие именьковского (праславянского) и кушнаренковского (угорского) населения. Определенную роль в этнокультурной истории местного населения сыграли и древние венгры, оставившие в Нижнем Прикамье памятники типа Большетиганского могильника.

Однако гораздо большее значение имело взаимодействие пермян и тюркоязычного населения Волжской Булгарии. Оно фиксируется в материалах археологических памятников, тяготеющих к Камскому торговому пути и бассейну Чепцы. Но это влияние проявляется и в Южной Удмуртии, где в X–XIV вв. складываются своеобразные памятники чумойтлинской культуры (С. 297), получившей свое название по исследованному у села Чумойтло жертвенному месту. Его изучение, а также материалы других памятников, как подчеркивается автором, свидетельствуют о том, что и в период средневековья у населения Прикамья очень большую роль играл охотничий промысел. Пушная торговля, вне всякого сомнения, была стержнем устойчивых и длительных экономических, этнокультурных и иных связей населения Камско-Вятского региона и Волжской Булгарии. В особенности это сказалось на специфике этнических признаков южноудмуртского населения.

Один из разделов данной главы посвящен памятникам VI–XIII вв. Вятского края. Памятники VI–IX вв. Р.Д. Голдиной вслед за Н.А. Лещинской выделяются в самостоятельную еманаевскую археологическую культуру. На карте-схеме (см. рис. 143) ее ареал охватывает междуречья Вятки и Ветлуги, Вятки и Чепцы. При этом обращает на себя внимание немногочисленность памятников этой культуры, а также слабая насыщенность культурных слоев на большинстве поселений; невелико и количество погребений. Необходимо отметить, что в комплексах VI–VII вв. (см. рис. 155–158) имеется определенное количество предметов западного или южного происхождения: это и некоторые типы подвесок и привесок к ним, сюлгамы, единственная "мордовская" застежка с крылатой иглой (С. 320) и, возможно, ранние серповидные гривны.

Своеобразна еманаевская и в меньшей мере кочергинская керамика (рис. 161–162). Судя по рисункам, в еманаевском керамическом комплексе сочетаются местные камские традиции (круглодонность, слабая профилированность форм, своеобразный орнамент, восходящий еще к ананьинским прототипам) и ряд форм горшковидного облика с орнаментом в виде насечек по венчику и под ним, т.е. в традициях, присущих керамике западноволжских финнов. Однако каково их соотношение в еманаевском комплексе, остается неясным, хотя от решения этой проблемы как раз и зависит вопрос об этнической принадлежности вятских древностей. Несомненно одно: в еманаевских и кочергинских памятниках отчетливо проявляется, на наш взгляд, продолжающийся процесс распространения этнокультурных традиций финно-волжского населения, который в первой половине I тыс. н.э. фиксируется в древностях Марийского Поволжья (Зеленеев, 1992).

И.С. Галкин, на авторитетное мнение которого опирается Р.Д. Голдина (С. 329), пишет все-таки о более древних пластах пермской топонимики в Вятско-Ветлужском междуречье, относя ее существование здесь к периоду до начала нашей эры (Галкин, 1991. С. 18). Если же рассматривать распространение здесь марийских и удмуртских топонимов, то легко заметить, что в правобережье Вятки те из них, что с определенной долей условности можно соотнести со средневековым периодом, располагаются чересполосно (см. о марийских топонимах в этом регионе: Галкин, 1991. С. 19). Правда, это не может служить доказательством совместного проживания данных этносов. Не исключено, что топонимическая "чересполосица" свидетельствует о хронологических изменениях границы расселения двух этносов. Важно также отметить, что в Ма-

рийском Поволжье ареал пермских топонимов удивительным образом совпадает с распространением памятников азелинской культуры (с чем, в частности, соглашается Галкин), а к северо-западу от Илети начинается уже ареал поволжско-финской топонимики. В качестве примера приведем название р. Ошла, которое из мордовского языка может быть переведено как городская речка: "ош" – город, "лей (ла)" – река. И.С. Галкин согласен с наличием речного суффикса "ла". Попытки вывести перевод слова "ош" (медведь) из коми языка представляются нам маловероятными (Галкин, 1991. С. 93).

В свете вышесказанного кажется очевидным, что гипотеза о полном соответствии населения еманаевской культуры с одной из удмуртских групп населения требует подкрепления более надежными археологическими и лингвистическими доказательствами.

Еще одной из этнотерриториальных групп удмуртского народа было средневековое население бассейна Чепцы. Р.Д. Голдина подробно прослеживает историю археологического изучения средневековых памятников этого региона. В отличие от еманаевской и кочергинской культур в бассейне Чепцы обнаружено большое количество средневековых памятников, что позволило выделить две сменяющие друг друга археологические культуры: поломскую VI–IX вв., чепецкую X–XIII вв. и более полутора десятков территориальных групп. Городища и селища данного региона – с мощными культурными слоями – свидетельствуют о прочной оседлости населения. Чепецкие памятники – в отличие, к примеру, от вятских городищ-убежищ – вероятно, указывают на благоприятные условия жизнеобитания северных удмуртов. Могильники, в отличие от еманаевско-кочергинских, насчитывают заметно большее количество погребений.

Наличие значительного и хорошо датированного материала позволяет автору – в определенной степени вслед за В.А. Семеновым – выделить дробные этапы развития этих культур. Р.Д. Голдина показывает, как этапы поломской культуры соотносятся с соответствующими этапами ломоватовской и неволинской. Она подвергает критике гипотезу об угорско-самодийской принадлежности поломской культуры и склоняется к мысли о том, что ее основу составило автохтонное пермское население: преимущественно ломоватовское (коми-пермяки) и еманаевское (удмурты) (С. 366). По мнению автора, славянеское влияние начинает ощущаться на Чепце, как и на Вятке, с X–XI вв. Сменившая поломскую культуру чепецкая культура просуществовала до XIII в. Автор полемизирует с М.Г. Ивановой, которая настаивает на удмуртской принадлежности чепецких древностей. Голдина полагает, что в составе чепецкой культуры выявляется заметный коми-пермяцкий этнокультурный пласт, который и определил своеобразие и многокомпонентность этнической культуры северных удмуртов (С. 378).

В Заключении Р.Д. Голдина пытается ретроспективным путем выявить предковые культуры удмуртского народа. Вывод автора однозначен:" удмуртский народ в Камско-Вятском междуречье имеет глубокие исторические корни" (С. 404). К этому выводу, как известно, приводят не только данные археологии, но и антропологии, лингвистики и других смежных наук. По сути итогом исследования Голдиной является соотношение схемы (древа) развития уральской языковой семьи (общности) и археологических культур (см. рис. 192). Представленное древо есть не что иное, как попытка вынести на суд коллег археологический аспект проблемы формирования прежде всего пермских народов. Этим приглашением к дискуссии мы отчасти воспользовались, обсудив отдельные звенья древа. В целом же схема, предложенная Р.Д. Голдиной, представляется нам излишне "жесткой": полагаем, что в дальнейшем в данную конструкцию будут внесены изменения. Вероятно, с этим согласится и автор – иначе не имело смысла выносить на обсуждение эту сложную и многогранную проблему.

В последние годы в Волго-Уральском регионе, как и в России в целом, издано немало учебной и научно-популярной литературы, претендующей донести до читателя новейшие достижения археологической науки. Однако немногим из авторов этих трудов удается соответствовать тем требованиям, которые читатель вправе предъявить к книгам такого рода. Р.Д. Голдиной это в полной мере удалось. Неоспорим высокий научный и полиграфический уровень рецензируемой книги. Немалая доля в этом успехе принадлежит издательскому дому "Удмуртский университет". Монография отличается добротностью и высоким качеством исполнения; она богато иллюстрирована и снабжена географическим и именным указателями. Читатель, знакомясь с любым из этапов древней и средневековой истории Удмуртского Прикамья, имеет наглядное представление о территории, типах памятников, материальной и духовной культуре населения.

Труд Р.Д. Голдиной действительно является этапным исследованием, основанным на богатом и всесторонне изученном фактическом материале. Было бы наивно требовать от автора решения всех проблем археологии и этнокультурной истории Камско-Вятского междуречья. Однако мы считали своим профессиональным долгом заострить внимание на некоторых из них, чтобы в полемику по этим вопросам включились и другие специалисты. Книге Голдиной, надеемся, предстоит долгая жизнь. Она вызовет несомненный интерес не только у археологов, но и у этнологов, лингвистов, специалистов, интересующихся предысторией, искусством и мифологией финно-угорских народов. Но в особенности она будет востребована студентами, аспирантами и молодыми исследователями, оставаясь для них лучшим пособием по древней и средневековой истории Прикамья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной полосы Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. 2000. Вып. 4–I.

Белых С.К. О времени и причинах распада прапермской этнолингвистической общности // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.

Белых С.К. Пермские истоки этногенеза удмуртского народа (проблема распада прапермской общности). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.

Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Йошкар-Ола, 1991.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Зеленеев Ю.А. Новые элементы в материальной культуре Марийского Поволжья IV–VII вв. // АЭМК. 1992. Вып. 21.

Косарев М.Ф., Кузьминых С.В. К проблеме поисков уральской прародины // ТАС. 2000. Вып. 4–I.

Краснов Ю.А. Некоторые спорные вопросы этнической истории финно-угорских народов Среднего Поволжья // Тез. докл. и сообщений на XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974.

Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Ижевск, 2000а.

Кузьминых С.В. К проблеме поисков финно-угорской прародины // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Ижевск, 2000б.

Лебедева Е.Ю. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч. I. Уфа, 1996.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края // ТМАЭ. 1996. Т. IV.

Рындина Н.В. Человек у истоков металлургических знаний // Путешествия в древность. М., 1983.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.

Смирнов А.П. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века // КСИА. 1963. Вып. 94.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Худяков М.Г. Музеи Малмыжского края // КМВ. 1922. № 1.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. М., 1972.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Chernych E.N. Kupferzeit in Osteuropa: Grundmodelle der Kulturenwicklung // Rassegna di Archeologia. 1988. № 7.

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола — *Ю.А. Зеленеев*

Институт археологии РАН, Москва — *С.В. Кузьминых*

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

Археологические работы ведутся в настоящее время на всей территории Республики Узбекистан. В них участвуют сотрудники Института археологии им. Я. Гулямова АН Республики Узбекистан, Института искусствознания Академии художеств Республики Узбекистан, национального Университета Узбекистана, Самаркандского государственного университета, Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан, Каракалпакского университета, Нукуского педагогического института. В работе совместных археологических отрядов принимали участие иностранные ученые: Австралии (Древний Хорезм), Германии (Джаркутан, долина Сурхандарьи), Италии (Бухара, Самарканд), Польши (Кызилкумы), России (Пайкенд, Самаркандская, Ташкентская области), США (долина Кашкадарьи), Франции (Старый Термез, Афрасиаб), Японии (Каратепа, Дальварзинтепа). Объем проводимых ежегодно полевых работ в целом очень велик; материалы раскопок последних лет изданы в серии сборников.

Сборник (**История материальной культуры Узбекистана (Вып. 31. Самарканд, 2000. 267 с.)** включает в себя публикации полевых и теоретических исследований, проведенных в Республике в 1980–1990-е годы. Хронологический диапазон их чрезвычайно широк – от нижнего палеолита до начала XX в. Сборник открывает статья Ю.Ф. Бурякова, посвященная 85-летнему юбилею Г.А. Пугаченковой. Автор дает в ней высокую оценку многолетней плодотворной работе юбиляра по изучению истории и культуры Средней Азии. Значительный блок статей первой части сборника посвящен первобытной археологии. М. Хужаназаров и Б. Сайфуллаев вводят в научный оборот материалы нового палеолитического памятника Кук-аяз, обнаруженного в северо-восточной части Кызылкумов, датируемые в пределах нижнего – верхнего палеолита. Статья К.А. Крахмаля посвящена характеристике геоморфологических зон верховьев реки Чирчик и связанных с ними памятников палеолита. Н.Х. Ташкенбаев выявляет особенности материалов, полученных на памятниках Самаркандского региона: Кутурбулаке, Зирабулаке (верхний палеолит), Сиабче и Ходжамазгиле (мустье). Н.У. Холматов обобщает материалы, полученные при изучении мезолитических памятников низовьев реки Зеравшан, а также подробно рассматривает ареал и датировку нуклевидных скребков.

В статье Т.Ш. Ширинова дан анализ духовной жизни племен, населяющих Среднюю Азию в эпоху бронзы, автор пришел к выводу о том, что основой ее был протозороастризм. М.Х. Матбабаев рассматривает редкие формы керамики чустской культуры. В.Д. Рузанов сообщает о находке на одном из карьеров древнего оловянного рудника Карнаба фрагментов керамики поздней бронзы. Эта находка подтвердила высказанное ранее Б.А. Литвинским предположение о том, что данное месторождение разрабатывалось в эпоху бронзы. Д. Хуфф знакомит с результатами раскопок Узбекско-германской экспедиции на тепа VI Джаркутана, выявившими ранние постройки в центральной части памятника. Об очагах Джаркутана, открытых в ходе раскопок, сообщается в статье К. Рахимова.

Публикации материалов других периодов не образуют компактных блоков, поэтому они характеризуются мною в основном по тематике их содержания. В.Д. Рузанов, О.Р. Лушпенко знакомят с результатами рентгеноспектроскопических анализов новых находок металлических изделий бургулюкской культуры, происходящих большей частью с поселения Киндыктепа. Они показали, что для их производства использовалась медь, оловянистые и свинцовистые бронзы. Э.В. Ртвеладзе, основываясь на анализе монет, найденных преимущественно на Кампыртепа, а также письменных источниках, считает, что северо-западная Бактрия (Траксиана) входила во II в. до н.э. – I в. н.э. в состав Парфии и была освобождена от парфян при Сотере Мегасе (Виме Такто). Б.Х. Матбабаев и А.А. Грицына сообщают о результатах возобновившихся раскопок на городище Кува. Исследователи произвели разрез оборонительной стены шахристана и выявили последовательность ее перестроек. Вскрытые ими культурные слои охватывают период с IV–III вв. до н.э. по начало XIII в. В статье Ф.А. Максудова говорится об открытии на холме Кызлартепе, в западной части Маргилана, зороастрийского свя-

тилища I–III вв. н.э. М.Х. Пардаев публикует материалы стратиграфического шурфа на Калиятепа в Жизакском районе, которые датируются им от раннего средневековья до XVI в. А.М. Маликов продолжает исследования тюркских древностей Средней Азии, рассматривая следы их прибывания на Средней Сырдарье. К.А. Алимов, Г.И. Богомолов на основе материалов из кургана, раскопанного у поселка Ачмайли в Ташкентской области, исследуют контакты кочевников Бухары и Чача во II в. до н.э. – I в. н.э.

В серии статей, характеризующих керамическое производство, А.А. Анарбаев и С.Р. Ильясова рассматривают глазурованную продукцию Ферганы XI в., выявляя ее особенности и сходство с продукцией Согда, Шаша и Семиречья. О.А. Папахристу публикует керамический сосуд оригинальной формы XI в., найденный на поселении Мык в горной Уструшане. Она полагает, что этот сосуд служил для розлива вина, а орнамент, украшавший его верхнюю часть, имел семантический характер. С. Ильясова, Д.К. Мирзоахмедов, Ш.Т. Адылов вводят в научный оборот богатую коллекцию керамики IX–XI вв., полученную во время охранных раскопок в старой части г. Ташкент, выявляют некоторые ее особенности. Ташкентской керамике более позднего времени (вторая пол. XIX – начало XX в.) посвящена статья Д.К. Мирзоахмедова. Б. Болиев приводит результаты анализов древних глазурей из Бухары, Узгена и Кувы.

С.Г. Хмельницкий, касаясь храмов Пенджикента, считает их общественными зданиями и опровергает мнение Б.И. Маршака о том, что в одном из них имелась лебедка, с помощью которой поднимались и опускались экраны и завесы. Храм Джартепа II С.Г. Хмельницкий относит к дворцовых зданиям. Г.А. Пугаченкова возвращается к атрибуции Ишратханы в Самарканде. Вопреки П.Ш. Захидову, относящему памятник к дворцовым сооружениям, она приводит многочисленные доказательства того, что он являлся мавзолеем Тимуридов второй пол. XV в. Т.И. Лебедева анализирует архитектуру раннесредневековых замков Центрального и Южного Согда.

Л.С. Баратова публикует монетные находки из Каршинского оазиса, преимущественно из Еркургана: греко-бактрийские (Диодот I/II, Деметрий I), кушанские (Вима Такто, Канишка I, III), неизвестный правитель II–I вв. до н.э. Б.Д. Кочнев рассматривает на большом нумизматическом материале процесс создания Западного каганата Караханидов.

К. Абдуллаев и С. Раджабов публикуют керамическую плитку с изображением Диониса и Сатира, найденную на Саполтепа у селения Камаши в Кашкадарье. В заметке С.Б. Луниной речь идет о керамическом диске с городища Хантепа (Шахрисабз) с рельефным изображением, по ее мнению, мирового дерева и расположенных по обе стороны от него фигурок собак или львов и козликов. Она полагает, что этот предмет мог быть связан с погребальным или поминальным культом. А. Раимкулов и Г.П. Иванов сообщают о находке при раскопках жилого дома X–XI вв. в шахристане Кувы христианского, нательного крестика из серебра. М. Мамабетуллаев отождествляет терракотовую головку IX–X вв., найденную на городище Кердер, с изображением богини Умай. Предметом изучения Ю.Ф. Бурякова и К.А. Касымова стал бронзовый кувшин, случайно найденный у селения Карнаба, он датируется авторами X–XII вв. и предположительно относится к изделиям Тохаристана. Н. Торежанова рассматривает находки серег-лунниц и серег в виде вопросительного знака с территории Хорезма и относит их к изделиям половецких мастеров.

Научные публикации сборника завершаются статьей С.И. Мустафакулова, характеризующей позднесредневековый антропологический материал с городища Шахрухия. Автор пришел к выводу о том, что в основе этой серии лежит преимущественно европеоидный расовый тип Среднеазиатского междуречья.

В целом, на мой взгляд, сборник содержит значительные по объему и научной ценности археологические материалы и исследования, значение которых выходит далеко за пределы собственно Узбекистана.

Археологические исследования в Узбекистане (2000. Самарканд, 2001. 208 с.) – это первый выпуск сборника, который, как отметили во вступительной статье Т.Ш. Ширинов и Б.Х. Матбабаев, "будет выполнять своеобразную задачу отчета перед обществом и государством о проделанной в Республике работе по изучению культурного наследия прошлого". Он включает статьи руководителей отрядов, работавших на территории Республики в 2000 г.

На территории г. Андижан ведутся раскопки с целью определения даты его основания. Всего на территории города зафиксировано более 10 археологических памятников. Б.М. Абдуллаев, Г.П. Иванов, Б.Х. Матбабаев сообщают в своей статье о результатах раскопок на поселении Чордона. Самые ранние керамические находки с этого памятника датируются рубежом – началом I в. н.э. В Байсунском районе на юге Узбекистана К. Абдуллаевым изучалось городище Паенкурган. По его мнению, памятник возник в IV – начале III в. до н.э., как крепость на пересечении торговых путей из Согда в Бактрию. В кушанское время она превратилась в обычное поселение. К этому времени относится крупный некрополь. Н.А. Аванесова публикует результаты раскопок могильника эпохи бронзы Бустон VI. Сплошное вскрытие его территории позволило автору выявить могилы трех типов: поминальные сооружения, символические захоронения с антропоморфной и зооморфной скульптурой. Зафиксирован также обряд кремации.

А.А. Анарбаев, Ф.А. Максудов публикуют материалы IX–XIII вв., полученные при раскопках городища Ахсикент в Наманганской области. На площади 300 м^2 здесь выявлена серия помещений. В некоторых из них отмечены следы металлургического производства. А.Э. Бердимурадов, Т.И. Лебедева сообщают о результатах раскопок кладбища Чогардиза (X – начало XX в.) на территории Самарканда. Выявлена конструкция погребальных сооружений, найдено около 30 кайраков – намогильных камней с именами теологов, законоведов, ученых XII–XIII вв.

А.В. Беттс, В.Н. Ягодин сообщают об исследованиях на городище Ташкырмантепа, расположенном в Берунийском районе Республики Каракалпакстан. Результаты исследований позволили авторам сделать вывод о том, что памятник существовал с VI в. до н.э. до III–IV вв. н.э. и являлся храмом огня. В заметке Ю.Ф. Бурякова говорится о результатах совместного археолого-геологического изучения средневековых рудников Согда в районе Нуратау и Зерабулакских горах. О продолжающихся раскопках на Афрасиабе статья Ф. Грене и М. Исамиддинова. Здесь изучались: постройки ахеменидского и эллинистического периодов, дворец арабского наместника Абу Муслима, монументальный архитектурный комплекс VII–VIII в. н.э. При раскопках сооружений караханидского времени найдены фрагменты настенной живописи с изображениями гарцующей лошади, лица человека, птиц.

Д. Хуфф и Ш. Шайдуллаев охарактеризовали результаты раскопок поселения и могильника поздней бронзы Джаркутан. На цитадели памятника вскрыта серия керамических пе-

чей; на территории храма прослежены предшествующие ему строения. В статье М. Журакулова, Н. Холматова речь идет о работах экспедиции Самаркандского университета по изучению памятников каменного века в среднем течении реки Зеравшан. В частности, продолжались раскопки на городище Коктепа под Самаркандом. В процессе раскопок выявлены три культурных слоя: IX–VIII вв. до н.э., предахеменидский и раннеэллинистический. На одном из всхолмлений городища обнаружено богатое женское захоронение, датируемое I в. до н.э. – I в. н.э. Информация об этих раскопках дается в статье М. Исамиддинова, К. Рапена, Ф. Грене.

У. Исламов, А.И. Кривошапкин обобщают результаты раскопок грота Оби Рахмат в 1998–1999 гг., являющегося, по их мнению, охотничьей стоянкой. Для верхних слоев памятника получена радиоуглеродная дата 41000–46000 лет.

Б.Д. Кочнев дал обзор мусульманских монет, найденных на территории Узбекистана. Среди них автор выделяет две уникальные монеты: динар Казанхана с упоминанием монетных дворов "Бадахшан" и "Вахш", саманидский фельс Бинкета 918–919 гг., перечеканенный в Бухаре в 1428–1429 гг. Материалы раскопок золотоордынского поселения Миздахкана опубликованы М.-Ш. Кдырниязовым. Здесь была вскрыта двухъярусная гончарная печь, получен комплекс керамики XIII–XIV вв. М. Мамбетулаев, Ж. Турманов, А. Базарбаев сообщают о возобновлении раскопок на средневековом городище Кердер. На площади 500 м^2 вскрыты четыре жилых горизонта, датированных второй пол. VIII–IX вв. Третий горизонт дал значительный материал: керамические чираги, сфероконусы, фрагменты стеклянной и поливной посуды, детали поясного набора, медные монеты. Х.Ю. Мухитдинов сообщает о раскопках раннекушанского могильника Холниезтепа в Шурчинском районе Сурхандарьинской области. Здесь вскрыто 14 погребений в сооружениях трех типов: ямах, катакомбах, подбоях. Погребальный инвентарь состоит из керамических сосудов, бронзовых украшений, зеркал и железных ножей.

Результатам раскопок в Старом Термезе посвящена статья Ш. Пидаева, П. Лериша, О. Папахристу. В частности, изучались фортификационные сооружения предмонгольского времени. Они были возведены из обожженного кирпича; башни имели полукруглую форму. Раскопки фортификационных сооружений II–I вв. до н.э. велись на Большом Чингизтепа. При их строительстве использовался квадратный сырцовый кирпич (размером 36 × 36 × 12; 37 × 37 × 12 см). Расчищены 9 башен, длина куртин равна 17–19 м. Бойницы стреловидной формы расположены в толще оборонительных стен и башен. В стратиграфическом шурфе найдены остатки раннесредневековой платформы, которую прорезают бадрабы конца XII – начала XIII в.; XVI–XVII вв. В них найден разнообразный археологический материал. В приамударьинской части велись раскопки железоделательных мастерских и бани XIII в.

Продолжались раскопки и другого не менее значительного памятника этого региона – буддийского центра Каратепа (сообщение Ш.Р. Пидаева и Като Кюдзо). Работы велись на северном холме и в комплексах А и Б западного холма. В наземной части северного холма вскрыта большая ступа, имевшая первоначально квадратное двухступенчатое основание. В период правления Каниишки III основание ступы удлинили в восточную сторону, а подъем на него оформили в виде двухмаршевой лестницы шириной 2.25 м. Декор ступы, выполненный из резного камня, пострадал во второй пол. III в. н.э., видимо, во время сасанидского вторжения. На северном холме начаты раскопки святилища, включавшего серию помещений, в одном из которых имелся водоем. В наземной части комплекса А и Б западного холма открыта еще одна ступа, диаметр ее барабана равен 2.254 м, он покоится на квадратной двухступенчатой платформе. В нише, расположенной к северу от входа в комплекс, обнаружена скульптура сидящего Будды, рядом с ней скульптуры донаторов – мужчины и женщины.

Э.В. Ртвеладзе приводит список монет доисламского времени, найденных преимущественно на Кампыртепа и Тахти Сангине. Тахтисангинские монеты, происходящие с территории Таджикистана, попали в частную коллекцию, среди них есть драхма Александра Македонского, монеты Деметрия I, Евкратида I, Сотера Мегаса и др. Они подтверждают предложенную Б.А. Литвинским дату строительства храма – конец IV–начало III в. до н.э. В коллекции из Кампыртепа есть греко-бактрийские (Диодот, Деметрий, Евкратид) и кушанские (Сотер Мегас, Кадфиз II, Каниишка) монеты. В другой статье Э.В. Ртвеладзе сообщается об изучении крепости Шортепа, расположенной на берегу Амударьи. Автор полагает, что она возникла здесь при Ахеменидах как сторожевой пункт у переправы через реку. Э.В. Ртвеладзе и Б.А. Тургунов посвятили совместную статью бактрийской надписи, прочерченной на стенке тарного сосуда, найденного в окрестностях Дальварзинтепа, на месте некрополя. Н. Симс-Вильямс перевел эту надпись как "Вресман сделал (этот сосуд)". Авторы предлагают другой вариант ее перевода: "Мною сделан".

Г.Л. Семенов, Д.К. Мирзаахмедов, Ш.Т. Адылов, И.К. Малкиель публикуют результаты раскопок на цитадели и шахристанах I–II Пайкенда. В центре цитадели памятника расчищено основание минарета IX–X вв., состоящие из трех концентрических стен (диаметр 10.6; 7; 4.7 м). В дворцовом комплексе VI – первой пол. VII в., в юго-восточной части цитадели, обнаружен тайник, в котором находилось значительное число предметов вооружения: меч, кинжалы, наконечники копий и стрел, ножи, накладки на лук и детали панцирного доспеха. В хранилище обнаружены также глиняные буллы. На территории шахристанов раскапывалась жилая застройка IX–XI вв.

В Самаркандской области Н.Х. Ташкенбаевым ведутся исследования новых палеолитических памятников. К эпохе мустье относятся стоянки Кутурбулак и Зирабулак, а к верхнему палеолиту – Ходжамазгиль и Сиабча. Материалы раскопок позволили автору статьи сделать вывод о длительном обживании стоянок, а также выявить непрерывность развития традиции обработки камня на протяжении длительного времени, когда пластинчатая техника сочеталась с галечной. Б.А. Тургунов суммирует результаты многолетних раскопок на цитадели Дальварзинтепа в Сурхандарье. На значительной площади здесь вскрыты строения кроющего слоя (VI–VIII вв. н.э.). Они образуют компактные жилые блоки, разделенные узкими улочками. В помещениях были устроены очаги и камины-алтари, тануры, суфы. В меньшей степени исследованы культурные слои кушано-сасанидского времени; самые ранние культурные слои на месте цитадели относятся к греко-бактрийскому периоду. Во время раскопок получен богатый археологический материал: керамика, костяные и стеклянные изделия, монеты, терракота и т.д.

В низовьях Амударьи начаты раскопки городища "Бограхана". Здесь вскрыты мавзолей X–XI вв., мечеть XIII–XIV вв. и часть минарета IX–X в. Об этих раскопках сообщают М. Туребеков и А. Алимбетов. Другим объектом археологических исследований в этом районе стало городище Гяуркала Миздахканского археологического комплекса. Как сообщил М. Туребеков, на цитадели выявлены культурные слои IV в. до н.э. – XI в. н.э., мощность их достигает 3.6 м.

О раскопках нижнего слоя городища Шаштепа, находящегося сейчас в пределах г. Ташкент, говорится в статье М.И. Филанович, Г.И. Богомолова, Ш. Адылова, К. Алимова, Л. Баратовой. В ходе раскопок здесь вскрыта часть крестообразного в плане здания диаметром 44.5 м, имевшего, по мнению авторов, храмово-погребальный характер.

О работах по составлению археологической карты долины Кашкадарьи сообщается в статье М. Хасанова, Р.Х. Сулейманова, Д. Стронаха, С. Мохендали. Ими было обследовано около 100 памятников, определена их высота над уровнем моря и координаты. В результаты выяснилось, что наиболее густонаселенный район региона расположен ниже высоты 650 м над уровнем моря.

Г.Х. Ходжаниязов, В.Н. Ягодин, С.У. Хелмс, Б.П. Маклaрен сообщают о раскопках на Акшаханкале, где изучались фортификация и внутренняя застройка Нижнего и Верхнего города. Нижний город был обнесен кирпично-пахсовой стеной со стрелковой галереей шириной 2.3 м, углы его фланкированы квадратными (11.6 × 11.6 м) башнями. Вдоль внешних фасадов, на расстоянии 3.6–4.6 м от оборонительной стены идет протейхизма, толщина которой у основания 1.23–1.4 м. В 10 м от нее тянется ров. Аналогичную фортификационную систему имел Верхний город. Предполагается, что оборонительная его стена была трехъярусной, высотой 14–15 м. Ширина стрелковой галереи 2.5–3.2 м. Углы фланкированы квадратными башнями (16 × 16 м). Промежуточные башни шириной 9–10 м выступают наружу на 7–8 м. Длина куртин 18–22 м. Толщу стен и башен прорезают бойницы, расположенные в шахматном порядке, расстояние между ними 1.3 м, ширина 20–22 см. Высота бойниц изнутри 0.4–0.5 м, снаружи 1.1–1.3 м. Пространство между стеной и протейхизмой разбито на отсеки, засыпанные песком. Во время раскопок собрана коллекция керамики IV в. до н.э. – IV в. н.э., обломки каменных баз колонн, видимо, фрагменты глиняных статуй.

Статья Г. Ходжаниязова, Н. Юсупова, Ш. Амирова посвящена результатам раскопок могильника на возвышенности Крантау северо-западнее г. Нукус. Могильник формировался в течение нескольких столетий. В древности погребения были совершены оссуариях-хумах, которые, видимо, группировались вокруг дахмы, расположенной на вершине холма. В IX–XIII вв. погребения были грунтовыми, в позднем средневековье захоронения совершались в домиках. Об исследованиях, проведенных в г. Карман и его окрестностях (Навоийская область), сообщают М. Худжаназаров, Д. Мирзоахмедов, А.А. Грицына, К. Рахимов. Раскопки на Буркуттепа показали, что поселение на его месте возникло в IV–III вв. до н.э. и существовало до монгольского завоевания. После него город был перенесен на берег Зеравшана.

Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 1. Ташкент, 2000. 146 с.; Вып. 2. Ташкент. 2001. 133 с.

Оба сборника содержат материалы раскопок городища Кампыртепа, расположенного в юго-западной части Сурхандарьи, на берегу Амударьи. Памятник открыт в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе и изучается под его руководством с 1979 г. (с перерывом в 1992–1999 гг.) сотрудниками Тохаристанской экспедиции Института искусствознания Академии художеств Республики Узбекистан, Сурхандарьинского областного краеведческого музея, Ленинградского отделения Института археологии (1988–1991 г.) и Государственного музея народов Востока (Москва). Кампыртепа состоит из цитадели, примыкающего к ней с севера поселения, а также расположенных в его окрестностях некрополя, пристани и гончарных мастерских. Обзор статей обоих сборников дается суммарно.

Э.В. Ртвеладзе характеризует структуру, стратиграфию и датировку Кампыртепа. По его мнению, на месте цитадели в конце IV – начале III в. до н.э. возникла крепость (80 × 90 м), которая контролировала переправу через Амударью. Автор сопоставил ее с Пандахейоном (Греческой переправой) на Оксе. В юэчжийский период (II – середина I в. до н.э.) крепость продолжает функционировать. Во второй пол. I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. она входит в зону парфянской оккупации. Во второй пол. I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. крепость превращается в обитаемую цитадель, за ее пределами вырастают поселение и некрополь, на берегу Амударьи функционирует пристань.

С. Курбанов (Савчук), проводивший многолетние раскопки на цитадели, детально характеризует ее структуру. Всего здесь вскрыто 120 помещений, объединенных в 28 домовладений. Автор делит их на однокомнатные, двух-, четырех-, восьми-, девяти- и одиннадцатикомнатные. Кроме того, им выделено семь культовых комплексов, имеющих обходные коридоры и алтари огня. Домовладение включало жилые и хозяйственные помещения, иногда хумхану для хранения продуктов и жидкостей. Дома образуют блоки различной величины, разделенные между собой узкими улочками. На перекрестках некоторых улочек располагались однокомнатные постройки, – вероятно, торговые лавки. Структуре Кампыртепа посвящены исследования Д. Русанова. Автор прослеживает изменения, происходившие в планировке памятника в процессе его роста. Он полагает, что в кушанский период происходит перепланировка крупных домовладений цитадели с целью уменьшения больших помещений и увеличения их числа. Перепланировке не подвергся только культовый блок, расположенный в западной части цитадели. Д. Русанову удалось выяснить, что при возникновении поселения ров между ним и цитаделью был засыпан бытовым мусором, а на его месте образовалась улица. На поселении, по его мнению, имелось около десяти жилых блоков.

К. Шейко и Г. Никитенко публикуют результаты раскопок одного из жилых блоков поселения, расположенного в его северо-восточной части. Он четко выделяется в его структуре, так как ограничен со всех сторон улицами и оборонительной стеной. В статье авторами дается характеристика 26 помещений, культурных слоев, заполняющих их находок. В этой же части поселения ведет раскопки Л. Сверчков. В своей статье он сообщает об итогах исследования пяти оборонительных башен и части жилой застройки. Башни в плане квадратные (3 × 3.3 × 6.4 × 3.5; 6.6 × 4.3; 6.1 × 3.5; 9.5 × 7 м), они имеют внутренние камеры. Длина куртин равна 16–30 м. На некоторых участках зафиксированы протейхизма и берма.

В пригородной части Кампыртепа Э.В. Ртвеладзе вел раскопки погребальных сооружений. С некоторыми вариациями они представляют собой отдельные прямоугольные кирпичные камеры, объединенные в блоки-здания, имеющие, по мнению исследователя, погребально-культовое значение. В самих камерах найдены разрозненные человеческие кости, перед ними располагались культовые площадки, на которых совершались жертвоприношения. Здесь обнаружены многочисленные целые и разбитые керамические сосуды, кости животных, обгоревшие остатки растений, очаги, зернотерки и куранты, которые употреблялись для растирания зерен и растений. Часть захоронений совершена в камерах оборонительных башен, их сопровождает богатый погребальный инвентарь: керамические сосуды, украшения, глиняная женская статуэтка, держащая в одной руке голубя, в другой круглый предмет. И. Азимов, занимавшийся реконструкцией погребальных сооружений, предполагает, что камеры, вероятно, были сводчатыми, фасады их оформлялись в виде порталов.

В пригородной части Кампыртепа С. Болелов проводил раскопки гончарной мастерской, состоящей из обжигательной печи, площадки, вымощенной кирпичом перед ней, землянки (4 × 7.5 м), мусорной ямы (3.5 × 3.5 м) глубиной 0.9 м. Диаметр обжигательной камеры 2.10–2.15 м, стены ее выложены из кирпича и значительно заглублены в грунт. Имелось 13 продухов для горячего воздуха диаметром 12–13 см. При раскопках мастерской найдено 54 керамических сосуда, изготовленных на круге, они датируются автором греко-бактрийским временем.

Во время раскопок Кампыртепа получена богатая археологическая коллекция. В частности, обнаружена серия терракот, обобщающую характеристику которых дает Дж. Ильясов. Им выделяются статуэтки эллинистического, юэйчжийского и кушанского периодов. На некоторых из них, например, на изображении, как считает автор, греко-бактрийского воина, с мечом и щитом, он останавливается подробно. Дж. Ильясов выделяет также редкую для Кампыртепа статуэтку Будды.

О. Цепова исследует орнамент керамики, выделяя несколько его видов: прочерченный, штампованный, объемно-пластический (налепы), ангобирование и лощение по ангобу. Она отмечает греческое и римское влияние в орнаментике керамики.

В. Лунева посвятила свое исследование ювелирным изделиям. Это – бусы (каменные и стеклянные), подвески, серьги, височные кольца, браслеты, кольца, перстни. Она объясняет семантику некоторых из них, приводит результаты химических и спектральных анализов стеклянных и металлических изделий.

В. Никоноров публикует гребень из слоновой кости, относящийся к кушанскому времени. На одной стороне его черной тушью нарисовано погрудное изображение молодой женщины, на другой – изображение петуха. Автор выявил сходство женского портрета на гребне с изображениями женщин в живописи Мирана.

Ф. Аюпова и А. Горин характеризуют подражания монетам Гелиокла (13 экз.) и монеты Сотера Мегаса (31 экз.), найденные в разное время при исследовании Кампыртепа. На основании стратиграфии монетных находок авторы пришли к выводу о том, что застройка цитадели памятника осуществлялась при Сотере Мегасе. Краевед Ш. Устаев приводит несколько легенд о поселении (Кафиршахаре) и цитадели Кампыртепа (Кафиртепа), которые передают некоторые реальные события, проходившие в разное время в этом уголке Бактрии.

Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001. 127 с.

Сборник содержит материалы исследований археологических и архитектурных памятников долины Сурхандарьи, проведенные в разные годы.

Э.В. Ртвеладзе во время рекогносцировочных работ в горах, обрамляющих долину с запада, обнаружил, по его мнению, упоминаемые в письменных источниках петры – скалы, на которых скрывались бактрийцы во время завоевания региона войсками Александра Македонского. Автор отождествляет петры с куэстами – горными массивами с плоскими вершинами: Сари Маска, Капкаглы-Аузы, Сусистаг (скала Сисимфра). При раскопках цитадели Дальварзингтепа были обнаружены две гончарные печи, изучение которых проводил А.А. Восковский. Печи двухъярусные, их стенки выложены из пахсы, имеются продухи для горячего воздуха между камерами. Диаметр камер равен 1.25 м и 1.65 м. На основе найденной керамики автор датирует печи II в. до н.э. Д.В. Русанов описывает драхму правителя из Северной Бактрии Агафокла, найденную на этом же памятнике.

К.А. Абдуллаев, Т.Д. Аннаев информируют о раскопках 10 погребений I–II вв. н.э. могильника Рабат, случайно обнаруженного в северо-восточной части долины. Авторы характеризуют погребальный обряд и инвентарь: украшения, предметы туалета, керамику. В статье И.Т. Батырова и К.А. Шейко описываются археологические находки из Кампыртепа, хранящиеся в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея в г. Термез. С.В. Левушкина приводит результаты спектральных анализов медных предметов с этого памятника. Она выявила некоторые особенности их состава. Треть вещей имеет 3% примеси железа, в одном случае сплав приближается по составу к томпаку. Те изделия, которые требовали особой прочности, например наконечники стрел, изготовлены из чистой меди. Чаще всего древние мастера применяли трех- и четырехкомпонентные сплавы на основе меди: медно-свинцово-оловянистые и медно-свинцово-цинково-оловянистые. В.П. Никоноров анализирует три кампыртепинские терракотовые статуэтки – изображения двух воинов и женского персонажа. Н.Г. Скугарова рассматривает костяную заколку, хранящуюся в этом музее.

Статья Б.Я. Ставиского посвящена Орлиной горе (Ходжа Гульсуар), которая была им осмотрена в 1979–1983 гг. Он дает описание самой горы и остатков строений, видимо кушанского времени, расположенных на ней. В.В. Лунева исследует технику литья ювелирных украшений Северной Бактрии. В.А. Завьялов, Ш.Р. Пидаев публикуют две кушанских терракоты с изображением боддисатвы. Они очень похожи, хотя и найдены на городищах Зартепа и Хаитабадтепа, удаленных друг от друга на 30 км. С.Б. Болелов анализирует керамические комплексы VII–VIII вв. н.э. Шуробкургана и Бабатепа. Он обосновывает их датировку, выявляет некоторые морфологические и технические особенности. Г.М. Майтдинова характеризует образцы раннесредневековой одежды, найденной в захоронениях термезского "Кургана". На их основе она выделяет характерные признаки бактрийско-тохаристанского костюма.

О результатах раскопок на цитадели городища Шуробкурган речь идет в статье П.И. Гендельмана. Им выявлено пять этапов ее обживания, начиная с IV–V до XVII–XVIII вв. В процессе раскопок изучалась фортификация цитадели. Автором получена значительная коллекция средневековой керамики. Ш.Р. Пидаев рассматривает находки каменных изделий в Старом Термезе. Большей частью это котлы, автор делит их по форме туловища на три типа. Среди других изделий он выделяет чернильницу. Е.Г. Некрасова публикует результаты раскопок 1979–1980 гг. сырцового архитектурного памятника термезского оазиса Кырккыз. На основе керамики и монет она датирует его XIV–XV вв. Ранее исследователи датировали его в пределах VI–XI вв.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина *В.С. Соловьев*

ТВЕРСКОЙ КРЕМЛЬ: КОМПЛЕКСНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: "Европейский дом", 2001, 234 с.

Рецензируемый сборник статей знаменует собой качественно новый этап в изучении одного из важнейших средневековых городов Руси, столицы Тверского княжества (1247–1485 гг.) – Твери. Его открывает обстоятельная статья редактора сборника В.А. Лапшина об истории изучения Тверского кремля. В ней он подробно охарактеризовал этапы исследований на территории Тверского кремля и их опубликованные результаты. Не вызывает сомнений, что наиболее масштабные археологические исследования Твери, значительно превышающие все осуществленные ранее вместе взятые, проведены именно под его руководством. Площадь этих работ (раскоп Кремль-11) охватила территорию в 1400 м^2, на которой был открыт целый квартал древней Твери со следами улиц и усадеб, где было выявлено 11 строительных горизонтов в диапазоне около 160 лет. Количество индивидуальных находок в раскопе составляет 9000 экземпляров и десятки тысяч фрагментов кожи и керамики (С. 16).

Статья о результатах дендрохронологического исследования дерева из раскопа Тверской кремль-11 принадлежит перу Н.Б. Черных и А.А. Карпухина. Ее авторы выделили семь строительных периодов на данном участке кремлевской территории в отрезке 70-х годов XIII – конца 30-х годов XV в. (С. 27). Таким образом, вопрос о древнейших напластованиях на территории кремля, пока датируемых по материалам раскопок Н.В. Жилиной в 1983–1984 гг. второй четвертью – серединой XIII в. (Малыгин, 1989. С. 149–151), здесь поставлен быть не может.

Строительным горизонтам раскопа посвящена статья В.А. Лапшина. Ему удалось выявить 11 горизонтов застройки, древнейший из которых датируется 1282–1288/1296 гг., а наиболее поздний – 1433–1436/? гг. (С. 66–68), что, несомненно, свидетельствует о высоком качестве полевой документации.

Сопоставление данных радиоуглеродного анализа и дендрохронологии раскопа Кремль-11 проведено в статье С.Г. Попова. По его данным, в большинстве случаев калиброванные датировки отличаются от дендродатировок в сторону удревнения на несколько десятилетий, чему он приводит вполне логичное объяснение (С. 73).

Как всегда очень интересна и фундирована новая статья П.Д. Малыгина "Средневековые письменные источники о топографии Твери". В ней, говоря о времени возведения города на мысу между Волгой и впадающей в нее Тьмакой, то есть собственно о Твери, он уже не в первый раз обращает внимание исследователей на статью Воскресенской летописи под 1238 г., которую косвенно подтверждает и очень близкое к ней по времени начало упоминания в источниках "тверичей" – под 1245 г. Местонахождение летописной Твери более раннего времени он связывает с "Глинянным городищем" на Загородском посаде (С. 82), что кажется вполне вероятным.

Статья А.М. Салимова и М.А. Салимовой представляет собой скрупулезное исследование застройки и использования территории раскопа Тверской кремль-11 в Новое время.

Производственным традициям в кузнечном ремесле Твери посвящена статья Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой. По их заключению, в тверской коллекции ножей, состоящей из 177 экземпляров, в соотношении простых – 42.5% и прогрессивных – 57.5% технологий предпочтение отдается сварным, в то время как в Новгороде их соотношение составляет соответственно – 30.2 и 69.8%. "Таким образом, – пишут они, – тверское кузнечное ремесло развивалось в рамках той же тенденции, что и новгородское, но при большем удельном весе архаических схем". Исследовательницы сравнивают эти данные с наиболее показательной коллекцией из "Изяславля", где из 219 ножей 153, или 69.9%, откованы в архаичных технологиях и только 66, или 30.1%, – с использованием наварки, и приходят к выводу, что кузнечное ремесло Южной Руси развивалось в иных технологических традициях (С. 110, 111). Все это обоснованно и понятно, но не ясно как же объяснить прямо противоположную ситуацию в соотношении архаичных и сварных технологий в Пскове, за исключением ранних слоев Крома и Довмонтова города, и в Изборске (Вознесенская, 1996. С. 227; Закурина, 2000; Розанова, 1997. С. 212; 1998. С. 286. Табл. 2), где в отдельных выборках материала исследователи вообще не обнаружили сварных технологий (Глинский, 1977. С. 131; Хомутова, 1983. С. 31).

Весьма интересная статья А.Н. Егорькова "Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени" вызывает недоумение своим названием, поскольку "монгольское время" ни в Твери, ни на Руси, как отдельный исторический период, выделять не принято и такая терминология неуместна. Кроме того, удивляет очень невысокая точность химического анализа состава стекла. Где микропримеси? По своему опыту знаю, что современные спектро-химические методы позволяют выявлять их наличие в тысячных долях процента.

Зерновые материалы из раскопок в Тверском кремле исследовала известный специалист в области карпологии Н.А. Кирьянова. По ее заключению, "соотношение встречаемости культур в находках и количественное соотношение зерен различных культур в материалах Твери характерны для земледелия таежно-лесной зоны Восточной Европы в конце XIII – первой пол. XV в." (С. 160). Единственным сколько-нибудь серьезным отличием является коэффициент засоренности скоплений зерна, верхняя граница которого (0.086) в 2 раза превышает известный ранее предел засоренности (0.042) для таежно-лесной зоны (С. 162).

Результаты определения костных остатков млекопитающихся из раскопок 1994–1997 гг. опубликованы М.Е. Ланцевой и В.А. Лапшиным. Объем проделанной ими работы по сбору и анализу материала не может не впечатлять. До вида было определено 38715 костей, что составляет около трети всех собранных костных остатков, а общее минимальное количество особей составило 3011. Авторы отмечают существенное отличие Твери по соотношению основных видов домашних животных от Новгорода и близость к материалам Москвы. Оно заключается в относительно низком удельном весе крупного рогатого скота и высоким свиньи. В то время как в Новгороде удельный вес крупного рогатого скота возрастает от 40% в XI в. до 59% в XV в., мелкого рогатого скота – сокращается (С. 171). Надо полагать, что относительно невысокий удельный вес крупного рогатого скота характеризует более поздние по времени создания по сравнению с Новгородом, Псковом или Изборском, городские центры, заселенность вокруг которых затрудняла выпас скота в летнее время и не позволяла заготовить достаточное количество сена для его прокорма зимой. Об этом же свидетельствует исключительно высокий, для данного хронологического отрезка процент особей диких животных (8.64%) в культурных напластованиях Твери, который естественно близок более ранним материалам из Старой Рязани (10%) и Старой Ладоги (11.5%) и уступает Пскову (18%). В период, характеризуемый авторами, даже крупные звери водились в прилегающей к городу

округе в таком изобилии, что кости диких "мясных" и "пушных" животных соотносятся как 7 : 3 вместо обычных 1 : 1 (С. 172).

Итоги изучения остатков ихтиофауны из раскопа Тверской кремль-11 подведены в статье Е.К. Сычевской. По ее мнению, преобладание среди них осетровых, в особенности таких редких, как белуга, требовавших специального промысла в отдаленных районах, заставляет предполагать, что основная масса остатков принадлежит княжескому столу (С. 181). Заключение исследовательницы о том, что "наибольшая интенсивность промысла и потребления рыбы приходится на XIV в." (С. 183), то есть на время максимального, пусть и периодического политического взлета тверских князей, подтверждает вывод В.А. Лапшина (С. 224) о высоком социальном положении хозяев усадеб 6 и 5 горизонтов (1333–1385 гг.)

Статьи Т.В. Рождественской посвящены тверским берестяным грамотам № 3–5 и надписям на предметах. Среди последних особенно выделяется фрагмент кованного золотого креста-энколпиона со сканным орнаментом на лицевой и гравированной, но не читаемой как связный текст кириллической надписью первой пол. XIV в. на оборотной стороне (С. 210). Он подробно охарактеризован в статье Т.А. Чуковой "Памятники тверского прикладного искусства (раскоп Тверской кремль-11)". Его уникальность, помимо отсутствия прямых аналогий среди древнерусских памятников, состоит, по мнению автора статьи, в отсутствии на нем изображений, поскольку трудно предположить, что изображение на несохранившейся части энколпиона могло помещаться только выше средокрестия (С. 206, 207. Рис. 1, *1*). Все это верно. Однако замечу, что более 30 лет назад, в детстве, в моем распоряжении была, к сожалению тогда же утраченная, лицевая половина бронзового энколпиона, случайно найденного школьниками в одной из башен Изборской крепости XIV–XVII вв. Так вот на ней были выгравированы: мертвая голова чуть выше средокрестия, едва-едва намеченные двумя линиями ноги на нижней и одиночными линиями руки на боковых лопастях, а также надписи IC на левой, XC на правой и NIKA на верхней лопастях. Так что полностью исключить еще более сокращенную композицию на тверском кресте, по-видимому, нельзя.

Предметы с изображениями тамгообразных знаков из раскопок в тверском кремле скурпулезно исследованы С.В. Белецким. Вопрос о первом из них – деревянной миске с изображенным на дне трезубцем – автор оставил открытым (С. 192). Вероятным владельцем двузубца с отрогом внутрь на правом зубце на перстне из оловянистого сплава С.В. Белецкий считает Мстислава-Фёдора Изяславича (С. 198). Гончарное клеймо в виде двузубца на дне сосуда автор счел возможным отнести к числу древнерусских княжеских знаков (С. 199).

Сборник завершает небольшая, но емкая по содержанию статья В.А. Лапшина "Вместо заключения (комментарий археолога)". В ней автор весьма доходчиво объясняет причины несовпадения семи пиков заготовки бревен, выделенных в статье Н.Б. Черных и А.А. Карпухина и 11 строительных горизонтов, выявленных им при раскопках, а также причины несовпадения периодов строительства и пожаров (С. 221). Важным представляются установленные им даты общих для всего города перепланировок, полученные путем сопоставления строительных горизонтов раскопов 1993–1997 и 1985 гг. (С. 222. Табл. 2). Большой интерес вызывает сделанное В.А. Лапшиным сопоставление палеографических и дендродатировок предметов с надписями. А priori все понимают, что между изготовлением вещи или написанием грамоты до выпадения ее в культурный слой должно пройти какое-то время, но сколько точно никто не знает. Согласно данным статьи, бронзовый крест-энколпион с изображениями Распятия на лицевой стороне и Богоматери-Одигитрии на оборотной попал в землю не ранее, чем спустя 160 лет после изготовления. Через полстолетия та же судьба постигла обломок золотого энколпиона. Продолжительность хранения грамоты Василия Калика могла составить 70–90 лет, и наконец рядовые бытовые предметы и грамоты почти сразу выходили из употребления (С. 223, 224. Табл. 3). Ни чем другим, кроме предположения В.А. Лапшина о хранении казны тверских князей в виде гривен киевского типа, нельзя, по-видимому, объяснить находку в горизонте 1311–1330 гг. подделки такой гривны, которой посвящена в сборнике специальная статья М.П. Сотниковой. Застой в развитии технологии кузнечного ремесла и запаздывание верхних дат многих вещей по сравнению с новгородской шкалой автор объясняет тем, что "Тверь за это время несколько раз подвергалась военным нападениям и разрушениям, отстраивалась заново, и все силы направлялись на восстановление, а не на развитие" (С. 224). Характеризуя комплексы городских усадеб, В.А. Лапшин выделяет две из них в горизонтах 6 и 5: принадлежавшие, по его мнению, представителям княжеской администрации. Несомненно, верен и его вывод о невысокой степени грамотности среди жителей города в целом. Интересными представляются его наблюдения о существовании на территории усадеб горизонта 6 костерезной, бронзолитейных, кузнечных и кожевенных мастерских (С. 225). Как известно, именно ремесленные мастерские, в существовании которых в древнерусских городах никто не сомневался, фиксируются исследователями довольно редко (Куза, 1984. С. 4).

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемый сборник является замечательным "прологом" к обещанной его редактором полной публикации вещевого материала из раскопа Кремль-11, после чего Тверь займет достойное место в числе наиболее изученных археологами средневековых городов Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вознесенская Г.А. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996.

Глинский Е.А. Металлографический анализ изделий из черных металлов Довмонтова города древнего Пскова // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977.

Закурина Т.Ю. Металлографическое исследование железных предметов из раскопок на ул. Ленина в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. науч. семинара 1996–1999. Псков, 2000.

Куза А.В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179.

Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города, М., 1989.

Розанова Л.С. К вопросу о технологии изготовления железных изделий в средневековом Пскове (по материалам Довмонтова города) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). Т. II. СПб.; Псков, 1997.

Розанова Л.С. Результаты металлографического исследования железных изделий из Изборской крепости // Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток, 1998.

Хомутова Л.С. Первые итоги технологического исследования кузнечной продукции Изборского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. док. Псков, 1983.

А.Р. Артемьев

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток

Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль (Proceedings of the 17-th International Radiocarbon Conference, June 18–23, 2000, Jerusalem, Israel) Radiocarbon, 2001, vol. 43, № 2–3; 1278 p.

17-я Международная радиоуглеродная конференция собрала около 220 специалистов, работающих как в сфере развития радиоуглеродного (далее – ^{14}C) метода, так и его использования в геологии, археологии, экологии, медицине и других науках. Участники конференции представляли около 140 коллективов, работающих в области ^{14}C-датирования. 29 лабораторий используют технически наиболее прогрессивный метод ускорительной масс-спектрометрии (accelerator mass spectrometry, AMS), все шире входящий в практику изучения археологических объектов. В России в настоящее время активно работают девять лабораторий, использующих более традиционный жидкостно-сцинтиляционный метод.

Основное внимание в данном сообщении уделено работам, связанным с археологической тематикой. Необходимость дать обзор основных результатов этой проводящейся регулярно (раз в три года) представительной конференции состоит в том, что в российских археологических журналах все чаще появляются аналитические статьи, в которых ^{14}C-датирование используется как один из основных методов исследования. Это лишний раз свидетельствует о важности радиоуглеродного метода для археологов и работающих с ними представителей естественных наук.

В разделе "Методы датирования" интересны работы, касающиеся получения ^{14}C-дат по достаточно "экзотическим" углеродсодержащим веществам. В статье Э.В. Стотт (A.W. Stott) и др. представлены результаты датирования стеариновой кислоты ($C_{18:0}$), выделяемой методом газовой хроматографии из липидов. Эти жироподобные вещества, входящие в состав только живой материи, практически всегда сохраняются в керамике, использовавшейся в древности для приготовления пищи. Для получения ^{14}C-даты методом AMS необходимо всего около 10 г керамики.

В статье М.К. Чон (M.K. Cheoun) и др. дается методика извлечения углерода из железных артефактов. Поскольку вплоть до XVIII–XIX вв. при изготовлении железа и стали использовался древесный уголь, есть возможность датировать ^{14}C-методом углерод, содержащийся в железном изделии. Для датирования методом AMS было использовано 80 мг железа при содержании углерода 2.7%. Измельченное железо после очистки ацетоном от масел было растворено в слабом растворе хлорной меди ($CuCl_2$), в результате чего коллоидный углерод после взаимодействия с положительным ионом Cu^+ выпал в осадок. После удаления остатков меди путем растворения осадка в соляной кислоте с пропусканием через раствор кислорода, полученный углерод (выход 70% при примеси железа около 30%) был использован для датирования.

В сообщении А.К. Кук (A.C. Cook) и др. приведена другая, сравнительно простая методика выделения углерода из железных изделий. Первоначально проводится травление очищенного от ржавчины изделия в 10% азотной кислоте; после этого железо нагревается в 9-мм стеклянной трубке в условиях вакуума вместе с избыточным количеством окиси меди (как источником кислорода) до температуры 1000°C в течение 10 часов. В результате образуется углекислый газ, преобразующийся затем в графит для датирования методом AMS.

В статье Я.Н. Лантинга (J.N. Lanting) и др. представлены результаты ^{14}C-датирования костей из погребений по типу кремации в Северной Европе. В процессе кремации (температура около 600°C) коллаген – основной объект датирования – полностью выгорает, и остается лишь минеральная фракция кости. Содержащийся в ней биоапатит в процессе кремации перекристаллизуется и хорошо сохраняется в дальнейшем, даже в кислых почвах. Содержание такого углерода в кости сравнительно низкое (около 0.1%), но вполне достаточное для датирования методом AMS.

В разделе "Привязка по зубцам и древесные кольца" статья К.Б. Рэмзи (C.B. Ramsey) и др. посвящена оценке трех различных методов так называемой привязки по зубцам (перевод принятого в англоязычной литературе термина – "wiggle matching") серий ^{14}C-дат к калибровочной кривой, для определения календарного (т.е. астрономического) возраста. Проанализированы методы χ^2 (хи-квадрат), Монте-Карло и бейесианской статистики; установлено, что они дают сходные друг с другом результаты.

В статье А. Паздур (A. Pazdur) и др. приведены результаты ^{14}C- и дендрохронологического изучения остатков 132 деревянных лодок в Польше, начиная с бронзового века (II тыс. до н.э.). Получено 56 дат, при этом отмечено хорошее соответствие калиброванных ^{14}C-дат и дендродат.

Две работы посвящены высокоточному ^{14}C-датированию и "привязке по зубцам" дендрошкал пазырыкской культуры Горного Алтая. В статье В.А. Дергачева и др. дана оценка возраста кургана Пазырык 2 на основе шести дат, полученных для бревна из кургана, разделенного на части по 20 годичных колец в каждой. С помощью метода χ^2 установлено, что курган был сооружен около 300 г. до н.э. (с ошибкой ±25–35 лет).

В статье И.Ю. Слюсаренко и др. сделана попытка "привязки по зубцам" опорной 415-летней "плавающей" дендрошкалы пазырыкской культуры, на основе ^{14}C-датирования 363-летнего образца лиственницы из кургана 1 могильника Уландрык 4. Результатом "привязки" методом бейесианской статистики серии из 17 дат, полученных по образцам, состоящим из 20 древесных колец каждый, стало определение времени сооружения данного кургана – около 240 г. до н.э. Таким образом, время возведения курганов пазырыкской культуры на плоскогорье Укок, также находящихся в пределах 415-летней дендрошкалы, может быть оценено около 230–190 гг. до н. э.

В разделе "Возраст резервуара" представлены новые данные, необходимые археологам при оценке ^{14}C-возраста тех объектов (в основном костей людей и животных), в питании которых значительная роль принадлежала пище водного происхождения (речные и морские моллюски, рыба, млекопитающие и др.). За счет различного содержания изотопа ^{14}C в одновозрастных наземной и водной экосистемах, при датировании объектов последней, равно как и остатков людей, широко использовавших водные организмы в пищу, происходит удревнение ^{14}C-возраста объектов из водной среды – вплоть до 1000 лет и более. Величина расхождения между полученной датой такого объекта и возрастом одновременного ему наземного объекта (например, древесины) носит название "поправка на эффект резервуара" или "воз-

раст резервуара". Для внесения соответствующих поправок необходимы методические работы в каждом географическом регионе Земли.

В статье Г.Т. Кука (G.T. Cook) и др. приводятся результаты определения "возраста резервуара" для памятников мезолита и раннего неолита из района Железных Ворот на Дунае (в основном Лепенский Вир). Поправка при датировании человеческих костей составляет около 300–500 лет (в сторону омоложения).

В двух сообщениях представлены данные по "возрасту резервуара" северо-западной части Тихого океана. М. Йонеда (M. Yoneda) и др. провели параллельное ^{14}C-датирование костей наземного (пятнистый олень) и морского (тюлень) животного из одних и тех же слоев "раковинной кучи" на юге о. Хоккайдо (Япония). Разница в ^{14}C-возрасте за счет "возраста резервуара" составляет около 630–800 лет (в среднем 780 лет).

Близкая величина поправки на "эффект резервуара" – около 700 лет – получена Я.В. Кузьминым и др. по результатам датирования раковин морских моллюсков, собранных в первой пол. XX в. на прилегающем к Хоккайдо о. Кунашир (Курильские острова). Это необходимо учитывать при анализе ^{14}C-дат по костям людей данного региона, в котором, начиная с 7000 ^{14}C-лет назад (далее – л. н.), широко практиковались морской зверобойный промысел и собирательство морских моллюсков.

В разделе "Торф, почва, осадки и спелеотемы" несколько работ представляют интерес для археологов. В статье Н.Е. Зарецкой и др. приводятся новые ^{14}C даты мезо-неолитических стоянок Верхней Волги, залегающих в торфяниках – Ивановское 7 и Становое 4. Подчеркивается, что между датами, полученными из одних слоев по разному материалу – с одной стороны, по торфу и гиттии; с другой стороны, по крупным фрагментам необработанной людьми древесины – постоянно наблюдается несоответствие, тогда как даты по обработанной древесине хорошо согласуются с датами по гиттии и торфу. Авторы объясняют это тем, что при отмирании крупных деревьев происходит падение в толщу неуплотненного торфа остатков древесины, в результате чего они проникают в более древние торфяные слои. Для мезолита получены следующие даты: ранняя бутовская культура – около 10000–9300 л. н.; средняя бутовская культура – 9300–8500 л. н.; финальная бутовская культура – 7500–7100 л. н.; иеневская культура – 9600 л. н. Для неолитической льяловской культуры получены даты около 5900–5100 л. н.

Статья А.Л. Александровского и др. посвящена изучению ^{14}C-возраста почв Ипатовского кургана в Ставропольском крае, относящегося к эпохе бронзы (майкопская, ямная и катакомбная культуры). Начало сооружения кургана датировано около 3500–2700 гг. до н.э., завершение – около 2600–2450 гг. до н.э. Отмечается, что около 3500 и 2550 г. до н.э. климат был очень засушливым, особенно 2600–2450 гг. до н.э.

Раздел "Археология" посвящен результатам и проблемам применения ^{14}C-метода для решения самых различных задач археологии и антропологии. В статье Р.Е. Тэйлора (R.E. Taylor) и др. сведены воедино хронологические данные для одной из самых известных палеоантропологических находок Нового Света – Кенневикского (Kennewick) скелета, обнаруженного в 1996 г. в долине р. Колумбия, (штат Вашингтон, США). Актуальность исследований связана с получившим широкую огласку скандалом, вызванным требованиями сразу нескольких племен североамериканских индейцев вернуть им скелет для захоронения с соблюдением индейских традиций. В 1996 г. по фрагменту кости Кенневика была получена ^{14}C-дата 8410 ± 60 л. н. В дальнейшем выяснилось, что значительную роль в питании Кенневика играла рыба (вероятно, лосось), которая давала около 70% потреблявшегося им белка. Таким образом, после введения поправки на "эффект резервуара", равной около 750 лет для этой части Мирового океана, возраст скелета необходимо уменьшить примерно на 530 лет, пропорционально доле "морского" протеина в его питании. Скорректированный ^{14}C-возраст Кенневика стал равен 7880 ± 150 л. н.

В статье Э. Валлада (H. Valladas) и др. приведены новые ^{14}C-даты, полученные методом AMS по углю, входящему в состав красящего пигмента наскальных рисунков в пещерах Испании и Франции. По испанским памятникам получены следующие даты: Ковачиелла (Covaciella) – около 14000–14300 л. н.; Альтамира – 13500–14800 л. н. (наиболее достоверный возраст рисунков около 14300–14800 л. н.); Эль Кастийо (El Castillo) – 10500–14000 л. н. (для некоторых изображений было сделано по 5^{14}C-дат). Для двух пещер Франции были получены следующие даты: Коске (Cosquer) – около 27000–28000 л. н. (6 дат) и 18500–19700 л. н. (10 дат); Шавэ (Chauvet) – 30500–32000 л. н. (5 дат) и 26000–27000 л. н. (4 даты). Таким образом, росписи пещеры Шавэ являются на сей день наиболее древними в мире (см. также обзор: в Кузьмин, 2001).

В статье Е.М. Вильд (E.M. Wild) и др. приведены новые даты по костям пещерных медведей известной стоянки Виндия (Vindija) в Хорватии, полученные с помощью ^{14}C- и ураниториевого методов. Результаты, полученные обеими методами, хорошо соответствуют друг другу; отложения, содержащие кости одних из самых поздних неандертальцев Европы, датируются около 28–33 тыс. календарных лет назад (далее – кал. л. н.; для перевода в шкалу летоисчисления от Рождества Христова, т.е. гг. до н.э., необходимо вычесть из данной величины 1949 лет).

В работе Й. Факореллиса (Y. Facorellis) и др. рассматриваются результаты ^{14}C-датирования пещеры Теопетра (Theopetra) в Греции. Пещера была обитаема с 48000 л. н., что установлено на основании 60 дат. Последовательность дат помогла выявить несколько временных интервалов, когда пещера не была заселена человеком – около 30000–16500 л. н. (примерно отвечает максимуму последнего похолодания), 11000–9700 л. н. (отвечает похолоданию поздний дриас) и 5500–1300 л. н. Переход от мезолита к неолиту датирован около 8000 л. н.

В статье У. Зоппи (U. Zoppi) и др. дана хронологическая характеристика энеолита северной Италии. На одной из стоянок в районе Альба (Alba), в 50 км к юго-востоку от г. Турин, находка медного объекта была датирована около 5400 л. н. (конец V тыс. до н.э.). Начало подлинного энеолита относится к середине IV тыс. до н.э. и связывается с первой миграцией индоевропейцев на север современной Италии. Переход к эпохе бронзы в Пьемонте датирован XIV–XIII вв. до н.э.

В работе Е.М. Вильд (E.M. Wild) и др. представлена хронологическая основа позднеолитической культуры Баден (Baden) в Центральной и Восточной Европе, на основе 75 ^{14}C-дат. Согласно датам, а также с учетом археологической периодизации культура Баден делится на два принципиальных этапа – 1) Болераз (Boleráz), около 3700–3300 кал. л. н.; и 2) классическая Баден, 3600–2500 кал. л. н. Выяснилось также, что две другие культуры неолита Юго-Восточной Европы, Езеро XIII–VII (Ezero XIII–VII) и Ситагрой (Sitagroi), существовали одновременно с классическим Баденом. На основании ^{14}C-хронологии можно предположить, что культура Баден зародилась в Центральной Европе, и затем распространилась на юго-восток континента.

Работа Н.Н. Ковалюха и др. является примером достаточно редкого вида применения ^{14}C-метода – датирования икон (к статье прилагаются цветные фотографии семи датирован-

ных древнерусских икон). Методом AMS, а также жидкостно-сцинтиляционным методом были датированы наиболее поздние древесные кольца деревянных досок, на которых нарисованы иконы. В целом ^{14}C-возраст хорошо соответствует датам, определенным на основании изучения художественного стиля; однако икона "Святой Георгий с житием" оказалась на 100–200 лет древнее, чем считалось ранее, и сейчас датируется концом X – началом XI в. н.э.

В сводной статье З.А. Абрамовой и др. представлены ^{14}C-даты палеолита Среднего Поднепровья (всего около 90 дат). Памятники разделены на три хронологические группы: 1) брянский интерстадиал, 25000–22000 л. н. (Хотылево 2, Новгород-Северский, Бердыж, Юровичи); 2) максимум последнего оледенения, 21000–17000 л. н. (Пушкари 1, Погон, Елисеевичи 1); 3) финал валдайского оледенения, 16000–12000 л. н. (Тимоновка, Юдиново, Мезин, Добраничевка, Кирилловское, Межиричи). Памятники третьего этапа сходны по материальной культуре с мадленом Западной Европы, но, по мнению авторов, отличаются от него типом экономики, основанной в Среднем Поднепровье на добыче мамонта (в мадлене – северного оленя).

В сводке А.Ю. Алексеева и др. дана хронология скифских памятников Евразии на основе ^{14}C- и археологических данных. Авторами подведен итог многолетних (с 1960-х гг.) исследований по ^{14}C-хронологии культур скифского мира степной Евразии, для чего привлечено около 170 дат (их список включен в текст статьи). ^{14}C данные в целом хорошо соответствуют археологической хронологии. В скифской эпохе выделяются три фазы: 1) Аржан-Черногоровская (VIII–VII вв. до н.э.); 2) Майемир-Келермесская (VII–VI вв. до н.э.); 3) Пазырык-Чертомлыкская (V–III вв. до н.э.).

В работе Гуо Ж. (Guo Z.) и др. сделана попытка проверить с помощью ^{14}C-метода древнейшую письменную историю Китая, на примере памятника Тянма-Кюкун (Tianma–Qucun) в провинции Шанси. Здесь раскопано крупное поселение времени династии Западная Чжоу (Western Zhou), с многочисленными погребениями. На основании калибровки с помощью бейесианской статистики (когда известна последовательность во времени событий, которым отвечают те или иные образцы, т. е. погребения) ^{14}C-дат по костям людей, время окончания Западной Чжоу определено как 796–754 гг. до н. э., что хорошо соответствует летописным данным – 770 г. до н. э.

В статье Й. Гёрсдорфа (J. Görsdorf) и др. представлены ^{14}C-даты по ряду опорных памятников эпох бронзы и раннего железа южной Сибири – Уйбат, Потрошилово, Кривая, Байкара, а также дана сводная ^{14}C-хронология афанасьевской, окуневской, андроновской, карасукской и тагарской культур (см. также: Кузьмин, 2001). Установлено, что древнейшие погребения могильника Суханиха относятся к афанасьевской культуре и датируются первой половиной III тыс. до н.э., иногда – рубежом IV и III тыс. до н.э. Вслед за афанасьевской следует окуневская культура, датированная на стоянках Уйбат и Чебаки последней третью III тыс. до н.э., иногда – самым началом II тыс. до н.э. Авторы утверждают, что хронология основных культур бронзы и раннего железа юга Сибири все еще приблизительна; подчеркивается, что использование некалиброванных дат является анахронизмом.

Два сообщения посвящены одному из важнейших аспектов археологии – хронологии памятников с древнейшей керамикой. В обзорной статье Я.В. Кузьмина и Ч.Т. Килли (C.T. Keally) дан обзор состояния дел с ^{14}C-хронологией начального неолита Восточной Азии. В этом регионе находятся самые ранние в мире памятники со свидетельствами производства керамической посуды. В настоящее время керамика в слоях, датированных по ^{14}C около 14000–13000 л. н., известна в трех районах Восточной Азии – в южном Китае, на Японских островах и на Дальнем Востоке России (Среднее и Нижнее Приамурье). Авторы считают, что производство керамики появилось в этих районах практически одновременно, но в то же время независимо друг от друга, так как сходства в технологии и орнаментации древнейшей керамики не отмечено.

В статье Т. Накамуры (T. Nakamura) и др. речь идет о ^{14}C-хронологии древнейшего неолита Японских островов и прилегающего региона Дальнего Востока России. Датирование методом AMS нагара на керамике стоянки Одай Ямамото 1 (Odai Yamamoto 1) на крайнем севере о. Хонсю дало значения возраста от 12680 л. н. до 13780 л. н., среднее – 13100 л. н. (см. также обзор в: Кузьмин, 2002). Самая древняя дата по углю из того же слоя – около 13500 л. н. На этом основании время появления керамического производства в Японии датируется авторами около 13100 л. н. (возможно, вплоть до 13800 л. н.), что соответствует около 15800 кал. л. н.

В статье Л.К. Файфилда (L.K. Fifield) и др. представлен обзор другой важнейшей проблемы археологии – времени заселения Австралии. Образцы угля, использовавшегося для ^{14}C-датирования пещерной стоянки Дэвилз Лэйр (Devil's Lair) в юго-западной Австралии, были подвергнуты интенсивной химической обработке для удаления "молодого" углерода, с последующим сжиганием при различной температуре (340, 650 и 900°C) для контроля возраста разнотемпературных фракций углерода образца. Углерод, полученный при температурах 650 и 900°C, был датирован методом AMS. Возраст уровня с наиболее древними артефактами – около 45000 л. н.; принимая во внимание ^{14}C-даты около 40000 л. н. для двух других памятников северо-западной Австралии, Риви (Riwi) и Карпентерс Гэп (Carpenter's Gap), авторы уверенно заявляют о заселении юго-запада Австралии около 45000 л. н.

Отдельный выпуск трудов конференции (№ 3, 236 с.), "Хронология Ближнего Востока: археология и природная среда", включает целый ряд работ, в которых вводятся в оборот новые данные по хронологии важнейших археологических памятников и культур региона. В статье Д. Надела (D. Nadel) и др. приводятся данные о ^{14}C-возрасте единственной позднеплейстоценовой стоянки на берегу Тивериадского озера (Израиль) – Охало 2 (Ohalo 2); авторами получено 29 дат в интервале 21000–18000 л. н. Памятник обычно находится ниже среднего уровня озера, и только благодаря чрезвычайно низкому уровню в 1989 г. археологам удалось его обнаружить. Следует отметить, что благодаря тому, что памятник был затоплен водой, многочисленные органические остатки (включая собранные людьми плоды и семена растений) прекрасно сохранились, и доступны для ^{14}C-датирования.

В статье О. Оренш (O. Aurenche) и др. дана развернутая характеристика ^{14}C- и календарной хронологий таких событий, как зарождение земледелия, скотоводства и производства керамики на Ближнем Востоке, на основе критического анализа около 1300 ^{14}C-дат, из которых надежными признана лишь 731 дата. Протонеолитическая натуфийская культура существовала около 12500–8300 кал. л. н. Ранняя фаза докерамического неолита B (PPNB) датируется 9200–8300 кал. л. н.; средняя фаза PPNB, отвечающая началу земледелия и скотоводства 8400–7500 кал. л. н. Таким образом, в настоящее время можно говорить о начале неолита на Ближнем Востоке около 8300–8000 кал. л. н.; появление керамики датируется несколько более поздним временем – 7500–7000 кал. л. н. Градостроительство в Месопотамии, связанное с убейдской культурой, датируется около 6000 кал. л. н.

В статье М. Бертон и Т. Леви (M. Burton, T. Levy) дана развернутая характеристика ^{14}C-хронологии энеолита южного Леванта (Синай, Израиль, Палестина, Иордания), на основе около 160 дат. Важно отметить, что даты заполняют весь интервал существования энеолитических комплексов – V–IV тыс. до н.э. – без каких-либо лакун, что говорит о достаточно высокой степени изученности его ^{14}C-хронологии. В целом энеолит юга Леванта датируется около 4500-3600 кал. л. н.

Две статьи посвящены хронологии древнего Египта. В работе С. Севеджа (S. Savage) дается основа для ^{14}C-хронологии керамики додинастического Египта. Результаты датирования 30 образцов керамики говорят о ее возрасте около 3800–3100 кал. л. н.

В статье Дж. Бонани (G. Bonani) и др. приведена ^{14}C- и календарная хронологии Древнего и Среднего царств Египта, включая такие известные объекты, как пирамиды Джосера, Хеопса, Хафры, Мелькара и др. Время существования Древнего царства (3-я – 6-я династии) определено в целом как 2800–2300 кал. л. н.; первого междуцарствия (8-я династия) – около 2300 кал. л. н.; Среднего царства (12-я династия) – около 1750 кал. л. н.

В статье Х. Брюинса и Й. ван дер Плихта (H. Bruins, J. van der Plicht) проводится ревизия хронологии раннего бронзового века Иерихона на основе ^{14}C-датирования короткоживущих образцов (преимущественно обугленных зерен злаков). Установлено, что возраст эпохи ранней бронзы Иерихона и связанных с ним 1-й – 6-й египетских династий гораздо древнее (не менее чем на 200–400 лет), чем считалось ранее на основании исторических данных.

В работе А. Гильбоа и И. Шарона (A. Gilboa, I. Sharon) дана оценка возраста исторических событий Финикии и окружавших ее центров Средиземноморья в раннем железном веке, на основе ^{14}C-датирования памятника Тел Дор (Tel Dor) (всего 22 даты). Начало экспансии финикийцев в соседние регионы и проникновение финикийского алфавита в Грецию определено как середина X в. до н.э.

Две работы посвящены ^{14}C-хронологии эпох бронзы и раннего железа Йемена. В статье Й. Гёрсдорфа и Б. Фогта (J. Görsdorf, B. Vogt) публикуются новые ^{14}C-даты памятников Малайба (Ma'layba) и Сабир (Sabir). Даты по стоянке Малайба укладываются в интервал 2000–1300 гг. до н.э. Для памятника Сабир одноименной культуры самые ранние даты относятся к XII в. до н.э. (сооружение древнейших стен); в XI–X вв. до н.э. началось производство керамики. Вторая статья тех же авторов посвящена хронологии района Мариб (Ma'rib), в частности храма Альмаках (Almaqah), известного также как "Трон царицы Шебы". Установлено, что храм был построен в конце IX в. до н.э.; разрушение храма приходится на рубеж I в. до н.э. и I в. н.э., а окончательно он был заброшен в конце IV в. н.э.

Таким образом, в трудах симпозиума нашла отражение та важнейшая роль ^{14}C-датирования, которую оно играет в современных археологических исследованиях, фактически превратившись в *независимый метод изучения хронологии древних культур*. Остается надеяться, что российские археологи будут и впредь работать в тесном творческом контакте с представителями естественных наук в деле изучения хронологии и природной среды культур далекого прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРАЫ

Кузьмин Я.В. Обзор "Радиоуглерод и археология". Тр. 3-го междунар. симпозиума. Университет Клода Бернара–Лион 1. Лион 6–10 апреля 1998 г. // РА. 2001. № 4.

Кузьмин Я.В. Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток

Я.В. Кузьмин

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 2, с. 182–191

ХРОНИКА

"АСТРОНОМИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ" (Международная конференция Европейского общества астрономии в культуре – SEAC, Москва, 2000)

Конференция "Астрономия древних цивилизаций" Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) состоялась в рамках объединенного Европейского и Национального Астрономического Съезда (JENAM), проходившего в Москве, в Государственном институте им. Штернбернга МГУ 23–24 мая 2000 года. В числе организаторов конференции – Евразийское астрономическое общество, Государственный институт им. П.К. Штернберга МГУ, Институт археологии РАН. Председатель Оргкомитета конференции – д.ф.-м.н. Обридко В.Н.

На конференции было заслушано 45 докладов из 16 стран (Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Испании, Казахстана, Мексики, Польши, России, Румынии, США. Украины, Швеции, Швейцарии, Эстонии). Подобная международная конференция по проблемам археоастрономии в России состоялась впервые. Тезисы конференции опубликованы: JENAM 2000. Associated Symposium "Astronomy of Ancient Civilization, Editors V.N. Obridko, V.L. Staerman. Moscow: Euro-Asian Astronomical Society, Moscow State University Sternberg Astronomical Institute.

На конференции были заслушаны результаты научных поисков археологов, астрономов, историков, этнографов, филологов, геофизиков, палеоклиматологов по проблемам археоастрономии – новой отрасли науки, формирующейся на стыке гуманитарных и естественных знаний[1]. Уже сам круг перечисленных научных дисциплин, их разноплановость свидетельствуют о междисциплинарности археоастрономии, о сложной и глубокой системе связей, существующих между различными научными направлениями, в той или иной мере связанными с археоастрономией.

Вне археоастрономического "понимания" отдельных проблем разных наук трудно постичь их структурное и смысловое содержание. Особенно это относится к археологии, где планиграфия большинства археологических объектов находится в соответствии со специфическим пониманием древними обитателями конкретных регионов структуры мира и календарной системы. Археоастрономическая семантика пронизывает все категории древних памятников (святилищ, погребений, петроглифов, поселений), что требует объединенных методологических подходов почти всех упомянутых выше научных дисциплин.

Археоастрономия как научное направление имеет исключительную важность для выявления не только истоков и этапов развития астрономических знаний, но и для реконструкции древних мировоззренческих комплексов, характера и содержания древних производственных циклов, этапности палеоклиматических колебаний, корректировки периодизации и хронологии археологических культур, разгадки тайн древнего мифотворчества, исследования путей и форм развития календарных систем и древнего знания в целом.

Само определение содержания понятия "археоастрономия" ("палеоастрономия"), как самостоятельной научной дисциплины и круга задач, охватываемых ею, все еще остается дискуссионным, хотя со времени становления этого научного направления прошло более 30 лет. Это вполне закономерно, поскольку сутью любой науки является определение ее предмета и выработка системы понятий и классификационных критериев.

В результате в настоящее время продолжают иметь место существенные разночтения, касающиеся археоастрономической терминологии, характера и предела допустимости интерпретации методов разных наук на междисциплинарном уровне, меры компетенции и меры ответственности представителей разных наук в понимании доли своего участия в междисциплинарном исследовательском процессе. Это естественно, учитывая, что новое междисциплинарное направление во всем мире, в том числе и в России, развивается быстрыми темпами и принимает в свои ряды новых специалистов.

Потому задачи и цели археоастрономии продолжают оставаться трудными и ответственными, особенно по части определения проблем, которые должны явиться предметом ее акцентированного внимания. Но есть основания полагать, что эти трудности будут постепенно преодолеваться объединенными усилиями ученых всего мира благодаря регулярным встречам на конференциях, дискуссиям, совместным публикациям. Это ярко демонстрируют и материалы Московской конференции SEAC-2000.

Представленные на конференции доклады включают широкий спектр проблем, важных для понимания многих аспектов истории древнего общества, его логики, психологии, менталитета, стимулов развития, манеры адаптации, опыта выживания. Темы докладов связаны с местом археоастрономии в системе современной археологии и астрономии, с уровнем древних астрономических знаний и их использованием в различных сферах жизни древнего населения Европы, Ближнего Востока, Урало-Сибирского региона, Средней Азии, Мезоамерики. Рассматриваются также вопросы культовой и астрономической интерпретации археологических памятников разных эпох, организации поселенческих и ритуальных комплексов, древних календарных систем, их места и роли в культуре населения, астрономических представлений в древнем фольклоре, исследуются солнечноземные связи по палеоклиматическим данным.

В целом материалы, представленные в археоастрономических исследованиях, отражают уровень осмысления древними людьми разных эпох структуры Вселенной и основного смысла Мироздания. В этом нет ничего удивительного: вся мифология древних, верования и культура так или иначе связаны со звездным небом, структурой и расположением созвездий, движением планет. Именно с неба приходили, по мнению древних, основные законы и постулаты морали, именно законы "небожителей" как бы отражались в жизни людей. И наоборот, установившиеся представления о красоте, эстетике и гар-

[1] Часть докладов, прочитанных на конференции, опубликована параллельно на русском и английском языках в сборнике "Астрономия древних обществ", М., 2002.

монии переносились на устройство мира и отражались в научных представлениях.

Прочитанные на конференции 45 докладов могут быть сгруппированы по пяти узловым темам, получившим отражение в представленных материалах: методология, археоастрономия по археологическим и историческим источникам, этноастрономия, история астрономии, палеоклиматология.

Методологическим вопросам археоастрономии были посвящены три доклада.

В.Н. Обридко (Россия) затронул вопросы взаимодействия двух наук – археологии и астрономии, благодаря которому в последние годы удалось получить интересные результаты по ряду исследовательских направлений. В первую очередь, это касается вопросов датировок исторических и астрономических событий; вариации солнечно-земных связей на больших временных интервалах; поиска внеземного разума (Search of the Extra Terrestrial Intelligence, аббревиатура – SETI).

Один из ведущих мировых специалистов по археоастрономии *К. Раглес* (Великобритания) обратил внимание на важность и полноправность археоастрономического направления в археологических исследованиях в целом. На примере ряда памятников из разных регионов мира автор показал историческую перспективу развития археоастрономии. Особое внимание было уделено ряду ключевых теоретических и методологических положений, наиболее актуальных в археоастрономии сегодня.

М. Ставинчи (Румыния) в своем докладе "Астрономия и культура" попыталась показать роль астрономии в различных областях теоретических и практических знаний: археологии, истории, географии, искусстве, музыке, политике, религии, астрологии, философии и т.д. Автор охватывает широкий круг интересных и актуальных проблем. Однако объемность темы не позволила ученому изложить материал достаточно глубоко и аргументировано.

Значительная часть докладов основана на результатах археологических исследований и посвящена **астрономическим представлениям древнего населения** разной степени и уровня организации, начиная с охотничьих коллективов эпохи палеотита и до этнографической современности.

Тематически эта часть докладов более всего соответствует всем канонам археоастрономии. Это вполне объяснимо, поскольку наш фактический багаж знаний в археоастрономии покоится, в первую очередь, на сведениях, добываемых тяжелым трудом археологов. Представляется поэтому весьма знаменательным, что исследуя останки наших далеких предков, их домашнюю утварь, украшения, оружие, изучая отличительные особенности их хозяйственной деятельности и быта, авторы представленных в разделе работ убедительно показывают, что взгляд наших предшественников был устремлен в небо.

Доклад известного российского исследователя первобытной графики *Б. Фролова* (Россия) обобщает многолетние исследования автора в области числовой символики и первобытной космологии. Приводятся статистические данные анализа палеолитической графики Сибири и Восточной Европы, где доминирование ритмов кратных 7 и 5 связано с наблюдением светил, счетом времени и лунного женского календаря.

Ранненеолитическим календарям пещеры Хайыргас на реке Лене в Якутии был посвящен доклад *А.В. Пенькова* (Россия). Календарная семантика из рядов насечек обнаружена на поверхности игольников, изготовленных из трубчатых костей крупных птиц. Представлены календари различных типов: отвечающие синодическому лунному циклу (29–30 суток); периоду в пять лунных месяцев; с признаками восьмичленного деления солнечного года (периоды в 45–46 суток).

Календарным представлениям населения неолитической культуры ямочной керамики (3400–2400 гг. до н.э.) Северной Европы посвящен доклад *Г. Хенриксона* (Швеция). Автор попытался воссоздать образ календаря, анализируя борозды (всего – 3600), выбитые на скальных породах шведского острова Готланд. Некоторые из них ориентированы на основные точки стояния Солнца и Луны. Однако большинство борозд ориентировано на точки между крайними стояниями. Автор высказывает ряд предположений относительно времени и причины создания борозд.

С календарной тематикой древнего населения эпохи бронзы и раннего железного века ряда территорий **Западной Европы** связано несколько докладов. Два из них посвящены вопросам древней астрономии минойской культуры эпохи бронзы на о. Крит.

В докладе *М. Бломберг, Г. Хенриксон, М. Папатанасиу* (Швеция, Греция) рассматриваются календарные функции скального святилища на горе Юкта, отличающегося монументальностью архитектуры, богатством находок, наличием алтаря. Отмечается связь этого культового сооружения с Кносским дворцом, находящимся в 13 км от него (время – около 2000 г. до н.э.). Авторы установили, что святилище на Юкте и святилище Кносского дворца использовались для астрономических наблюдений, в особенности для слежения за восходом Солнца в день осеннего равноденствия, связанного у минойцев с началом Нового года.

Рассмотрению других скальных святилищ Петсофас (Petsophas) и Траосталос (Traostalos), расположенных в восточной части о. Крит, в связи с восстановлением "иконографии" звезд и созвездий минойской эпохи посвящен доклад *П. Бломберга* (Швеция). Для реконструкции минойской карты звездного неба автор использует статуэтки, найденные на святилищах и датируемые примерно 2000 г. до н.э., которые он интерпретирует как изображение созвездий. Текст труда Арата "Явления" (ок. 275 г. до н.э.), по мнению автора, отражает устную традицию, передающую более древнее расположение и обозначение звезд. Почти все статуэтки (ок. 99%), по убеждению автора, имеющие астрономическое и культовое назначение, аналогичны описаниям небесных тел в тексте Арата. Автор приходит к заключению, что большинство современных созвездий было известно и получило наименование в среднеминойский период (около 2000 г. до н.э.).

В коллективном докладе *Е. Теодоссиу, Е. Данезиса, М. Статополу, Т. Грамменоса* (Греция) рассматриваются лунно-солнечные календарные системы, существовавшие в древней Македонии. Одна из систем использовала так называемый македонский год. Появившись в 148 году до н.э., она указывала на важность победы римского консула Квинта Цецилия Мателла над царем Македонии Филиппом Андриском. Другая система пользовалась "почитаемым голом" – название, данное в честь Октавиана Августа. За нуль-пункт в этой системе принята дата имевшей огромное значение победы Октавиана над Марком Антонием и Клеопатрой при Актеоне (31 г. до н.э.). Македонский календарь вне пределов Македонии существовал многие века после Александра Великого среди календарных систем нескольких азиатских и Египетских городов.

Э. Калцолари и Д. Гори (Италия) представили на конференции доклад на тему "Золотистая бабочка из Каприоне (Леричи, Италия) на закате Солнца в день летнего солнцестояния: воплощение и возвращение к созвездию-прародителю". В докладе содержится интересный материал, связан-

ный со священными мегалитическими структурами в районе мыса Каприоне (Италия), которые ориентированы на созвездие Кассиопея и, возможно, сооружены древним населением. В Сан Лоренцо в день летнего солнцестояния лучи заходящего солнца, проходя через отверстие в квадрилитоне, создают эффект образа "золотистой бабочки". По мнению М. Гимбутас в представлениях древних, бабочка, подобно душе, отлетает к прародителю, которым может быть какое-либо созвездие.

И. Симония (Грузия) в своем докладе "Древние грузинские бронзовые космограммы" попытался с астрономических позиций проанализировать археологические находки – дисковидные бронзовые пластины (30 штук) из древних могильников Борнигем и Заден-гора (XVI–XIV вв. до н.э.) на территории Грузии. Пластины имеют рельефные изображения: вокруг сквозного отверстия в центре располагаются серии шарообразных выпуклых изображений, чередующиеся с сериями сквозных серповидных и треугольных отверстий. Автор предполагает, что данные пластины следует считать космограммами. Так древние мастера пытались изобразить небесные тела на их поверхности; центральное отверстие представляет Солнце, серповидные изображения – Луну, треугольныю – планету Сатурн, выпуклые шарообразные изображения – планеты и звезды. К сожалению, автор не привел убедительных доводов в поддержку своего толкования, которые бы подкреплялись более широким археологическим материалом и соответствующими исследованиями.

Три доклада были посвящены **пространственно-временной организации поселенческих и могильных комплексов** эпохи бронзы разных регионов степной Евразии. Хотя представленные материалы относятся к разным культурам (срубной, синташтинской и андроновской), в этническом плане все они увязываются с индоиранским населением. Тем интереснее полученные сходные результаты по разным видам археологических памятников на территориях, отделенных тысячами километров.

Р. Мимоход (Украина) представил результаты исследования памятников срубной культуры Украины (XVI–XIII вв. до н.э.) в контексте выявления закономерностей и особенностей пространственного размещения культовых сооружений по отношению к поселению и странам света. Автор приходит к заключению, что в расположении святилищ на поселениях наблюдается определенная закономерность: как правило на окраине, преимущественно на восточной или северо-восточной границе памятника, что связывается с функциональной значимостью святилищ, обеспечивающих связь человека с сакральным миром. Преобладание северо-восточной ориентации святилищ, связано с восходом Солнца в момент летнего солнцестояния, представляя немалый интерес с точки зрения семантической реконструкции.

А. Кириллов и Д. Зданович (Россия) рассмотрели иерархизацию пространства на примере укрепленных поселений протогородского типа синташтинской культуры Южного Урала (XVIII–XVI или XXI–XVII(?) вв. до н.э.). Астрономические знания здесь были достаточно развиты и опредмечены в памятниках материальной культуры, что особенно рельефно проявляется на примере астрономических привязок хорошо известного городища Аркаим. Укрепленные поселения органично вписываются в окружающий природный ландшафт; они сориентированы по азимутам важных астрономических событий. Среди выделенных основных астрономических направлений наиболее значимое (сакральное) – СВ, имеющее отношение к восходу солнца в дни летнего солнцестояния.

Т. Потемкина (Россия), используя комплексный подход с привлечением методов археоастрономии, детально проанализировала погребальный комплекс Дашти-Козы XIV–XII вв. до н.э. на реке Зеравшан в Средней Азии. На основе корреляции ориентировки погребений по странам света с учетом азимутов восходов и заходов солнца, позы умерших, устройства погребальных конструкций, характера инвентаря и др. прослежена связь обычных захоронений (людей, умерших естественной смертью) с западным сектором, соответствующим направлениям захода солнца в разные сезоны года. Погребения со следами неестественной смерти (жертвенные) ориентированы в направлениях северо-восток и восток, соответствующих восходу солнца в дни летнего солнцестояния и равноденствий. В первом случае автор объясняет связь умерших с направлением в загробный мир; во втором – с отражением древнего культа Солнца и огня.

Это положение подтверждается также этнолингвистическими материалами, показывающими дифференцированное отношение индоиранского населения к сторонам горизонта (доклад *А. Лушниковой*).

Материалы трех вышеотмеченных докладов – яркое свидетельство тому, что астрономические знания в древних обществах составляли неотъемлемую часть мировоззрения и мифологии, были тесно вплетены в практическую и ритуальную деятельность людей, чем и обусловлено опредмечивание таких знаний в археологических памятниках различных территорий и эпох.

В трех докладах была предложена **реконструкция астрономических и мировоззренческих представлений населения раннего железного века Западной Сибири.**

Л. Марсадолов (Россия) доложил об исследовании грота Акбаур на Западном Алтае. Стены грота украшены различными рисунками, выполненными красной краской. Рисунки несут астрономико-календарную символику. Отмечены разные моменты прохождения лучей солнца в течение дня через круглое отверстие в потолке грота и их взаимосвязь с рисунками на стенах. Исследования позволили автору высказать предположение, что в скальном гроте, возможно, находился стационарный астрономический наблюдательный пункт. Святилище существовало в период поздней бронзы (XII–XI вв. до н.э.) и раннескифский период (VIII–VII вв. до н.э.).

Известный российский археолог и популяризатор науки *В. Ларичев* (Россия) представил наскальные рисунки в скальном протохраме, являющемся частью памятника тагарской культуры III века до н.э. По его мнению, все эти объекты, взятые в совокупности, позволяют реконструировать истинный уровень астрономических знаний жречества тагарцев, а также их космологию, астральную мифологию и героический эпос. Однако сама интерпретация храма, как некоего высокопочитаемого центра, связанного с погребальными культами, где сказителями той эпохи исполнялся некий поэтический эпос о житии его героя на земле, в преисподней и на небе, не является однозначной и безусловной.

Темой выступления *Н. Бекбасарова* (Казахстан) явился ритуальный календарь номадов степной зоны Евразии. В качестве горизонтального солнечного календаря, делящего год на четыре или восемь периодов, автор рассматривает планировку и ориентацию курганов с "усами" эпохи раннего железного века. Для подтверждения выводов привлекаются данные этнографии.

Серия докладов была посвящена **археоастрономическим исследованиям Древнего Востока и Африки.**

И. Святополк-Четвертынский (Россия) рассмотрел шумеро-вавилонский (Ниппурский) календарь в его отношении к распорядку и назначению религиозных праздников и жерт-

венных ритуалов. Автор отмечает лунный характер календаря; пытается реконструировать внутреннюю логику обрядов жертвоприношений, инкорпорированных в календарную систему и представляющих ее древнюю основу. Приводятся два списка жертвоприношений – очевидных и предполагаемых.

В календаре выделяется три уровня – небесный, земной, хтонический. Особое значение придается так называемой "Астролябии В" и категориям шумерского мышления – священным 100 МЕ, список которых приведен в шумерском мифе "Инанна и Энки".

Г.Е. Куртик (Россия) в своем докладе "О времени происхождения знаний о созвездиях в Древней Месопотамии" попытался определить, к какому периоду времени могли восходить первые знания о созвездиях в Древней Месопотамии. Отмечается что, к концу III – началу II тыс. до н.э. относятся первые списки звезд, а также первые эксплицитные упоминания о созвездиях в религиозных и мифологических текстах.

Дж. Стил (Великобритания) проанализировал специфику поздневавилонской астрономии через постановку и предварительное решение вопросов о генезисе математических астрономических текстов эпохи Селевкидов, об их связи с нематематическими текстами, о соотношении астрономической информации с астрологической практикой в Месопотамии.

В докладе были выделены вавилонская и урукская астрономические школы. Автор считает, что нематематические астрономические тексты восходят больше к Вавилону, чем к Уруку, а традиция математических астрономических текстов принадлежит Уруку. Докладчик приходит к заключению, что астрономическая деятельность в Вавилоне и Уруке в селевкидский период была тесно связана с астрологией (гадательной традицией Энума Ану Энлиль, составлением гороскопов).

А.А. Крушинский (Россия) в своем докладе "К вопросу о происхождении китайского шестидесятеричного календарного цикла" рассматривает одну из старейших китайских систем счета. Помимо двоичной структуры, основанной на кратности 10 и 12, данная система счета имеет троичную структуру, которая объясняет шестидесятеричный счет через наименьшее общее кратное чисел 3, 4 и 5. Эти цифры представляют прямоугольный треугольник шириной 3, длиной 4 и диагональю 5. Автор приходит к выводу о том, что шестидесятеричный счет оказывается примером практического применения теоремы Пифагора.

В докладе *Х.А. Бельмонте, С. Эстебан, А.П. Бетанкорт, Р. Марреро* (Испания) приведены результаты археоастрономических исследований в одном из оазисов в центре Сахары, на территории Ливии. Ярким памятником является древний город-крепость Зинкхекра на вершине горы, первая столица протоберберского Гарамантского царства, основанного в конце II тыс. до н.э. С восточной стороны горы у границы обрыва, находилось скальное святилище, образованное семью большими чашевидными углублениями, выбитыми в скале. Углубления располагались в направлении возвышенности посреди плоской песчаной равнины, над которой восходит Солнце в день летнего солнцестояния. Древнее святилище сохранялось в течение длительного времени в силу природного эффекта: именно при наблюдении из этого святилища Солнце в момент летнего солнцестояния восходило над характерной точкой на горизонте.

Тема календарей (природных явлений, хронологии исторических событий, древних астрономических календарей) остается одной из узловых тем в археоастрономии и представлена, помимо упомянутых, еще в ряде докладов. Календарные сюжеты, с одной стороны, переплетаются с общими проблемами астрономии и археологии, а с другой – как бы являются одной из граней фундаментальных проблем мировоззрения и космовидения древних. В определенном смысле категория времени как бы пронизывает едва ли не все представленные на конференции исследования, но в докладах по материалам Мезоамерики и по археологическим и историческим источникам России анализ календарей древних и связанные с ними мировоззренческие проблемы составляют их основное содержание.

В докладе *С. Иванишевского* (Польша, Мексика) дано объяснение встречающимся иногда расхождениям внутри полных дат на памятниках древних майя. Дело в том, что полная запись даты по системе майя весьма информативна. В ней есть дата по долгому счету (непрерывный счет дней от нульпункта), даты по 260- и 365-дневным календарям, и данные о фазе Луны. В ряде случаев имеются несовпадения: фаза (возраст) Луны отличается от фазы для даты, соответствующей долгому счету. Автор объясняет это сознательной манипуляцией записями о лунных фазах.

Даты на каменных памятниках культуры майя связаны, в основном, с деятельностью правителей. Некоторые события их жизни (вступление на престол, ритуальные действия) должны были, по традиции, происходить в определенные фазы Луны. В реальности традиция могла нарушаться, но в записях она сохранялась. Поэтому в них ставили не истинную фазу Луны, а ту, которая должна быть. Автор объясняет "лунные" традиции правителей, как следствие более древних традиций, связанных с проведением различных земледельческих работ при определенных фазах Луны.

А. Давлетшин (Россия) рассмотрел наиболее древние в Мезоамерике эпиольмекские тексты, которые позволяют сделать некоторые выводы о календаре ольмеков. В нем заметны некоторые расхождения с календарем древних майя. Для их объяснения выдвигается предположение, что нульпункт календаря ольмеков (юлианский день начальной даты долгого счета) отличался на 20 дней (один месяц) от календаря майя. Автор находит доводы в пользу этой гипотезы, анализируя ряд текстов, в том числе связанных с Венерой. Он считает, что у ольмеков было сдвинуто на один месяц начало 365-дневного года, чем и объясняется это расхождение.

В докладе *Т. Кузнецовой и Л. Цирюльник* (Россия) "Нелинейный спектральный анализ ^{14}C, количества солнечных пятен, космической плазмы, геомагнетических, глобальных температурных колебаний и циклов в астрономических календарях Мезоамерики" представлен анализ основных периодов календаря майя с точки зрения планетарных астрономических периодов. Исследование показывает, что календарь майя базируется на точных астрономических наблюдениях, и его основные циклы имеют яркое отражение в анализируемых спектрах, что указывает на важность изучения астрономии Мезоамерики для понимания глобальных изменений в солнечной системе и на Земле.

В.А. Юревич (Россия) посвятил свой доклад широкой и весьма дискуссионной теме – сравнительному анализу древних астрономических знаний Старого и Нового Света. По мнению докладчика, астрономия Древней Америки в своем развитии прошла все те этапы, которые проходила астрономия Старого Света (календари, гномон, горизонтальная астрономия, зодиак), но с опозданием примерно на две тысячи лет.

В докладе *А. Лебефа* (Польша) излагается историзированная мексиканская легенда о порочном падении царя Тулы, который впоследствии сжигает себя на западном побережье и исчезает, превратившись в утреннюю звезду. В легенде, как предполагает автор, описывается подготовка жертвы звезде Венере.

Доклад *М. Гусакова* (Россия) посвящен анализу роли небольших городищ-святилищ раннего железного века лесной зоны Восточной Европы в системе культовых сооружений древнего человека. Автор вполне обоснованно предлагает взглянуть на остеологический материал с точки зрения религиозно-обрядовой практики древних людей, которая, в свою очередь, была подчинена определенным календарным принципам. Система доказательств включает данные промысловых календарей охотничьих народов Европейского Севера, а также результаты анализа остеологического материала в совокупности с данными археоастрономического обследования археологических объектов.

А. Журавель (Россия) в своем докладе представил результаты исследования датировок исторических событий в русских летописях на основе анализа многочисленных разночтений. В результате автор приходит к выводу о преобладании в Древней Руси лунно-солнечного календаря и о его сосуществовании на равных с юлианским календарем.

Последовательное применение исследователем компьютерных программ к определению моментов лунаций в прошлом, позволяет по-новому взглянуть на хронологию многих исторических событий в Древней Руси и выявить ряд новых закономерностей при анализе древнерусских летописей. Они заключаются в передатировке конкретных исторических событий, упомянутых в летописях; в пересмотре с новых позиций представлений об истории русского летоисчисления и истории формирования календарных стилей от сотворения мира.

Всем канонам археоастрономии отвечает доклад *К. Барлаи и Ш. Надь* (Венгрия) по средневековой Венгрии. На примере небольшой церквушки (XII в.) в местности Кана неподалеку от Будапешта исследуется проблема ориентирования длинной оси средневековых церквей в направлении восхода Солнца в дни весеннего равноденствия. Двумя независимыми методами (по измерению положения Полярной звезды и теодолитными измерениями положения Солнца на момент его восхода в даты, близкие к моментам весеннего равноденствия) авторы определили ориентацию длиной оси церкви.

Ряд докладов посвящен исследованиям по этноастрономии, где затрагиваются узловые **проблемы, связанные с представлениями о структуре Вселенной в целом, созвездием Большой Медведицы, Млечным путем и семантикой обозначений сторон света.**

В докладе *М.Ф. Косарева* (Россия) была рассмотрена структура пространства-времени в сибирском язычестве. На основании этнографических и фольклорных данных исследователь выявляет сложную систему пограничных, концентрических и взаимопересекающихся вертикальных и горизонтальных пространственных структур в мироздании язычников Сибири. В их представлении Вселенная имеет три главных сферы (нижнюю, среднюю и верхнюю) и три основные проекции – вертикальную, горизонтальную и "смешанную" (вертикально-горизонтальную), каждая из которых содержит свою внутреннюю трехсферность.

Два доклада (Р. Франк и А. Лушниковой) были посвящены этимологии названия созвездия Большой Медведицы, которое традиционно является излюбленной темой в археоастрономии. Авторы заметно расходятся во взглядах в этом вопросе. Тем интереснее сопоставить воззрения этих известных специалистов и вынести собственные заключения.

Р. Франк (США) отстаивает идею о том, что среди издревле почитаемых созвездий северного неба Большая и Малая Медведица имеют наиболее архаичные обозначения, связанные с древним культом медведя. По реконструкции Р. Франк, семеричный код лежит в основе полярной системы координат и наименования Большой Медведицы, которая вместе с Полярной звездой составляла верхний (божественный) уровень древней модели Мироздания. Автором проделана огромная работа по изучению культурного наследия разных народов, в частности в виде сказаний, мифов, легенд и ритуалов, касающихся медвежьего культа. Интересным представляется предпринятое сопоставление славянского и финно-угорского материала с бакскими данными из обрядовой практики и фольклорной традиции.

В докладе *А. Лушниковой* (Россия) на основании специфики славянского и финно-угорского фольклорно-этнографического и языкового материала, недостаточно хорошо знакомого западным специалистам, аргументируется положение о том, что у многих народностей, издавна населявших евразийский континент, созвездие Большой Медведицы изначально было связано с образом Лося или Оленя. В статье анализируются семантика обозначений Ursa Major (в том числе приводятся названия, несущие не только семеричный код, но и связанные с большим количеством звезд), мифологические сюжеты, которые относятся к данному созвездию и связывают его с другими группами звезд (как например, Волопас и Плеяды), разбираются образы Лося (Оленя) и Медведя в архаической системе мировоззрения, показывается их сложность и противоречивость.

В трех докладах рассмотрены представления древних народов Западной и Восточной Европы о звездном небе и Млечном пути и их отражению в народном фольклоре.

В работе *И. Пустыльника* (Эстония) были проанализированы народные эстонские обозначения наиболее ярких для восприятия звезд и созвездий и их отражение в эстонском фольклоре. Лексические и фольклорные данные, которые содержатся в статье, дают возможность для проведения различных по глубине, близких и дальних сопоставлений. Интерес вызывает обозначение волком звезды Алькор (g в созвездии Большой Медведицы), говорящее об ее некой чужеродности в Ursa Major (ср. приводимое в статье эстонское изречение "волк бок о бок с волом".

Основным объектом исследования *Л. Тульцевой* (Россия) явились народные названия Млечного пути в среднерусской полосе России. Доклад основан на новых материалах полевых работ автора, на пересмотре и уточнении данных, записанных другими исследователями. Выявленные астронимы Млечного пути интерпретируются с учетом знания фольклорно-этнографического материала. В канве работы Л. Тульцевой удачно переплетаются и как бы перекликаются между собой разнообразные данные о памятных исторических событиях Древней Руси, религиозные старославянские обычаи (многие из которых ныне известны только духовным лицам или специалистам историкам) и народные предания.

В докладе *М. Раппенглюка* (Германия) были обобщены различные взгляды, древние легенды и мифы, касающиеся Млечного пути. Он предпринимает смелую попытку найти конкретные отражения положения Млечного пути, меняющегося с течением времени вследствие прецессионного смещения оси вращения Земли, в глубинных культурных уровнях в форме мифов, космических видений шаманов и т.д. В то же время в докладе имели место общие формулировки и высказывания без должной системы доказательств, что делает построения автора достаточно уязвимыми.

Второй доклад *А. Лушниковой* (Россия) содержит подробный анализ семантики индо-иранских обозначений, связанных с исконными понятиями верха и низа, левого и правого, севера и юга, а также сопоставление их с подобными же понятиями у угро-финских народностей, населявших в прошлом районы Урала. В результате выявлен целый ряд любопытных

родственных черт и одновременно диаметрально противоположных обозначений в отношении кардинальных направлений север-юг. У индоиранцев север мыслился священным, юг соотносился с низом и имел максимально отрицательный статус. У древних же народностей, населявших некогда Урал, распределение сакральных значимостей северной и южной сторон оказывается зеркально противоположным индоиранской. Проведение подобного сравнительного анализа семантических особенностей родственных понятий в разных языках расширяет возможности исследования целого ряда интереснейших задач генеологии расселения древних народностей на нашей планете и прослеживания корней их культурного наследия.

Ряд докладов посвящен вопросам **истории астрономии и философии.** В докладе *С. Житомирского* (Россия) анализируется структура мира по Евдоксу. По мнению автора, Евдокс (древнегреческий математик и астроном, 408–355 гг. до н.э.) стремился решить задачу непременно в рамках системы концентричных сфер, поскольку хотел сохранить принцип концентричного строения мира. Тем самым была создана первая схема, позволяющая объяснять небесные движения, которая была пригодна для сравнения с наблюдениями.

Два доклада коллективов авторов *А. Дамбиса, Ю. Ефремова* (Россия) и *А. Миронова, А. Захарова, А. Венкстерн* (Россия) касаются важного аспекта связи астрономии и истории – проблемы датировок. Авторы затрагивают важный и спорный вопрос о датировке данных, использованных в "Альмагесте" Птолемея (Птолемей – древнегреческий астроном около 90–160 гг. н.э.), но рассматривают этот вопрос с несколько различных точек зрения. Представленный материал сам по себе имеет чрезвычайно важное значение именно потому, что вопрос о датировке данных Альмагеста был использован группой исследователей во главе с А.Т. Фоменко для попыток полного пересмотра истории человечества. Только квалифицированные астрономы смогли разобраться в этих инсинуациях и дать четкий научный анализ датировки.

В докладе *Э.Н. Каурова* (Россия) "К проблеме происхождения созвездия Дракона" приводится характеристика созвездия Дракона и отмечается, что описание этого созвездия имеется не только у древнегреческих астрономов, но и в шумерских текстах. Автор излагает и свои предположения о небесной сфере. Китайские названия звезд Дракона интерпретируются как указание на то, что полюс Мира перемещался на глазах человека вдоль хвоста Дракона.

В дискуссии по докладу было отмечено, что данное положение означает быстрые и сильные колебания угла между земной осью и плоскостью эклиптики, что противоречит как законам небесной механики, так и палеоклиматическим данным. Не совсем ясна и мысль автора о предполагаемых свойствах созвездия Дракона.

В.В. Казютинский (Россия) в докладе "Античный космос и современная космология" на основании рассмотренных параллелей между древними и современными космологическими представлениями приходит к выводу, что современные космологи сознательно вдохновлялись идеями античности. Мысль, безусловно, интересная и заслуживает внимания, хотя некоторые положения автора вызывают сомнения.

На конференции были затронуты вопросы, отражающие прямое **влияние космических факторов на условия существования и развитие цивилизаций.** Эта чрезвычайно важная проблема разработана до сих пор недостаточно полно и попрежнему вызывает горячие споры. Мы до сих пор не знаем точно, какие именно факторы могут влиять на исторические процессы. Этот вопрос не разработан также с социологической точки зрения. Кроме того, не вполне ясно, как меняются с течением времени сами космические факторы и их косвенные проявления на Земле. Наши надежные непосредственные наблюдения за Солнцем охватывают только последние 300 лет. Информация о вариациях других космических факторов практически вообще отсутствует. Неудовлетворительным положением в этой области часто пользуются представители астрологии, выдавая свои, с позволения сказать, предсказания за научный анализ влияния космических факторов.

В ряде докладов прозвучала тема древнего человека и природы в прошлом, циклических и внезапных изменений климата определяющих собой изменение условий существования, возникновение одних и гибель других цивилизаций, миграции человеческих массивов. Да и сейчас мы живем в эпоху, когда накапливающиеся изменения климата могут привести к существенным изменениям в условиях существования современной цивилизации. Кроме того для современной цивилизации опасны и прямые воздействия на технологические системы, которые, в свою очередь, могут привести к катастрофическим последствиям для людей. На конференции были представлены доклады, связанные с этой проблемой.

В докладе *В. Дергачева* (Россия) привлекаются изотопные методы для реконструкции прошлых изменений климата и окружающей среды на континентах. Многие цивилизации и культуры мира испытали коллапс примерно в одно и то же время, около 2300±200 лет до нашей эры. Прямые археологические или письменные данные о причинах этих катастроф отсутствуют. Радиоуглеродные методы анализа и датировки климатических вариаций показали, что, скорее всего, естественные причины, а не человеческая деятельность, оказывали глобальное воздействие на древние общества.

В докладе *В. Прокудиной и М. Розанова* (Россия) тот же вопрос изучается с использованием данных летописей и хроник. Привлекаются свидетельства о резких похолоданиях, наводнениях, засухах, эпидемиях, неурожайных и голодных годах и т.д. В большинстве случаев периодичность природных катастроф (особенно тех из них, которые не носят социально обусловленного характера) связана с солнечной активностью.

В докладе *Б.М. Владимирского* (Россия) "Астрометеорологический прогноз как важный стимул астрономических наблюдений древних цивилизаций" анализируются дендроклиматические данные, которые показывают, что параметры погодных изменений имеют важные, периодические составляющие. Эти периоды хорошо известны (25–30 дней, 2 года, 4–5 лет) и могут быть сопоставлены с периодами изменения планет, Луны и планетных конфигураций. Таким образом, простые локальные прогнозы можно получить из анализа параллельных астрономических и погодных наблюдений. Эти феноменологические (непричинные) отношения существенны для времени, когда Земля имела малый магнитный показатель (и пониженную магнитосферу), т.е. около 4000 лет до н.э. Особенно важно изучать народные астрономические погодные приметы, чтобы понять причины, побуждающие людей наблюдать астрономические явления древности.

Кроме того, на конференции были представлены 12 стендовых докладов, затрагивающих ту же тематику, что и прочитанные доклады. Большинство из них были посвящены истории астрономии (Кузьмин А.В. (Россия); Рамазанова С.О. (Казахстан), Теодоссиу Е., Данезис Е., Маниманис В. (Греция), Сулейман М. (Москва). Остальные доклады – древним календарям (Рафаилов А.М., Рафаилов М.А., Рафаилова Ч.А. (Россия), Святополк-Четвертынский И.А. (Россия), космогонической семантике (Дементьев М.С., (Украина), Плакотнюк В.Н. (Россия), археологическим объектам с астрономическими ориентирами (Вохменцев М.П. (Россия), Житенев В.С.

(Россия), Лагутин А.Ф., (Украина), палеоклиматическим изменениям (Кузьмин А.В. (Россия).

В заключение отметим, что большим достоинством Московской конференции SEAC являлись широта исследований. В числе новых проблем, впервые рассматриваемых здесь, были вопросы, связанные с воздействием космических факторов на эволюцию человеческой цивилизации. Представленные на конференции археоастрономические исследования позволили четче представить уровень развития астрономических знаний и их использование в жизни человеческих коллективов в ту или иную историческую эпоху на разных территориях; пути взаимодействия и преемственности мировоззренческих представлений от эпохи к эпохе, от одного уровня развития обществ к другому; обратить внимание на исторические факторы, стимулирующие развитие космологических знаний и представлений, их специфических особенностей в разное время и на разных территориях.

На конференции были широко представлены доклады по археоастрономическим исследованиям разных научных направлений в России. Ранее работы российских специалистов практически не были известны за пределами страны. Это свидетельствует о том, что в России новое научное направление состоялось и постепенно набирает силу.

Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко, А.В. Лушникова, И.Б. Пустыльник, В.М. Чепурова

Институт археологии РАН, Москва
Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, Троицк
Институт языкознания РАН, Москва
Тартуская обсерватория, Тарту
Государственный Астрономический институт им. П.К. Штернберга МГУ, Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОНГРЕСС "АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ" (Бишкек, 2000)

С 27 по 29 августа в столице Кыргызстана г. Бишкек состоялся Международный научный конгресс "Актуальные проблемы истории древних кыргызов", посвященный 10-летию независимости Кыргызской республики и 2200-летию этнонима "кыргыз".

Конгресс был проведен Кыргызско-Турецким университетом "Манас" под патронажем президента Кыргызской Республики А. Акаева. В работе конгресса приняли участие известные ученые, археологи, историки, этнографы, тюркологи, синологи, фольклористы из Кыргызстана, Казахстана, Китая, России, Турции и Франции. В составе российской делегации были ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Абакана.

Большое внимание работе конгресса и обсуждавшимся проблемам древней и средневековой истории кыргызов уделил президент Кыргызской Республики *А. Акаев*. Его выступление открыло работу пленарного заседания конгресса. С приветствием к собравшимся на конгрессе ученым обратился ректор Кыргызско-Турецкого университета "Манас" *К. Молдобаев*.

В центре внимания участников конгресса было обсуждение актуальных проблем происхождения, этногенеза и культурогенеза кыргызов в периоды древности и средневековья, которые имеют непосредственное отношение не только к археологии и истории Кыргызстана, но и Саяно-Алтая и в целом Центральной Азии.

Доклады *С.Е. Яхонтова* (Россия, Санкт-Петербург) и *Ху Чжэньхуа* (Китай, Пекин) были посвящены анализу различных вариантов написания китайскими иероглифами этнонима "кыргыз" в китайских исторических сочинениях, относящихся к периодам правления разных династий в древности и средневековье. В этих выступлениях было убедительно доказано, что все известные варианты иероглифического написания воспроизводят один и тот же этноним "кыргыз", который является одним из наиболее древних названий тюркоязычных этносов, сохранившихся в передаче древних и средневековых китайских летописцев. Эти выводы имеют исключительно важное значение для этнокультурной истории Южной Сибири, поскольку подтверждают мнение о принадлежности археологических комплексов, относящихся к периодам раннего и развитого средневековья к культуре енисейских кыргызов.

В ходе дискуссий *В.Я. Бутанаевым* (Россия, Абакан) было подчеркнуто, что этноним "кыргыз" сохранился не только в средневековых письменных источниках, но и в исторической памяти тюркоязычных народов Саяно-Алтая, в их этнонимии, фольклоре, топонимии. *И.В. Кормушин* (Россия, Москва) высказал предположение о том, что этноним "кыргыз" сохранился, но состав кыргызского этноса не оставался неизменным.

В докладе *С.Г. Кляшторного* (Россия, Санкт-Петербург) была высказана гипотеза о тождестве героя енисейской рунической надписи с р. Тэс в северо-западной Монголии Тепек Алп Сола и кыргызского посланника в Китай в 842 г. Табу Хэцзу. По мнению докладчика, именно этот кыргызский военачальник мог совершить "великий поход" в Китай в 842 или 843 г., события которого много веков спустя нашли отражение в алтайском и кыргызском героическом эпосе, а сам герой является прототипом эпического героя Манаса. Естественно, что эта гипотеза вызвала большой интерес у аудитории. Она может стать предметом обсуждения после подробного изложения всей аргументации.

В докладах специалистов-тюркологов было уделено внимание анализу памятников рунической письменности. В выступлении *И.В. Кормушина* (Россия, Москва) были охарактеризованы палеографические особенности таласских рун. Согласно его наблюдениям, таласские руны являются производными от поздних енисейских начертаний рунических знаков. Это мнение существенно для определения хронологии рунических надписей на Тянь-Шане.

В докладе *О.Ф. Серткая* (Турция, Стамбул) были проанализированы рунические тексты, в которых упоминается этноним "кыргыз".

В ряде выступлений обсуждались вопросы соотношения, ареалов и этимологии терминов "кыргыз" и "бурут" в средние века и новое время, известных по китайским, древнетюркским, арабским, монгольским и русским письменным источникам. Этим вопросам было уделено внимание в докладах *А.М. Щербака* (Россия, Санкт-Петербург), *В.Я. Бутанаева* (Россия, Абакан), *А. Мокеева* и *Д. Сапаралиева* (Кыргызстан, Бишкек).

В некоторых выступлениях рассматривались вопросы взаимоотношений и этнокультурных связей кыргызов с другими средневековыми этносами Центральной Азии, кыпчаками и уйгурами. Этим проблемам были посвящены доклады *Б. Кумекова* и *Е. Кажыбека* (Казахстан, Алматы), *К. Джусаева* (Кыргызстан, Бишкек). В докладе *В. Фурнио* (Франция, Башкент) сообщалось о деятельности и трудах французских исследователей Центральной Азии в средневековье и новое время.

Проблемам изучения археологической культуры енисейских кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии, итогам предшествующих исследований и перспективам дальнейших исследований был посвящен доклад *Ю.С. Худякова* (Россия, Новосибирск). В числе основных итогов изучения истории и культуры кыргызов за прошедшие десятилетия необходимо отметить обширный фонд письменных, вещественных и изобразительных источников, собранных, проанализированных и в значительной степени введенных в научный оборот учеными разных стран. Эти материалы служат надежной основой для реконструкции событий истории и этапов развития кыргызской культуры в Минусинской котловине и на сопредельных территориях Саяно-Алтая и Центральной Азии в периоды раннего и развитого средневековья. Благодаря усилиям многих исследователей были охарактеризованы различные стороны материальной культуры, религия и искусство, военное дело, торговые и культурные связи кыргызов, выявлены границы распространения кыргызской культуры в Центрально-азиатском историко-культурном регионе, изучено культурное наследие енисейских кыргызов у современных тюркских и монгольских народов, доказана несостоятельность попыток приписать исторические деяния енисейских кыргызов мифическим "древним хакасам". В то же время многие проблемы изучения истории и культуры кыргызов еще ждут своего решения. Весьма актуальным является изучение памятников кыргызской культуры в Восточном Туркестане и Монголии, исследование которых должно уточнить характер миграций кыргызов в древности и средневековье, проследить особенности эволюции кыргызской культуры на Тянь-Шане в периоды развитого и позднего средневековья. Актуальным является изучение памятников кыргызов, относящихся к эпохам позднего средневековья в Минусинской котловине и Джунгарии, где часть кыргызов обитала после исхода с Енисея в начале XVIII в. Важной задачей является изучение особенностей материальной и духовной культуры всех этнических групп кыргызов, обитавших в различных районах Евразии.

В докладе *К.Ш. Табалдиева* (Кыргызстан, Бишкек) были рассмотрены археологические материалы, свидетельствующие об участии енисейских кыргызов в этнокультурных процессах на Тянь-Шане, включая территорию современного Кыргызстана, в эпоху развитого средневековья. По мнению докладчика, об этом могут свидетельствовать находки тайников со скоплениями бронзовых или железных предметов, часть из которых побывала в огне, обнаруженные на уровне древнего горизонта под насыпями средневековых курганов, исследованных во внутренних районах Тянь-Шаня в последние годы. О связях населения Саяно-Алтая и Тянь-Шаня свидетельствуют и новейшие антропологические исследования.

К.И. Ташбаевой (Кыргызстан, Бишкек) были отмечены сходные черты в культуре древнего населения Южной Сибири и Кыргызстана. Ею отмечены памятники типа херексуров, обнаруженные на Тянь-Шане. Автор доклада связывает эти памятники с Саяно-Алтаем. Особое внимание в докладе было уделено изображению лося на петроглифическом памятнике в окрестностях оз. Сон-Куль. Поскольку этот вид диких копытных животных не водится на Тянь-Шане, происхождение данного сюжета также связано с южными районами Сибири.

В сообщении *В.Д. Горячевой* (Кыргызстан, Бишкек) говорилось о распространении у енисейских и восточно-туркестанских кыргызов манихейства и буддизма. Автор доклада рассмотрела ряд находок из раскопок средневековых городищ в Кыргызстане.

В выступлении *Б. Аманбаевой* (Кыргызстан, Бишкек) были изложены результаты изучения средневековых бань – хаммамов, в городских центрах южной части современного Кыргызстана и других средневековых городах Средней Азии.

В выступлениях участников конгресса содержалась важная информация о новейших археологических исследованиях и открытиях в Центральной Азии. Большой интерес вызвало выступление *Р. Генча* (Турция, Бишкек) с информацией о выдающихся открытиях турецких и монгольских археологов при раскопках комплекса Бильге-кагана в Хушо-Цайдаме в Монголии. Этим находкам был посвящен специальный стенд на фотовыставке, приуроченной к открытию конгресса.

Участники конгресса были приняты президентом Кыргызской Республики, устроившим прием в своей резиденции. Они смогли принять участие в торжествах в честь 10-летнего юбилея независимости Кыргызстана, побывать на приеме в посольстве Турции, встретиться со многими известными деятелями науки и культуры республики, в том числе со всемирно известным писателем Чингизом Айтматовым, посетить музей-заповедник "Бурана". Все дни работы конгресса его участники были в центре внимания кыргызских средств массовой информации, участвовали в работе круглого стола по проблемам истории кыргызов.

Это свидетельствует о большом внимании и значении, которое придается проблемам истории и культуры в Кыргызском государстве и обществе, о заинтересованности в научном сотрудничестве с учеными России и стран СНГ. В итоговой резолюции конгресса были выделены основные научные результаты его работы и намечены планы создания научных центров, проведение совместных исследований силами ученых разных стран, подготовка и издание научных трудов.

Конгресс стал заметным событием в научной жизни Республики Кыргызстан и ученых других стран, изучающих историю и культуру кыргызов. Результаты его работы должны способствовать дальнейшему развитию исторической и археологической науки в Центральной Азии и Южной Сибири.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Ю. С. Худяков

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АРХЕОЛОГИЯ В XXI веке: НАСЛЕДИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ" (Тбилиси, 2002)

По инициативе Центра археологических исследований АН Грузии с 28 апреля по 2 мая в Тбилиси была проведена международная научная конференция "Археология в XXI веке: Наследие и перспективы". В работе конференции принимали участие около 100 археологов из Грузии, Германии, Франции, Азербайджана, Армении и Ирана. Конференция была посвящена двум значительным событиям: 150-летию начала археологических раскопок в Грузии и 25-летию основания Центра археологических исследований.

Торжественное открытие конференции состоялось в Уплисцихе, где в 1852 году известный подвижник грузинской культуры, Димитрий Мегвинетуху-Цесишвили провел первые археологические раскопки. Знаменательно и то, что 28 апреля является днем основании Центра археологических исследований.

Работу конференции открыл директор Центра археологических исследований, академик АН Грузии *О.Д. Лордкипанидзе*. Он поздравил собравшихся с двумя знаменательными датами и дал краткий обзор достижениям грузинской археологии за прошедшие 150 лет. После торжественного открытия конференции участники осмотрели пещерное городище античного времени Уплисцихе.

На следующий день работа конференции продолжалась в Тбилиси, в Центре археологических исследований. С докладом "Археология и история Грузии" выступил академик О.Д. Лордкипанидзе. Докладчик рассказал о путях развития грузинской археологии, ее достижениях и перспективах. "Грузия: Археологический клад из страны Золотого Руна" – так назывался доклад директора Бохумского музея проф. *Р. Злоты* (Германия), который был посвящен устроенной в этом музее грузинской археологической выставке, проходящей с небывалым успехом. Доктор географических наук *Д.О. Лордкипанидзе* в соавторстве с *А. Векуа* и *М. Ниорадзе* (Тбилиси) познакомил участников конференции с новыми материалами, происходящими с местонахождения ранних гоминид в Дманиси. Эти находки, датированные 1.8 млн. лет, за последние годы кардинально изменили представления о целом ряде важных вопросов, связанных с ранними гоминидами. Естественно, этот доклад вызвал большой интерес. Доклад академика *Т. Каухчишвили* был посвящен греческим надписям на предметах, обнаруженных недавно в богатом погребении II–III вв. н.э. во дворе храма Светицховели в древней столице Грузии Мцхете.

Вечернее заседание было продолжено в Тбилисском археологическом музее, где было представлено 26 стендовых докладов грузинских археологов с широкой и разнообразной тематикой. Кроме памятников этапного значения каменной, бронзовой, античной и средневековой эпох, на стендах были представлены также наиболее важные археологические открытия в Грузии последних лет, итоги и перспективы интердисциплинарных и аэроархеологических исследований и т.д.

30 апреля на утреннем заседании доктор *М. Мюллер-Карпе* (Майнц, Германия) сделал доклад на тему "Культурные связи между Месопотамией и Кавказом в III–II тыс. до н.э.". Он заострил внимание на кавказских артефактах, а также металлических изделиях месопотамского происхождения из музеев Ирака и других стран, проливающих свет на культурные взаимоотношения между этими двумя регионами. Доктор *А. Гауптман* (Бохум, Германия) доложил об опыте археометаллургических исследований и перспективах их развития. Он отметил, что на сегодняшний день уже невозможно представить полноценные археологические раскопки без привлечения специалистов естественных наук. Именно археометаллургические исследования должны пролить свет на многие проблемы бронзовой металлургии, в том числе такие, как пути импорта олова, тайны мышьяковистой бронзы и т.д.

На вечернем заседании большой интерес вызвал доклад президента Германского археологического института профессора *Г. Кириелайса* (Берлин) "Олимпия. Ранняя история святилища в свете новейших археологических открытий". Профессор *М. Корфман* (Тюбинген, Германия) представил доклад "Некоторые аспекты снабжения металлами бассейнов Черного и Эгейского моря во II тыс. до н.э.". По мнению докладчика, между странами Эгеиды и Причерноморья, а также Анатолии и Юго-Западной Европы существовали регулярные тесные связи, которые осуществлялись посредством Босфорского и Дарданельского проливов. Доклад профессора *А. Фуртвенглера* (Галле, Германия) касался итогов археологических разведок, проводимых грузино-германской археологической экспедицией в Восточной Грузии, в частности в Кахети. О памятниках позднебронзовой эпохи, выявленных в результате полевых исследований в Кахети, на Йорской возвышенности докладывал *К. Пицхелаури* (Тбилиси, Грузия).

1 мая состоялось выездное заседание в Мцхету. Участники конференции осмотрели древности Мцхеты, ознакомились с археологическими материалами из Мцхеты и ее окрестностей. Затем работа конференции была продолжена на археологической базе Центра археологических исследований в Душети, где члены археологической экспедиции Восточно-грузинского нагорья представили итоги многолетнего археологического изучения одного конкретного региона, а именно бассейна р. Арагви.

Напряженной была рабочая программа 2 мая. Профессор *А. Ларонд* (Париж, Франция) прочел доклад, посвященный вопросам реставрации базилики в Латруме (Ливия). Об итогах и дальнейших перспективах работ совместных грузино-великобританской экспедиции в Пичвнари и грузино-германской экспедиции в Гонио-Апсаре докладывал профессор *А. Кахидзе* (Батуми, Грузия). Доклад *Р. Бадаляна* (Ереван, Армения) и *А. Смита* (Чикаго, США) был посвящен памятникам эпохи поздней бронзы из Цаккаховита. Об основных этапах развития археологической науки в Азербайджане ознакомили собравшихся *Г. Исмаилзаде*, *А. Абассов* и *Г. Гошгарлы* (Баку, Азербайджан). Участники конференции с большим интересом выслушали доклад *С. Саджада* (Тегеран, Иран) о предварительных итогах изучения антропоморфных и зооморфных статуэток, происходящих из многослойного памятника раннебронзовой эпохи Шахре-э Сухте (Систан, Иран). Доклад *В. Личели* и *Р. Русишвили* (Тбилиси, Грузия) касался коллективного погребения XVI в. до н.э., недавно обнаруженного в Ацкури. В нем было обнаружено более 60 погребенных с многочисленным бронзовым и керамическим инвентарем, золотыми украшениями, обсидиановыми стрелами.

Итоги конференции были подведены академиком О.Д. Лордкипанидзе, высоко оценив результаты работы конференции, он наметил дальнейшие направления и перспективы развития грузинской археологии в начале XXI века, подчеркнул необходимость более широкого внедрения в археологические исследования достижений естественных наук. Так же значительное место в развитии современной археологии О.Д. Лордкипанидзе отвел исследованию проблем социальной эволюции, тем более, что по этой проблематике за последнее время накопилось много новых данных. Он поблагодарил участников конференции и выразил надежду, что подобные встречи будут способствовать взаимообмену опытом и расширению контактов между грузинскими и иностранными археологами[1].

Центр археологических исследований,
Тбилиси

Д. Миндорашвили

[1] 19 мая 2002 года, когда статья уже была готова для отсылки в редакцию, грузинскую археологию постигла невосполнимая утрата: неожиданно скончался основатель Центра археологических исследований и его бессменный руководитель, лауреат Гумбольдовской и Государственных премий, заслуженный деятель науки, академик Отар Давыдович Лордкипанидзе, человек, всю свою жизнь посвятивший развитию грузинской археологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДИТ	– Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии
АО	– Археологические открытия. М.
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВДИ	– Вестник древней истории
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМА МУ	– Государственный музей антропологии Московского университета
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
КМВ	– Казанский музейный вестник. Казань
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
МИГМ	– Музей истории г. Москвы
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МТИЛП	– Московский технологический институт легкой промышленности
НВФ	– Научно-вспомогательный фонд
НИИМКР	– Научно-исследовательский институт музейно-краеведческой работы
ОПИ ИА РАН	– Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
ПАВ	– Петербургский археологический сборник
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников. М.
СЭ	– Советская этнография
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТМАЭ	– Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
Тр.ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УдИЯЛИ	– Удмуртский Институт языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук
УЗ КБНИИ	– Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ФГУИКЗ	– Федеральное государственное учреждение "Историко-культурный заповедник Московский Кремль"
ЦАИ	– Центр археологических исследований г. Москвы
ЦНИИКП	– Центральный научно-исследовательский институт кожевенно-обувной промышленности г. Москвы
AJA	– American Journal of Archaeology
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris